ISSN 2072-8522

Вестник

Московского Государственного Областного Университета

Русская филология

№3/2009

Вестник

Московского государственного областного университета

СЕРИЯ «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

№ 3

Москва
Издательство МГОУ
2009

Вестник
Московского государственного
областного университета

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:
Пасечник В.В.–председатель ред. совета, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г.–зам. председателя ред. совета, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С.–доктор химических наук, профессор
Лекант П.А.–доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В.–директор издательства, доктор философских наук, доцент
Пусько В.С.–доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. - кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «Русская филология»:
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор)
Шаповалова Т.Е. – доктор филологических наук, профессор (зам. ответственного редактора)
Алексеева Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Аношкина В.Н. – доктор филологических наук, профессор
Копосов Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Леденёва В.В. – доктор филологических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 3. – 2009. – М.: Изд-во МГОУ. – 196 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5 и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г. и в редакции апреля 2008 г.). На сайте МГОУ информация о *статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей* находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2009
© Издательство МГОУ, 2009

Содержание

РУССКИЙ ЯЗЫК

АЛЕФИРЕНКО Н.Ф. Понятие синергетического пространства лингвокультуры 7
БУКАРЕНКО С.Г. Стереотипная сочетаемость подлежащих-хрононимов и именных сказуемых 12
БУКАРЕНКО С.Г. Основные типы доминирующей стереотипной сочетаемости подлежащего и сказуемого 17
ГЛАДЫШЕВ А.Г. Значение динамичности в глаголах интенсивного способа действия 22
ЗАМЯТИНА И.В. Причастие как двуприродная грамматическая форма 26
ЗАМЯТИНА И.В. Морфология полного страдательного причастия 31
ЛАВРЕНТЬЕВ В.А. Значение обобщенности лица 35
ЛОГИНОВ А.В. Синтаксическая организация функционально-семантической категории интеррогативности 40
ПРИГАРИНА Н.К. Тактика сопоставления как элемент аргументации судебной речи 46
СИМАШКО Т.В. Приметы как источник изучения свойств объектов мира 49
УСАЧЕВА О.Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации 55
ФАДЕЕВА Т.М. Сложный эпитет в языке произведений классицистов 65
ШИХОВА Т.М. Эврисемичность фразеологического значения: отражение в языке и речи 68
ЮЖАКОВА Ю.А. Структурно-семантические виды конструкций тождества в русском языке ..73

Публикации аспирантов

ИСАЕВА Н.В. Сложные наименования лиц по профессии в языке современной печатной рекламы 78
ЛЮТОВА Е.С. Средства выражения финитивного значения в безличном предложении 81
МЕЛЬНИЧЕНКО Н.П. Метафорические переносы при описании отрицательных эмоций в идиостиле Ф.М. Достоевского 85
МИШЛАНОВ В.В. Актуализация понятия процесса в русском языке 89
ОГОРОДНИКОВА Е.М. Реклама как форма массовой коммуникации 93
ПАПЯН Л.Ю. Смысл и языковые структуры в художественном произведении 100
ТАРАТИНСКАЯ Л.А. Качественные прилагательные и поэтика портрета в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» 103
ШАПОВАЛОВ И.С. Термин и реалия в романе Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада» 108

ЛИТЕРАТУРА

АБДУЛЛИНА А.Ш. Языковое своеобразие и особенности речевой организации произведений А. Генатулина 113
БАРАНОВА К.М. Идея предопределения и американская словесность XVII века 117
ГОРЛАНОВ Г.Е. Концепция мысли народной в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Бородино» ..122
ГОРЛАНОВ Г.Е. Антитеза как художественный прием в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Утес» 130
ЗОЛОТАРЕВ И.Л. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя 136
КИСЕЛЕВА И.А. О своеобразии патриотизма в русской поэзии 1830-х годов 140
КУЗИНА А.Н. Художественные функции природных образов и картин в повести В.Г. Распутина «Живи и помни» 144
ПАЛИЙ Е.Н. Русская салонная культура XIX века 152
СЕРАФИМОВА В.Д. В поисках констант бытия. «Лаз», «Предтеча», «Отставший» В. Маканина, «Новые Робинзоны (хроника конца XX века)» Л. Петрушевской 158
ШЛЁНСКАЯ Г. Два варианта первоначальной концовки рассказа «Пролётный гусь» 165
ШМЕЛЁВА А.В. А.С. Пушкин и славянофилы. О влиянии поэта на творческое самоопределение ранних славянофилов 168

Публикации аспирантов

КИСЛЯКОВА О.А. Византийская тема в творчестве Николая Полевого 175

ТРОФИМОВА П.В. Экспрессивный психологизм как художественное открытие М.А. Шолохова в романе «Тихий Дон» 179

РЕЦЕНЗИИ

ЩЕДРИНА Н.М. К 85-летию Виктора Петровича Астафьева 186

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА! К 80-летию со дня рождения к 55-летию научной и педагогической деятельности К 30-летию работы в МОПИ – МПУ – МГОУ Веры Николаевны Аношкиной (Касаткиной) 188

НАШИ АВТОРЫ 191

Contents

RUSSIAN LANGUAGE

N. ALEFIRENKO. Concept of lingvocultural synergetic space 7
S. BUCKARENKO. Stereotype combinability of subject-chrononims and nominal predicates 12
S. BUCKARENKO. Dominated stereotype subject-predicate combinability main types 17
A. GLADYSHEV. The meaning of the dynamics in the verbs of the action intensity 22
I. ZAMYATINA. Participle as a duo-natural grammar form 26
I. ZAMYATINA. Morphology of full Passive Participle 31
V. LAVRENTJEV. Meaning of generalization of person 35
A. LOGINOV. Syntactic organization of the functional and semantic category of intrrogativity 40
N. PRIGARINA. Tactic of comparison as element the argumentation of judicial speech 46
T. SIMASHKO. Signs sa a source of knowing objects in the word 49
O. USACHEVA. Looking at the genres of web-communication 55
T. FADEEVA. compound epithets in language of works of classicists 65
T. SHIKHOVA. Eurosemic phraseological me-aning: reflection in language and speech 68
Y. YUZHAKOVA. Structural-semantic kinds of designs of identity in Russian 73

Publication of post-graduate students

N. ISAEVA. The composite profession based of individuals in modern advertisements 78
E. LYUTOVA. Means of expression phasal meaning in impersonal mononuclear sentence 81
N. MELNICHENKO. Metaphorical description of negative emotions in the pencraft
of F. Dostoyevsky 85
V. MISHLANOV. Actualization of the verbal forms in the Russian language 89
E. OGORODNYKOVA. Advertising as a form of mass communication 93
L. PAPYAN. MEANING and lingustic structures In work of fiction 100
L. TARATINSKAYA. Qualitive adjectives and poetry of portrait in the novel
by F. Dostoevsky «Karamazov's brothers» 103
I. SHAPOVALOV. Term and realia in R. Sabatini's novel "Captain Blood" 108

LITERATURE

A. ABDULLINA. Language peculiarity and special features of speech organization
of A. Genatulin's Literary works 113
K. BARANOVA. The idea of providence and American literature of the 17th century 117
G. GORLANOV. The concept of folk thought in the poem "Borodino" written by M. Lermontov 122
G. GORLANOV. Antithesis as a fiction device in the poem "Cliff" written by M. Lermontov 130
I. ZOLOTAREV. The fantastic in «novels of St.Petersburg» N. Gogol's 136
I. KISELEVA. About the peculiarity patriotism in Russian poetry of 1830-th 140
A. KUZINA. Art functions of natural images and pictures in the story of century
Rasputin's «Live and remember» 144
E. PALIY. The Russian Culture Salon of the XIX Century 152
V. SERAPHIMOVA. In the search for constants of reality. «Trapdoor», «Forerunner»,
«Left behind» by V. Makanina, «The new Robinzons» by L. Petrushevskaya 158
G. SHLENSKAYA. Two variants of ending of «Goose of passage» 165
A. SHMELEVA. A. Pushkin and the slavophil. The aspect of the poet's influece on the
early slavophil's cretative self-definition 168

Publication of post-graduate students

O. KISLYAKOVA. The Byzantian theme in creativity of Nikolay Polevoy 175
P. TROFIMOVA. The expression psychology as art invention M.A. Sholohov novel
"Quiet flows the Don" 179

REVIEW

N. SHEDRINA. To Victor Petrovich Astafiev's 85 anniversary 186

SCIENTIFIC LIFE

To the 80 anniversary from the date of a birth to the 55 anniversary of scientific and pedagogical activity. To the work 30 anniversary in MOPI – MPU – MGOU Vera Nikolaevna Anoshkina (Kasatkina) 188

OUR AUTHORS 191

Русский язык

УДК 811.161.1'373.4

Алефиренко Н.Ф.

ПОНЯТИЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*

Аннотация: Специфика синергетического пространства лингвокультуры обусловливается тем, что оно конституируется наномасштабным множеством динамических компонентов и многообразных связей между ними. Органичность и многоаспектность такого рода взаимосвязей предопределена изоморфностью «сетевидной» организации системы языка и системы мышления. Сетевая организация семантического пространства лингвокультуры в некотором роде выстраивается по аналогии с «сетевидной» структурой всей жизнедеятельной системы человека. Такого рода системный изоморфизм обусловливается синергетическим принципом взаимодействия языка и культуры, обеспечивающим единую целостность жизнедеятельности человека как социокультурного феномена.

Ключевые слова: синергетика, лингвокультура, когнитивно-дискурсивный, концепт.

Человек, будучи сложнейшей синергетически целостной системой систем, причем систем разноаспектных и динамических – биологической, психической, социальной, культурной – находится с каждой из субсистем и со всеми ими вместе взятыми в постоянном взаимодействии [см.: 1: 48–49]. В этом контексте вполне допустимой и логически оправданной представляется наша гипотеза, согласно которой взаимоотношение человека с семантическим пространством лингвокультуры является таким же синергетически сложным и многоаспектным системным взаимодействием.

Столь вероятностная, хотя и имплицитно выраженная, сложность обусловливается тем, что синергетическое пространство лингвокультуры конституируется наномасштабным множеством достаточно мобильных компонентов и многообразных связей между ними. Более того, органичность и многоаспектность такого рода взаимосвязей предопределена изоморфной организацией анализируемой системы и её субсистем. Дело в том, что сетевая организация семантического пространства как бы наследует «сетевидную» структуру всей жизнедеятельной системы человека. Такого рода системный изоморфизм порождается ***синергетикой***, обеспечивающей единую комбинаторную жизнедеятельность человека как социокультурного феномена. Именно системная синергетика лежит в основе слаженной «работы» всего когнитивно-семиологического механизма: 1) актуализация любого элемента семантической сети автоматически приводит к выполнению функциональных «обязанностей» всех других элементов единой синергетической системы; 2) результаты синергетического взаимодействия человека с семантическими сетями, пройдя фильтрацию в кратковременной памяти, закрепляются в аналах ***памяти долговременной***.

Синергетическое взаимодействие, по определению основоположника синергетики Г. Хакена, – это «совместное действие многих подсистем, в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура и соответствующее функционирование» [2: 16].

Понятие взаимодействия в лингвокультуре разных ценностно-смысловых явлений существенно обогатилось за счёт включения в него таких синергетических процессов, как:

- нелинейной эволюции сложных динамических подсистем (языка, дискурса, культуры),
- явлений, вызываемых закономерной необходимостью или случайностью,
- процессов бифуркации (*бифуркация* – зона разветвления путей перехода системы в новое качественное состояние;

* © Алефиренко Н.Ф.

точка ветвления возможных путей эволюции системно организованного явления лингвокультуры),

▪ самообразование диссипативных структур (после завершения бифуркации возникновение из ранее неупорядоченных образований относительно устойчивых структур той или иной лингвокультуры). Диссипативность – особое динамическое состояние лингвокультуры в результате активного взаимодействия открытых неравновесных систем. Данное понятие охватывает динамику *самоорганизации сложных открытых неравновесных, неустойчивых, нелинейных* систем, которые *спонтанно*, путём *взаимодействия внутренних факторов* их эволюции создают в ходе бифуркаций качественно новые структуры лингвокультуры. Причём завершение бифуркационного перехода локальной системы в новое качество полностью исключает возможность её возвращения к прежнему состоянию. Процесс становится необратимым. Такие необратимые процессы и приводят к возникновению нового типа динамических состояний материи, названных И. Пригожиным *диссипативными структурами*. Так, слово *яблоко*, например, в первом значении – 'плод яблони' – лишено этнокультурного компонента. В составе же фраземы *яблоко раздора* оно, обогатившись дискурсивно-синергетическими смыслами, приобретает культурно значимое значение – 'то, что порождает ссору, раздор'. Обратный процесс лингвонезиса невозможен.

Культурно маркированное слово всегда несёт информационную синэргию. Даже если мы её не до конца осознаём, она подсознательно проявляется в сущностном и звуковом виде. С другой стороны, смысловое содержание концепта, обозначенного таким словом, также синэргетично (энергетика самого звукоряда, обобщённого образа предмета, дискурса, опыта и т.п.).

Синергетическое взаимодействие на современном этапе развития науки играет системообразующую роль главной основы постмодернистской концепции [3] лингвокультурологии – когнитивно-дискурсивной. Интегрируясь с другими динамическими процессами сложных систем, оно кладёт начало радикальному сдвигу лингвистического мышления от исследований статики состояния явлений лингвокультуры к постижению процессов их эволюционной динамики. В отличие от классических парадигм, теория синергетического взаимодействия нацеливает на исследование не столько устоявшего в лингвокультуре, а *становящегося*, не на бытие «культуры в языке», а на *динамику* процессов его эволюции. Такой подход, можно надеяться, позволит увидеть мир лингвокультуры из другой, динамической, системы координат.

Сетевой принцип присущ организации когнитивно-дискурсивных структур как в системе языка, так и в тексте, рассматриваемых в комплексе взаимодействующих языковых, внеязыковых и интеллектуальных факторов. В системе языка сетевой принцип лежит в основе организации словарного состава языка в целом и лексикона отдельной языковой личности. Ю.Н. Караулов относит лексикон к ассоциативно-семантическому уровню структуры языковой личности. В его концепции данный уровень представляет «ассоциативно-семантическую сеть с включенной в нее и в значительной мере лексикализованной грамматикой» [4: 87]. Такое понимание сетевой организации лексикона оказывается особо перспективным при когнитивно-семиологическом анализе функционирующего в дискурсе слова. Дело в том, что слово в дискурсе «живёт» не столько как языковой знак, кодирующий ту или иную информацию, сколько как «номинативная единица лексикона: компонент общей структуры памяти, связанный через свое лексическое значение с другими компонентами того же уровня ассоциативными связями и образующий семантическую сеть индивидуального лексикона» [5: 109]. Напомним, что в психолингвистике под индивидуальным лексиконом понимается невербализованная часть внутреннего лексикона человека в общей структуре его долговременной памяти.

Слово же, как оперативный элемент долговременной памяти, через своё лексическое значение находится в системно-ассоциативной связи с другими элементами того же уровня, образуя семантическую сеть индивидуального лексикона.

Семантическая сеть каждого языка плетётся посредством этнокультурной системы значений, свойственной каждому отдельному языку. Такой системно-синергетический принцип ассоциативно-смыс-

ловой организации семантической сети обеспечивает её доступность каждому носителю языка, несмотря на различия в их языковых компетенциях и в фоновых знаниях. Такая организация семантической сети предопределяет своеобразие предмета когнитивно-семиологического исследования. Для первой части когнитивной семиологии основополагающим является весьма ёмкое положение, сформулированное Н.Д. Арутюновой: «Теория значения, – пишет автор, – занята выяснением того, как язык структурирует и систематизирует внеязыковую данность, какие типы признаков (параметры объектов) в ней выделяет, какими средствами описания физического и духовного мира (материального и идеального) обладает и как его оценивает. В системе значений закреплены все те понятия, которые сложились у каждого народа в ходе его познавательной, трудовой, социальной и духовной активности» [6: 10–11]. Ассоциативно-смысловая структура семантической сети не только не противоречит, но и непосредственно проецирует необходимость второй части нашего подхода – семиологического анализа слова в дискурсе. Наоборот, когнитивно-семиологическая теория слова ориентирована на осмысление взаимосвязей системной и дискурсивной семантики культурно мотивированных номинаций.

Данная теория исходит из положения о том, что система значений конкретного языка благодаря своей ассоциативной организации (а) способствует адекватному пониманию и интерпретации концептуальной информации, передаваемой с помощью текста, и (б) обеспечивает стабильность языковой системы в целом [ср.: 7: 41]. В процессе выбора слова для построения вербальной формы текста активируется система значений языка, которая, в свою очередь, активирует лежащую в ее основе концептуальную сеть соответствующей культуры. В результате происходит ассоциирование фрагментов языковой и внеязыковой информации с конкретными лексическими единицами. А.М. Шахнарович выделяет в процессе вербализации понятийного содержания следующие этапы: «…между фрагментом действительности и отражающим его высказыванием лежит процесс структурирования действительности с особой целью – обозначить выделенные элементы ситуации при помощи языковых средств. Именно этот процесс и находится в основе овладения семантикой, формирования семантических структур. По всей видимости, этот процесс характерен и для порождения речевого высказывания» [8: 51].

На этапе вербализации, которая определяется как переход от коммуникативной потребности к тексту (Б.Ю. Городецкий), часть неязыковой информации ассоциируется в рамках соответствующего фрейма с языковой. Надо полагать, что механизмы, описанные А.М. Шахнаровичем, универсальны, т.е. присущи всем видам коммуникации: моноэтнокультурной, моноэтноязыковой и межъязыковой. Однако этого нельзя сказать о механизме семиологической интерпретации смыслового содержания слова, реализуемого в условиях разных дискурсов. Это объясняется тем, что дискурс – категория лингвокультурологическая [см.: 9: 9]. Семиологический анализ слова показывает, что разные «дискурсные идеологии» порождают разные аксиологические коннотации, в результате чего в семантике слова развиваются специфические культурно мотивированные семы. Причем в процессе такой культурно мотивированной номинации из общекультурного фонда соответствующий объект действительности выделяется классифицирующей деятельностью этноязыкового сознания не отдельного субъекта речи, а всем этнокультурным коллективом в ходе его исторического развития. В итоге семантика таких знакообозначений, несмотря на изначальную вариативность, в пределах одного и того же лексикона характеризуется инвариантной структурой.

Рассмотрим в качестве культурно мотивированной номинации такое «яркое» для русского лексикона слово, как ***хлеб*** и его производные ассоциативно-образного характера (*хлеб всему голова, хлеб-соль, хлебом не корми, перейти на свой хлеб* и т.п.).

Концепт “Хлеб” в русской лингвокультуре соотносится с мифологизированным фрагментом действительности. В основе мифа, как известно, лежит архетип – устойчивый образ, постоянно актуализированный в сознании каждого члена данного языкового сообщества и имеющий этнокультурную ценность. Пожалуй, наиболее мифологизированной лексемой в нашей этнокультуре является слово *хлеб*. Что же

дает мифологизация для когнитивно-семиологического осмысления этого слова? Видимо, в поисках ответа на этот вопрос следует разобраться в мифологизации как явлении этнокультуры. В теории В.Н. Топорова сущность мифологизация заключается в «создании наиболее семантически богатых, энергетичных и имеющих силу примера образов действительности» [10: 5].

Словарная дефиниция слова *хлеб*, его семантика в типовом лексиконе русского языка полностью совпадает с соответствующим описанием данного концепта в энциклопедии: «продукт питания, выпекаемый из муки». При этом сравнение словарной дефиниции с описанием концепта «Хлеб», составляющего экстралингвистический мотив данной номинации, в семантической структуре слова *хлеб* отсутствует смысловой признак оценочности, тогда как оценочность составляет неотъемлемую часть концепта «Хлеб» – важнейшей составляющей русской культуры. В содержание концепта «Хлеб» входит достаточно широкий спектр оценочных смыслов: ‘жизненная необходимость’, ‘важнейшее средство существования’, ‘источник жизненной энергии’ и т.п. Ассоциативное поле, сформированное в смысловом пространстве русской культуры или на ее фоне, почти незаметно восполняют дискурсивные смыслы, сконцентрированные между семантической структурой слова *хлеб* и смысловым наполнением одноименного концепта. Особенно явно эти смыслы эксплицируются в тех вторичных и косвенно-производных номинациях, в компонентный состав которых входит данная лексема. Ср. такие, например, вторичные номинации, как *хлéбы* – ‘печеный хлеб в той или иной форме (каравай, буханка, коврига и т.п.)’, *хлебá* – ‘злаковое растение, из зерен которого приготовляется мука’, *хлеб* – ‘заработок’. Косвенно-производные номинации имеют ярко выраженный дискурсивный смысл. Так, идиома *хлеб насущный*, восходящая к пословице, образованной на основе молитвы, приводимой в Новом завете, – из учения Иисуса о молитве: «*Хлеб наш насущный даждь нам днесь* (*Хлеб наш насущный дай нам на сей день*) (Мф., 6, 11) означает ‘необходимые средства для жизни, для существования, нечто существенное, исключительно важное, жизненно необходимое’; *на хлебах* у кого – устар. ‘получая за плату жилье и стол в чужой семье’, *хлебом не корми* кого – ‘ничего не надо кому-либо (только бы иметь возможность получить, осуществить желаемое). Выражение сильного пристрастия, желания, устремления и т.п.’; *сидеть на хлебе и <на> воде* – ‘жить впроголодь’, *садиться на хлеб и воду* – ‘лишить себя самого необходимого в еде; ограничивать себя в самом необходимом’, *сажать на хлеб и воду* кого – ‘наказывать голодом, лишением пищи, ограничением в пище’, *перебиваться с хлеба на квас* – ‘жить очень бедно, терпеть нужду, лишения’. *отбивать* [*перебивать*] *хлеб* у кого – ‘лишать кого-либо заработка или возможности заработка, берясь за эту же работу, дело, занятие и т.п.’, *хлеб да соль* – ‘приятного, хорошего аппетита! Пожелание тому, кого застали за едой’, *хлеб-соль* – ‘1) угощение, 2) заботы, попечение’, *водить хлеб-соль* с кем – прост. ‘находиться в приятельских, дружеских отношениях’, *хлеб-соль ешь, а правду режь* – ‘говори правду, ни на что не взирая’, *даром хлеб есть* – ‘жить напрасно, не принося никакой пользы’, *забывать хлеб-соль* чью, какую – ‘проявлять неблагодарность по отношению к тому, кто оказывал гостеприимство и расположение’; *хлеба не просит* – ‘что-либо не беспокоит и поэтому не стоит его лишаться’, *хлебное ремесло* (ср.: *И воровство ремесло (да не хлебное)* – ‘полезное и благородное занятие’; Наиболее значительными являются дискурсивные преобразования слова в составе пословиц. Ср.: устар. *Свой хлеб приедается; Чья земля, того и хлеб; Чья земля, того и городьба.*

Особенно значимы смысловые дискурсивно-синергетические компенсации, вместо утраченных системных значений, получают номинации, культурно мотивированные тем или иным дискурсивным содержанием книжного или публицистического характера. Ср.: *Хлеба и зрелищ!* (книжн. или публ.) – выражение из 7-й сатиры Ювенала (букв. *Panem et circenses* – «Хлеба и цирковых игр!), ставшее при императоре Августе кличем черни, жаждавшей лишь двух вещей – пищи и развлечений. В современном общении употребляется в дискурсе, требующем обозначения потребностей невежественных, недалеких людей, жаждущих лишь пропитания и низкопробных развлечений. Еще более глубинного дискурсивно-семиотического анализа требуют

устойчивые выражения, косвенно связанные с изначальным дискурсом. Таковым является фразеологизм *хлеба и масла вместо пушек!* – лозунг европейских пацифистов, антонимически отталкивающийся от милитаристского лозунга гитлеровской Германии *пушки вместо масла* [см.: 11: 525].

Итак, как показывает когнитивно-семиологический анализ, культурно мотивированная номинация *хлеб* выполняет несколько важных функций: а) выражает в лексиконе русского языка этнически уникальное значение, б) своей внешней формой ограничивает соответствующий ему смысл в дискурсе, в) соотносит каждое своё дискурсивное значение с уже существующей семиотической системой русской культуры.

Данный когнитивно-прагматический эффект также достигается при помощи «сетевидной» структуры этноязыкового сознания. Точнее, благодаря исторически сложившимся и социально одобренным в этой культуре ассоциативным связям концепта «Хлеб» и тем индивидуальным ассоциациям, которые создают образно-смысловое поле того или иного человека как члена данного этнокультурного сообщества.

Поскольку культурно мотивированная номинация синергетически опосредована соответствующей дискурсивной аурой, дискурсивное исследование позволяет проникнуть в когнитивную структуру данной номинации. Основным способом такого проникновения служит когнитивно-семасиологический анализ всех тех языковых средств, которые объективируют данную когнитивную структуру в тексте. Своеобразие лексического значения лексемы *хлеб* в рамках нормативного лексикона проецирует тот уникальный для русской культуры смысловой спектр, который разворачивается именно в дискурсе, благодаря актуализации потенциальных сем системного значения слова. По сравнению с ним употребление слова в художественном дискурсе провоцирует появление в его семантике дополнительного смыслового содержания.

При когнитивно-семиологическом подходе основным предметом лингвистических исследований становятся не отдельные лексемы с их системными значениями, а те синергетические потоки, которые выстраивают иерархию культурно мотивированных номинаций в целостной семантической сети соответствующего дискурса [12]. Факторами, определяющими статус культурно мотивированных номинаций в иерархии дискурсивных единиц, являются мотивы и установки субъектов речевого общения, оценка ими экстралингвистических условий коммуникации (познаваемой действительности, пресуппозиций, принятых в нашей культуре способов мифологизации отдельных объектов в рамках познаваемой действительности) [13]. Благодаря такого рода синергетитческим факторам, кодируемые в дискурсе объекты обретают статус инвариантных культурно мотивированных номинаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Васильев И.А. Взаимодействие человека со сложной динамической системой // Первая российская конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов / Казанский ун-т. – Казань, 2004. – С. 48–49.
2. Хакен, Г. Сирнергетика / Г. Хакен. – М., 1980.
3. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-синергетическое направление в современном лингвистическом постмодернизме // Международный конгресс по лингвистике: Сб. материалов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2008. – С. 606-608.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
5. Яценко Е.Ю. Культурологические механизмы адаптации концепта к лексической системе языка // Реальность, язык и сознание: Межвуз. сб. науч. трудов. – Тамбов, 1999. – С. 109–113.
6. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. – М., 1982. – С. 5-40.
7. Kiklevicz A. Znaczenie i konceptualizacja w semantyce kognitywnej / A. Kiklevicz // Prace jęnzykoznawcze. VI. – Olsztyn, 2004. – S. 41-58.
8. Шахнарович А.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики / А.М. Шахнарович, И.М. Юрьева. – М., 1990.
9. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания. Сб. докладов. – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 9–18.
10. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995.
11. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мо-

киенко, С.Г. Шулежкова. – М., 2000.
12. Алефиренко Н.Ф. Когнитивные основания лингвосемиозиса // Kritik und Phrase. Festschrift fur Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von P. Deutschmann. – Wien (Австрия): Praesens Verlag, 2007. – S. 379-395.
13. Slawincki J. Dzelo. Jenzyk. Tradycja / J. Slawincki. – Warszawa, 1974.

N. Alefirenko

CONCEPT OF LINGVOCULTURAL SYNERGETIC SPACE

Abstract: Specificity of lingvocultural synergetic space is conditioned by its nanoscale structure of multitude of dynamic components and multiform connections among them.

Seamlessness and many aspects of such correlations are predetermined by isomorphism of netstructural organization in linguistic system and thinking system. Netstructural organization of lingvocultural semantic space can be formed by the analogy with the netformed structure of all vital functions system. Such systemic isomorphism is conditioned by the synergetic principle of linguistic and cultural interaction which ensures the integrity of vital functions as sociocultural phenomenon.

Key words: synergy, lingvoculture, cognitive, discursive, concept.

УДК 811.161.1'367.323.1

Букаренко С.Г.

СТЕРЕОТИПНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ПОДЛЕЖАЩИХ-ХРОНОНИМОВ И ИМЕННЫХ СКАЗУЕМЫХ*

Аннотация: Статья посвящена анализу стереотипной сочетаемости подлежащих-хрононимов и именных сказуемых, проявляющейся при направленной ассоциативной реакции. Рассматриваются доминирующие способы выражения связки и присвязочной части указанного сказуемого.

Ключевые слова: подлежащее, стереотипная сочетаемость, ассоциативная реакция, именное сказуемое.

Сопоставляя категории времени и пространства, В.С. Юрченко отметил: «... одномерное время является более простой и, следовательно, более фундаментальной категорией, чем трехмерное пространство» [1]. Поэтому закономерно, что исследованию времени как фрагменту языковой картины мира посвящено значительное количество лингвистических работ (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, М.В. Всеволодова, В.Г. Гак, Анна А. Зализняк, Н.В. Ивашина, Д.Г. Ищук, Ю.Д. Караулов, А.П. Клименко, Е.В. Ковалевский, Г. Крейдлин, Е.С. Кубрякова, Л.Н. Михеева, А.А. Новожилова, Е.В. Падучева, Н.Н. Певцова, М.В. Пименова, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.). Однако стереотипная сочетаемость подлежащих-хрононимов (П) и сказуемых (СК), проявляющаяся при мгновенной реакции, ещё не рассматривалась. Поэтому предлагаемая статья посвящена данной проблеме.

Для исследования стереотипной сочетаемости П-хрононимов и именного СК использован материал, полученный в результате направленного ассоциативного эксперимента. Испытуемым-филологам предлагались П-стимулы, в том числе и П-хрононимы, с просьбой мгновенно назвать к ним СК. Для функции П-стимула были подобраны наиболее частотные хрононимы.

Известно, что объем хрононимов достаточно велик: только к лексической основе русского языка отнесено более 80 темпоральных существительных [2]. Из них, по данным частотного словаря, в первую сотню высокочастотных существительных входят три хрононима: *время, год, день* [3]. С учетом данных указанных двух словарей для функции П-стимула были отобраны как наиболее частотные, называющие: 1)

* © Букаренко С.Г.

метрические отрезки (*год, месяц* [4], *неделя, час, минута, секунда*, а также примыкающие к ним *мгновение, миг*); 2) временные циклы (*весна → лето → осень → зима; утро → день → вечер → ночь*); 3) последовательность внутри цикла (*июль, сентябрь, октябрь; понедельник, четверг, суббота*); 4) временные отрезки относительной хронологии (*прошедшее, будущее*); 5) время как родовое понятие (*время*) и некоторые др. Однако верно отмечается: «Для нас ещё более важно не только темпоральное обозначение, закрепившееся в лексической единице имени, прежде всего, конечно, имени существительного, но и стоящее за ним, заключенное в нем уже сформировавшееся представление о временной мере, лишь отраженное в языковом знаке, в именной номинации» [5]. В это представление входит ещё и то нечто, которое проявляется, в частности, при мотивации П-хрононимом сочетаемости с ним определенного типа СК, особенно при мгновенной реакции. Анализ перечисленных хрононимов в функции П, показал, что они легко мотивируют сочетаемость с ними СК.

П-хрононимы в зависимости от того, обозначают они точные количественные единицы (метрические отрезки) или качественные (остальные), обусловливают ту или иную особенность сочетания с ними СК.

В основе названного деления П-хрононимов лежит принцип естественности/искусственности выделения единиц времени. Единицы времени, выделенные в природе, т.е. естественным образом, названы в данной работе П-хрононимами качественного типа; выделенные человеком условно, т.е. искусственно и формирующие метрическую систему, – точного количественного типа.

К П-хрононимам качественного (природного) типа относятся, например, времена года (*лето, осень, зима, весна*), часть суток (*день, вечер, ночь, утро*) и др. Временную «линейку», закономерно сформировавшуюся в мышлении человека на основе наблюдений за качественными изменениями в природе [6] и абстрагирования, можно назвать качественной, в которой минимальное деление *миг, мгновение* и максимальное – *вечность*.

К П-хрононимам точного количественного (искусственного) типа относятся, например: *секунда, минута, час, неделя* и др. Временную «линейку» для такого измерения можно назвать количественной. Её «единицы» не опираются на качественные изменения в окружающей природе. Пределы хрононимов (как минимальный, так и максимальный) в принципе беспредельны и раздвигаются с расширением знаний человека.

Независимо от того, принадлежит П-хрононим к качественным (например, П *Утро*) или точным количественным единицам времени (например, П *Год*), регистрируется сочетаемость с ними и глагольного, и именного СК:

Утро *наступило 38,5; наступает 8,7; настало 8,2; начинается, пришло 4,6; настает,* ***ясное 2,6;*** *приходит, встает, началось 2,1; красит,* ***прекрасно, раннее****, встало 1,5; занимается, поет, рассветает,* ***хмурое, свежо****; рассвело, прошло 1,0; светится, брезжит, озаряет, кончается, ободряет, приближается, просыпается, говорит, будит, стоит, наступит, придет, улыбалось,* ***вешнее, свежее, солнечное, прекрасное, сырое, туманное, было раннее, было солнечное, было прекрасным, было ранним, прелесть*** *0,5.*

Год *прошел 42,5; проходит 11,9; идет 10,7; наступил 5,4; закончился, кончился, начался 2,3; летит 1,9; истек, пролетел, бежит 1,5; пришел, кончается 1,2; пробежал, промчался, пройдет, продолжается, наступает, длится,* ***високосный*** *0,8; миновал, тянется, находится, движется, настал, заканчивается, окончился, промелькнул, подошел, мелькает, минул, минует, ушел, уходит,* ***юбилейный, новый, длинный, долгий, полный, целый, прошлый, 2007-ой 0,4.***

Как видно, в любом случае глагольное СК преобладает по сравнению с именным. Однако при вторых как более конкретных именное СК употребляется, естественно, чаще, чем при вторых как более отвлеченных. Так, при П ***Утро*** именные СК составляют 13,1 % (см. в приведенной последовательности: ***ясное 2,6; прекрасно, ранее 1,5; хмурое, свежо 1,0; вешнее, свежее, солнечное, прекрасное, сырое, туманное, было раннее, было солнечное, было прекрасным, было ранним, прелесть 0,5***), при П ***Год*** – всего 3,6% , т.е. в 3,6 раза меньше (***високосный 0,8; юбилейный, новый, длинный, долгий, полный, целый, прошлый 0,4***).

Наличие в целом небольшого количества именных СК при любом П-хронониме отражает отсутствие внимания к признакам, обозначаемым данным типом СК. На фоне такой общей установки тем более требуют внимания те признаки, которые все-таки зафиксированы при мгновенной реакции с помощью именного СК. Причиной этого должно быть осмысление их особой значимости. Чтобы выявить эти признаки и особенности их осмысления, надо рассмотреть способы выражения связки и присвязочной части таких именных СК.

Экспериментальный материал показал, что при П-хрононимах связка именного СК, как правило, представлена нулевой формой связки *быть*, которая является точкой отсчета во всех видах типовых значений [7]. В единичных случаях она зафиксирована в форме настоящего времени *есть* (***Суббота*** *есть выходной 0,6*) и в форме прошедшего (***Утро*** *было раннее 0,5; было солнечное 0,5; было прекрасным 0,5*) при полном отсутствии форм будущего времени. Показательно, что отсутствуют связки, обозначающие нечто *неполное* или в плане фазы (фазисные значения становления, изменения и пр.), или в плане полноты познания (модальные значения мнимости др. и логические значения подобия и пр. [8]). Как представляется, это можно объяснить автоматическим представлением при мгновенной реакции стандартной (эталонной) ситуации, где нет места этапу: здесь все завершено, ибо является итогом и в развитии признака, и в познавательном процессе.

Присвязочная часть выражается только 4 частями речи: существительным, прилагательным, причастием, числительным. Местоимения-СК в такой функции не наблюдаются, хотя при П, обозначающих животных, артефакты, встречается употребление притяжательных местоимений-СК *мой* (как правило) и *наш* (единично). Отсутствие такого СК-реакции показывает, что время доминирующе осознается как никому не принадлежащее, хотя вне стереотипной сочетаемости такое употребление возможно: *Нечего распоряжаться чужим временем: это время* ***не твое, а мое***. Как представляется, несколько чаще притяжательные местоимения используются при хрононимах в функции определения: ***Мое/наше/твое*** и т.д. *время пришло*.

Из зафиксированных и перечисленных способов выражения присвязочной части мгновенно реализуемого СК по частотности выстраивается последовательность, в которой первое место принадлежит прилагательному, затем следует существительное, причастие, числительное.

Рассмотрим подробнее стереотипную сочетаемость П-хрононимов и именных СК, выраженных прилагательным.

С П-хрононимами, обозначающими естественно выделяемые отрезки времени, сочетаются не только качественные, но и относительные прилагательные-СК, исключая притяжательные: ***Пора*** *осенняя 12,5; школьная 12,5; юная 6,3; зимняя 6,3; поздняя 6,3; весенняя 6,3* и т.д. Однако относительные прилагательные-СК составляют весьма небольшое количество по сравнению с первыми, безусловно, доминирующими. Более того, используемые при П-хрононимах прилагательные-СК имеют тенденцию быть осмысленными в значении качественных.

Внимание именно к качественным признакам можно объяснить тем, что они обозначают собственные признаки предмета, а не приписываемые ему относительно других предметов и выражаемые с помощью относительных и притяжательных прилагательных. Благодаря этому познаваемый предмет описывается качественным прилагательным-СК изолированно от других предметов, чем концентрируется внимание только на нем одном.

П-хрононимы мотивируют прилагательные-СК (прил.-СК) следующих лексико-семантических групп:

1) длительность протекания (14 прил.-СК при 26 П: при каждом новом прил.-СК новым считалось и П в силу образования сочетания): а) длительно (долговременно): ***бесконечно:*** *Мгновение 2,8;* ***безграничен:*** *Будущее 4,8;* ***вечен:*** *Вечность 5,4; Будущее 2,4; Миг 1,9;* ***не вечен:*** *Вечность 8,3;* ***долгий:*** *Мгновение 2,8; Момент 2,6; Минута 2,1; Год 0,4;* ***долог:*** *Ночь 2,7;* ***большой:*** *Миг 1,9;* ***длинный:*** *Дни 2,3; Год 0,4;* б) недлительно (кратковременно): ***короткий:*** *Дни 14,0; Секунда 5,0;* ***короток:*** *Неделя 3,9; Ночь 2,7; Дни 2,3;* ***краток:*** *Миг 3,7; Мгновение 2,8;* ***короче:*** *Дни 4,7; стали короче 4,7;* ***недолог:*** *Миг 1,7;* ***маленький:*** *Секунда 5,0;* ***мал:*** *Минута 2,1;*

2) скорость протекания временного отрезка (7 прил.-СК при 10 П): а) очень

большая: ***молниеносный:*** *Миг 1,9;* ***молниеносно:*** *Мгновение 2,8;* ***мгновенное:*** *Мгновенье 2,8;* б) большая: ***быстрый*** [9]*: Секунда 15,0; Минута 2,1; Час 0,5;* ***быстр:*** *Миг 1,9;* ***быстротечный:*** *Мгновение 5,6; Неделя 2,0;* ***мимолётный:*** *Миг 1,9;*

3) освещенность (6 прил.-СК при 8 П): ***светлый:*** *День 2,9;* ***ясный:*** *День 2,9; Утро 2,6;* ***белый:*** *День 2,9;* ***солнечный:*** *День 2,9; Утро 0,5; было солнечным 0,5;* ***темный:*** *Ночь 8,1;* ***темен:*** *Ночь 16,2;*

4) относительное время (5 прил.-СК при 8 П): ***ранний:*** *Утро 1,5; было раннее 0,5; Час 0,5;* ***поздний:*** *Пора 6,3; Лето 2,6; Час 0,5;* ***прошлый:*** *Год 0,4;* ***обеденный:*** *Час 0,5;* ***вешний:*** *Утро 0,5;*

5) насыщенность водой (5 прил.-СК при 6 П): ***сырой:*** *Утро 0,5;* ***туманный:*** *Утро 0,5;* ***туманен:*** *Будущее 4,8;* ***хмурый:*** *Утро 1,0;* ***свежий:*** *Утро 1,0;* ***свеж:*** *Утро 1,0;*

6) интеллектуально-логическая оценка (5 прил.-СК при 8 П): ***хороший:*** *Будущее 4,8; День 2,9;* ***отличный:*** *Будущее 2,4;* ***плохой:*** *Прошлое 3,0; Будущее 2,4;** ***красный:*** *Лето 5,3;* ****красен:*** *Лето 2,6; Весна 2,4;*

7) температурный признак (5 прил.-СК при 11 П): ***холодный:*** *Зима 4,8; Осень 3,3;* ***холоден:*** *Ночь 5,4;* ***прохладен:*** *Ночь 2,7;* ***жаркий:*** *Июль 24,0; Август 9,7;* ***теплый:*** *Июль 8,0; Вечер 4,4; Август 3,3; Сентябрь 2,7; Лето 2,6;*

8) степень пространственной удаленности (4 прил.-СК при 5 П): ***близкий:*** *Будущее 2,4;* ***ближайший:*** *Будущее 2,4;* ***далекий:*** *Прошлое 6,1; Будущее 4,8;* ***недалек:*** *Час 0,5;*

9) отличительность временного отрезка (4 прил.-СК при 4 П): ***юбилейный:*** *Год 0,4;* ***новый:*** *Год 0,4;* ***високосный:*** *Год 0,8;* ***знатный:*** *Лето 2,6;*

10) эстетическая оценка (4 прил.-СК при 8 П): ***прекрасный:*** *День 2,9; Утро 0,5; было прекрасным 0,5;* ***прекрасен:*** *Июль 4,0; Вечер 2,2; Утро 1,5;* ***чудесный:*** *Мгновение 2,8; Миг 1,9;* ***чудесен:*** *Момент 2,6;*

11) отнесенность ко времени года (4 прил.-СК при 3 П): ***Пора*** *осенняя 12,5; зимняя 6,3; весенняя 6,3;*

12) производимое на человека впечатление (3 прил.-СК при 5 П) ***светлый:*** *Будущее 7,1; Прошлое 3,0;* ***темный:*** *Прошлое 3,0;* ***страшный:*** *Прошлое 3,0; Будущее 2,4;*

13) исчерпанность (3 прил.-СК при 3 П): ***целый:*** *Год 0,4;* ***полный:*** *Год 0,4;* ***последний:*** *Минута 2,1;*

14) отнесенность к определенному периоду жизни человека (3 прил.-СК при 2 П): ***Пора*** *школьная 12,5; юная 6,3*

15) цвет (2 прил.-СК при 2 П) ***золотой:*** *Осень 13,3; Сентябрь 2,7;* ***багряный:*** *Осень 3,3;*

16) степень известности (2 прил.-П при 2 П): ***неясен:*** *Будущее 2,4;* ***неизвестный:*** *Будущее 4,8;*

17) степень приятности для человека (2 прил.-СК при 2 П): ***приятен:*** *Момент 2,6;* ***гадкий:*** *Момент 2,6;*

18) степень неизбежности (неконтролируемости) (2 прил.-СК при 2 П): ***неизбежен:*** *Момент 2,6;* ***роковой:*** *Час 0,5;*

19) оценка относительно обычности (нормы) (2 прил.-СК при 2 П: ***странный:*** *Миг 1,9;* ***загадочный:*** *Прошлое 3,0;*

20) занятость человека в указанное время (2 прил.-СК при 2 П): ***рабочий:*** *Суббота 0,6;* ***свободный:*** *Суббота 0,6;*

21) степень истинности (1 прил.-СК при 1П): ***истинный:*** *Момент 2,6;*

22) степень интереса для человека (1 прил.-СК при 1 П): ***интересен:*** *Будущее 2,4;*

23) степень ожидаемости (1 прил.-СК при 1 П): ***долгожданный:*** *Момент 2,6;*

24) степень исключительности (1 прил.-СК при 1 П): ***единственный:*** *Миг 1,9;*

25) наличие/отсутствие звука (1 прил.-СК при 1 П): ***глухой:*** *Ночь 8,1;*

26) сохранность (1 прил.-СК при 1 П): ***жив:*** *Прошлое 3,0;*

27) сопутствующее явление (1 прил. СК при 1 П): ***плодовитый:*** *Август 3,2;*

28) наполненность (1 прил-.СК при 1 П): ***полон:*** *Зима 2,4;*

29) неповторяемость (1 прил.-СК при 1 П): ***Миг*** *единственный 1,9;*

Приведенный список показывает, что при П-хрононимах, предложенных в эксперименте, в ситуации мгновенной реакции были употреблены прилагательные-СК 29 лексико-семантических групп. Однако наиболее частотны и универсальны по сочетаемости с разными П-хрононимами прилагательные-СК, принадлежащие только к группе «Длительность протекания единицы времени» (см. список). Эти прилагательные-СК используются при П, обозначающих как количественно точные единицы времени (***Минута*** *долгая 2,1;* ***Год*** *долгий*

0,4; ***Секунда*** *короткая 5,0; маленькая 5,0; мала 2,1;* ***Неделя*** *коротка 3,9*), так и качественные (***Мгновение*** *долгое 2,8;* ***Момент*** *долгий 2,6;* ***Миг*** *краток 3,7;* ***Вечность*** *бесконечна 2,8;* ***Будущее*** *вечно 2,4*).

К лексико-семантической группе «Длительность протекания единицы времени» примыкает по частотности группа «Скорость протекания единицы времени». Прилагательные-СК этой группы также сочетаются с П-хрононимами, обозначающими как количественные, так и качественные единицы времени: 1) ***Секунда*** *быстрая 15,0;* ***Минута*** *быстрая 2,1;* ***Неделя*** *быстротечная 2,0;* 2) ***Миг*** *мимолетен 1,9;* ***Мгновение*** *молниеносно 2,8* и др.

Прилагательные-СК остальных лексико-семантических групп значительно менее частотны. Они представлены следующим образом: «Освещенность», «Относительное время», «Насыщенность водой», «Интеллектуально-логическая оценка», «Температурный признак», «Степень пространственной удаленности», «Отличительность», «Эстетическая оценка» и др. (см. перечень, приведенный ранее). Понятно, что в структуре СК перечисленные признаки закономерно мотивируются П-хрононимами, обозначающими только качественные единицы времени.

Таким образом, параметры описания качественных единиц времени в отличие от точных количественных весьма многоаспектны. В полученном экспериментальном материале они обусловили 27 лексико-семантических групп СК. П же, обозначающих точные количественные единицы времени, – только 3: «Длительность протекания» (***Минута*** *мала*) ‘скорость’ (***Минута*** *быстрая*) и «Исчерпанность» (***Год*** *целый, полный*). Если П со значением точных количественных единиц времени всё же сочетаются с прилагательными-СК «не своей» лексико-семантической группы, значит, произошла утрата значения точной единицы времени. Так, в ***Час*** *обеденный* слово *час* не обязательно выражает ‘60 минут’ и может переходить из группы количественных единиц в качественные со значением ‘время’, ‘пора’ (*время обеденное, пора обеденная*).

Количество возникающих при мгновенной реакции на П-хрононимы лексико-семантических групп прилагательных-СК позволяет судить о степени чёткости или размытости образа той или иной единицы времени в модально-временном аспекте языковой картины мира. Как было сказано, при количественных П-хрононимах были употреблены прилагательные-СК только 3 указанных групп, а при качественных почти в 10 раз больше – 27. Следовательно, можно предположить, что образ точной количественной единицы-хрононима в «застывшей» модально-временной языковой картине мира по сравнению с образом качественной является более одноплановым, а значит, более чётким, как это и положено эталону-стандарту.

Четкость образа количественных единиц-хрононимов подтверждается также величиной разрыва между количеством употребления вершинного прилагательного-СК и количеством последующих. Так, при П *Секунда* вершинное прилагательное-СК *быстрая* составляет 15,5% , а последующее *короткая* – в три раза меньше. При П же *Миг* и вершинное прилагательное-СК почти в 5 раз ниже, чем при П *Секунда,* и разрыв с последующими прилагательными-СК менее резкий: ***Миг*** *краток 3,7; недолог 1,9; быстр 1,9; мимолетен 1,9; молниеносный 1,9; большой 1,9; вечен 1,9; чудесный 1,9; странный 1,9; единственный 1,9.* Поэтому образ секунды в русской языковой картине мира можно считать более четким, а образ мига – более размытым.

Размытость образа качественных хрононимов проявляется также в противоречивости мгновенной оценки: ***Вечность*** *не вечна 8,3* ***и*** *вечная 5,4;* ***Минута*** *долгая 2,1* ***и*** *мала 2,1;* ***Миг*** *вечен 1,9* ***и*** *недолог 1,7;* ***Будущее*** *хорошее 4,8* ***и*** *плохое 2,4*: ***Момент*** *приятен 2,6* ***и*** *гадкий 2,6* и др.

Всё сказанное позволяет предположить наличие не только общего, но и отличного в осмыслении носителями русского языка качественных и количественных хрононимов-П, что выявляется при мгновенной стереотипной сочетаемости с ними СК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Юрченко В.С. Космический синтаксис. Бог. Человек. Слово. Лингво-философский очерк. – Саратов, 1992. – С. 19.
2. Лексическая основа русского языка. Комп-

лексный учебный словарь. – М., 1984. – С. 281.
3. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н.Засориной. – М., 1977. – С. 929.
4. При мгновенной реакции на П Месяц возникают СК, реализующие в 56,8% его значение как ‘небесное светило’ (Месяц светит 14, появился 2, взошел 2, скрылся 1, плывет 1, вышел 1, начинает 1, ясный 1) и в 43,2% – как ‘отрезок времени’ (Месяц идет 5, начался 4, прошел 3, пролетел 3, не кончился 1, кончился 1, проходит 1, настал 1).
5. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира. – Иваново, 2003. – С. 137.
6. В этом плане интересен афоризм: Одна природа неизменна, но и та имеет свои: весну, лето, зиму и осень... (Козьма Прутков. Сочинения).
7. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 150–152.
8. Лекант П.А. Указ. соч. – С. 150.
9. Варбот Ж.Ж. Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира) // Славянское языкознание. X11 Международный съезд славистов. Краков. – М., 1998. – С.116 – 129.

S. Buckarenko

STEREOTYPE COMBINABILITY OF SUBJECT-CHRONONIMS AND NOMINAL PREDICATES

Abstract: The article is devoted to stereotype subject-predicate combinability arising at direct associative reaction. Bundle and attached to a link verb part of the pointed predicate dominated ways of expression are considered

Key words: subject, stereotype combinability, associative reaction, nominal predicates.

УДК 811.161.1’367.332.1

Букаренко С.Г.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ДОМИНИРУЮЩЕЙ СТЕРЕОТИПНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО*

Аннотация: В статье высказана гипотеза о принадлежности четырех типов доминирующей стереотипной сочетаемости подлежащего и сказуемого двусоставного предложения к основным. Показана необходимость обращения к направленному ассоциативному эксперименту для решения поставленной проблемы.

Ключевые слова: подлежащее, сказуемое, стереотипная сочетаемость, ассоциативный эксперимент.

Исследование основных типов доминирующей стереотипной сочетаемости подлежащего (П) и сказуемого (СК) с целью выявления основных её типов является весьма важным, ибо фиксирует вершину в иерархии, отражая тем самым наиболее значимое для носителей того или иного языка, а потому сохраняемое в языковой памяти. Как отмечено Т.М. Николаевой, «...приписывая предметам окружающего мира те или иные объективно присущие им свойства, человек демонстрирует свое небезразличие к этим свойствам – посредством иерархии в приписывании этих признаков» [1]. При этом надо подчеркнуть, что исследование стереотипной сочетаемости П и СК позволяет выявить приписывание свойств не просто предметам окружающего мира, а тем, которые находятся в фокусе внимания. Так, А.А. Кибрик полагает, что «славянское подлежащее...,вероятно, связано с фокусным вниманием» [2].

Выявление доминирующей стереотипной сочетаемости возможно на основе соответствующего материала. Им не могут быть извлечения из художественных текстов в силу их установки на авторскую оригинальность. Поэтому стереотипность, вне особой идейно-художественной задачи, «противопоказана» таким текстам. Разнотипность сочетаемости, например, слова-П *Дождь* и СК, зафиксированная в извлечениях из художественных произведений, легко подтверждает это: *Пусть меня, старого пса, вора ... здесь* ***дождь по-***

* © Букаренко С.Г.

топит... (М. Горький. Дед Архип и Ленька); С самой зари ***дождь не переставал;*** Но для охотника ***дождь*** – *сущее* ***бедствие*** (И. Тургенев. Живые мощи)...; ***Дождь*** почему-то долго ***не начинался*** (А. Чехов. Степь); И еще *тише* ***стал дождь; Дождь*** опять ***стал примолкать; Дождь*** вот ***не снарядился бы; Дождь,*** проходящий через нее [тьму], казалось, ***мог быть*** только ***черным*** (В. Распутин. Век живи – век люби); *Косой* ***дождь сёк*** *лицо* (М. Булгаков. Записки на манжетах); *В Москве* ***шёл дождь*** (В. Перуанская. Неделя в августе); ***Дождь летит*** *по непонятной кривой* (Р. Рождественский. Осенью); ***Дождь идет****, как вчера* (Р.Рождественский. Надоело...) и др.

Сказанное объясняет отказ от извлечений из художественных, публицистических и других текстов. В качестве материала для анализа был выбран материал, полученный в результате направленного ассоциативного эксперимента. Испытуемым-филологам предлагалось в достаточно быстром темпе, чтобы не было времени на обдумывание, П (стимул) с просьбой мгновенно назвать к нему СК (реакцию) [3]. Например: ***Дождь...***→ *идет;* ***Картина...***→ *висит;* ***Лодка...***→ *плывет;* ***Москва...***→ *- столица;* ***Гагарин...***→ *космонавт;* ***Волга...***→ *река;* ***Огурец***→ *зеленый;* ***Угол...***→ *острый;* ***Небо...***→ *голубое;* ***Точка...***→ *поставлена;* ***Вес...***→ *взят;* ***Путь...***→ *пройден* и т.п.

Функция рассмотренных сочетаний П и СК как стереотипизмов заключается, думается, в использовании сохраняемой ими информации в качестве нормы-эталона, относительно которой автоматически происходит оценка тех или иных воспринимаемых или создаваемых сочетаний П и СК. Так, авторскую оригинальность сочетаний ***Дождь*** *плачет,* ***Гром*** *рассердился* мы воспринимаем на основе подспудного соотнесения со стереотипным, мгновенно возникающим ***Дождь*** *идет,* ***Гром*** *гремит.*

В результате проведенного направленного ассоциативного эксперимента было получено 42 289 СК в качестве реакции на 740 П.

Несмотря на расхождения в ответах-СК на одно и то же П, достаточно резко выделяется вершинная доминирующая стереотипная сочетаемость. Так, из 206 полученных случаев сочетаемости П *Голова* и СК почти 60 % приходится на сочетаемость *Голова болит.* После этой вершины сразу же следует типичный резкий спад по частотности. На втором месте находится сочетаемость *Голова думает,* но количество случаев использования её составляет всего 6,3% . Далее количественный контраст ещё более усиливается. Ср.: ***Голова болит 121****; думает 13; кружится 12; работает 8; идет (кругом), вымыта 3; лежит, закружилась, вертится, поседела, шумит, ясная 2; устала, оторвалась, поникла, качалась, стоит, светлая, качается, болела, повернулась, глупа, полысела, открыта, думала, разболелась, заболела, опустилась, свалилась, опущена, вскружилась, была больна, умная, соображает, большая, не соображает, прошла, разбитная, поумнела, наклонилась, висит, сидит, видна, трещит, забита, пустая 1.* См. аналогичную контрастность также в других случаях:

Место занято 37*; находится 19; освободилось 9; выбрано 5; пустует, пропало, осталось, было, найдено 3; опустело, убрано, расположено, свободно, удобное, запомнилось, прогорает, красит 2; ждет, не ждет, кончается, определяется, остается, пустеет, расчищается, знакомит, уходит, болит, есть, горит, начинается, стоит, виднеется, освобождается, сохранилось, прилипло, ушло, определилось, подошло, вспомнилось, занялось, отобрано, подобрано, обозначено, забыто, залито, утеряно, потеряно, изучено, заезжено, видно, не занято, знакомо, красивое, красиво, было свободно, удачное... 1.*

Москва – столица 95*; стоит 20; строится 8; река 6; шумит, город 5; живет, любовь(моя) 3; златоглавая, горела, прекрасна, расположена, цветет 2; велика, не верит, возникла, кипела, горит, красавица, сгорела, создавалась, красна, говорит, хорошеет, празднует, находится, лежит, сияет, красива, приглашает, великая, хорошая, росла, приближалась...1.*

Семантика вершинных сочетаний П и СК сводится к 4 основным типам, обнаруживая то, что мы считаем нужным познать в первую очередь и сохранить в памяти как значимую информацию о мире.

Это установление следующих доминирующих стереотипных отношений:

1) между предметом и его действием (П + глагольное СК):. ***Голова*** *болит*;

2) между предметом и его качественным признаком (П + именное СК с присвязочной частью, выраженной качественным

прилагательным): ***Сторона** чужая*;

3) между предметом и признаком как результатом «чужого» (инородного) воздействия (П + именное СК с присвязочной частью, выраженной страдательным причастием): ***Место** занято*;

4) между предметом и его родовой отнесенностью (П + именное СК с присвязочной частью, выраженной существительным): ***Москва** – столица*.

Представленная последовательность построена по принципу от наиболее частотно используемых доминирующих стереотипных отношений к наименее. Первое место по частотности, как видно, занимают сочетания, отражающие доминирующие стереотипные отношения между предметом и его действием (П + глагольное СК), которые составляют более 80%. П и глагольное СК фиксирует то, на что чаще всего направлен взгляд познающего, и отражают такую ситуацию: «...выдвижение предмета, находящегося в фокусе визуального интереса (и, в частности, «киновзглядом»), имеет определенные соответствия с репрезентациями на поверхностном уровне высказывания наиболее активного – с точки зрения говорящего – участника денотативной ситуации в позиции подлежащего (именительный падеж) при глаголе в активной форме [4].

Полученные на основе направленного ассоциативного эксперимента данные о преобладании отношений, в формировании которого участвует глагол и прилагательное, совпадают с наблюдением В.Г. Гака над предложениями *человек идет, собака бежит, рыба плывет, птица летит, змея ползет, дом стоит, шкаф стоит, книга лежит* и др. Он отметил: «Слова, обозначающие такие «нормальные», устойчивые признаки и проявления предметов, можно назвать специализированными (обычно это ***глаголы*** или ***прилагательные***) [5 – выделено мною. – С.Б.]. Однако, как показал экспериментальный материал, помимо глаголов и прилагательных (при существенном преобладании глаголов) на уровень представления типичных признаков функции СК выходят ещё страдательные причастия и существительные.

Рассмотрим, какие сочетания доминируют в каждой из перечисленных 4-х типов групп.

Первый тип – тип установления доминирующих стереотипных отношений между предметом и его действием (П + глагольное СК). В этом типе преобладают те, которые включают глаголы-СК движения. Наиболее частотным является *идти* и его производные. Причем из всех глаголов-СК движения доминируют обозначающие только 3 (т.е. не все) фазы движения.

На первом месте глаголы-СК движения, описывающие движение вне начальной и конечной точки, т.е. в срединной фазе, приобретающей вневременное значение. Они мотивируются преобладающим большинством существительных-П разного типа: ***Человек** идет*, ***Время** идет*, ***Фильм** идет*, ***Война** идет*, ***Трамвай** идет*, ***Дождь** идет* и т. д. При этом важно отметить, что животные, обитающие в воде, зафиксированы в языковой памяти как движущиеся только в этой фазе: ***Рыба** плывет*, ***Акула** плывет*, ***Кит** плывет*, ***Медуза** плывет* и т.д. При таких П на уровень вершинных по частотности не выходят, например, глаголы-СК прибытия (******Рыба** приплыла*) или убытия (******Рыба** уплыла*).

На втором месте по частотности употребления находятся глаголы-СК прибытия. Они мотивируются уже сравнительно узким кругом семантических групп существительных-П: 1) наименование лиц, связанных родственными или дружескими отношениями: ***Гость** пришел*, ***Друг** пришел*; 2) наименование времен года: ***Весна** пришла*, ***Осень** наступила*; 3) наименование положительных состояний человека: ***Счастье** пришло*, ***Радость** пришла*. Приведенные примеры показывают, что семантика фазы прибытия совмещается, как правило, со значением прошедшего времени совершенного вида. Но обычно при указании на лицо, включающем известную степень неопределенности, значение фазы прибытия совмещается со значением уже будущего времени, причем тоже совершенного вида: ***Кто-нибудь** придет*, ***Кто-либо** придет*.

На третьем месте находятся глаголы СК-движения, фиксирующие фазу прохождения сквозь зону познающего/говорящего лица. Они мотивируются существительными-П двух семантических групп:

1) наименование временных отрезков: ***Минута** прошла*, ***Секунда** прошла*, ***Год** прошел*, ***Месяц** прошел;* 2) наименование отрицательных (т.е. уже не положительных) физических или душевных состояний человека: ***Боль** прошла*, ***Краснота** прошла*,

***Чернота** прошла, **Грусть** прошла, **Печаль** прошла.*

Как видно по приведенным примерам, семантика ‘прохождение сквозь’ также совмещается со значением прошедшего времени совершенного вида.

В том, что отрицательные явления обычно осознаются как проходящие, а положительные как приходящие (ср.: ***Грусть** прошла, **Печаль** прошла* , но ***Счастье** пришло, **Радость** пришла*), можно видеть одно из проявлений оптимистичного восприятия действительности носителями русского языка.

Все сказанное о вершинных сочетаниях П и глаголов-СК движения позволяет высказать следующее предположение: мы прочно храним в памяти информацию о том, *где и когда* (в каком месте траектории и в каком отрезке времени) *что* обычно движется. Для каждого «предмета» фиксируется его типичное место-фаза. Следовательно, в языковой картине мира отражается, а в нашей памяти сохраняется *упорядоченность* в восприятии движения, хотя она и вероятностного характера.

Второй тип – тип установления доминирующих стереотипных отношений между предметом и его качественным признаком (П + именное СК с присвязочной частью, выраженной качественным прилагательным). В данном типе преобладают те, в которых прилагательные относятся только к 5 определенным семантическим группам. Семантика этих групп показывает, какие именно качественные признаки предмета являются для носителей русского языка наиболее значимыми. По убывающей частотности последовательность этих групп следующая:

1) размер – 35,1% случаев сочетаемости (доминирует *большой: Размер **большой**; Нос **большой***);

2) эстетическая оценка – 24,7% (доминирует *красивый: Руки **красивые***);

3) интеллектуально-логическая оценка 21,2% (доминирует *хороший: Это **хорошо***);

4) цвет – 12,9% (доминируют *белый, зеленый, красный: Снег **белый**, Огурец **зеленый**, Нос **красный***)

5) форма – 7,1% (доминирует *круглый: Колено **круглое**, Дата **круглая***).

Показательно, что эта последовательность по частотности такая же, как и последовательность пяти приближенных к определяемому слову семантических групп неоднородного ряда, описывающих «собственные», относительно постоянные, устойчивые для предмета качественные признаки. Так, при прямом порядке следования неоднородный ряд прилагательных в принципе может быть представлен следующим образом: *большой красивый /хороший/ красный круглый* (стол). В нем также сначала идет прилагательное со значением размера, затем оценки, цвета и замыкает прилагательное со значением формы.

Таким образом, оказывается, что чем частотнее при мгновенной ассоциации семантическая группа прилагательных (следовательно, и значимей), тем далее она отстоит от определяемого существительного в структуре неоднородного ряда. Такая зависимость представляется возможной, если допускать обратимость предикативного признака, выраженного прилагательным, и непредикативного [6] при одном и том же П, а в неоднородном ряде видеть нанизывание «бывших» предикативных признаков в последовательности, определяемой их иерархической значимостью. Эта иерархическая значимость определяется необходимостью частого обращения к познанию признака той или иной семантической группы.

Однако указанная зависимость распространяется не на все семантические группы членов неоднородного ряда. Те семантические группы, которые следуют за семантической группой ‘размер’, т.е. после пяти перечисленных групп (вспомним предел оперативной памяти, определяемый как 7+/–2), выявленной соотносительности уже не имеют. Они крайне редко употребляются в функции СК при мгновенной реакции на П. Речь идет о трех семантических группах, которые могут быть представлены, например, как *все семь наших (столов)* и под. Они обозначают уже не «собственные» признаки предмета или их оценку. Они фиксируют «несобственные», а потому переменные для него признаки: принадлежность *(наши)*, количество *(семь)*, степень охвата как целого *(все)*, среди которых порядок также отражает иерархию по значимости. Как «несобственные», относительно переменные, они максимально удалены от определяемого слова и следуют только после пяти указанных групп. В речевой прак-

тике нанизывание ещё этих трех групп на предшествующие пять не осуществляется в силу приближения в этом случае к максимальному пределу оперативной памяти – 9, см. 7+/–2. Но в их следовании за этими пятью группами (по отношению к опорному существительному) легко убедиться на основе реально употребляемых неоднородных рядах: *все семь наших* ***больших*** *(столов), все семь наших* ***красивых*** *(столов), все семь наших* ***хороших*** *(столов), все семь наших* ***красных*** *(столов), все семь наших* ***круглых*** *(столов).* Это дает возможность теоретически построить следующий неоднородный ряд: ***все семь наших*** *больших красивых /хороших красных круглых (столов).* Последовательность в нем, как было сказано, отражает частотность употребления в СК данных групп при мгновенной реакции на П: возрастание номера в порядке следования первых пяти от определяемого слова отражает повышение частотности и ранга значимости семантической группы, возрастание номера последних трех, наоборот, – снижение частотности и ранга значимости.

Таким образом, можно предположить, что стереотипные сочетания П и именного СК по частотности (а следовательно, и значимости для носителей языка) связаны между собою особыми «парадигматическими» отношениями, которые проявляются в синтагматических отношениях в виде последовательности членов неоднородного ряда.

Третий тип – тип установления доминирующих стереотипных отношений между предметом и признаком как результатом «чужого» (инородного) воздействия (П + именное СК с присвязочной частью, выраженной страдательным причастием). Такой тип составляет менее 5%. Основную массу составляют такие сочетания, в которых причастия-СК обозначают признак как результат не созидания, а разрушения. Они регулярно мотивируются существительными-П со значением ‘часть целого’, что закономерно. Часть воспринимается прежде всего как результат фактического или мысленного «разрушения» целого. В их круг входят существительные-П, обозначающие:

1) части тела: ***Кости*** *сломаны;* ***Нога*** *сломана, растянута 1;* ***Палец*** *порезан 1;* ***Крыло*** *сломано 10,4:* ***Перья*** *выщипаны* 2,7.

2) единицы измерения: ***Километр*** *пройден;* ***Литр*** *выпит;*

3) части растений: ***Цветок*** *сорван;*

4) части артефактов: ***Половина дома*** *разрушена* и т.д.

При обозначении существительным-П не части, а целого, являющегося результатом деятельности человека, естественно, мотивируются причастия-СК со значением созидания: ***Комната*** *убрана*, ***Дом*** *построен,* ***Город*** *построен*. Однако на уровень вершинных по частотности они обычно не выходят.

Четвертый тип – тип установления доминирующих стереотипных отношений между предметом и его родовой отнесенностью (П + именное СК с присвязочной частью, выраженной существительным). Преобладают сочетания, в которых существительное-СК обозначает родовое понятие: ***Чайковский*** *– композитор,* ***Гагарин*** *– космонавт,* ***Волга*** *– река,* ***Жучка*** *– собака.*

Такова гипотеза о принадлежности перечисленных четырех типов доминирующей стереотипной сочетаемости П и СК двусоставного предложения к основным. Они, как представляется, отражают необходимый минимум информации о языковой картине мира, которая сложилась и отшлифовалась в результате длительной и тщательной селекции, связанной с отбором для прочного запоминания прежде всего наиболее типичной, значимой и исходно достаточной базы сведений об окружающей действительности. Это сочетания П и СК являются закрепленными в памяти ответы (и сохраняемые в качестве таковых) на 4 познавательных самовопроса: 1) *что делает предмет?* 2) *каков качественный, т.е. собственный, признак предмета?* 3) *что сделано с предметов, т.е. каков его уже не собственный, а «навязанный» признак?* 4) *что такое предмет?* Чёткость и системность параметров, с которыми подходят носители русского языка к познанию мира, думается, не позволяет говорить о представлении мира носителями русского языка как хаотичного. Последнее иногда утверждается на основе свободного порядка слов в предложении (см. подробнее в [7]), ведущее к предположению, «что на психологическом уровне это сформирует следующую специфику осмысления мира: укорененное в бессознательном слое ощущение мира как образования без четко проработанной и всеобъемлющей структуры»

(см. подробнее в [8]). Выявление же основных типов доминирующей стереотипной сочетаемости П и СК показывает, что носители русского языка, скорее всего, подходят к миру как к структуре, для познания основного в которой достаточно познать прежде всего базовый минимум для сохранения в памяти как минимальной, но обязательной по своей сущности информации об окружающей действительности. Поэтому, думается, можно говорить об эталонно-минимальной языковой картине мира, модально-временной аспект которой формируется четырьмя типами доминирующей стереотипной сочетаемости П и СК двусоставного предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Николаева Т.М. Качественные прилагательные и отражение «картины» мира //Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. – М., 1983. – С. 235, 236.
2. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу//Вопросы языкознания. – М., 1994, №5. – С. 126-139.
3. Зарубина Н.Д., Леонтьев А.А. О методике составления ассоциативного словаря //Словарь ассоциативных норм русского языка /Под ред. А.А. Леонтьева. - МГУ, 1977. – С. 54.
4. Твердохлеб О.Г. Фокус интереса и «киновзгляд»//Текст. Структура и семантика. Доклады VII Международной конференции. - М., 2001. - С. 350.
5. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М., 1977. С. 21.
6. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.,2004. С. 41
7. Мельникова Алла. Язык и национальный характер. - Санкт-Петербург, 2003. С. 117.
8. .Мельникова Алла. Указ. соч. – С.117.

S. Buckarenko

DOMINATED STEREOTYPE SUBJECT-PREDICATE COMBINABILITY MAIN TYPES

Abstract: Four types of dominated stereotype subject-predicate combinability belonging to the main types in two-member sentences is hypothesized. Necessity of reference to the directed associative experiment for the posed problem solution is shown.

Key words: subject, predicate, stereotype combinability, associative experiment.

УДК 811.161.1’367.625

Гладышев А.Г.

ЗНАЧЕНИЕ ДИНАМИЧНОСТИ В ГЛАГОЛАХ ИНТЕНСИВНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ*

Аннотация: Неотъемлемой частью динамики действия является его интенсивность. Глаголы интенсивного способа действия обладают значением динамичности, которое формируется определенными словообразовательными формантами. Характерной особенностью глаголов этой группировки является высокая степень интенсивности действия. Актуализация динамики наблюдается в синтагматике.

Ключевые слова: динамичность, интенсивность, способ действия, словообразовательный формант, семантика.

Среди характеризованных способов глагольного действия выделяется интенсивный способ действия. Словообразовательные аффиксы придают дополнительный оттенок интенсивности общей семантике глаголов данной группировки. Интенсивность является неотъемлемой частью динамики, характеризуется низкой, средней (близкой к норме) и высокой степенью. А.В. Бондарко в интенсивном способе действия выделяет несколько оттенков:

1. «Действие, выходящее за пределы обычного»

2. «Результативность действия», осложненная крайней полнотой и интенсивностью;

3. Действие, вызывающее пресыщение;

* © Гладышев А.Г.

4. Действие, вызывающее исчерпанность

5. «Завершение предшествующих длительных усилий» [1].

Похожие характеристики дает глаголам этого способа действия и Н.С. Авилова, однако не считает возможным делить способы действия на характеризованные и нехарактеризованные; рассматривает глаголы с некоторыми другими формантами, не отмеченными А.В. Бондарко в этой группировке. В выявлении значения динамичности у глаголов такого типа это не имеет решающего значения, во-первых, потому, что в обоих случаях рассматриваются глаголы, обладающие словообразовательными формантами, а во-вторых, оттенки их значения характеризуются архисемой «интенсивность» с некоторыми отличительными особенностями и имеют общее значение нарастания.

Глаголы этого способа действия образуются с помощью тех или иных аффиксальных формантов, которые вносят в семантику глагола определенное значение, в частности, значение интенсивности действия в высокой степени. Средняя (близкая к норме) или низкая степень интенсивности действия у глаголов этой группировки не наблюдается.

Глаголы, обозначающие действие, которое выходит за пределы обычного, характеризуются наличием приставки *за-* и постфикса *-ся*. Приставка *за-* образует глаголы со значением ‘доведения действия до излишества, до крайней степени’[2]. Подобную характеристику таким глаголам дает и Н.С. Авилова, отмечая в их семантике «оттенок полноты, излишества действия для субъекта действия» [3]. Эти признаки, излишество и полнота, характеризуют действие, обозначаемое глаголом, как динамичное. Подтверждение этому находим у В.В. Виноградова, который отмечает еще и «всецелую погруженность в действие большой интенсивности» [4]. Причем не только в семантике глагола обнаруживается значение динамичности, но и в синтагматике могут быть выявлены средства, подчеркивающие, актуализирующие это значение. *Павел Алексеевич, я* ***заждалась*** *вас; Ну, иди, иди...****Заждались*** *тебя...* (Л. Улицкая). Обстоятельства, выраженные наречиями меры и степени, наречиями времени, актуализируют значение динамичности. *...дорога в Малаховку была неблизкая,* ***засиживался*** *он в лаборатории* ***допоздна*** *и ночевал иногда по московским квартирам друзей* (Л. Улицкая). *Первым делом достал из кармана «брегет», положил перед собой и* ***так*** *им* ***залюбовался****, что у Фандорина возникло сомнение, удастся ли совершить обратный обмен часами, когда надобность в конспирации отпадёт* (Б. Акунин). Так, обстоятельства, выраженные наречиями *допоздна, так*, дополнительно указывают на то, что действие вышло за пределы допустимого, проявилось еще интенсивнее.

Глаголы с приставкой *на-* и постфиксом *-ся* обозначают такое интенсивное действие, которое приводит к удовлетворенности и пресыщенности, к новому состоянию или другому действию, так как с помощью этого форманта образуется глагол со значением ‘полной завершенности действия’ [5]. Тот же оттенок в семантике таких глаголов выявляет и Н.С Авилова. Интенсивность, приводящая к пресыщенности и полной завершенности действия, является показателем его динамичного развития, изменений во времени и приложения усилий в осуществлении. *То-то во рту привкус, будто леденцов* ***наелся****; А тем, что* ***налакался****, молокосос, – решительно повел дело на скандал Ипполит, которого старик назвал «графом»* (Б. Акунин). *Весь день они были заняты только переживаниями, и Толя Александров по этому поводу* ***напился****, что само по себе было не страшно ...* (Л. Улицкая). Для глаголов этого способа действия также типичным является сочетание с обстоятельствами, имеющими значение высокой степени: *сильно, от души, до изнеможения* и т.п.

Интенсивность и длительность действия, обозначаемые глаголами с приставкой *у-* и постфиксом *-ся*, приставкой *из-(ис-)* и постфиксом *-ся*, приводят к внутренней исчерпанности субъекта. Приставка *у-* образует глагол со значением ‘достижения чего-нибудь’ [6], *из-(ис-)* ‘исчерпанность, полноту проявления действия’ [7], а глаголы, образованные с помощью всего форманта, обозначают не только достижение, но и напряженность и нарастание интенсивности в стремлении действия к пределу, высшей точке его развития. Глаголы с приставкой *у-* и постфиксом *-ся* относятся к просторечным, имеют сниженную стилистическую окраску и обладают большой экспрес-

сивностью, что служит дополнительным средством создания динамичности. *Кто быстро бегает, тому сроку в лагере не дожить – **упарится**, свалится; **Ухайдакался** бы сам на каменной кладке – небось бы тихо сидел* (А. Солженицын). *Японец, надевший две пары шерстяного белья, ватные штаны, валенки с галошами, волчью шубу и лисий малахай, **весь упарился*** (Б. Акунин). *«**Изнервничался** старик», – подумал Борменталь, а Швондер, сверкая глазами, поклонился и вышел* (М. Булгаков). Характеристика таких глаголов, данная Н.С. Авиловой, также позволяет определить их как глаголы со значением динамичности. Эти форманты образуют глаголы со значением «предельной полноты становления состояния субъекта действия», «интенсивной невозможности продолжения действия» [8]. К предельности и невозможности продолжения действия приводит именно динамичное развитие ситуации, поэтому эти признаки, касающиеся сферы субъекта действия можно считать дополнительными признаками динамичности, заключенной в значении глагола. В.В. Виноградов определяет значение таких приставок как выражающих «крайнюю степень проявления действия, предельную полноту, исчерпанность» [9].

Актуализаторами значения динамичности также выступают обстоятельства, выраженные наречиями меры и степени, местоимением *весь*, с которыми сочетаются эти глаголы. Местоимение *весь* подчеркивает динамику, так как указывает на то, что субъект полностью подвергается воздействию в результате длительного и энергичного действия.

Длительные временные усилия, что характерно для значения динамичности, обозначают глаголы с приставкой *до-* и постфиксом *-ся*. Разновекторная направленность таких действий, положительная или отрицательная, по-разному влияет на динамику: *добудиться и доиграться, дозваться и добегаться*. Действие, «чрезмерность которого приводит к отрицательным последствиям» [10], характеризуется большей степенью динамичности именно вследствие его сверхинтенсивности. В обоих случаях действие приводит к какому-то результату и присутствует приложение энергии и изменение во времени. *Шутка ли: простой хожалый, а **дослужился до генерала**, начальника петербургской уголовной полиции – всё благодаря природной смекалистости и бульдожьей хватке* (Б. Акунин). *Василиса сделала все по слову своей наставницы: похоронила, **дождалась сорокового дня** и поехала* (Л. Улицкая). *Не выдержали нервы, как говорится, и Римский **не дождался окончания** составления протокола и бежал в свой кабинет* (М. Булгаков). В.В. Виноградов отмечает, что «приставка *до-* сочетает значение времени и степени <...>, та же приставка вместе с *-ся* (тоже в соответствии с производными формами несовершенного вида) служит для обозначения доведения действия до отрицательного или абсурдного результата» [11]. Степень проявления действия, его изменение во времени – обязательные признаки динамичности. В зависимости от форманта, присоединяемого к простому глаголу (в этом случае *до-* и *-ся*), интенсивность действия как составляющая динамики характеризуется высокой степенью. По замечанию Н.С. Авиловой, такие аффиксы «дают интенсивный сдвиг значению простого глагола» [12].

Значением динамичности обладают глаголы и с другими словообразовательными формантами: приставками *вы-*, *про-*, приставкой *от-* и постфиксом *-ся*, *раз- (рас-)* и *-ся*, *с-* и *-ся*, *при-* и *-ся*. Такие глаголы в целом обозначают действие интенсивное, тщательное, усилительное, направленное на достижение результата. Стремление действия к результату, к крайней точке своего развития, несомненно, является признаком динамичности, так как предполагает обязательное изменение во времени, приложение энергичных (или не энергичных) усилий, в зависимости от характера действия низкой, средней или высокой степени его проявления. Сочетаемость с обстоятельствами меры и степени и другими параметрическими компонентами актуализирует значение динамичности. *Вернувшись с обеда, Кондратий Кондратьевич **сжалился** над сыном Альбиона; Он привстал, гаркнул на притомившегося буланого, и тот, качнув косматой башкой, **расстарался** – запустил дробной рысью* (Б. Акунин). *А комната маленькая, все сразу **прислушиваются** – кто пришел, зачем пришел; Можно б и **смиловаться**, дать ему, шакалу, да уж он сегодня подстреливал, Шухов видел* (А. Солженицын). *Затем он еще раз на всякий*

случай навертел на телефоне номер Степиной квартиры, ***прислушался*** *и радостно и таинственно замигал и загримасничал; Но тут флибустьер* ***сжалился*** *над ним и погасил свой острый взор* (М. Булгаков).

М.А. Шелякин такие глаголы относит к способам действия предельных глаголов русского языка. Они «обладают дополнительными аспектуально-акциональными признаками» [13]. В частности, значение динамичности могут выражать некоторые специально-результативные способы действия.

Глаголы интенсивно-качественного способа действия, выражающие «высокую степень интенсивности действия, проявляющуюся в квантификации качества результата» [14]. Приставка *на-* у глаголов этого способа действия формирует значение высокой степени проявления действия, его большого количества. *Уголь* ***накалился помалу****, теперь устойчивый жар дает* (А. Солженицын). Тем не менее такие глаголы могут сочетаться с обстоятельствами, указывающими на постепенность в проявлении действия в процессе достижения результата, что является особенностью некоторых глаголов несовершенного вида. Интенсивно-качественный способ действия обычно выражается глаголами совершенного вида, также образуются имперфективные формы с конкретно-процессным значением, которое может отражаться при такой сочетаемости и в перфектных.

Глаголы интенсивно-усилительного способа действия, выражающие «достижение высокой степени в развитии интенсивности действия» [15]. Приставка *раз-* у глаголов этой группировки указывает на усиленное, напряженное проявление действия. *Сам мистер Стар пожаловал. Пускай полюбуется, как Чёрные Платки ему вагон* ***разукрасили****; Кирилла была в своей обычной рясе. Не* ***нарядилась****, не* ***разукрасилась****, но чёрную тряпку с глаз сняла* (Б. Акунин). *В больнице он* ***сильно растолстел****, и ему теперь больше требовалось* (Л. Улицкая).

Глаголы интенсивно-процессного способа действия, к которому «относится ряд глаголов речевого воздействия с приставкой *вы-*, выражающих интенсивно-процессное осуществление действия исходного глагола» [16]. Приставка *вы-* обозначает исчерпанное действие, достижение чего-нибудь. Семантика исчерпанности и достижения не мешает охарактеризовать такие глаголы, как глаголы, обладающие общим значением динамичности, так как именно приставка указывает на напряженность и приложение усилий со стороны субъекта действия. *Павлу Алексеевичу перед самым выходом на пенсию удалось* ***выхлопотать*** *однокомнатную кооперативную квартиру в новом академическом доме – для Томы* (Л. Улицкая). *Кильдигс только два года, но уже все понимает: не* ***выкусишь*** *– не* ***выпросишь*** (А. Соженицын).

Отмеченные глагольные группировки относятся к количественно-результативным способам действия. Среди них особого внимания заслуживает тотальный способ действия, «выражающий крайнюю степень интенсивности действия» [17]. Значение динамичности характеризуется интенсивностью, ее нарастанием или убыванием, степенью проявления, и по этим признакам группировки глаголов как количественно-результативного, так и качественно-результативного способов, в зависимости от семантических и формальных показателей, можно распределить на градационной шкале и выявить различную степень динамичности действия.

Значение динамичности и значение статичности противопоставлены друг другу, но в то же время взаимосвязаны. В зависимости от семантики языковой единицы, например, глагола, сверхинтенсивное действие может привести к определенному состоянию, которое будет характеризоваться стабильностью, а следовательно, обладать значением статичности. Наиболее существенным необходимо считать выявление дифференциальных признаков динамичности и статичности.

Основными признаками статичности являются:

1. Неизменяемость во времени.

2. Отсутствие приложения энергии.

3. Указание на свойство или постоянство отношения.

Динамичность имеет противоположные характеристики:

1. Обязательное изменение во времени.

2. Непрерывное приложение силы.

3. Неабстрагированность от непосредственного протекания во времени.

Несомненно, что от категории вида

зависит значение динамичности и статичности в глагольной сфере. Вид глагола тесно связан с его лексическим своеобразием. Глаголы совершенного и несовершенного вида обладают разной сочетаемостью с обстоятельствами, актуализирующими значение динамичности и статичности. Это позволяет рассматривать динамику и статику не только в значении глагола, но и на уровне синтагматики, в частности, в простом предложении. В лингвистике выделяются и соответствующие типы простых предложений, например, акциональные или бытийные. Такое деление базируется на семантике главного члена, выраженного глаголом. Соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых является одним из аспектов при анализе значения динамичности и статичности в сложном предложении. Различные средства выражения этих значений на разных языковых уровнях предполагают полевую структуру, а значит, динамичность и статичность – категории функционально-семантические. Ядром поля динамичности можно считать глагол, а в поле статичности, глагол, вероятно, находится на периферии, так как обладает общекатегориальным значением процесса или действия в широком понимании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967. – С. 18 – 19.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С.169.
3. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М. 1976. – С.303.
4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 421.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С. 316.
6. Там же. – С. 712.
7. Там же. – С. 206.
8. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976. – С. 303, 305.
9. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 421.
10. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967. – С. 19.
11. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 421.
12. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976. – С.302.
13. Шелякин М.А. Категория вида и способы глагольного действия (теоретические основы). – Таллин, 1983. – С. 183.
14. Там же. – С. 185.
15. Там же. – С. 185.
16. Там же. – С. 186.
17. Там же. – С. 185.

A. Gladyshev

THE MEANING OF THE DYNAMICS IN THE VERBS OF THE ACTION INTENSITY

Abstract: An integral part of an action dynamics is its intensity. The verbs of the way of the action dynamics have the meaning of the motion, which is formed by the definite word-formative means. The main peculiarity of the verbs of this group is a high level of the intensivity of action. The dynamics actualization can be seen in sintagmatics.

Key words: dynamics, intensity, the way of the action, word-formative mean, semantics.

УДК 811.161.1’367.625.43

Замятина И.В.

ПРИЧАСТИЕ КАК ДВУПРИРОДНАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА*

Аннотация: В статье рассматривается грамматический статус причастия в связи с общей проблемой выделения частей речи.

Ключевые слова: причастие, грамматическая форма, признаковость, процессность.

Говоря о частеречной принадлежности причастия, нельзя не обратиться к истории их классификации. Классификация слов, выделение каких-то групп, по замечанию В. Алпатова, «в античной науке оказалась самой детальной» [1].

Самой абстрактной была классификация частей речи у Аристотеля – он выделял имена, глаголы, частицы. Стоики создали

* © Замятина И.В.

более детальную классификацию, и именно основателями школы стоиков был введён термин «причастие» (metoxe) (3 в. до нашей эры). Окончательный вид античная система частей речи приобрела у учёных Александрийской школы, «современная терминология восходит к Александрийской системе» [2].

В рамках этой же школы, в грамматике Дионисия Фракийского (170-190 до нашей эры) причастие было выделено как особая часть речи. Александрийцы выделяли восемь частей речи: имя, глагол, *причастие*, наречие, местоимение, предлог, союз, артикль (член). Грамматисты Александрийской школы считали, что всякая часть речи отличается «акциденциями», то есть признаками, под которыми понимается то, что сейчас принято называть лексико-грамматическим категориями [3].

Эта система была перенята римлянами, которые вместо артикля включали в систему частей речи междометие. Главным критерием выделения частей речи в античных грамматиках был морфологический. Римский грамматист Варрон предложил строгую схему признаков, по которым выделялись части речи: имена – слова, которые изменяются по падежам, глаголы изменяются по временам, *причастия по падежам и по временам*, наречия никак не изменяются.

Эта классификации стала основой позднейших европейских классификаций. До XVI––XVII она оставалась неизменной, а потом подверглась изменениям и дополнениям – в качестве самостоятельной части речи было выделено имя прилагательное, позднее – имена числительные и частицы, а причастие стало исключаться из состава самостоятельных частей речи. В русистике старая точка зрения на самостоятельность причастия высказывалась и в XIX, и в XX веках.

М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» 1755 года выделил восемь частей речи, выделенных в античную эпоху у Дионисия Фракийского и Варрона – имя, местоимении, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие. Внутри именной системы М.В. Ломоносов выделил «собственно имя», прилагательное, числительное. Первым в русской лингвистике имя прилагательное как самостоятельную часть речи выделил А.Х. Востоков, один из русских основателей сравнительно-исторического языкознания, и он же включил в систему прилагательного *причастие*.

В наше время дискуссии о составе частей речи не утихают. В.В. Виноградов отмечал, что в грамматике современного русского языка имеется множество противоречий и разногласий – больше, чем в других науках, и на это есть две причины, первая – плохая изученность грамматического строя русского языка, вторая – отсутствие прочных теоретических основ, отсутствие «определения или точного описания основных грамматических понятий, особенно понятий слова и предложения» [4].

Категория частей речи является центральным элементом грамматической системы любого языка, по крайне мере, языка флективного или агглютинативного типа. Части речи – самые обширные классы слов языка, традиционно они могут выделяться на основании трёх признаков: а) на основании обобщённого грамматического значения; б) на основании общих морфологических признаков и общности парадигмы; в) на основании общих синтаксических функций. Первые два признака – главные, так как обладают категориальным содержанием и информацией о грамматическом наполнении слова, не исключая те формы, которые имеют синкретичный набор морфологических признаков и которые не могут быть однозначно квалифицированы. Традиционная русская грамматика, сложившаяся под влиянием грамматик античных и западноевропейских, насчитывает от восьми до десяти частей речи (классификация В.В. Виноградова включает части речи, три класса слов он относит к «частицам речи», ещё два класса слов не относятся ни к первому, ни ко второму разряду). «Бесспорными» частями речи, теми, которые имеют чёткое категориальное значение и строго очерченный набор морфологических категорий, являются имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие. В некоторых концепциях отказывалось в праве на частеречный статус служебным частям речи, в настоящее время подвергается сомнению «отдельность» местоимений и числительных. Кроме того, постоянным «камнем преткновения» являются части речи / не части речи *причастие, деепричастие и категория состояния*.

«Имя существительное, имя прилага-

тельное, глагол и наречие являются *основными частями речи и основными грамматическими категориями»* [5]. Все другие классы слов, которым либо отказывается в статусе части речи, либо такой статус даётся, так или иначе могут включаться в одну из четырёх бесспорных категорий или переходить в новую формирующуюся категорию.

Существует множество концепций частей речи, одна из них – категориальная, с позиций которой часть речи – фундаментальная морфологическая категория, она присуща слову в совокупности с частными морфологическими категориями, в которых она реализуется. С позиций этой концепции категориальное значение в русском языке имеют «три части речи: имя существительное – ***предметность***, имя прилагательное – ***признаковость***, глагол – ***процессность***, а также (с оговорками, сделанными выше) наречие – ***адвербиальность*** [6].

Итак, причастие на заре научного языкознания античными грамматистами определялось как самостоятельная часть речи (Аристарх Самофракийский, Дионисий Фракийский, Варрон, Присциан). В русской грамматике уже в первой половине половине XIX века оно было включено в состав имени прилагательного (А.Х. Востоков).

Оригинальная мысль о происхождения частей речи и о соотношении глагола, имени и причастия была высказана А.Ф. Потебнёй. Он считал, что первоначальное слово было лишено всяких формальных признаков и ещё не являлось ни существительным, ни прилагательным, ни глаголом. По его мнению, разложение чувственных образов началось с возникновения тех слов, в которых ещё были смешаны свойства современных имён и глаголов. А.Ф. Потебня называет эти слова «первообразными причастиями», которые были похожи скорее на имя, чем на глагол и которые выделили из себя имя [7].

Заслуживает внимания частеречная классификация, представленная В.А. Богородицким. Он считал, что при описании частей речи необходимо обращать внимание не только на значение и словоизменение, «... кроме того, необходимо обратить внимание на соподчинение одних частей речи другим, что в школьных грамматиках обыкновенно игнорируется» [8]. В концепции Богородицкого выделяются две группы слов с самостоятельным собственным значением (имя существительное, глагол, личное местоимение); придаточные с собственным значением (имя прилагательное, числительное, местоимения). В.А. Богородицкий, по-видимому, одним из первых указал промежуточное положение причастия: «к придаточным частям речи, имеющим собственное значение, ещё следует отнести причастие, представляющее собою образование прилагательных от глагола с удержанием некоторых глагольных свойств и занимающие посредствующее положение между глаголом и именем прилагательным» [9].

Эта мысль о связи некоторых частей речи и смешении свойств разных частей речи в одной была развита А.М. Пешковским: «...словообразование ведёт к образованию отдельных крупных и важных рубрик, которые можно было бы назвать смешанными частями речи» [10], такое явление возникает тогда, когда категории, свойственные одной части речи, становятся в какой-то части свойственными другой части речи. А.М. Пешковский внутри категории имени прилагательного выделяет категорию глагольных прилагательных, а уже внутри этой категории – категорию причастий. Итак, А.М. Пешковский определяет причастие как «смешанную часть речи», но потом всё-таки говорит о несомненной связи причастия с глаголом: «Причастие, деепричастие и инфинитив, несмотря на то, что первые два принадлежат другим частям речи, оказываются ..... теснейшим образом связанными с глаголом. То, что в школьных учебниках эти три группы вместе с самим глаголом определяются под одной этикеткой глагола, хоть и нелогично, но не лишено грамматического смысла» [11].

Как мы видим, в грамматических трудах второй половины XIX – начала XX века проводится одна мысль – причастие обладает свойствами и глагола, и прилагательного, оно занимает неопределённое место в грамматической системе русского языка. Вопрос о грамматическом статусе «смешанных» частей речи был поднят в XIX веке, а в отечественном языкознании XX века эта проблема связана в первую очередь с именем В.В. Виноградова.

В.В. Виноградов, когда писал о причастиях, то поместил их в главу об именах

прилагательных, озаглавив раздел: «Причастия как категория гибридно-прилагательных форм», подчеркнув тем самым неопределённое положение причастия. В.В. Виноградов считает, что причастия – это «поток форм», который идёт непосредственно от глагола и внедряется в систему имён прилагательных – «это причастия, в которых глагольность выражается как окачествлённое действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного», с семантической стороны в причастиях сталкивается значение признака со значением действия-процесса, с грамматической – категории вида, времени залога с системой склонений [12]. Нам представляется, что самыми главными положениями В.В. Виноградова о системе причастий современного русского языка являются: во-первых, медленный отход, «дрейф» причастий от системы глагола; во-вторых, процесс образования новой гибридной лексемы, процесс распада единства причастных форм; в-третьих, разное отражение взаимодействия «стихии глагола и стихии прилагательного» в разных грамматических типах причастий [13].

В русистике точка зрения, определяющая причастие как форму глагола, является господствующей, что отразилось в различных учебниках и учебных пособиях, как школьных, так и вузовских. Несмотря на то, что точка зрения на причастие как на «особую» форму глагола, была высказана в большинстве изданий учебной и справочной литературы, имеются и альтернативные точки зрения на грамматическую природу причастия.

Как мы видим, причастия за столетия грамматических исследований, определялись как: 1) часть системы имени прилагательного; 2) часть системы глагола; 3) самостоятельная часть речи.

Очевидно, что выработка общей точки зрения на грамматический статус причастия – задача сложная. Причастие является бинарным образованием по своей природе, по-видимому, сейчас мы не может убедительно доказать происхождение индоевропейского причастия – произошли ли от него глагол и имя, или само причастие является порождением имени и глагола. Мы знаем, что причастие – явление двустороннее, и нам представляется, что биться за какой-то определённый статус причастия не нужно – его двойственность это не отменит. Каждая бесспорная часть речи имеет идеальный набор признаков, семантических и грамматических. Части речи, не имеющие идеального набора признаков, никогда не будут определяться как «бесспорные». По-видимому, чтобы создать относительно адекватное описание спорных языковых единиц, самым целесообразным описанием станет то, которое опирается на «полевую теорию».

В.Г. Адмони писал о невозможности построения классификации частей речи, охватывающей весь известный материал языка, исходя из одного критерия. Причина такого положения – наличие у слова целого ряда грамматических признаков и неравномерное распределение этих признаков по массе слов и форм. «...возникает... своего рода «полевая структура»... В огромном количестве слов выделяется некий разряд, комплексно обладающий неким набором грамматических признаков и не обладающий никакими иными признаками. А на периферии этого разряда располагаются другие разряды и отдельные слова, обладающие лишь частью грамматических признаков, но зато могущие обладать и другими грамматическими признаками» [14].

Трудно, да, наверное, и невозможно сделать обзор всех работ, посвящённых частеречному статусу причастия, тем более что сказать что-то принципиально новое по этой проблеме нельзя. Мы можем только присоединиться к той или иной концепции. Мы принимаем концепцию полевого строения системы частей речи русского языка, но более соответствующей реальному соотношению частей речи мы считаем схему, предложенную В.В. Виноградовым. Главный пафос его системы – учёт движения и взаимовлияния частей речи и грамматических категорий.

Итак, мы видим, что как бы ни определялось причастие – как прилагательное, как глагольная форма или как часть речи, – неизменным остаётся одно – причастие обладает признаками двух частей речи, имени прилагательного и глагола, причём соотношение признаков этих частей речи не такое, как в предикативах (словах категории состояния). В причастии «преобладают и главенствуют именные формы (полная парадигма), что и даёт повод относить данную категорию слов (форм) к имени прила-

гательному. Однако значение процесса не подавлено, а подкреплено категорией вида и времени (и залога). Поэтому причастие обречено быть близкой периферией глагольного слова. Значение причастия «который делается» привязывает его к существительному (субъекту или объекту), а это даёт равные шансы как на статус части речи, так и на статус формы глагола [15].

Однозначное и непротиворечивое определения причастия невозможно ещё и потому, что систему причастия составляют неоднородные формы, на это обращали внимание многие лингвисты, в том числе и В.В. Виноградов.

В.В. Виноградов писал о постепенном отхождении причастных форм от глагола (см. выше), но указывал на неоднородность этого процесса внутри разных разрядов причастных форм – какие-то формы теряют свою «причастность к глаголу» и приближаются к имени прилагательному, какие-то остаются причастиями.

Итак, повторяя то, что было сказано в начале статьи, мы говорим, что не ставим своей целью окончательно решить проблему грамматического статуса причастия. Мы присоединяемся к мнению П.А. Леканта о том, что причастие в равной мере может претендовать и на статус части речи, и на статус формы глагола.

Причастие, благодаря своей двойственности, форма чрезвычайно гибкая с точки зрения синтаксического строя языка – пожалуй, никакая другая часть речи не может занимать столь разнообразные позиции в структуре предложения. «Различия в грамматической структуре разных частей речи обусловлены различиями их синтаксических функций. А эти различия, в свою очередь, органически связаны с системой основных грамматических категорий, которые определяют строй предложения и его эволюцию» [16]. Причастие – уникальная форма, с одной стороны, оно имеет способность управлять падежными формами имён, способность, доставшуюся ему от глагола, с другой – причастие в структуре предложения играет роль атрибута, занимает синтаксическую позицию определения, реализуя тем самым способность согласовываться с именем существительным. Мы предполагаем, что именно синтаксическая позиция причастия может акцентировать его «глагольную» или «прилагательную» составляющие. Помимо синтаксической позиции важную роль в проявлении разных сущностей причастия может играть контекст, в котором оно употребляется – так, например, для страдательных форм, как полных, так и кратких, необычайно важным оказывается замещение / незамещение облигаторной позиции творительного падежа со значением агенса, компонента, формирующего и поддерживающего пассивную конструкцию. В свою очередь, употребление/ неупотребление агентивного компонента может зависеть и от семантики причастной формы, и от семантики синтаксической конструкции, в которой она употребляется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 2001. –С. 40.
2. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. – М., 1975. – С. 104.
3. Там же. – С. 103.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 9.
5. Пешковский А.М.. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 103.
6. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002.
7. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 2001 – С. 401.
8. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М., 1935. – С. 104.
9. Там же. – С. 104-105.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М. , 1956. – С. 104.
11. Там же. – С. 132.
12. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 221.
13. Там же. – С. 221-230.
14. Адмони В.Г. Полевая природа частей речи // Вопросы теории частей речи: На материале языков различных типов. – Л., 1968. – С. 98.
15. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 16.
16. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 37.

I. Zamyatina

PARTICIPLE AS A DUO-NATURAL GRAMMAR FORM

Abstract: The paper is devoted to study of participles grammar status in a general problem of distinguishing parts of speech.

Key words: participle, grammar form, attribute, process.

УДК 811.161.1’367.625.43

Замятина И.В.

МОРФОЛОГИЯ ПОЛНОГО СТРАДАТЕЛЬНОГО ПРИЧАСТИЯ*

Аннотация: В статье рассматриваются морфологические категории полных страдательных причастий время, вид, залог, степени сравнения.

Ключевые слова: морфологическая категория, полное страдательное причастие, вид, время, залог.

Морфологические категории причастия тесно связаны с его частеречным статусом, и, как бы ни определялось причастие – как прилагательное, как глагольная форма или как часть речи, – неизменным остаётся одно – причастие обладает признаками двух частей речи, имени прилагательного и глагола. «В причастии «преобладают и главенствуют именные формы (полная парадигма), что и даёт повод относить данную категорию слов (форм) к имени прилагательному. Однако значение процесса не подавлено, а подкреплено категорией вида и времени (и залога). Поэтому причастие обречено быть близкой периферией глагольного слова. Значение причастия «который делается» привязывает его к существительному (субъекту или объекту), а это даёт равные шансы как на статус части речи, так и на статус формы глагола» [1].

Страдательные причастия обозначают признак того, кто испытывает действие, названное исходным глаголом. От глагола причастие получило вид, время, залог, переходность, а также способность управлять зависимыми падежными формами, от прилагательного – полную парадигму склонения и способность образовывать краткие формы.

Итак, у страдательных причастий из глагольных категорий представлены *вид, время и залог*, категория *переходности* у страдательных причастий представлена своеобразно, не так, как у исходных глаголов.

Вид страдательного причастия. Вид страдательного причастия соответствует видовым значениям спрягаемых глагольных форм и инфинитива, такого мнения придерживаются многие авторы: «вместе с глагольной основой причастие получает вид, вид в причастиях полностью сохраняет специфику грамматического значения вида, свойственного предикативным формам глагола [2]; «Способ выражения видового значения у причастных форм тот же, что у личных и инфинитивных глагольных форм» [3].

Образование причастий настоящего времени от глаголов несовершенного вида продуктивно только в системе некоторых глагольных классов. В.В. Виноградов считает, что «причастия на *-мый* представляют такой морфологический тип, в котором категория действия-состояния явно преобладает над оттенками качественной оценки и даже качественного состояния. Причастия на *-мый* означает длящийся пассивный признак-процесс» [4]. Страдательные причастия настоящего времени в любой синтаксической позиции сохраняют яркое значение глагольности, даже в атрибутивной и в позиции синтаксических актантов, в которых причастие лишено возможности управлять зависимыми падежными формами, поддерживающими его глагольность. Сильную глагольность страдательных причастий настоящего времени В.В. Виноградов объясняет «обостренной» соотносительностью форм типа *исполняемый – исполненный* [5].

Страдательные причастия прошедшего времени образуются от глагольных основ прошедшего времени совершенного вида. От многих переходных глаголов не образуются параллельные формы причастий, которые были бы противопоставлены по видо-временным значениям. Кроме того, в причастиях совершенного вида сильно значение перфектности, что может усиливать семантику результативного состояния, и в свою очередь, способствовать развитию значений качественности в причастных формах.

Видовые значения страдательных причастий выражаются с помощью суффиксов и приставок: *Её **с**пелёнутое тело / Сложили в молодом лесу* (А. Блок); *...серый пепел образовал две фигуры с **раскину**ты-*

* © Замятина И.В.

ми руками (М. Успенский).

Время страдательного причастия. Главный вопрос, связанный со значением времени причастных форм – это вопрос о характере временного значения – абсолютного или относительного. «Временные значения причастий, как и других глагольных форм могут быть как абсолютными (*Чуть шелестят листья берёз, едва* ***колеблемые*** *ветром*) и относительными (*Он заметил* ***играющих*** *детей*) [6]. Л.П. Калакуцкая предполагает, что время причастия может быть только относительным [7]. В.И. Чуглов высказывает предположение о том, что, поскольку причастные формы парадигматически связаны с финитными формами глагола, то категория времени причастий имеет опосредованно-абсолютный характер. «Формы времени у причастий выражают те же модальные и временные значения, что и финитные формы представляемых субстантивными группами с причастиями исходных высказываний» [8].

В последнее время высказываются мнения о существовании причастных форм, имеющих значение будущего времени. Так, М.Я. Гловинская говорит о широком употреблении форм действительных причастий будущего времени в текстах Интернета, что обусловлено, во первых, отсутствием редакторской цензуры, во-вторых, коммуникативными потребностями. В качестве примеров автор приводит примеры массового употребления действительных причастий будущего времени, которые перестали носить спорадический характер в языке Интернета и примеры выстраивания падежной парадигмы несклоняемых существительных [9].

М.Я. Гловинская приводит примеры форм будущего времени только действительных причастий, а между тем существуют и более радикальные мнения о возможности образования форм будущего времени в системе страдательных причастий.

М. Эпштейн подходит к вопросу о причастиях будущего времени радикально, он считает, что причастия будущего времени могут образовываться как в системе действительных, так и в системе страдательных причастий, то есть, в его статьях развивается идеи Мелетия Смотрицкого, высказанные в 17 веке. М. Эпштейн обращает внимание на формы типа *достижимый, заменимый, вообразимый, допустимый* и т.п., автор считает, что это страдательные причастия будущего времени, «с позиций действующих грамматик вообще нельзя определить, к какой, собственно, морфологической категории относятся слова типа «достижимый» или «заменимый»[10] www.mapryal.org/congressXI/materials/plenarnye_napravleniya/epsntein].

Несмотря на некоторую категоричность и популизм статьи вышеназванного автора, нельзя не признать, что формы типа *сделаемый, признаемый* и им подобные теоретически возможны, однако грамматики фиксируют такие формы, которые реально функционируют в языковой системе, а приказать грамматической системе употреблять ту или иную форму невозможно. Пока формы типа *сделаемый, сотворимый, испытаемый* употребляются только окказионально, даже в Интернете – по запросу *сделаемый* поисковая система Яндекса выдала только 59 ссылок, причём половина ссылок было на вышеупомянутую статью и связанные с ней дискуссии, а половина – на лингвистические форумы, где обсуждались проблемы будущего времени причастий. Мы не можем сейчас с уверенностью сказать, является ли эта форма утраченной или приобретённой, для доказательного обоснования такого утверждения необходимы факты, которыми мы не располагаем.

Что касается форм типа *достижимый, заменимый*, то они действительно образованы с помощью причастных суффиксов, от глаголов совершенного вида, а между тем мы знаем, что «глаголы совершенного вида образуют только причастия настоящего времени» [11]. Причастие может употребляться в составе причастного оборота, синтаксической позиции, первичной для этой формы, – в составе причастного оборота причастная форма реализует свойства глагола и прилагательного: оно управляет зависимыми падежными формами и в то же время выполняет функцию определения. Для страдательного причастия характерна потенциальная субъектная валентность, которая реализуется формой творительного падежа со значением агенса. Форму типа *достижимый* трудно представить в составе причастного оборота, да ещё с реализованной субъектной валентностью – *Уровень знаний, достижимый всеми, должен быть принят в качестве ориентира.* Слова типа *достижимый*, по-видимому, исторически

связанные с причастиями, но за тысячу лет их существования в системе русского языка они полностью потеряли все глагольные свойства и перешли в систему имён прилагательных, у них нет даже омонимов в системе причастий.

Выше мы говорили о том, что формы времени у причастных форм часто оказываются непротивопоставленными, так как иногда образование причастий, находящихся во временной оппозиции, от одного глагола, невозможно. Утрата временного значения как специфического глагольного признака усиливает качественное значение причастий, и особенно легко утрата временного значения происходит у тех причастий, которые не образуют видо-временные соотносительные пары [см.: 12].

При рассмотрении категории залога прежде всего обращается внимание на выражение залоговых значений в глагольных формах и в грамматической системе кратких причастных форм. В системе полных причастий залоговые формы противопоставляются друг другу более формально и ярко, чем в системе финитных глагольных форм, полные страдательные причастия также способны образовывать пассивную конструкцию и, следовательно, тоже входят, по образному выражению В.В. Виноградова, в «клубок» русских залоговых проблем. Л.П. Калакуцкая высказывает, по-видимому, крайнюю точку зрения на соотношение залога причастных форм и финитных форм глагола: автор считает, что категория залога присуща только причастным формам, в системе финитных глагольных форм залог отсутствует как категория [13]. В.И. Чуглов считает, что категория залога у причастий «менее глагольна, чем у финитных форм и имеет явно атрибутивный характер. Это проявляется в том, что залоговые различия характеризуют уже не высказывание, а то, что обозначается определяемым существительным ..... залог причастия не соотнесён с соответствующей глагольной формой» [14].

Значение страдательного залога выражается суффиксами и «поддерживающей» залоговое значение формой творительного падежа со значением деятеля. Мы предполагаем, что пассивные конструкции с полными страдательными причастиями образуют своеобразное залоговое поле, в центре которого находятся конструкции с творительным-агенсом, а на периферии – пассивные конструкции с валентностно обусловленными формами творительного падежа, имеющими другие значения, опосредованно связанными со значением агенса. Пассивная конструкция реализуется в препозитивных и постпозитивных причастных оборотах, степень свободы её реализации, продуктивность пассивной модели зависит от того значения, которое причастная форма принимает в контексте. Валентностно обусловленная форма творительного падежа со значением активного деятеля сильнее других форм акцентирует в причастной форме глагольную семантику. Нами отмечено, что наиболее стабильно форма творительного-агенса употребляется со страдательными причастиями настоящего времени, что может быть обусловлено яркой глагольностью этих форм.

Переходность страдательных причастий, шире – способность к управлению зависимыми падежными формами не всегда соотносится с исходным глаголом. Страдательные формы причастий образуются, как известно, от переходных глаголов, но способность переходного глагола управлять формой прямого винительного падежа со значением прямого объекта не передаётся страдательному причастию. Управление «переворачивается» – прямой винительный со значением объекта переходит из управляемой позиции в позицию главного слова атрибутивной синтагмы, форма страдательного причастия согласуется в роде, числе, падеже с существительным (местоимением). Форма винительного падежа со значением объекта, которая управлялась исходным глаголом, в составе субстантивной группы (причастного оборота) сохраняет объектное значение, приобретая также значение субъекта состояния: *...И, **сохранённая судьбой**, / Быть может, в Лете не потонет* / ***Строфа, слагаемая** мной* (А. Пушкин) – *сохранить строфу*; *сложить строфу*.

В некоторых синтаксических позициях и в разных контекстах объектное значение бывшей приглагольной управляемой формы может бледнеть, а субъектное значение начинает преобладать. В других случаях страдательные причастные формы сохраняют управление исходного глагола.

Причастие – гибридная глагольно-прилагательная форма (смешанная часть

речи), в которой соединяются грамматические признаки и лексические значения глагола и прилагательного. Категориальное значение причастия – признак по отношению к действию, это значение выражается частными морфологическими категориями. Значение качественного признака в причастных формах может усиливаться или ослабляться в разных синтаксических позициях, хотя значение признаковости, несомненно, присутствует в любом случае употребления причастной формы. Степень проявления значения признака в причастной форме может выражаться в формах сравнительной степени или в реализации лексической валентности причастных форм, характерной для качественных прилагательных, например, в сочетании с наречиями меры и степени. Степени сравнения причастий могут реализовываться в тех синтаксических позициях, где причастие лишено глагольного управления, и, следовательно, в нём акцентировано значение признака. Приведём примеры употребления причастных форм, которые можно квалифицировать как формы аналитической превосходной степени: ***Самым изощрённым*** *сочинителем широкого профиля был у нас Влад Распадов...* (В. Войнович) – форма *изощрённый* в данном контексте проявляет чётко выраженное качественное значение, определяет существительное со значением субъекта состояния, хотя и сохраняет связь с исходным глаголом *изощрить*. И *...на всё смотрела с мудрой улыбкой Бодисатвы. Это могло смутить даже* ***самого уравновешенного*** *человека* (Д. Рубина) – как и в предыдущем случае, форма *уравновешенный* имеет сильную степень качественности, что проявляется в морфологической аналитической форме превосходной степени, и, несмотря на это, причастная форма сохраняет связь с исходным глаголом *уравновесить*. В некоторых случаях причастные формы с качественным значением реализуют семантическую валентность, характерную для качественных прилагательных – сочетаются с наречиями меры и степени: *Всю эту ночь и утро Левин ..... чувствовал себя* ***совершенно изъятым*** *из условий материальной жизни* (Л. Толстой) – в данном случае причастие управляет предложно-падежной формой, обусловленной его словообразовательной структурой и в то же время реализует лексическую валентность, характерную для качественного прилагательного, что является отражением двойственной природы причастных форм.

Итак, страдательные причастия – формы, сочетающие грамматические и лексические свойства двух частей речи – глагола и прилагательного. К глагольным свойствам относятся: вид, семантически совпадающий с видом исходного глагола, в ряде случаев причастные формы не противопоставлены по виду; время, не совпадающее с глагольным, система времени страдательных причастий по сравнению с глагольным временем урезана, традиционно выделяются страдательные причастия настоящего и прошедшего времени; залог страдательных причастий является более формальным, чем залог глагола и чётко противопоставленным, в отличие от глагольной системы, в системе причастий мы наблюдаем бинарную систему залога; переходность страдательных причастий выражается иначе, чем у глагола.

Морфологические признаки прилагательного в причастной форме: причастная форма имеет полную парадигму имени прилагательного; при определённых условиях и в определённом контексте значение причастных форм может сдвигаться к полюсу качественности, они образуют степени сравнения и реализуют лексическую валентность качественных прилагательных, сохраняя при этом семантическую связь с исходным глаголом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 16.
2. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском языке. – М., 1971. – С. 36.
3. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981. – С. 226.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 226.
5. Там же.
6. Современный русский литературный язык: Учебник / Под ред. акад. РАО В.Г. Костомарова и проф. В.И. Максимова. – М., 2003. – С. 476.
7. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском языке. – М., 1971. – С. 11-12.
8. Чуглов В.И. Категории залога и времени у русских причастий // Вопросы языкозна-

ния. – М., 1990. – № 3. – С. 60.
9. Гловинская М.Я. Язык интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка // Русский язык. Исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Труды и материалы. – М., 2007. – С. 180.
10. М.Эпштейн www.mapryal.org/congressXI/materials/plenarnye_napravleniya/
11. Современный русский литературный язык: Учебник / Под ред. акад. РАО В.Г. Костомарова и проф. В.И. Максимова. – М., 2003. – С. 477.
12. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 227.
13. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском языке. – М., 1971. – С. 33.
14. Чуглов В.И. Категории залога и времени у русских причастий // Вопросы языкознания. – М., 1990. – № 3. – С. 14.

I. Zamyatina

MORPHOLOGY OF FULL PASSIVE PARTICIPLE

Abstract: Morphological categories of full Passive Participle of time, aspect, mood, degree of comparison are being analyzed in the article.

Key words: morphological category, full Passive Participle, mood, time, aspect.

УДК 811.161.1'367

Лаврентьев В.А.

ЗНАЧЕНИЕ ОБОБЩЕННОСТИ ЛИЦА*

Аннотация: В статье рассматриваются способы выражения обобщенного лица в двусоставных и односоставных конструкциях; описываются структурно-семантические особенности обобщенно-личных предложений и выделяются их группы по степени градации; выявляются модальные оттенки значения обобщенности.

Ключевые слова: лицо, семантика, обобщенность, предложение.

Категория синтаксического лица, одна из трех предикативных категорий русского языка, не раз становилась объектом исследования (работы В.В. Виноградова, П.А. Леканта, Н.Ю. Шведовой и др.), однако утверждать, что названная категория изучена всесторонне и достаточно полно, что решены все спорные вопросы, не представляется возможным.

Синтаксическое лицо (шире – персональность) выполняет в языке различные функции, одной из которых является дейктическая. Выделяются «два основных типа персонального дейксиса (что соответствует традиции изучения категории лица): 1) конкретный (конкретно-личный и предметный), 2) неконкретный дейксис – обобщенно-личный и неопределенно-личный» [1]. Говоря об обобщенно- и неопределенно-личных предложениях, А.М. Пешковский отмечал, что они представляют собой «две особые формы мышления говорящего по-русски человека» [2]. Указанная цитата подчеркивает яркость и специфичность этого явления.

В статье анализируется значение обобщенности лица, которое понимается как «соотнесение ситуации, лишенной конкретной референции (ситуации повторяющейся, обычной или «вневременной»), и ее участников с обобщенным классом лиц, включающим говорящего: а) как носителя своего опыта или б) как человека, представляющего и разделяющего (нередко предполагается: вместе со слушающим) опыт и суждения обобщенного (вплоть до масштаба «люди вообще») класса лиц» [3]. Обобщенность лица «может иметь различное конструктивное воплощение» [4], однако основным (изосемическим, ядерным) средством выражения обобщенности лица в современном русском языке являются обобщенно-личные предложения. Под обобщенно-личными предложениями мы понимаем *односоставные* предикативные единицы, в которых главный член выражен формой 2-го лица единственного или множественного числа изъявительного или повелительного наклонения, формой 3-го лица множест-

* © Лаврентьев В.А.

венного числа изъявительного наклонения, а лицо деятеля частично устранено и мыслится обобщенно: – *У-у, вижу я, добром с тобой не сговоришь* (М. Булгаков); *Умеете и любите работать? Вам сюда!* (реклама); *На чужой стороне и сокола зовут вороной*; *Век живи – век учись* (пословицы). Следует, однако, заметить, что иногда предикат обобщенно-личного предложения может быть представлен формами 1-го лица единственного или множественного числа или формой 3-го лица единственного числа изъявительного наклонения: *Чужую беду рукой разведу, а к своей ума не приложу*; *Что имеем, не храним – потерявши, плачем* (пословицы).

Таким образом, *по форме* обобщенно-личные предложения могут совпадать с определенно- и неопределенно-личными, однако отличаются от последних содержанием: действие в обобщенно-личных предложениях относится к кому-то (в именительном падеже), кто не назван конкретно потому, что им может быть любой, каждый или все люди вообще.

Рассматриваемые конструкции принадлежат к категории предложений с частичным (неполным) устранением лица-деятеля, их специфика заключается в степени, характере устранения лица, а также в функциональном назначении, которое они имеют в языке. По степени устранения личного оттенка обобщенно-личные конструкции являются промежуточными между личными и безличными предложениями, причем обобщенно-личные предложения с формой 1-го и 2-го лица тяготеют к личным, а обобщенно-личные предложения с формой 3-го лица множественного числа тяготеют к безличным.

Обобщенность лица-деятеля в односоставном предложении есть явление синтаксическое, так как определяется конструкцией предложения, контекстом и понимается по отношению к частично устраненному лицу как обобщенному субъекту в именительном падеже, допускающему, хотя и неуместную, постановку вопроса «кто?».

Функциональное назначение обобщенно-личного предложения – представить вывод, общее положение, сентенцию, с помощью которых определить, оценить или охарактеризовать какое-либо явление социально-бытовой жизни человека.

Наличие градаций в значении обобщенности дает возможность выражения дополнительных модальных значений, «хотя они определяются преимущественно условиями употребления, ситуацией, а не структурой предложения» [5]. Различается неограниченная и ограниченная степень обобщенности лица в обобщенно-личном предложении: под ним может пониматься любое, всякое лицо, многие лица, все люди вообще. К тому же в рассматриваемом типе односоставных предложений предикат выражается различными формами. Все это дает возможность сгруппировать обобщенно-личные предложения. Мы группируем обобщенно-личные предикативные единицы на основе способа выражения главного члена (от наиболее частотных к менее употребительным) и внутри этих группировок на основе семантики выделяем подгруппы.

Обобщенно-личные предложения с формой 2-го лица ед. ч.

Обобщенно-личные предложения с подобной формой глагола имеют две разновидности: *собственно-обобщенно-личные* и *отстраненно-обобщенно-личные* предложения.

Собственно-обобщенно-личные предложения называют действие, относящееся ко 2-му лицу в обобщенном значении. Большая часть их оформлена как устойчивые фразы, пословицы. Предложения с глаголом в форме изъявительного наклонения выражают: 1. Индикативное модальное значение (осуществленную возможность): *Хорошо жить, если недаром живешь* (А. Волошин); *Чего хочешь, того и просишь* (пословица). 2. Возможность: *Тут с тобой и умом тронешься* (М. Шолохов); *Раньше начнешь, раньше поспеешь* (пословица). Значение возможности действия выражается глаголами совершенного (реже несовершенного) вида и мыслится как осуществимое в будущем при определенном развертывании сложившихся событий или соблюдении известных условий, поэтому формы 2-го лица со значением возможности широко используются в обобщенно-личных предикативных единицах, входящих в состав сложных конструкций. 3. Невозможность: *Из одной курицы на бригаду лапши не сваришь* (М. Шолохов); *Не заслонишь солнышко рукавицей, не убьешь молодца небылицей* (пословица).

Собственно-обобщенно-личные предложения могут быть вопросительными, од-

нако вопрос является риторическим: *Разве тут найдешь виноватого?* (М. Горький).

Предложения с глаголом в форме повелительного наклонения выражают: 1) Долженствование (самая частотная группа): *Где посадят, там и сиди; За правое дело стой смело* (пословицы). 2) Возможность: *От него всего жди* (Л. Соболев); *Кончил дело – гуляй смело* (пословица). 3) Невозможность: *А нынче пальца не подыми: они дети* (К. Федин); *Такие суховеи, что не раскрывай на улице книги – враз скрутит трубками все листы* (Э. Казакевич). 4) Совет (преимущественно устойчивыми фразами): *На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся* (пословица). 5) Повеление, просьбу, приглашение (довольно редкие случаи с ограниченной степенью обобщения): *Не тащи, говорю, а собери в кучу и отдай своему командиру, все отдай, что у буржуя взял* [обращение Чапаева к бойцам. – В. Л.] (Д. Фурманов).

В некоторых случаях (это всецело зависит от контекста и речевой ситуации) предложения с глаголом в форме повелительного наклонения имеют оттенок иронии: *Так, так... значит чего проще, земли много – разбазаривай направо и налево* (С. Бабаевский).

Отстраненно-обобщенно-личные предложения называют действие, относящееся к 1-му лицу (говорящему). Такие предложения, на наш взгляд, являются переходными от определенно-личных к обобщенно-личным. В них видна стилистическая замена лиц, применяемая автором для оживления речи, образной передачи событий прошлого, переживаний. При подобной замене лиц действие приобретает лишь некоторое значение обобщенности.

Отстраненно-обобщенно-личные предложения с глаголом в форме изъявительного наклонения выражают: 1. Индикативное модальное значение: *Посмотришь навстречу этому блестящему потоку – слепят глаза лучи сотен фар, посмотришь вслед – мигают, отражаясь в асфальте* (В. Пелевин); *Революционная езда. Час едешь – два стоишь* (М. Булгаков). Нередко в состав подобных конструкций входит частица *бывало*: *Машешь, бывало, им платком вслед, а бабы и всплакнут* (В. Пелевин). 2. Возможность: *Нанюхаешься – на самом деле надолго сляжешь* (М. Бубеннов). 3. Невозможность: *Приду сегодня часа за два до начала, а то не протолкаешься* (И. Ильф, Е. Петров); *Подошел господь, скрывая скорбь и муку: Видно, мол, сердца их не разбудишь...* (С. Есенин).

Отстраненно-обобщенно-личные предложения с глаголом в форме повелительного наклонения обозначают: 1) Долженствование (самая большая группа): *Всю себя до капли истратила. Всем угоди, всем поклонись, всем покорись* (Ф. Гладков). 2) Возможность: *По-вашему, батя, то, что я Герой Советского Союза, что я в славе и в почете, – так все это вроде мягкого дивана... Лежи на нем, блаженствуй и наслаждайся жизнью* (С. Бабаевский). 3) Невозможность: *Я – как батрак у отца-то! Хуже работника: слова не скажи* (Ф. Гладков).

Предложения подобного рода авторы отдельных грамматических работ (может быть, и небезосновательно) относят к определенно-личным, но, по-нашему мнению, некоторого значения обобщенности указанных конструкций отрицать нельзя.

Широко распространены обобщенно-личные предложения с формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения в составе сложных предложений с уступительным или условным значением. В составе сложного предложения с уступительным значением они выражают зависимую часть, присоединяемую к главной бессоюзно или с помощью союзов и союзных сочетаний *хоть, как ни, сколько ни, куда ни, что ни*. В составе сложного предложения с условным значением они могут выражать как обусловливаемую, так и обусловливающую части: *Что ни ступишь, то копейка; переступишь – другая; а станешь семенить, и рублем не покрыть; Баба что горшок: что ни влей – все кипит; Тесть, как ни вертись, а за зятька поплатись!* (пословицы).

Обобщенно-личные предложения с формой 2-го лица мн. ч.

Предложения этой группы могут иметь предикат в форме изъявительного и повелительного наклонения. Большинство таких предложений не представляет устойчивых фраз, так как не содержит вывода-сентенции. Их функциональное назначение – живо, образно представить факт сообщения, выразить его как действие, мысленно развертывающееся в настоящем перед взором собеседника. Рассматриваемые пред-

ложения обычно используются как обращения, призывы, советы, относящиеся ко всем лицам вообще, но нередко служат и стилистическим средством описания природы, событий, переживаний говорящего: *Я припоминаю в этом роде у Чернышевского: приближайте будущее, говорил он, переносите из него в настоящее сколько можете перенести* (К. Федин).

Обобщенно-личные предложения с формой 3-го лица мн. ч.

Такие предложения по существу представляют собой абстракции без лица, безотносительные к месту и времени действия. Они выражают вывод, общее положение, правило, определение, закон, обобщенную сентенцию и т.п., которые относятся ко многим лицам (при ограниченной степени обобщенности) или ко всем людям вообще (при неограниченной степени обобщения), не как к каким-то определенным или неопределенным реальным действующим лицам того действия, которое обозначено в предложении, а как к потенциально подразумеваемым лицам (к людям вообще). Большинство таких предложений оформлено как устойчивые фразы, пословицы. Личный глагол, выражающий главный член предложения, имеет обычно форму настоящего времени, редко – форму будущего: *За ученого трех неученых дают, да и то не берут* (пословица).

Обобщенно-личные предложения с другими глагольными формами

В языке функционируют обобщенно-личные предложения с формой глагола 1-го лица множественного числа. Они представлены конструкциями, которые нередко оформлены как устойчивые фразы, пословицы: *Чего в детстве просим, то под старость носим* (пословица). Предложения эти имеют разнообразное функциональное и стилистическое назначение. В.В. Виноградов отмечал: «В обобщенных сентенциях 1-е лицо множественного числа может означать неопределенную группу лиц, с которой говорящий объединяет себя в силу солидарности, общности характера или привычек» [6].

Обобщенно-личные предложения с формой глагола 1-го лица единственного числа не столь частотны, как рассмотренные выше конструкции. Малоупотребительность таких предикативных единиц определяется устойчивостью и немногозначностью формы 1-го лица единственного числа: *Чье кушаю, того и слушаю* (пословица).

Предложения с формой глагола 3-го лица единственного числа с обобщенно-личным значением встречаются редко, что объясняется грамматическим значением формы 3-го лица единственного числа, которая «не может (или может только в исключительных случаях) обозначать обобщенное представление о лице» [7], как правило, значение обобщенности лица наблюдается в двусоставных конструкциях: *В любви, знаете ли, Володечка, только дуры и курицы гордые – и мещанки. Ах, скажите, она скорее* ***умрет****, чем пожертвует своей гордостью. Значит,* ***не любит****, если горда* (Ю. Герман). Подобные случаи системы не представляют, значение обобщения лиц в них выражено слабо.

В функции предиката обобщенно-личных предложений могут выступать и формы прошедшего времени, но, как показывают наблюдения, обычно для выражения обобщенного лица берется форма мужского рода: *Чему учился, тому и пригодился* (пословица). Большая конкретность родового значения (наличие флексии -а) в форме женского рода, грамматическая омонимичность (личность-безличность) формы среднего рода, конкретность временного значения форм множественного числа – все это препятствует употреблению отмеченных форм со значением обобщенного лица.

Еще раз подчеркнем, что при группировании обобщенно-личных предложений за основу мы взяли различия в способе выражения главного члена. Хотя ученые группируют обобщенно-личные предложения по разным признакам и по-разному называют выделенные группы, принципиальной разницы в этих классификациях мы не видим. Так, П.А. Лекант на основе градаций обобщенности выделяет три типа, отмечая, что резкой границы между ними нет: 1) предложения, выражающие «действие, для которого реальным деятелем является сам говорящий», 2) обобщенные высказывания, в которых «личный опыт говорящего возводится в закономерность, в правило, установку, и оформлено это таким образом, будто частный, конкретный случай подводится под правило», 3) пословицы, в которых достигается высшая степень обобщения, поскольку «в таких обобщен-

но-личных предложениях отсутствует индивидуальное...» [8]. Авторы «Коммуникативной грамматики» также выделяют три разновидности обобщенно-личных предложений: пословичного, повествовательно-узуального и оценочно-характеризующего типа [9].

Обобщенность лица может быть представлена и в двусоставных предложениях с личными местоимениями *ты, вы, мы,* а также с субстантивированными определительными местоимениями *все, всякий, каждый, любой* в функции подлежащего. Наличие подлежащего создает, на первый взгляд, конфликт между формой (конструкцией предложения) и содержанием, которое имеет обобщенное значение, однако подлежащее в таком двусоставном предложении не несет на себе смысловой акцентации, которая противоречила бы общему смыслу и функции предложения. «Двусоставные предложения имеют обобщенное значение в тех случаях, когда местоимения-подлежащие не указывают на конкретное лицо, а обозначают всякое лицо...» [10]: *Книга не принесет тебе радости, если ты не научишься углубляться в чтение* (К. Федин); *Одиночество ужасно, когда ты никому не нужен, и стоишь на улице, и тебя все обходят* (К. Федин). В приведенных предложениях местоимения не указывают на каких-либо конкретных лиц, поэтому действие может быть соотнесено с любым лицом.

Двусоставные конструкции могут быть близки *по значению* к односоставным обобщенно-личным, что позволяет говорить об их тесной связи и о том, что подобные двусоставные предикативные единицы можно считать промежуточными, переходными (хотя нельзя не отметить перевеса в сторону личных предложений), но объединять их в один структурно-семантический тип простого предложения неправомерно. Необходимо разграничивать понятия «обобщенность в сочетании с личностью», которая выражается специальными лексическими средствами: субстантивированными местоимениями *все* (в отличие от *всё*, выражающего значения «обобщенность + предметность»), *всякий, каждый, любой,* и «обобщенноличность», то есть в двусоставных предложениях выражается «обобщенность + личность», а в односоставных – «обобщенноличность» [11].

В предложении может совмещаться значение неопределенности и обобщенности лица («обобщенно-личный дейксис пересекается с неопределенно-личным» [12]): *Если в обществе любят артистов и относятся к ним иначе, чем, например, к купцам, то это в порядке вещей* (А. Чехов).

Некоторое значение обобщенности лица могут содержать и безличные предложения, однако этот факт «не превращает их в обобщенно-личные» [13]: *Не поел вовремя – обязательно тошнить будет* (Д. Донцова); *Милые девушки и юноши, уважаемые дамы и господа, пользователи Интернета! Те, кого в Интернет привело желание обрести друга, а если посчастливится – и любовь (шутников и корыстолюбивых мы не принимаем в расчет)...* (реклама Интернет-сайта); *В басне обычно рассказывается о животных, птицах, растениях, но под ними подразумеваются люди* («Родная литература». Хрестоматия для 5-го класса).

Значение обобщенности лица может быть присуще не только отдельно взятому предложению, но и различным типам предложений, объединенных в текст. «Обобщенно-личные значения местоимений в позициях не только субъектной, но и объектной, обстоятельственной, притяжательной выступают во взаимодействии с видовременными значениями глаголов, с синтаксическими и лексическими средствами, создавая обобщенно-личный план повествования как категорию текстовой организации» [14]:

Да бросьте вы! Еда голодному, кров бездомному – это необходимость. А работать сверхурочно и трястись над каждой копейкой, чтоб купить новую машину, вместо того чтоб с друзьями водку пить и вообще побольше отдыхать и веселиться – ну какая тут необходимость?

Слушайте, ну кому не хотелось хоть однажды сказать в лицо начальнику, что он хам и дурак, и уйти, грохнув дверью? И что – помер бы ты после этого, нищим оказался, несчастья бы ужасные обрушились? Нет, прожил бы, ничего. Ан глотаем – любя при этом «свободу» и мечтая «делать то, что нравится» (М. Веллер).

Итак, значение обобщенности лица могут выражать как односоставные, так и двусоставные предложения, в связи с чем целесообразно разграничивать понятия «обобщенноличности» и «обобщенности в

сочетании с личностью». Наиболее полно значение обобщенного синтаксического лица представлено в обобщенно-личных предикативных единицах. Сущность предложений с обобщенным лицом выражается не только в их семантической стороне, в которой смысловая акцентация на процессе обусловливает частичное устранение лица-деятеля, но и в их конструктивном оформлении. Употребляясь в речи, подобные предложения выражают разнообразные модальные оттенки и значения и выявляют большое количество промежуточных, переходных явлений между различными типами личных и безличных предложений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1991. – С. 8.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 375.
3. Теория функциональной грамматики. – С. 10.
4. Современный русский язык / Под ред. С.М. Колесниковой. – М., 2008. – С. 427.
5. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 2004. – С. 140.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – С. 378.
7. Там же. – С. 380.
8. Лекант П.А. Указ. раб. – С. 141 – 142.
9. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004.
10. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – Мичуринск, 1963. – С. 31.
11. Теория функциональной грамматики. – С. 41.
12. Там же. – С. 10.
13. Бабайцева В.В. Указ. раб. – С. 32.
14. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Указ. раб. – С. 119.

V. Lavrentjev

MEANING OF GENERALIZATION OF PERSON

Abstract: The article examines ways of expression of the generalized person in double-component and single-component constructions; structural-semantic features of generalized personal sentences are described and their groups by gradation degree are allocated; modal inflections of generalization meaning are defined.

Key words: person, semantic, generalization, sentences.

УДК 811.161.1’367.332.1

Логинов А.В.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ*

Аннотация: В статье рассматривается синтаксическая организация ФСК интеррогативности: ядерная и периферийная структуры поля, компоненты их организации, определяется связь с другими функционально-семантическими категориями языка.

Ключевые слова: поле, функционально-семантическая категория интеррогативности, ядро, периферия.

Введенный Г. Ипсеном в середине 20-х годов XX века в лингвистический обиход термин «поле» наибольшую популярность приобрел в последней трети прошлого столетия. В первую очередь это связано с тем, что полевое представление о языке характеризует его как систему, состоящую из взаимодействующих друг с другом подсистем. Язык, в этом случае, предстает как функциональное явление, в котором «происходят постоянные перестройки элементов и отношений между ними» [1]. В современном языкознании под полевой организацией понимают объединения разноуровневых элементов системы языка, имеющих общую семантическую функцию, и означающую не группировку, а принцип организации группировки.

* © Логинов А.В.

Понимая под функционально-семантическим полем (ФСП) билатеральное единство, А.В. Бондарко отмечает, что «план содержания ФСП детерминируется соответствующей семантической категорией и ее компонентами, а план выражения представлен разнообразными языковыми средствами, служащими (в различных сочетаниях и типах взаимодействия) для реализации функций, относящихся к данной семантической сфере. Речь идет о системе, имеющей семантическое основание» [2].

Однако, чтобы признать за тем или иным явлением полевую организацию, необходимо, кроме вышеназванных признаков, учитывать и некоторые другие, например, такие, как выделение ядерных и периферийных компонентов, распределение между ними выполняемых полем функций, размытость границ как между ядром и периферией, так и отдельными зонами периферии, взаимодействие исследуемого поля с другими ФСП.

Существует мнение, что в основе организации функционально-семантической категории лежит морфологическая категория, которая является центрообразующим элементом функционально-семантического поля. Эта точка зрения, на наш взгляд, ориентирована лишь на некоторые функционально-семантические категории. Действительно, ФСП должно иметь грамматическое ядро, однако этим ядром может быть не только морфологическая категория, но и различные синтаксические организации – синтаксические поля – «группировка синтаксических моделей на основании близости выражаемых ими синтаксических значений, которые представляют собой обобщенное отражение отношений объективной реальности. Возможность объединения структурных моделей в синтаксические поля обусловлена наличием между ними связей, в которых отражаются связи между соответствующими отношениями объективной реальности» [3].

Синтаксические категории представляют собой структуры, основывающиеся на противопоставлении форм и значений (однородных значений), к которым относятся и оппозиции повествовательных и вопросительных конструкций. Поэтому вполне оправдано отнесение к синтаксическим категориям таких грамматически коррелирующих рядов, которые опираются в плане формы не столько на показатели морфологического характера, сколько на различные типы синтаксических конструкций.

К числу подобных следует отнести и категорию интеррогативности (КИ), которая не может быть соотнесена с одноименной или каким-то образом сходной морфологической категорией в силу простого отсутствия последней. Однако КИ это функционально-семантическая категория, т.к. строится по принципу многоуровневой организации компонентов, имеющих семантическую общность и выполняющих в языке единую функцию.

Категория интеррогативности (КИ) является частью общей антропоцентрической установки языка, закономерной ориентации языковых значений, лексических и грамматических, на такую референциальную сферу отражения и интерпретации, как человек и его деятельность, и находит на всех уровнях языковой системы (начиная фонетическим и заканчивая синтаксическим) свое явное выражение. В свете этого нам представляется возможным охарактеризовать структурную организацию КИ как полевую.

Поле интеррогативности – это семантико-структурный тип грамматических единств, т.е. такой тип, в котором структура плана содержания соотносится со структурой плана выражения. Сюда относятся «системные объекты, существенно отличающиеся друг от друга как с семантической, так и со структурной точек зрения» [4]. При всем различии они базируются на определенном инварианте грамматического значения и определенном типе структуры, которая определяется противопоставленными друг другу рядами грамматических форм. «Когда же мы говорим о соотношении инварианта и вариантов, то нас интересует не только отношение «целое – часть» (если оно существует, что бывает далеко не всегда), но и отношение глубинной сущности, которая остается неизменной при всех ее преобразованиях в различных условиях взаимодействия системы и среды, в различных условиях речи» [5].

Для интеррогативности подобное замечание подходит в полной мере. Глубинная сущность инварианта категории интеррогативности заключается в том, что при всем различии речевых ситуаций, где возможно употребление вопросительной

конструкции или конструкции, соответствующей по значению интеррогативной, неизменным остается значение «запрос информации». Этот инвариант усматривается и в риторических вопросах, и в других типах трансформированных предложений.

КИ и организующее ее поле средств и значений имеет четкое семантическое содержание: выражение запроса о неизвестном явлении с целью получить на него ответ. В этом случае можно с уверенностью говорить о семе интеррогативности, которая присутствует не только в семантике вопросительного предложения, но и в семантике его компонентов, в первую очередь лексем. Как показывают наши наблюдения, поле интеррогативности представлено, как минимум, двумя уровнями: лексическим и синтаксическим, каждый из которых имеет свое собственное ядро и периферию.

Статус ядра определяется несколькими признаками:

1) Максимальной концентрацией в системе форм тех базисных дейктических признаков, которые определяют качественную специфику категории и соответствующего поля.

2) Наибольшей специализированностью этих форм для выражения обобщенных отношений.

3) Структурной концентрацией семантических оппозиций в системе форм.

4) Регулярностью функционирования этих форм.

Использование языковых знаков для выражения интеррогативности не может ограничиваться только их стабильным семантическим потенциалом, но реализуется также за счет конкретных обстоятельств коммуникации: статуса говорящего, особенностей его замысла, фактора адресата, характера ситуации и т.д. Из этого следует, что КИ характеризуется сложной синтезированной природой – она представлена коммуникативно-прагматическим объединением языковых и речевых знаков, которые используются адресантом для реализации интеррогативного акта.

При описании синтаксической организации ФСП интеррогативности мы исходим из того, что вопросительное предложение обладает самым широким спектром функциональных характеристик – от собственно запроса информации до выражения приказания, мольбы, констатации, возражения, эмоциональной реакции, иронического замечания и т.д. Способность вопросительного предложения к реализации вторичных функций возможна тогда, когда в процессе коммуникативного акта первичная функция по ряду объективных или субъективных причин отступает на второй план, затушевывается и служит лишь фоном для реализации неинтеррогативных интенций.

Тем не менее вопросительное предложение характеризуется, прежде всего, своей собственной интеррогативной семантикой, которая стоит в оппозиции семантике побуждения, просьбы, волеизъявления, бытийности и т.д. Это то, что отличает один тип языковой конструкции от другой на семантическом уровне, который реализует свое грамматическое оформление с помощью конкретных лексико-грамматических и интонационных средств. Инвариантное значение интеррогатива «выражает «желание» знать, а не «желание» повлиять на кого-либо таким образом, чтобы заставить его сделать так, чтобы мы знали. Это то, что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемым медитативным вопросам типа “Интересно, что случилось?”» [6].

Всю систему предложений, построенных по образцу интеррогативной конструкции, можно разделить на две группы: предложения, формирующие ядро, и предложения, формирующие периферию интеррогативной синтаксической организации.

К ядерным компонентам относятся собственно интеррогативные предложения, реализующие первичную функцию – функцию запроса, то есть такие, в которых форма и значение совпадают (соблюдающие принцип изоморфизма). Их структурная организация представлена разнообразными типами простых и сложных предложений.

Наиболее частотна и общеупотребительна в функции запроса интеррогативная конструкция, построенная по модели простого двусоставного предложения с явно выраженными объектом и предикатом речи-мысли:

Иван Сидоров. Чем же они живут?

Муромский. Чем живут?.. Чем живут?! Ну – государево жалованье тоже получают (Сухово-Кобылин. Дело).

Как правило, в художественной литературе при имитации живой разговорной

речи используются неполные конструкции, состоящие из одного компонента, но самого важного в конкретной коммуникативной ситуации – ситуации запроса:

Нароков. Я человек образованный, учился в высшем учебном заведении, я был богат.

Домна Пантелеевна. Ты-то?

Нароков. Я-то!

Домна Пантелеевна. Да ужли?

Нароков. Ну, что ж, божиться тебе, что ли?

Домна Пантелеевна. Нет, зачем? (А.Н. Островский. Таланты и поклонники).

Другой распространенный в языке тип синтаксической интеррогативной конструкции – сложноподчиненное предложение со значением прямого вопроса, которые «бывают разными по значению, так как могут включать любое придаточное» [7].

Самыми типичными в этом перечне признаются СПП с вопросительными придаточными условия. При этом обязательным условием является наличие собеседника – непосредственного адресата. В семантике предложения присутствует коннотативное значение удивления речевому поведению адресата:

Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина. Что я сделаю?

Варвара. Да, что сделаешь?

Катерина. Что мне только захочется, то и сделаю (А.Н. Островский. Гроза).

Сложносочиненные предложения с соединительными союзами (многочленные конструкции, в составе которых присутствует соединительный союз):

Сначала мне было жалко ее, потом я подумал: «Не надо ли утешать ее, и как это надо сделать? – и наконец мне стало досадно за то, что она ставила меня в такое неловкое положение (Л.Н. Толстой. Юность).

Сложносочиненные предложения с противительными союзами:

Милонов. Ваш родственник, вероятно?

Гурмыжская. Нет, не родственник, но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? (А.Н. Островский. Лес).

Сложносочиненные предложения с разделительными союзами (многочленные конструкции, в составе которых присутствует разделительный союз):

Часто теперь я спрашиваю себя: когда я был лучше и правее – тогда ли, когда верил во всемогущество ума человеческого, или теперь, когда, потеряв силу развития, сомневаюсь в силе и значении ума человеческого? – и не могу себе дать положительного ответа (Л.Н. Толстой. Юность).

Бессоюзные сложные предложения с вопросительной частью:

Лидочка. Ах, тетенька, я ничего не могла сказать... я только спросила: точно ли вы меня любите?

Атуева. Но а еще что?

Лидочка. Я больше ничего не могла сказать (Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского).

Односоставные предложения

1. Глагольные

1) Инфинитивные вопросительные предложения выражают вопрос, требующий не воспроизведения известной информации, а поиска решения, выбора наиболее целесообразного варианта из всех возможных, что связано с ориентацией вопросительного инфинитивного предложения на перспективу, а также с модальным значением целесообразности, которое подразумевает некатегоричность.

Употребление вопроса в инфинитивной конструкции, по сравнению с другими типами, «характеризуется исключительно отнесенностью к сфере человеческой деятельности, с чем связано своеобразие лексического состава инфинитивов и обязательное наличие или возможность восстановления субъекта действия» [8].

В роли главного члена таких предложений выступают лексемы, обозначающие различные сферы человеческой жизнедеятельности. Например:

– Вы печатаете свои произведения в журналах? – спросил у Веры Иосифовны Старцев.

– Нет, отвечала она, – я нигде не печатаю. Напишу и спрячу у себя в шкапу. Для чего печатать? – пояснила она. – Ведь мы имеем средства (А.П. Чехов. Ионыч).

– Табачку нешто нам понюхать? – говорит он, подставляя бабам свою табакерку. Бабы нюхают и чихают (А.П. Че-

хов. Ванька).

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений (Л.Н. Толстой. Детство).

Некоторые вопросительные инфинитивные предложения приобрели статус фразеологизированных и фиксировано употребляются в определенных ситуациях речи: *Что делать? Как быть? Как бы это выразиться?*

2) Безличные:

Он (Семенов. – А.Л.) *говорил неохотно и спокойно, как всегда*:

– Здравствуй, Зухин. Спасибо, что зашел. А, господа, садитесь. Ты пусти, Кудряшка, – обратился он к рекруту, с которым ужинал и разговаривал, – с тобой после договорим. Садитесь же. Что? Удивило тебя, Зухин? А? (Л.Н.Толстой. Юность).

3) Определенно-личные:

– Жуешь? – спрашивал Иона свою лошадь, видя ее блестящие глаза. – Ну, жуй, жуй... (А.П. Чехов. Тоска).

4) Обобщенно-личные:

– Ну что, у вас все постреливают? – спросил Мартынов. Иван Ильич не ответил, пожал плечами (А. Толстой. Хождение по мукам).

5) Неопределенно-личные:

– Вы имеете понятия о страданиях? Позвольте: вас в детстве секли?

– Нет, мои родители питали отвращение к телесным наказаниям (А.П. Чехов. Палата № 6).

2. Именные

1) Номинативные:

Иван Дмитриевич засмеялся и сел.

– Положим, покой и довольство человека не вне его, а в нем самом, – сказал он. – Положим, нужно презирать страдания и ничему не удивляться. Но вы-то на каком основании проповедуете это? Вы мудрец? Философ?

– Нет, я не философ, но проповедовать это должен каждый, потому что это разумно (А.П. Чехов. Палата № 6).

– Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? – спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления (А.П. Чехов. Хамелеон).

Генитивные:

– Есть у тебя платок? – спросил папа. Я вынул из кармана и показал ему.

– Ну, так возьми на платок эту серую собаку...

– Жигана? – сказал я с видом знатока.

– Да, и беги по дороге... (Л.Н. Толстой. Детство).

Периферия ФСП интеррогативности неоднородна. Ближняя периферия представлена синтаксическими конструкциями с нарушением принципа изоморфизма в плане выражения (форме): побудительными предложениями (приказ или просьба совершить речевое действие): *Скажите мне, кто ваш друг, и я скажу, кто вы*, повествовательными предложениями, констатирующими волю говорящего получить ту или иную информацию: *Я хочу знать, кто вы.*

Особый случай составляют собственно вопросительные предложения, употребленные во внутренней речи. В подобной ситуации они направлены не столько на узнавание нового, сколько представляют собой попытку организовать и упорядочить речемыслительную деятельность, причем адресатом и адресантом будет одно и то же лицо:

«Но не слишком ли я холодна с ним? – думала княжна Марья. – Я стараюсь сдерживать себя, потому что в глубине души чувствую себя к нему уже слишком близкою; но ведь он не знает всего того, что я о нем думаю, и может вообразить, что он мне неприятен» (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Нам представляется возможным, учитывая прагматику подобного положения дел, отнести такие конструкции к ближней периферии.

Специфическая природа КИ и образующей ее полевой системы языковых средств и значений выражается в многочисленных взаимодействиях с другими системными интеграциями (побуждение, волеизъявление, оценка, эмотивность), включающиеся под определенным углом зрения в сферу интеррогативности или обнаруживающие с ней зоны частичного наложения, пересечения.

Л.В. Цурикова считает, что «доля «невопросительных» употреблений вопросительных предложений составляет более 50% » [9]. Для поля интеррогативности эти отношения существенны, т.к. представляют определенную незамкнутость, открытость, возможность перетекания одной

категории в другую, что свидетельствует о взаимосвязи и взаимовлиянии различных категорий современного русского языка. Адресант, используя интеррогативные по форме конструкции для выражения неинтеррогативных значений, максимально эффективно воздействует на адресата, тем самым быстрее достигает желаемого результата. Интеррогативная конструкция, теряя свою первичную коммуникативную функцию и приобретая эмоциональную функцию, стимулирует повышенную умственную активность адресата и призывает его к реализации определенных действий или диалогу с самим собой.

Подобные предложения выражают семантику совета, просьбы, пожелания, внутреннего убеждения, то есть наблюдается нарушение принципа изоморфизма в плане содержания, и составляют дальнюю периферию ФСП интеррогативности. Прежде всего к ним следует отнести риторические вопросы: *Кто в силах удержать любовь?*, чья формальная сторона противоречит реальному смыслу, а также конструкции, в которых выражено побуждение к действию: *Вы не могли бы закрыть окно?* В этом случае имеет смысл говорить о нейтрализации семантики интеррогативности и актуализации других компонентов значения в зависимости от коммуникативной направленности высказывания, от объективных и субъективных условий речевого акта.

При определении отнесенности того или иного вопросительного предложения к ядру или периферии следует, на наш взгляд, руководствоваться несколькими составляющими: степенью выражения категориального значения, формой ее представления, прагматической установкой говорящего.

Таким образом, синтаксическая структура категории интеррогативности, организованной по принципу поля, подтверждается следующими фундаментальными признаками: имеет собственную синтаксическую единицу – вопросительное предложение – для выражения интеррогативной семантики; четкое противопоставление ядра и периферии, основанное на разграничении первичных и вторичных функций; инвариантным значением для всех компонентов ядра и ближней периферии является значение запроса; взаимодействие с другими ФСП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Полевые структуры в системе языка // Науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж, 1985. – С. 7.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – С. 290.
3. Феличева Н.И. Синтаксические поля: Пособие по грамматике немецкого языка. – М., 1977. – С. 15.
4. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – С. 305.
5. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – С. 161.
6. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.ХУ1. – М., 1985. – С. 261.
7. Валимова Г.В. Система вопросительных предложений // Синкретизм семантики синтаксических единиц. – Ростов-н/Д, 1988. – С. 24.
8. Печникова Н.А. Коммуникативные функции вопросительных инфинитивных предложений: Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 1995. – С. 26.
9. Цурикова Л.В. Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения: Дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1992. – С. 15.

A. Loginov

SYNTACTIC ORGANIZATION OF THE FUNCTIONAL AND SEMANTIC CATEGORY OF INTRROGATIVITY

Abstract: The article deals with a syntactic organization of the functional and semantic category of interrogativity, i. e. central and peripheral structure of the field, the components of its organization as well as connections with other functional and semantic categories.

Key words: field, functional and semantic category of interrogativity, nucleus, periphery.

УДК 81’42

Пригарина Н.К.

ТАКТИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ АРГУМЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕЧИ*

Аннотация: В статье рассматривается специфика сопоставления как элемента аргументации воздействующей речи. Анализируются формы аргументации по аналогии в тактике защитительной судебной речи.

Ключевые слова: судебная риторика, аргументация судебной речи, воздействие, стратегии и тактики аргументации, аргументация по аналогии, буквальная аналогия, фигуральная аналогия.

Традиционные тропы и фигуры, воспринимаемые в стилистике как статичные «цветы красноречия», средство украшения, в современной риторике трактуются как форма аргументации, как тактики построения аргументации воздействующей речи [1].

Указания на это имеются во многих старых и новых риториках, в особенности написанных не теоретиками, а практиками, теми, кто сам активно выступал с публичными речами, умел воздействовать на аудиторию. Самой характерной в этом отношении является, пожалуй, книга П.С. Пороховщикова «Искусство речи на суде», в которой автор пишет: «Риторические украшения, как и прочие элементы судебной речи, имеют право на существование только как средства успеха, а не как источник эстетического наслаждения» [2: 46]. Метафора, градация, концессия и т.п. рассматриваются автором не столько как приемы украшения слога, сколько как средства аргументации воздействующей речи.

Одним из наиболее ярких и показательных примеров использования традиционных тропов в аргументации воздействующей речи является аргументация по аналогии, проявлением которой является сопоставление. Интересно проследить особенности аргументации по аналогии в защитительных речах Ф.Н. Плевако [3].

По справедливому замечанию И.С. Ладенко, логическое мышление в форме дискретного кода обогащает познание по принципу линейного присоединения, а образное мышление в форме целостного синкретического кода – по принципу аналогового расширения. В основе последнего лежит «отождествление и уподобление явлений и процессов, сводящее пестроту мира к инвариантным, целостным образцам» [4: 17].

В связи с этим выделяют два вида аналогии: **буквальную** (логическую, классификационную) и **фигуральную** (риторическую, симилятивную).

1.**Буквальная** (логическая, классификационная) аналогия предназначена для проверки выдвинутых идей, разработки выводов, устранения внутренних противоречий в доказательствах и рассуждениях и проводится между объектами, принадлежащими к одной и той же или близким областям действительности. С помощью буквальной аналогии сравниваются предметы, вполне сопоставимые по своим характеристикам. Это сугубо логический прием, когда на основе общности ряда признаков двух явлений делается умозаключение о совпадении и других их признаков.

2. **Фигуральная** (риторическая, симилятивная) аналогия предназначена для моделирования новых идей, установления неожиданных, абсурдных постулатов и гипотез. Она проводится между объектами, принадлежащими к удаленным друг от друга областям действительности, и выступает в процессе общения в образной форме. «Каждая культура включает в качестве неотъемлемого компонента систему устоявшихся в коммуникативной практике кодифицированных образов, ведущих свое происхождение из фольклорных, мифологических, художественных и других текстов. Такие образы выполняют моделирующую и коммуникативную функции и, воплощаясь в различных субстанциях (графической, пластической, музыкальной, вербальной и др.), становятся внутренней формой соответствующих знаков» [5: 49].

В судебном дискурсе **буквальная** аналогия оказывается особенно ценной при квалификации деяний, поскольку для осу-

* © Пригарина Н.К.

ществления этой процедуры юрист должен доказать соответствие обсуждаемого деяния определенной норме закона. Судебный спор чаще всего и сводится к обсуждению аналогии: подпадает ли случай под действие закона, либо факты неравнозначны и не могут быть признаны аналогичными, и, следовательно, общая норма к ним неприменима. Специфика судебной речи определяет сферу, из которой черпаются объекты для построения такой аналогии – это сфера применения закона [6].

Сложность применения аргументации по аналогии связана с тем, что не существует однозначных критериев для оценки степени аналогичности разных деяний, именно поэтому невозможно предсказать решение суда, а успех судебного оратора определяется искусством находить и опровергать аналогии.

Буквальная аналогия реализуется в защитительных речах Ф.Н. Плевако в форме следующих тактик: 1)тактики прецедента, 2) тактики сопоставления норм законодательства, 3) тактики сопоставления деяний.

1.**Тактика прецедента.** Прецедент является весьма действенным способом аргументации. Главной задачей при использовании данной тактики является выявление того признака, по которому будет производиться аналогия. В качестве авторитетных инстанций, решение которых может использоваться для построения прецедента, выступают официально установленные (и близкие к ним) организации и лица, мнение которых суд обязан принять во внимание, поэтому апелляция к ним является рациональным аргументом для суда:

Обратите внимание на завод, сгоревший в Лапине. Этот завод был передан на особых условиях: расплата производилась векселями. До окончания расплаты Горнштейн оставался собственником завода. Переход его мог совершиться только по уплате всей суммы долга. При таких условиях страховое общество не должно было выдавать вознаграждение. ***Наш кассационный суд по делу Крылова с казной*** *— по делу, любопытному, между прочим, тем, что пришлось подавать девять кассационных жалоб, прежде чем суд удовлетворил мое требование, — разъяснил, что арендатор может страховать постройки* (Дело Горнштейна).

2. **Тактика сопоставления норм законодательства.** Объектом сопоставления выступают сами нормы закона, а оратор рассуждает о возможностях их применения. Такая форма аналогии сугубо рациональна, и сопоставление нужно для правильной квалификации деяния подсудимого. Тогда известную (точно сформулированную) норму закона распространяют по аналогии на рассматриваемое деяние, поскольку каждое конкретное деяние не вполне четко описано в законе:

Это мнение имеет за себя такой авторитет, пред которым должен преклониться авторитет каждого суда. Именно, в 1869 году до кассационного Сената, как видно из решения его № 327, доходило дело, в котором возникал такой вопрос: не следует ли считать грабежом переход имущества от одного лица к другому, когда в это же время между лицами случалась драка, хотя бы эта драка и не была средством для вымогательства имущества. ***Сенат признал, что грабежом называется только такое деяние, в котором насилие, побои, угрозы, – все это было затеяно для того, чтобы добиться приобретения имущества;*** *если же одно из другого не вытекает, как следствие из причины, – тогда нет грабежа.* ***На основании этих соображений легко разрешить вопрос о вымогательстве*** (Дело Бострем).

3.**Тактика сопоставления деяний.** Сопоставляется действие, совершенное участником процесса, с предполагаемыми (возможными) действиями, конструируемыми оратором для уточнения квалификации деяния. Эта тактика применяется тогда, когда в статье закона не прописаны все возможные варианты и следует обратиться к аналогичным квалификациям других статей для того, чтобы уточнить, какими нормами закона пользоваться (подвести под образцы):

Сам закон, строго карающий подобные преступления, делает различие между человеком, воспользовавшимся плодами своей преступной деятельности, и тем, который ничем не поживился. По закону, например, строго карается чиновник, совершивший растрату казенного добра; ***но пусть этот самый чиновник за пять минут до произнесения приговора пополнит растрату, наказание ему уменьшается до минимума.*** *Закон только не мог регла-*

ментировать, не мог предвидеть всех возможных в жизни случаев. Определив общее значение подлога, определив наказание за него, закон суждения о существе преступления, о тех последствиях, какие оно вызвало, предоставил на разрешение судей совести (Дело Росковшенко).

Назначение **фигуральной** аналогии – обратить внимание слушателей на какую-нибудь особенность описываемого предмета. Выявление сходства и различия нетождественных объектов – одного из объектов судебной речи и известного слушателям того или иного явления действительности – как раз и «делает их подлежащими оценке с одной и той же точки зрения» – оценке преступления с позиции закона. Такие сопоставления – «душа убеждения», прекрасное средство подчеркивания доказательств, благодаря которому их сила увеличивается «естественным образом» [7: 51].

«Вопреки известной французской поговорке, сравнение часто бывает превосходным доказательством. В речи по делу крестьян села Лютории Ф.Н. Плевако говорил по поводу взрыва накипевших страданий и озлобления со стороны нескольких десятков мужиков: “Вы не допускаете такой необыкновенной солидарности, такого удивительного единодушия без предварительного сговора? Войдите в детскую, где нянька в обычное время забыла накормить детей: вы услышите одновременные крики и плач из нескольких люлек. Был ли здесь предварительный сговор? Войдите в зверинец за несколько минут до кормления зверей: вы увидите движение в каждой клетке, вы с разных концов услышите дикий рев. Кто вызвал это соглашение? Голод создал его, и голод вызвал и единовременное неповиновение полиции со стороны лютерических крестьян...”. Нужно ли прибавлять, что эти два сравнения сделали для доказательства мысли защитника больше, чем могла бы сделать целая вереница неоспоримых логических рассуждений?» [2: 55].

Фигуральная аналогия в защитительных речах Ф.Н. Плевако реализуется в виде следующих тактик: 1) тактики оценивания, 2) тактики объединения с ценностями слушателей.

1.**Тактика оценивания.** Сопоставления нередко выступают имплицитной формой оценки. «Обращаясь к коннотативному аспекту симилятивных аналогий, следует отметить их яркую эмоциональность и явно выраженную оценочность, придающую им большую суггестивную силу и способность навязывать реципиенту то или иное отношение к денотату, позицию, установку и проистекающий из них образ действий» [5: 50]. Ср. у Ф.Н. Плевако:

*Современные ростовщики, это — **те пиявки**, которые сосут вас; они **хуже кредиторов Древнего Рима**, бросавших своих должников в тюрьмы, физически мучивших их: наши ростовщики, это — **те шейлоки**, которые за долг берут фунт человеческого мяса* (Дело Росковшенко).

Оратор специально подбирает такие сопоставления, которые вызовут у присяжных наиболее негативные эмоции по отношению к кредиторам подсудимого. С другой стороны:

*Ведь человек, который видит пред собой смерть, хватается за указанный ему **луч надежды, как за прочный якорь спасения**. Точно так же и Висновская, не чувствуя любви к Бартеневу, приняла его предложение с благодарностью* (Дело Бартенева),

где выбираются поэтические метафоры, призванные создать положительное отношение к участникам драмы.

2. Тактика объединения с ценностями слушателей. Данная тактика состоит в создании аналогии между объектом судебного разбирательства и предполагаемыми ценностями участников суда (Более подробно иерархия ценностей судебной речи описана в нашей статье: 8). Ф.Н. Плевако, например, активно обращается к библейским образам и мотивам, в разных случаях имеющим как положительную, так и отрицательную коннотации:

*1. К Иерусалимскому храму, вскоре после завершения земной жизни **Христа**, подходили верховные **проповедники Его учения**. У дверей они **встретили хромого нищего**. В храм приведен Литвинов, старый ветеран Литвинов, защитник Севастополя* (Дело Мельницкого).

Или:

*Когда раз, по неосторожности ли человека или под гнетущим давлением внешних причин, в душе его **посеяны те или другие семена, то из этих семян, равно как из семян, брошенных в хорошую почву**, совершенно естественно выходит **роскошная растительность*** (Дело Лукашевича),

2. Вопрос таков: можно ли по данным, добытым следствием, прийти к религиозному убеждению, что Е.Ф. Санко-Лешевич – это ***Каин****, убивший родную сестру свою, и по чистой совести сказать ему: «Умри! Истина против тебя!..»* (Дело Санко-Лешевича).

Или:

Человечество проклинает его [католичество], *а она, игуменья, пересаживает это* ***ядовитое дерево*** *на нашу* ***почву*** (Дело игуменьи Митрофании).

По совести вы должны освободить такую душу от ***злокачественных наростов****, вы должны пощадить ее* (Дело Лукашевича).

Таким образом, сопоставление в защитительных речах Ф.Н. Плевако используется не как статичный троп, а как инструмент воздействия на конкретную аудиторию для решения конкретной задачи, как особая аргументативная тактика – аргументация по аналогии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика. – М., 2004.
2. Сергеич П. Искусство речи на суде. – М., 1988.
3. Плевако Ф.Н. Избранные речи. – М., 1993.
4. Ладенко И.С. Методология семантического моделирования. – Новосибирск, 1987.
5. Савицкий В.М. Применение образных средств в аргументативном дискурсе // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994.
6. Соболева А.К. Топическая юриспруденция: Аргументация и толкование в праве. – М. 2001.
7. Луцкий К.Л. Судебное красноречие. – М., 1994.
8. Пригарина Н.К. Принципы построения иерархии ценностей в судебной речи // Современный научный вестник. Научно-теоретический и практический журнал. № 16 (24) 2007. Серия: Педагогика, психология, филология.– Белгород, 2007. – С. 71-77.

N. Prigarina

TACTIC OF COMPARISON AS ELEMENT THE ARGUMENTATION OF JUDICIAL SPEECH

Abstract: In this article it is considered the specifity of rhetorical approach to the appreciation of destination of definition of comparison in the argumentation of influencing speech. It is analyzed the kinds of comparison and forms of its transformation in the tactics of the protecting judicial speech.

Key words: judicial rhetoric, the argumentation of judicial speech, influence, strategy and tactics of argumentation, the argumentation by analogy, literal analogy, figurative analogy.

УДК 81’371

Симашко Т.В.

ПРИМЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СВОЙСТВ ОБЪЕКТОВ МИРА*

Аннотация: В статье представлен анализ примет, позволяющий извлекать информацию о наиболее значимых для людей объектах мира и их свойствах.

Ключевые слова: денотативно связанные единицы, языковая картина мира.

В процессе освоения действительности знания об отдельных объектах, закрепляясь в разных языковых единицах и текстах, оказываются «рассыпанными» в информационном пространстве. Одним из способов представить вербально освоенный объект мира в его целостности является анализ денотативно связанных единиц. Систематизация материала на этом основании позволяет получать сопоставимые результаты и моделировать фрагмент языковой картины мира. Так, анализ значений денотативно связанных единиц, ориентированных на такой природный объект, как туча, показывает, что языковым сознанием выделяются размер, цвет, характер расположения на небе, влияние на степень освещенности окружающей среды и т.д. Эта информация закрепляется в словах – *об-*

* © Симашко Т.В.

лачный ‘покрытый облаками’ [1], *поморочь* ‘мрак, темень от набежавшей тучи’, *потянухи* ‘легкие облака, затягивающие небо’, в устойчивых словосочетаниях – *кучевые облака*; *ветряная свинка* ‘очень темное, как бы в клочья разорванное облако’ [2], в загадках – *Летит орлица По синему небу, Крылья распластала, Солнышко застлала* и т.д.

Богатейшим источником сведений для понимания обыденной картины мира являются народные приметы. Еще В.И. Даль, приступая к их разбору, писал: «Едва ли, однако же, можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер, без всякого смысла и толку. Коли есть поверья, рожденные одним только праздным вымыслом, то их очень немного; – и даже у этих поверий есть, по крайней мере, какой-нибудь источник» [3].

Народные приметы многообразны по содержанию, разнородны по языковой форме выражения, но однотипны по структуре, которая определяется их жанрово-речевыми особенностями. Минимально примета состоит из двух частей: первая содержит информацию о том, что или когда примечается, а вторая – ради чего примечается. Эти обязательные части можно обозначить, как две исходные ситуации, благодаря соединению и взаимодействию которых образуются разные семантико-синтаксических типы и их конкретные реализации. Для обозначения составных частей приметы было введено два понятия – ситуация-метка и ситуация-интерпретатор.

Семантические функции исходных структур различны: ситуация-интерпретатор отражает некий объект, событие или явление, которые выделены языковым сознанием как то, *что* концептуализируется, тогда как ситуация-метка отражает способ концептуализации, способ видения, понимания того, что названо в первой исходной. Например, в примете *Иней в Филипповку – урожай* ***овса*** [4] ситуация-метка, информирующая об обилии инея в данный день, служит основанием для толкования содержания второй части. Но это не единственная дата, а иней не единственный признак, по которому судят об урожае на эту культуру: *На* ***Егорья мороз*** *– под кустом овес*; *В* ***Великий четверок мороз****, так и под кустом овес*; *Перед* ***Николой иней*** *– овсы хороши будут*. Между тем не только метеорологические особенности того или иного дня становятся предметом внимания людей, но и состояние представителей фауны и флоры: *Много* ***комаров*** *– быть хорошему овсу*; *На* ***ольхе*** *много сережки – к урожаю овса*; ***Осина*** *в сережках* (т.е. богато цветет) *– урожай на овес*; ***Рябина*** *цветет рясно – много овса будет* [5].

Таким образом, урожай овса является тем важным событием, о котором накапливались различные сведения, обобщались и закреплялись в языке, т.е. оно стало предметом концептуализации. Тогда как различная информация, получившая выражение в ситуациях-метках, представляет собой способ концептуализации, отражающий то, что, по мнению народа, связано с урожаем, а поэтому и считается его знаком. Заметим, что под концептуализацией понимается процесс и результат интерпретации, оценки, обобщения свойств объекта и закрепления их в отдельной единице. Одним из важнейших в изучении языковой концептуализации является кумулятивный аспект. С этой позиции ситуация-метка рассматривается иначе, чем в коммуникативном аспекте. Так, в последнем случае ситуация-метка по отношению к ситуации-интерпретатору выполняет прогностическую роль: по ней определяется то, о чем делается предположение. Однако с позиции кумулятивной функции важно рассмотреть всю совокупность ситуаций-меток как единый информационный блок, так как он в целом отражает накопленный людьми опыт, их знания о событиях или явлениях, представленных в ситуации-интерпретаторе. В этом отношении акцент делается не на функционировании примет, а на том, какая информация о мире фиксируется в них и какие стороны объекта концептуализации раскрываются.

Качественный анализ информационных блоков каждой из исходных ситуаций показал, что характер представления в них сведений различен. Так, содержание ситуаций-меток шире по объему, в них детальнее описаны события, нередко они индивидуализируются за счет включения дополнительных признаков, обстоятельств, условий: *Кошка ложится на загнетку – к морозу*; *Если утиральник из-под пирога, брошенный на застреху, не скатится, то*

будет хороший урожай [6]; *Перистые облака вытягиваются узкой длинной полосой – к сильному дождю с ветром и бурей*; *Пигалица ходит по полю приседая – на дождь* [7]. Такая детализация интересна сама по себе для анализа зафиксированных в наглядно-чувственных образах тех наблюдаемых в жизни ситуаций, которые оказались значимые для народного сознания. Так, способность месяца к мерцанию, иметь кольцо, быть разного цвета, нарождаться рогами, повернутыми к разным частям света, раскрывается в приметах: *Если месяц мерцает, слегка дрожит – к дождю*; *Радужный круг около луны – к ветрам, к ненастью*; *Когда месяц весною кажется красноватым, то следуют сильный жар и гроза*; *Когда месяц родится рогами вверх* (на север), *то летом будет ведренно, зимой холодно* [8]. Однако в приметах не только отражаются наблюдаемые явления, но и сохраняются следы языческих верований, своеобразно преломляются христианские мотивы, что, конечно, также должно учитываться. Например, архаичная оценка правой стороны как хорошей нашла выражение в примете *Кто увидит новую луну с правой стороны, тот будет получать доход, прямо – ни то, ни се, а слева – расход* [9].

Содержание ситуации-интерпретатора выражается кратко, обобщенно. Как правило, лишь именуется событие, иногда конкретизируется, уточняется одна из сторон его проявления. Так, во многих приметах в ситуации-интерпретаторе называются какие-нибудь атмосферные явления, обозначается погода или события, которые последуют за тем, о чем говорится в ситуации-метке, указываются перспективы каких-то действий или состояний – *к добру* или *худу*, *к счастью* или *несчастью*, *к урожаю* или *неурожаю* и т.д. Приведем примеры, в которых уточняется объект концептуализации: *Сильный вихрь бывает перед* ***проливным*** *дождем*; *Во время дождя пузыри долго не пропадают – к* ***затяжному*** *дождю*; *Папоротник закручивает книзу листья – к* ***солнечной, ясной*** *погоде*; *Первый гром гулкий – к* ***ядреным*** *хлебам*; *Если дикие утки прилетели жирные – весна будет* ***холодная, долгая*** [10].

Такая форма выражения помогает сгруппировать приметы на основе общности смысла ситуации-интерпретатора и представить круг событий, подвергшихся концептуализации. Имя, названное в ситуации-интерпретаторе, позволяет «вписать» весь блок примет в соответствующий денотативный класс, и расширить, дополнить, уточнить сведения о том, какие ситуации выделяются народным сознанием как взаимосвязанные. Например, в значениях слов *сивера*, *сиверко*, *сиверца* [11] отражена связь атмосферных явлений, что находит выражение в закрепившихся в них признаках – ‘сильный ветер’, ‘с дождем’ или ‘с дождем и снегом’. Эта же информация, кстати, представлена в примете *Сильный ветер – к ненастью* раздельно в ситуации-метке (*сильный ветер*) и в ситуации-интерпретаторе (*к ненастью*). Но другие приметы открывают и иные связи ветра: *Солнце при закате сияет – к большому ветру*; *В пятый день до новолуния – всегда сильный ветер*; *Если при закате горизонт зловеще красен – быть сильному северу* (северному ветру) и т.д. [12].

Необычно и более полно ситуация-интерпретатор предстает лишь в приметах, где содержание передается посредством наглядного образа, метафорически, обнаруживая органическое слияние «трезвого практицизма и высокой поэзии» [13]: *Коли курочка в Евдокеи напьется, то и* ***овечка на Егория наестся*** [14]. В первой части речь идет о таянии снега, образовании талой воды, что и передается образно – *курочка напьется.* Вторая часть содержит информацию о состоянии окружающей среды, в частности, об установившейся теплой погоде, о подросшей к указанному сроку траве, что ясно из ситуации – *овечка наестся.* Аналогично: *Если на Сретенье петух напьется воды –* ***наберется пахарь беды***; *Если на Сретенье небо белозвездно, то* ***зима заплачет поздно*** [15]. Однако образная передача информации не препятствует отнесению подобных примет к определенному объекту мира.

Чтобы извлечь информацию об особенностях концептуализации явлений действительности, следует анализировать не только каждую из исходных структур, но и характер отношений между ними. Сопоставление содержания исходных структур, конкретизация семантических отношений между ними позволяет определить структурно-семантические типы примет. Отметим, что на основании чисто формаль-

ного сходства примет их нельзя дифференцировать.

Рассмотрим несколько примет, в которых содержание ситуации-метки, приуроченное к Великому (или Чистому) четвергу, связано с разными явлениями природы: *Ветер в Великий четверг – ветрено до Вознесения*; *Если в Великий четверг холодно, то весна холодна до седьмой недели после Пасхи*; *Дождь в Чистый четверг – весна мокрая* [16]. Как видно, в этих текстах ситуация-метка включает информацию о таких же природных явлениях, которые называются и во второй исходной структуре с той лишь разницей, что в ситуации-интерпретаторе указывается иной отрезок времени, а именно дни, отсчитываемые от Пасхи – Вознесение (40-й день после Пасхи) и шесть недель *после Пасхи*. В третьем случае утверждается, что *дождь* в Великий четверг соответствует такой же погоде на протяжении всего сезона – *весна мокрая*. Итак, в приведенных приметах одинаковая погода в один день календаря соответствует такой же погоде в другое время. Предлагается обозначить эти тексты и им подобные ***как приметы соответствия***.

Формально похожи на них приметы: *Если в Великий четверг дует легкий ветер – это к урожаю ягод, плодов и орехов*; *На Вербной мороз – яровые хлеба хороши будут*; *Темная ночь под Пасху – к урожаю* [17]. Однако семантически данные тексты отличаются от приведенных выше тем, что между объектами исходных структур нельзя говорить об отношении соответствия. В них содержание ситуации-метки (ветер, мороз, беззвездная ночь) предвещает либо урожай вообще, либо на отдельные культуры. Такого рода отношения между содержанием исходных структур служат основанием для отнесения их к иному структурно-семантическому типу – ***приметам предвестия***.

Существенным различием между рассмотренными типами примет является характер отношений между исходными структурами, который обусловлен их семантикой. В приметах предвестия содержится разноплановая информация, а в приметах соответствия – однотипная. Средством выражения однотипной информации является синтаксический и семантический параллелизм: *ветер – ветрено*, *холодно – холодна*, *дождь – мокрая* (т.е. дождливая). В приметах предвестия также может быть синтаксический параллелизм, однако в них отсутствует семантический параллелизм, так как информация, содержащаяся в исходных структурах, связана с разными сферами действительности, а не с одинаковыми, как в приметах соответствия.

Полный параллелизм структуры присущ одной из разновидностей примет соответствия, которая обладает минимальным объемом языковых средств выражения, а ее типичной синтаксической формой являются конструкция: *каков – таков, откуда – оттуда*. В каждой части таких примет названы отдаленные друг от друга отрезки времени – *Отколе* ***ветер*** *в Евдокеи*, *оттуда и во все лето*; *Отколе* ***ветер*** *на солноворота*, *оттоле будет стоять до сорока мученников* (равноденствия), в ряде случаев отдельные объекты природы не выделяются, а в целом определяется состояние атмосферы: *Какова* ***погода*** *на Сретенье, такова и весна будет*; *Какова* ***погода*** *в Чистый четверг, такова и в Вознесение*, причем определенность предмета речи, обусловленная контекстом, может приводить к элиминированию слова *погода – Какова Евдокия, таково и лето*; *Каково Благовещенье, такова и Светлая неделя; Какова Пестрая, такова и Маслена* [18].

Семантические отношения между исходными ситуациями могут иметь более сложный характер: с одной стороны, фиксируется соответствие, а с другой – проявляется неоднородность соотносящихся объектов. Это склоняет к мысли считать такие высказывания переходным типом. Например, в приметах *Какова богата опока на деревьях*, *таков цвет будет на хлебе*; *Какова длинна в кутью былинки из-под скатерти*, *таков лен будет* [19] устанавливается соответствие между обилием (*богата*) инея (*опоки*) и обилием цветения хлеба, между длиной *былинки* и длиной травянистого растения, т.е. основанием соответствия служит величина, размер объектов, названных в каждой из исходных структур. В то же время ситуация-метка как в первой, так и во второй примете может считаться предвестием того, каков будет хлеб в момент цветения и каково будет качество льна, что, конечно, связывается с видами на урожай и свидетельствует о неоднородности информации.

Среди примет предвестия, как и сре-

ди примет соответствия, тоже можно выделить разновидности, связанные с особым характером семантики исходных структур и формой языкового выражения. Так, немало примет, в которых содержание, заключенное в ситуации-метке, предвещает непосредственное наступление событий, представленных в ситуации-интерпретаторе: *Утром слышен гром – вечером дождь* [20]. По сути, в таких приметах по какому-то признаку одного явления судят о непосредственном наступлении изменений окружающей среды. Специфической особенностью этой разновидности примет предвестия является наличие в них прямого или косвенного указания на время, в том числе с помощью служебных частей речи: *Солнце* ***на закате*** *сияет – к большому ветру*; *Солнце* ***садится*** *в облако –* ***наутро*** *дождь*; ***Утром*** *трава сильнее обычного пахнет –* ***к*** *дождю*; *У моркови ботва* ***перед*** *дождем поникает*; *Вода чернеет в реках* ***перед*** *бурей*; *Иволга кричит дикой кошкой –* ***перед*** *дождем*; *Соловей* ***всю ночь*** *поет неумолчно –* ***перед*** *ведренным днем* [21]. Многие из таких примет ученые считают достоверными: «местные признаки позволяют дать прогноз погоды на несколько часов вперед (6 ...12 часов), а иногда на сутки и более. Основную роль в правильности прогноза играет внимательность наблюдателя» [22]. Но в аспекте выяснения особенностей обыденной картины мира не столько интересно, можно ли доверять приметам, сколько то, какие явления ставятся в зависимость друг от друга, хотя, заметим, что верные наблюдения, отразившиеся в приметах, побуждают специалистов, как пишет И.Ф. Заянчковский [23], к их изучению.

Выделение структурно-семантических типов позволяет выяснять сходства и различия в составе объектов, содержащихся, с одной стороны, в отдельных типах, а с другой – в блоках исходных структур примет, принадлежащих к одному типу. В разных типах примет наблюдается не только различная частотность обращения к тем или иным объектам мира, но и отсутствие некоторых из них в одних типах при наличии в других. Например, в приметах соответствия не встретилось таких текстов, в которых бы использовались события из трудовой или личной жизни людей, состояние звезд или луны, действий представителей фауны. Вместе с тем подобная информация широко представлена в приметах предвестиях, нередко используется в ***приметах признака***. Факты, касающиеся личного пространства человека, практически отсутствуют в ***приметах ожидания***. Кратко охарактеризуем названные типы.

В приметах ожидания роль ситуации-метки выполняет календарная дата, которая часто сопровождается одним из имен, зафиксированных в святцах. Например, 28 февраля ст. ст. (13 марта нов. ст.) отмечено в святцах разными именами, в том числе и преподобного Василия, которое закрепилось в месяцеслове. Этот день стал для людей приметным тем, что начинается капель. Информация о капели и составляет содержание ситуации-интерпретатора. В образной форме этот факт представлен в высказывании *Василий исповедник зиму плакать заставит* [24]. Существенной чертой примет этого типа является то, что в них констатируются нормативные, типичные характеристики, связываемые людьми с определенным днем. Это содержание часто выражается во внутренней форме приложений: *Василий-**закапельник***, *Василий-**капелька***, *Василий-**капельник***, *Василий-**каплюжник***, *Василий-**капля*** [25]. В отличие от этого примера немало примет, в которых внутренняя форма определений различается, хотя вызвано это может быть разными причинами: либо тем, что один и тот же признак воплощается в разных образах, либо тем, что называются свойства иных объектов концептуализации. Например, 19 марта ст. ст. (1 апреля нов. ст.), когда приходит тепло и на прорубях рек и прудов становится грязно, называют *Дарья-грязнопролубка*, *Дарья-грязные проруби (пролубницы)*, *поплавиха*. В основе определений, характеризующих этот день, отражается представление о результате потепления (стало грязно) и о его процессе (*поплавиха*). Внутренняя форма слова *поплавиха*, скорее всего, связана с глаголом *плавить* – «3. Освобождать ото льда, расплавлять ледяной покров (реки, озера) (Пинеж. Арх.)» [26]. Итак, свойство, по которому характеризуется этот день, одно и то же, хотя исходная база образов разная.

Иначе в характеристиках дня 1 апреля ст. ст. (14 апреля нов. ст.): *Мария (Марья)-зажги-(зажглись)-снега*, *Мария-заиграй-овражки* [27], *Мария-пустыя-щи* [28]. Первые два метафорических выражения

отражают один и тот же признак – бурное таяние снега, но в одном случае он реализуется в ассоциативной связи *зажечь – растаять*, а во втором в метафорическом употреблении слова *заиграть* – 'шумно бежать, журчать, переливаясь на солнце'. Третье определение *Мария-пустыя-щи* связано с бытовыми проблемами. В приметах этого типа содержание ситуации-интерпретатора преимущественно связано с атмосферными явлениями или крестьянским трудом. В последнем случае исходной базой для образования приложений могут стать названия отдельных культур, которыми занимались в это время, или разные виды действий, иногда с указанием дополнительных их характеристик: *Леонтий-**огуречник**, Параскевы-**Льняницы**, Стефан-**ранопашец**, Никита-**репорез*** [29]. По-видимому, в силу того, что народным умом начало и конец сева возложены на двух Еремеев, отмеченных 1 мая ст. ст. (14 мая нов. ст.) и 31 мая ст. ст. (13 июня нов. ст.), появился любопытный параллелизм определений этих дней: *Еремей-**запрягальник*** и *Еремей (Ермий)-**распрягальник***, *Еремей – **подыми севалку*** и *Еремей **покинь севалку***, *Еремей **повесь сетево*** и *Еремей **опусти сетево***, последнее слово, как и слово *севалка*, означает «1. Лукошко, корзинка и т.п. с зерном для ручного сева» [30]. Реже в приметах этого типа обращаются к миру животных или к повседневной жизни людей.

Приметы ожидания, обладая своим объемом содержания, имеют особые языковые формы выражения. Ими являются приложение и предложения с обобщенным значением, где предикат выражает либо суть данного типа примет (*ждут*, *ожидают*), либо называет действие, выполняемое в этот день (*сей*, *сади*). Нередко используются метафорические двусоставные предложения, в которых имя месяцеслова занимает позицию субъекта. Во всех случаях компонент ситуации-интерпретатора реализуется семантически достаточным содержанием.

Иначе обстоит дело в ***приметах признака***. Их отличительной чертой является семантическая недостаточность, требующая восполнения. В них лишь названо то, на что, по мнению людей, следует обратить внимание в определенный день, нередко при этом конкретизируется и время суток, и место наблюдений. Тогда как интерпретация наблюдений выражается посредством иного типа примет, чаще всего примет соответствия и предвести. Например: *30 ноября. В селениях Тульской губернии выходят вечером на реки, озера и колодцы **прислушиваться к воде*** [31]. Содержание ситуации-метки представлено датой, временем суток и указанием на место. Предикат связывает части приметы и обозначает способ наблюдения. Содержание ситуации-интерпретатора выражено в словоформе *к воде*. Но без истолкования этих действий они бессмысленны. Именно поэтому далее следующие высказывания считаются необходимым компонентом, конечно, усложняющим структуру приметы признака: *Если вода стоит спокойно, то это означает, что зима будет теплая, без метели. Если вода гудёт и стонет, то это предвещает бури, большие морозы и беды*. Обладая особой структурой, включая в свой состав словесное указание на наблюдение, данный тип примет отличается от других и содержательно: в нем чаще предметом концептуализации становятся хозяйственные и бытовые события, а не только изменения в погоде.

Таким образом, анализ примет позволяет не только извлекать информацию о наиболее значимых для людей объектах мира и их свойствах, но и сравнивать ее со сведениями, зафиксированными посредством других единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985 – 1988. (МАС). – Т. 2. – С. 138.
2. Словарь русских народных говоров: в 41 вып. / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л. (СПб.), 1965 – 2007. (СРНГ). – Т. 29. – С. 225; Т. 30. – С. 329; Т. 4. – С. 205.
3. Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа.– СПБ., 1996. – С. 12.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2000. (ПРН). – С. 559.
5. Там же. – С. 550; 562; 560; 565.
6. Там же. – С. 568; 567; 562.
7. Стрижев А.Н. Народные приметы. – М., 1997. (НП). – С. 126; 127.
8. Там же. – С. 122; 65; 121.
9. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – СПб., 1994. – С. 207.
10. НП. – С. 124; 128; 133; 66; 68.

11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1978 – 1980. (Даль). – Т. 4. – С. 180.
12. НП. – С. 120; 121; 123; 127.
13. Круглый год: русский земледельческий календарь: сост, вступ. ст. и примеч. А.Ф. Некрыловой. – М., 1991. (КГ). – С. 10.
14. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. – М., 1988. (РП). – С. 10 .
15. КГ. – С. 101.
16. Некрылова А.Н. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. – СПб., 2007. (РТК). – С. 672.
17. Там же. – С. 672; 669; 676.
18. ПРН. – С. 547; 548; 560; 561; 562.
19. Там же. – С. 560.
20. Рощин А.Н. Сам себе синоптик. – Киев, 1983. – С. 94.
21. НП. – С. 120; 128; 134; 135.
22. Рощин А.Н. Указ. раб. – С. 49.
23. Заянчковский И.Ф. Живые барометры. – М., 1977. – С. 22.
24. РТК. – С. 138.
25. СРНГ. – Т. 10. – С 116; Т. 4. – С. 65; Т. 13. – С. 51; 55.
26. Там же. – Т. 27. – С. 68.
27. Там же. – Т. 10. – С. 85.
28. Даль. – Т. 2. – С. 300.
29. СРНГ. – Т. 22. – С. 365; Т. 16. – С. 350; Т. 34. – С. 103; Т. 21. – С. 231.
30. Там же. – Т. 37. – С. 241; 99.
31. Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. / Сост. С.Д. Ошенский; предис. Г.П. Присенко. – Тула, 2000. – С. 304.

T. Simashko

SIGNS SA A SOURCE OF KNOWING OBJECTS IN THE WORD

Abstract: The paper gives the analysis of signs which allow to extract the most important information about objects in the word.

Key words: notion-connected elements, linguistic picture of the world.

УДК 80+008](082)
М 74

Усачева О.Ю.

К ВОПРОСУ О ЖАНРАХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ*

Аннотация: Предметом рассмотрения в статье является жанровая природа стереотипных форм интернет-коммуникации, традиционно описываемых в терминах жанров. В ходе анализа понятий «речевой / коммуникативный жанр», «коммуникативная ситуация», «коммуникативное событие» автор приходит к необходимости ввести в круг жанроведческих понятий термин «формат», в котором находят отражение особые экстралингвистические условия порождения дискурса.

Ключевые слова: стереотипные формы, интернет-коммуникация, жанр, дискурс, формат.

Интернет-коммуникация (ИК, а также веб-коммуникация) – это общение в особой (глобальной электронной) среде, возникшей вследствие объединения персональных компьютеров в единую сеть и обеспечивающей высокоскоростное прохождение информационных потоков. Под сетевой компьютерной (виртуальной) средой коммуникации мы понимаем **особое коммуникационное пространство,** образуемое устойчивой совокупностью определенных экстралингвистических условий и факторов коммуникации, производных от технических мультилинейных средств (каналов) связи; в этом пространстве происходит реализация и определенная трансформация уже существующих в распоряжении социума форм, видов, кодов коммуникации, а также становится возможным возникновение, закрепление и распространение инновационных способов коммуникации, постоянно пополняющих и видоизменяющих сенсорный, ментальный, социопсихологический, социокультурный, коммуникативный опыт языкового социума [1].

Пользователям и исследователям Интернета хорошо известно, что в этой коммуникационной среде, как и в целом континууме человеческого общения, существуют

* © Усачева О.Ю.

более или менее стандартные коммуникативные формы, в которые «отливается» (по выражению М.М. Бахтина) процесс общения. По Бахтину, «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [2: 241] представляют собой **речевые жанры** (далее РЖ). В настоящее время в отечественной лингвистической науке сформировалось опирающееся на идеи М.М. Бахтина исследовательское направление – жанроведение (генристика), активно заявившее о себе в работах В.Е. Гольдина, В.В. Дементьева, М.В. Китайгородской, М.Н. Кожиной, К.Ф. Седова, М.Ю. Федосюка, Т.В. Шмелевой и др. Изучение проблематики РЖ (их исчисление, описание, определение конститутивных признаков и т.д.) является актуальной задачей современных речеведческих дисциплин, о чем свидетельствует обширная научная литература.

С появлением в коммуникационной среде Интернет новых дискурсивных практик стало возможным говорить, согласно авторитетному мнению Е.И. Горошко, и о становлении теории виртуального жанроведения, в задачи которой входит описание и систематизация дигитальных, или интернет-жанров и способов их классификации [3]. Вопросы дифференциации жанров ИК, установления их конститутивных признаков вызывают интерес и у многих зарубежных лингвистов [см. обширную библиографию в: 3, 4]. Среди задач изучения жанровых форм ИК в цитированной работе Е.И. Горошко отмечается необходимость построения системы классификационных критериев для описания всего жанрового разнообразия Сети, четкого и непротиворечивого определения того, что такое электронный (дигитальный) жанр, как именно технически опосредованная среда коммуникации влияет на возникновение новых жанров и на видоизменение старых «бумажных», которые переносятся в электронную коммуникацию.

Действительно, в отечественной лингвистической литературе, посвященной типическим формам ИК, для их обозначения чаще всего используется восходящий к идеям Бахтина термин коммуникативной лингвистики **жанр.** Исследователи ИК употребляют по отношению к таким формам определения «электронные», «виртуальные», «дигитальные» жанры, обороты «жанры ИК, электронной коммуникации, компьютерного общения» и др. В то же время многие из русских и зарубежных авторов, осознавая и желая подчеркнуть особенности форм интернет-общения по сравнению с традиционно понимаемыми жанрами речи, прибегают к особым терминологическим оборотам.

В частности, Д. Кристал [5] насчитывает пять, как он их называет, **ситуаций использования Интернета** (broad Internet-using situations): электронная почта, синхронные и асинхронные чаты, включая BBS (Bulletin Board System), виртуальные миры (MOOs, MUDs, MUCKs, MUSEs и т.д.), ВЕБ–тексты.

По мнению Е.Н. Галичкиной [6], в качестве **жанров компьютерного общения** можно выделить электронную почту (e-mail), электронные разговоры (чаты), электронные доски объявлений (BBS), компьютерные конференции.

Л.Ю. Иванов [7] предлагает более детальную классификацию **жанров глобальной сети:**

1) общеинформационные (жанры новостей); они характерны для электронных СМИ (как для имеющих «бумажные» аналоги, так и для собственно сетевых); в их числе газетные и журнальные статьи, передовые на тему дня, «телетайпные» ленты новостей (например, информационное агентство lenta.ru), интервью, электронные письма читателей, обзоры и дайджесты новостей, сводки спортивных новостей и комментарии к ним, спецвыпуски, посвященные определенным событиям и т.д.;

2) научно-образовательные и специальные информационные жанры: электронные монографии, сборники, научные статьи, пособия, справочники, интерактивные учебные курсы, дискуссии в научных и образовательных дискуссионных клубах, ответы экспертных и консультационных служб, предназначенные как для широкой публики, так и для профессионалов, рефераты, интернет-семинары, онлайн-конференции, психологические тесты, электронные словари, в том числе переводные, сборники и архивы научно-технической, прежде всего компьютерной документации, поисковые запросы и ответы поисковых машин и т.д.;

3) художественно-литературные жанры: литературные произведения, пере-

веденные в электронную форму, а также литература, специально созданная для сетевой среды (так называемая сетература); сюда же входят обзоры, аннотации и рецензии – как сетературных, так и традиционных литературных произведений; к литературным примыкает часть развлекательных жанров – многочисленные анекдоты, юмористические и эротические рассказы, словесные игры, эротические доски объявлений и чаты для виртуального флирта, отдельные юмористические цитаты и их подборки, эпиграфы к сайтам, юмористические сайты как жанрово-композиционные единства;

4) жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение: дискуссионные группы, чаты или IRC в MUD (MUD или multiuser domains – области, где могут присутствовать и общаться одновременно многие пользователи), гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки и др.;

5) деловые и коммерческие жанры: коммерческие доски объявлений, аналитические обзоры рынков и отраслей, информационные письма и тематические журналы по отдельным направлениям бизнеса, информация на сайтах крупных компаний (корпоративных сетей), имеющая не только рекламный, но и технический и познавательный характер, биржевые информационные бюллетени, объявления в службах трудоустройства, рекламные флажки – баннеры.

Л.Ю. Иванов также обращает внимание на то, что все жанры глобальной сети подразделяются на **две группы:** в первую входят жанры **исконно сетевые,** т.е. порожденные самим использованием языка в сети, во вторую – жанры, **заимствованные сетью** из традиционных сфер общения. К первым относятся, например, жанры неспециального общения – чаты и дискуссионные группы. Ко вторым – аннотации научно-технических статей или передовицы электронных СМИ. Подчеркивается, что языковые новации наиболее полно реализуются в жанрах первой группы, т.к. именно они обязаны своим происхождением интернет-среде. В то же время отдельные заимствованные жанры могут почти не отличаться друг от друга в виртуальном и «бумажном» варианте. Особенности таких жанров часто продолжают определяться не столько фактом их бытования в компьютерной сети, сколько той функциональной разновидностью языка или сферой общения, из которой они заимствованы.

С.Н. Михайлов пишет о **речевых жанрах,** возникших в новой коммуникативной – электронной – среде, одновременно называя их **жанрами естественной письменной речи:** а) чат-коммуникация; б) дискуссионные форумы; в) запись в гостевой книге; г) сетевой дневник. При этом делается, например, следующая оговорка: «Электронную почту мы не рассматриваем как жанр, т.к. электронный вариант письма в целом не отличается от неэлектронной разновидности (отличие касается только медиальной реализации электронной версии)» [8: 405]. Возникает закономерный вопрос: что такое электронная переписка как тип текста, если ее не включать в список жанров электронной коммуникации?

Как можно видеть, авторы работ, посвященных изучению стереотипных форм интернет-общения, стремятся, с одной стороны, зафиксировать существование определенных устойчивых способов организации информационных и коммуникационных потоков в электронной компьютерной среде, с другой стороны – выделить и описать регулярно воспроизводимые типы текстов, присущие тем или другим формам такой организации. И то и другое, как правило, именуется жанрами, хотя зачастую авторы, стремясь указать на условность, а то и сомнительность такого обозначения, либо используют уточняющие обозначения («жанр компьютерного общения»), либо берут слово «жанр» в кавычки, либо предпочитают применять менее определенную терминологию (например, «вид», «тип», «форма» и т.п. интернет-коммуникации). Ср., в частности, следующие словоупотребления: «Будучи ***«жанром»,*** рожденным Интернетом, баннеры стали своеобразной квинтэссенцией его специфической стилистики, основанной на использовании таких категорий, как мультимедийность и интерактивность» [9: 388]. Или: «Данный социокультурный феномен [блоги и блогерство. – О.У.] характеризует себя не просто как особый (и относительно новый) ***вид*** Интернет-коммуникаций, но как особый ***вид*** социальных коммуникаций вообще, в том числе активная ***форма*** социально-психологического взаимодействия и социализации

индивидов» [10: 391; во всех случаях курсив мой. – О.У.]. Все это указывает на интуитивное стремление исследователей найти более точное терминологическое обозначение для феномена типичных форм ИК.

Не вполне убедительным, на наш взгляд, выглядит принципиальное отделение исконно сетевых жанров от жанров традиционных, заимствованных электронной средой. Так, несмотря на кажущееся своеобразие чата, который почти безоговорочно зачисляется в перечень жанровых новаций, возникших благодаря Интернету, в нем нетрудно усмотреть многие структурные и функционально-стилистические признаки варианта бытового диалога (дружеского разговора, болтовни, беседы и под.). То же касается и жанра интернет-конференции (форума), имеющего очевидный внесетевой аналог в виде публичной дискуссии на определенную тему.

Таким образом, вопрос о специфике жанров ИК нуждается в дальнейшем, более детальном рассмотрении. С этой целью обратимся еще раз к понятию жанра как таковому, ставшему одним из центральных в современной коммуникативной лингвистике.

Позволим себе напомнить, что М.М. Бахтин рассматривал РЖ как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [11: 241]. Анализируя бахтинское понимание РЖ как типов высказываний, М.Ю. Федосюк [12] приходит к выводу, что современными лингвистами это определение было неявно пересмотрено и, как следствие, понятие РЖ стало относиться не к высказыванию в его нынешней трактовке, а к тексту (и его компонентам). В связи с этим лингвист предлагает различать **элементарные** и **комплексные** РЖ. Элементарными РЖ являются такие типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, квалифицируемые как тексты определенных жанров: сообщение, похвала, приветствие, просьба и т.д. Комплексными РЖ следует считать такие типы текстов, которые состоят из компонентов, обладающих завершенностью и представляющих собой текст определенного жанра; так, среди монологических текстов можно выделить РЖ утешения, убеждения, уговоров и др., а среди диалогических – РЖ беседы, дискуссии, спора, ссоры и др.

Опираясь на мысль М.М. Бахтина – В.Н. Волошинова о том, что любое высказывание есть «продукт взаимодействия говорящих и шире – продукт всей той сложной социальной ситуации, в которой высказывание возникло» [13: 78], В.Е. Гольдин и О.Н. Дубровская считают необходимым осмыслить «жанровую организацию речи в пределах того целого, частью и / или стороной которого она является и на которое функционально ориентирована» [14: 6]. Они выстраивают следующую систему понятий: «Ближайшее целое по отношению к речевым жанрам – это, по-видимому, р е ч е в о е с о б ы т и е. Целое более высокого уровня – к о м м у н и к а т и в н о е с о б ы т и е, далее идут просто с о б ы т и я. (...) Внутренняя форма события, то есть подвергающееся изменению «положение вещей», – с и т у а ц и я. Ситуацией же, но уже внешней, «охватывающей событие, является и та о б с т а н о в к а, на фоне которой происходит событие» [14: 7; разрядка авторская. – О.У.]. Анализируя природу РЖ, авторы цитируемой статьи подчеркивают, что «жанр – это тип, форма, коммуникативная организация речевого действия и соответствующего речевого произведения либо представление, знание о типах, формах, коммуникативной организации речевых действий и соответствующих речевых произведений, но не сами эти действия и произведения» [14: 6] .

Подобные позиции разделяют и другие авторы. Так, К.Ф. Седов [15: 69] подчеркивает, что «жанр есть вербальное отражение интеракции, социально-коммуникативного взаимодействия индивидов». Под РЖ подразумевается «микрообряд», в котором вербализуется социальное взаимодействие партнеров коммуникации, т.е. «обычно это достаточно длительная интеракция, порождающая диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько сверхфразовых единств» [16: 14]. Исследователь считает необходимым рассматривать РЖ как составляющую дискурса и обращает внимание на то, что жанры не являются внешним условием коммуникации, которое адресант должен соблюдать в своей речевой деятельности. По его мнению, «жанры речи присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. При этом формирование

дискурса уже на стадии внутреннего планирования использует модель порождения речи, которая соответствует конкретной ситуации общения и которая диктуется жанровым фреймом. Дискурсивное мышление ... имеет принципиально жанровый характер» [15: 70].

«Жанр коммуникативного события первичен по отношению к речевому жанру», – считает И.Н. Борисова, понимая под первым **социально закрепленную форму коммуникативного взаимодействия,** определяемую единством его условий, функций и инвариантными признаками речевого поведения участников, что задается социальными нормами и правилами. Жанр события детерминирует не только стиль, композицию, тему и структуру порождаемого в его рамках текста, т.е. не только структурно-статический аспект речи, но также и тип, правила, стратегии и тактики речевого поведения, т.е. динамику речевого взаимодействия (процессуально-деятельностный аспект), иначе говоря, влияет на структурирование и дискурса, и текста [17: 31]. Исследователь предлагает разграничивать **коммуникативные жанры** (т.е. жанры коммуникативных событий) и **речевые жанры** по типу: событие общения – форма его речевой (текстовой) организации. Если первое представляет собой форму организации как речевого, так и неречевого коммуникативного взаимодействия, то второе – форму структурирования речевой продукции (текста). Таким образом, жанровые параметры заложены уже во внеязыковых условиях процессов коммуникации, откуда они «перетекают» в речевое бытие – дискурс и текст.

Итак, следует констатировать, что понятие жанра в принципе может быть отнесено как к вербально-текстовым формам («речевой жанр», «жанр речи»), так и к структуре превербальной и паравербальной событийной основы общения («коммуникативный жанр», «жанр коммуникативного события»). Не стоит упускать из виду и то, что наряду с речевой и социальной жанр имеет и ментально-психологическую, когнитивную природу и представляет собой феномен общественного и индивидуального сознания, в котором получают отражение наиболее значимые параметры коммуникативной организации процесса общения. Сходное представление о жанровой организации общения выказывают в своих работах и зарубежные авторы: В. Орликовски и Дж. Йетс, К. Беркенкоттер и Т. Хукин, Т. Эриксон и др. [подробнее см. в: 3].

В нашем понимании жанра будем исходить из того, что в онтогенезе коммуникации первичным экстралингвистическим (превербальным) условием выступает **событийный ряд,** состоящий из сменяющих друг друга во внеязыковой реальности состояний, процессов, целенаправленных и / или спонтанных действий (в том числе ментальных) людей, взаимодействующих между собой и с окружающей действительностью. В отличие от событий, происходящих в природном мире, коммуникативные события отнесены к сфере человеческого бытия, а значит, задаются и регулируются социумом через социальные и статусные роли людей, нормы, правила, традиции и ценности. Каждый субъект, руководствуясь в своей деятельности определенными целями и намерениями, реализуя их через взаимодействие с другими субъектами, входит в то или иное коммуникативно-событийное пространство, усваивая его параметры, облекая в них каждое из своих речевых действий и свое индивидуальное коммуникативное поведение в целом. В этом смысле коммуникативные события существуют объективно, независимо от воли и сознания отдельно взятого субъекта. Таким образом, **коммуникативное событие – это объективно существующий локализованный в пространстве и времени, целостный процесс социально-коммуникативного взаимодействия людей.** Коммуникативное событие всегда отличается процессуальностью, предполагающей фазовость, т.е. может члениться на составляющие целостное событие отрезки, и делимитированностью, т.е. имеет свои границы – верхнюю (начало) и нижнюю (завершение).

Динамическая структура коммуникативного события отражает его протекание во времени и представляет собой последовательность отдельных **коммуникативных актов, речевых поступков.** Статическая же структура отражает влияние на процессуальность общения социокоммуникативных параметров бытия, прежде всего таких, как **распределение и соотношение социальных и статусных ролей коммуникантов,** преследующих те или иные цели общения, соблюдающих конвенциональные социально-ро-

левые и коммуникативные нормы взаимодействия, а также некую последовательность (схему) коммуникативных действий общающихся. Перечисленные параметры в совокупности формируют **жанр коммуникативного события, или коммуникативный жанр.**

Жанр, являясь поведенческим стереотипом участников коммуникативного события, «кодифицированной формой действия» [18: 101] «характеризует, как видим, деятельностную сторону процесса общения, динамику речевого взаимодействия. Он определяет, по справедливому суждению И.Н. Борисовой [17: 33], «1) тип речевого поведения, задаваемый речевой ролью и регулируемый жанровыми предписаниями и / или взаимными ожиданиями партнеров по общению (...); 2) допустимые и социально одобряемые нормы и правила речевого поведения(...); 3) стратегию и тактики речевого поведения, стандартные в данной ситуации речевые поступки коммуникантов (...)» и др.

Принимая предложенную дифференциацию жанров коммуникативных событий и жанров текстовых форм, обусловленных этими событиями (речевых жанров), обратимся с этих позиций к интернет-коммуникации. Речевое общение, протекающее в особой коммуникационной среде, какой является Интернет, также имеет в своей основе то или иное событие, которое можно обозначить, вслед за некоторыми лингвистами, как **веб-коммуникативное** [19].

Главная специфика веб-коммуникативных событий по сравнению с коммуникативными событиями «внесетевыми» состоит в том, что они протекают **в двух «параллельных» локусах – реальном** и **виртуальном.** Это означает, что местом их локализации выступает, с одной стороны, трехмерное физическое, географическое пространство, в котором пребывает каждый из собеседников за пределами компьютерной электронной сети («в реале») и в котором конституируется жанровая организация события в соответствии с присущей данному национально-языковому социуму системой жанров и ситуативными условиями общения, а с другой – виртуальная среда как когнитивно-речевое, ментальное (ирреальное) пространство, куда «помещают» себя коммуницирующие субъекты в момент виртуального контакта (контакта с удаленным собеседником). Поскольку виртуальный локус вторичен по самой своей природе (он порождается реальным локусом и выступает как его когнитивный заместитель), логично представить его как аналог внесетевой коммуникационной среды, в который переносится весь предшествующий акту ИК дискурсивный опыт языковой личности, включая жанровое мышление.

Кроме того, веб-коммуникативные события получают обязательную **визуализацию** в виде печатного электронного текста и, таким образом, их когнитивно-знаковый статус находит фактурную письменную реализацию в виде обмена текстами. Тем самым визуализация веб-коммуникативного события приводит его (событие) к девиртуализации, к превращению в речевое произведение, текст. В итоге интернет-среда предстает как пространство, «населенное» текстами, т.е. текстовое, где происходит типичное для виртуальности замещение, а именно – замещение реального партнера по коммуникации его текстовым образом. Другой типичной для виртуальности заменой является имитация непосредственного коммуникативного контакта: акт коммуникации моделируется участниками общения как контактный и синхронный, – что особенно наглядно проявляется в диалогическом взаимодействии (интернет-форумы, чаты, блоги), где эффект непосредственной коммуникации создается за счет текстовой последовательности мессаджей-реплик и специфических языковых средств, актуализирующих сообщение (дискурсивных маркеров). Поэтому веб-коммуникативное событие, имеющее своим прообразом некое социально объективированное типовое коммуникативное событие, осуществляется в два этапа: вначале как ментальный образ (фрейм) последнего, а затем как его языковое воплощение – вербально-текстовое построение. Временна́я дистанция между этими этапами может сокращаться или удлиняться, но, как правило, она все же больше, чем в устной коммуникации при непосредственном контакте общающихся, и это в значительной мере способствует проявлению языковой рефлексии у партнеров по общению. На данное свойство ИК указывает, например, Н.Б. Мечковская: «Интернет в небывалой прежде мере усили-

вает метаязыковую рефлексию говорящих и продолжает увеличивать насыщенность современной письменной и устной речи метаязыковыми значениями» [20: 183]. Попутно заметим, что именно благодаря фактору «отложенной визуализации» и связанному с ним фактору языковой рефлексии первоначальный коммуникативный замысел речепроизводителя, в том числе и в плане жанровой интерпретации контакта, может претерпевать изменения на пути от первой событийной фазы ко второй. Так что на событийную основу интернет-общения, кроме всего прочего, накладывается еще конституирующее и интерпретирующее влияние индивидуальных дискурсивных качеств коммуницирующего субъекта.

Наконец, если в реальном локусе коммуникативное событие, происходящее с участием удаленных коммуникантов, имеет разорванный, дискретный пространственно-временной характер, то в виртуальном локусе эта **разорванность преодолевается** благодаря визуализации веб-события через его линейно-текстовое воплощение в едином двухмерном пространстве (на плоскости монитора). Другими словами, веб-коммуникативное событие происходит не как «встреча людей» в едином трехмерном пространстве, а как «встреча текстов» на общем экранном пространстве монитора.

Таким образом, веб-коммуникативные события характеризуются

1) двойственностью локуса, т.е. виртуальностью;

2) текстовым характером реализации;

3) преодолением дискретности коммуникативного акта в виртуальном локусе.

Обращаясь теперь к типовым формам веб-коммуникации, мы полагаем, что по отношению к ним имеет смысл терминологически различать неодноплановые, хотя, в конечном счете, жанрообразующие феномены. Имеется в виду целесообразность включения в список речеведческих понятий, наряду с понятием жанра, дополнительного термина **формат,** который введен в употребление некоторыми западными исследователями.

В частности, Йорг Дитер, давая определение этого понятия, в своей работе [21: 9] формулирует его как «целый набор [Reihe] правил, условий и конвенций», а также целей и границ общения, которым должен соответствовать коммуникативный продукт, обладающий тем или иным форматом [Format]. Немецкий ученый предлагает различать **внешние (технические)** и **внутренние (структурные)** форматы [aussere oder technische und innere oder strukturelle Formate]. Первые связаны с материальными, вещественными условиями и границами коммуникации; например, внешний формат может быть задан материалом, используемым в качестве носителя речевого продукта, а также экстралингвистическими (экономическими, социальными) условиями его применения. Вторые касаются собственно лингвистического (включая композиционное) оформления коммуникативного продукта. Например, письменный текст на литературном языке должен соответствовать орфографическим, грамматическим и определенным текстовым нормам.

В зоне пересечения характеристик, определяемых внешними и внутренними форматами, возникает **коммуникативный формат** [kommunikatives Format]. В качестве примера одного из типичных коммуникативных форматов приводится телефонный разговор, коммуникативные рамки которого, несмотря на известное варьирование его структуры, задаются конкретным техническим форматом – телефонной связью. Для конституирования коммуникативного формата одинаково значимы как технические (внешние), так и структурные (внутренние) параметры. Именно поэтому телефонный разговор и разговор при непосредственном общении образуют разные коммуникативные форматы, даже если они обладают совершенно одинаковой композиционной структурой.

Анализ употребления указанных терминов в соотнесении с терминологией отечественного речеведения (жанроведения) показывает, что термину «внутренний формат» до известной степени соответствует понятие речевого жанра, если принимать во внимание текстовую структуру коммуникативного продукта. Что же касается термина «внешний формат», то ближайшим (однако не полным) его соответствием выступает понятие **фактуры речи,** предложенное Ю.В. Рождественским [22: 21] и отчасти воспринятое другими лингвистами [23]. В то же время некоторые характеристики «внутреннего формата» могут

соответствовать и такой характеристике, как **концепция речи** [24; 25]. С помощью параметров фактуры и концепции можно различать не просто письменную и устную разновидности речи, но и такие комбинированные формы коммуникации, как, например, речь говоримая (звучащая, не предназначенная для письменной передачи) и озвученная (имеющая форму письменного читаемого текста). Как считает Т.В. Шмелева, перечень текстов, различающихся по фактуре, может быть расширен: это тексты печатные, телеграфные, телефонные, телевизионные, компьютерные и т.д. [23].

Итак, понятие формата в его интерпретации зарубежными коллегами используется весьма расширительно, отчасти пересекаясь с некоторыми понятиями теории речи, устоявшимися в отечественной научной традиции.

На наш взгляд, понятие формата было бы целесообразно взять на вооружение прежде всего применительно к коммуникации в среде Интернет. Мы предлагаем использовать его для обозначения той экстралингвистической стороны («рамки») веб-общения, которая представляет собой специфическую **технологическую организацию** информационного и коммуникативного контента. Эта организация заключается в членении коммуникационного пространства Интернета на подпространства, обладающие тем или иным **набором функционально-технологических возможностей и ограничений в упорядочении информационных и коммуникационных процессов.** Исходя из этого, интернет-формат предстает как собственно технологическая, т.е. внешняя по отношению к дискурсу оболочка (техническая служба) для формирования, структурирования и размещения информации, а также для осуществления коммуникативных обменов (интеракций). Отсюда особые характеристики формата, которые вряд ли могут быть отнесены к (речевому) жанру, событию или ситуации.

Прежде всего, не являясь текстовой формой организации общения, а только структурой для упорядочения текстов, формат **противопоставлен РЖ,** который, еще раз подчеркнем, представляет собой устойчивый **тип текста,** обладающий определенной коммуникативной функцией, композиционным строением и стилистическими особенностями.

Формат **противопоставлен коммуникативному событию** по критерию **процессуальности:** он, в отличие от события, не представляет собой событийного, поведенческого комплекса речевых действий, не разворачивается во времени и, таким образом, лишен динамики.

В этом плане формат напоминает скорее **коммуникативную ситуацию,** которая, в нашем понимании, представляет собой внутреннюю форму коммуникативного события [14], модель коммуникативно релевантных условий и параметров, задающих определенные **социальные ограничения** коммуникативного поведения в данном событии. Однако было бы неверным отождествлять формат с коммуникативной ситуацией, поскольку, как уже говорилось, эти понятия отражают принципиально разные параметры коммуникации: **формат – технические, ситуация – социально-коммуникативные (ролевые, статусные).**

Наконец, формат не может быть понят и как **жанр коммуникативного события,** поскольку жанровый фрейм, как когнитивная структура, не является внешним условием по отношению к процессу коммуникации, а выступает как составляющая дискурсивного мышления.

Таким образом, несмотря на некоторую смысловую близость к понятиям «коммуникативное событие», «жанр коммуникативного события», «коммуникативная ситуация», если иметь в виду объективированную экстралингвистическую природу всех указанных феноменов, понятие формата не образует тождества ни с одним из них. В то же время, если такие понятия, как «жанр», «событие» или «ситуация» смогли обеспечить взаимодействие и взаимозависимость речевой реальности с реальностью социальной, то понятие формата позволяет зафиксировать связь дискурса с еще одним значимым параметром коммуникативного процесса – технической реальностью, роль которой становится все заметнее с развитием новейших средств связи.

Какие же форматы представлены в пространстве Интернета и какие условия они создают для коммуникативных и речевых жанров?

Обратим внимание на то, что в перечнях так называемых жанров ИК, частично приведенных в начале этой статьи, фигурируют именно интернет-форматы в

нашем понимании, к числу которых относятся поисковая система, веб-сайт (чей масштаб варьирует от веб-страницы до веб-портала), электронная почта (e-mail), интернет-конференция (и ее разновидности – интернет-форум, дискуссионная группа), чат, электронные СМИ и, возможно, некоторые другие. Выделение именно этих форматов еще нуждается в теоретическом обосновании, однако нельзя не заметить, что оно явно обусловлено разным набором ключевых технических функций, которые предоставляют пользователю современные компьютерно-сетевые технологии.

Например, формат электронной почты характеризуется, во-первых, ограниченностью доступа к ресурсу, имеющему определенный электронный адрес, для всех пользователей Интернета, кроме хозяина почтового ящика; во-вторых, двунаправленностью (технически обеспеченной возможностью обратной связи пользователя с ресурсом) и персональной адресацией коммуникации; в-третьих, приватностью (непубличностью) коммуникативных обменов и т.д. Другой формат интернет-коммуникации, такой как форум, демонстрирует иной набор технико-функциональных качеств: доступ к электронному контенту открытого круга пользователей, двунаправленность коммуникации, возможность как персональной, так и имперсональной адресации, публичность общения при наличии технической возможности перехода в режим приватной коммуникации и т.д. Итак, коммуникативные особенности форматов ИК детерминированы прежде всего их функциональными возможностями, которые в свою очередь предусмотрены техническим регламентом веб-программирования.

Рамки данной статьи не позволяют более подробно остановиться на обосновании и выявлении классифицирующих признаков указанных форматов. Укажем лишь на то, что в число таких признаков, по всей видимости, должны быть включены временной режим общения (синхронный / асинхронный), особенности канала связи (одно- либо двунаправленный; невизуальный, визуально-иконический, визуально-текстовой), ограниченность / неограниченность доступа к электронному ресурсу, степень интерактивности, доминирующий характер адресации и др.

Формат, безусловно, создает определенные условия для жанрообразования. Как было показано Й. Дитером на примере «коммуникативного формата» телефонного разговора (ТР), он конституируется «техническим» и «структурным» форматом в их тесной взаимосвязи. С нашей же точки зрения ТР следует квалифицировать как коммуникативное событие, протекающее в пространстве и во времени. Жанр ТР – это поведенческая структура, стереотипная фазовая последовательность коммуникативных действий партнеров по общению, включающая в себя контроль за установлением связи в начальной стадии события, наличие дискурсивных слов, содействующих поддержанию контакта, специальные средства финальной части, сигнализирующие о стремлении к прекращению контакта и т.д. Коммуникативный жанр ТР очевидно диктуется технико-функциональными рамками коммуникации – форматом, предусматривающим звуковой двунаправленный канал связи, синхронность коммуникации, необходимость персональной адресации, временну́ю ограниченность контакта. Что же касается речежанровых (текстуальных) особенностей ТР (бытовой, полуофициальный, официальный, деловой), то они определяются уже не форматными (=техническими), а конкретными социально-ситуативными условиями общения (сфера, степень регламентированности речевого поведения, социально-ролевая структура). Репертуар речевых жанров ТР, при всем разнообразии языкового воплощения, тем не менее сохраняет ряд инвариантных признаков, базирующихся на едином формате: диалогичность, типовая архитектоническая структура текста, обязательность дискурсивных маркеров-контактивов.

Представляется, что в среде Интернет, как и вне ее, существует некоторая корреляция форматов и репертуара РЖ. Так, формат электронных сетевых СМИ охватывает РЖ, традиционно характерные для «бумажных» СМИ: информационное (новостное) сообщение, аналитическая статья, репортаж, интервью и под.; формат электронной почты в норме использует РЖ письма (с учетом его разновидностей – деловое, официальное, дружеское и т.д.); для формата блогов (сетевых дневников, «живых журналов») типично использование таких жанровых форм, как рассказ, запис-

ка (краткое послание), комментарий и др.

Гипертекстовая организация веб-пространства создает условия для комбинации форматов. Инкорпорирование форматов довольно типично для веб-сайтов, телеконференций, форумов, например: **веб-сайт + гостевая книга + электронная переписка + форум + чат; телеконференция + электронная переписка + чат** и т.д. Переключение с одного формата на другой осуществляется при помощи ссылок, благодаря чему возникает единое гипертекстовое полиформатное поле. Как правило, комбинация форматов имеет своей целью активизацию информационно-коммуникативных потоков посредством увеличения интерактивного потенциала, а также за счет расширения гипертекстового поля. Она способствует привлечению к данному сетевому ресурсу как можно большего круга пользователей Сети. Кроме того, любые форматы ИК могут быть осложнены линками (ссылками), обеспечивающими переход к иным форматам, созданным этим же или другим продуцентом. Наиболее типичными линками являются веб-адрес, адрес электронной почты, баннер.

В заключение приведем основные **выводы.**

1. Экстралингвистическую основу категории речевого жанра составляет жанр коммуникативного события (=коммуникативный жанр), понимаемый как «социально закрепленная форма коммуникативного взаимодействия, которая определяется единством его условий, функций и инвариантными признаками речевого поведения его участников, задаваемыми социальными нормами и правилами» [17: 31].

2. Экстралингвистическую основу жанров ИК составляют жанры веб-коммуникативных событий, представляющие собой фреймы, которые объективированы в опыте внесетевого коммуникативного взаимодействия и которые регулярно воспроизводятся в среде Интернет как аналоге, «двойнике» внесетевой реальности.

3. Принимая во внимание опосредованность ИК целым набором технических средств и технологий, следует учитывать, что в организации коммуникативного поведения интернет-пользователей определенная роль отводится **формату** коммуникации, под которым понимается специфическая **технологическая организация** информационного и коммуникативного контента, детерминирующая конкретный набор функциональных возможностей и ограничений.

4. Форматами ИК являются электронная почта, веб-сайт, интернет-форум, чат и др., которые традиционно определяются как жанры ИК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Усачева О.Ю. Интернет-коммуникация как лингвистический феномен // Язык и культура. (Научный журнал). – Киев, 2007. – Вып. 9. – Т. VII (95). – С. 83-90.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
3. Горошко Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи: Сборник науч. ст. – Саратов, 2007. – Вып. 5. «Жанр и культура». [Электронный ресурс] URL: http://www.textology.ru/Goroshko/Zhanry.html
4. Щипицина Л.Ю. Дигитальные жанры: проблема дифференциации и критерии описания // Коммуникация и конструирование социальных реальностей. – Часть. 1. – Сб. науч. ст. – СПб, 2006. – С. 377-378.
5. Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge, 2002.
6. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
7. Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. – М., 2000.
8. Михайлов С.Н. Жанровая специфика электронной коммуникации // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М., 2004. – С. 405.
9. Дедова О.В. Баннер как специфический тип интернет-рекламы // Материалы 2-й Международной научной конференции «Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования». – М., 2008. – С. 388-390.
10. Зенько К.А. Блоггерство как фактор гуманитаризации русскоязычного Интернета и развития социальной активности российского общества (опыт междисциплинарного исследования) // Материалы 2-й Международной научной конференции «Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования». – М., 2008. – С. 390-393.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

12. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – № 5, 1997. – С.102-120.
13. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – М., 1993.
14. Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи: Сборник науч. ст. – Саратов, 2002. – Вып.3. – С. 6-17.
15. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М., 2004.
16. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / А. Вежбицка, В.Е. Гольдин и др. Под общ. ред. К.Ф. Седова. – М., 2007.
17. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – М., 2005.
18. Вежбицка А. Речевые жанры / Пер. В.В. Дементьева // Жанры речи: Сборник науч. ст. – Саратов. – Вып.1. 1997. – С. 99-111.
19. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты [Электронный ресурс] // URL: http://planeta.gramota.ru/gnt-52.html).
20. Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. – №2 (12), 2006. – С. 165-185.
21. Dieter Jörg. Webliteralität. Lesen und Schreiben im World Wide Web. Diss. F/M, 2006. – 191 S. [Электронный ресурс] // URL: http://www.webrhetorik.de/Arbeit/arbeit.html.
22. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М., 1996.
23. Шмелева Т.В. Язык и речь в университетском образовании // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1999, №2. – С. 151-152.
24. Haase M., Huber M., Krumeich A., Rehm G. Internetkommunikation und Sprachwandel. – Institut für Semantische Informationsverarbeitung Universität Osnabrück. 17. Februar 1997 [Электронный ресурс] // URL: http://www.uni-giessen.de/~g91063/html/irc/.
25. Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. – М., 2000. [Электронный ресурс] // URL: http://www.ivanoff.ru/rus/OZHWEB.htm#.

O. Usacheva

LOOKING AT THE GENRES OF WEB-COMMUNICATION

Abstract: The subject-of the article is the nature of web-communication stereotypical forms, traditionally called “genres”. The analysis of such notions as “speech / communicative genre”, “communicative situation”, “communicative event” gives the author good grounds for introducing the notion of “format” which empties some particular extra linguistic conditions affecting the process of discourse producing.

Key words: stereotype forms, wed-communication, genre, discource, format.

УДК 81’342.7

Фадеева Т.М.

СЛОЖНЫЙ ЭПИТЕТ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИЦИСТОВ*

Аннотация: В статье рассматриваются структурные особенности и функциональное поле сложных эпитетов, являющихся ключевыми словами в жанрах высокого стиля русской литературы XVIII в. Интересным представляется подход автора к осмыслению проблематики сложного эпитета – знаковой фигуры классицизма как литературного направления XVIII в., а также установление места и роли сложного эпитета в одических произведениях русской литературы.

Ключевые слова: сложный эпитет, язык классицистов, жанр оды, усеченные прилагательные.

Формирование классицизма сыграло в истории развития русского литературного языка, безусловно, значимую роль. Требования, предъявляемые классицистами к содержательной стороне изображаемого, не могли не отразиться на языковых средствах, ее реализующих. Стремление представителей данного направления придать языку своих произведений, прежде всего

* © Фадеева Т.М.

относящихся к «высокому штилю», торжественность и значимость отражалось в использовании различных языковых единиц, и сложный эпитет занимает среди них одну из ведущих позиций. Его активно использовали практически все поэты и писатели XVIII в.: *всевожделенный век, полунощные степи, баснотворный Геркулес* (Ломоносов), *сладковонный цвет, благолепотнейший мир, многомощные звери, златовидный солнца луч* (Тредиаковский), *темно-голубой эфир, сребро-розовые светлицы, сафиро-светлые очи* (Державин) и многие другие.

Функционирование сложного эпитета в языке классицистов, и, прежде всего, его употребление в жанрах высокого стиля, начинает характеризоваться личностной спецификой, которая будет в дальнейшие периоды все больше и больше заявлять о себе. Об этом новом витке развития языка литературы писал еще В.В. Виноградов: «Так же, как и в сфере русской прозы, стили литературно-книжной стихотворной речи – до XVIII века не носят глубокого отпечатка художественной индивидуальности, индивидуального начала. Они являются жанровыми или типовыми стилями, связанными с теми или иными видами литературной продукции. В XVIII в. стихотворные стили включаются в систему трех основных стилей классицизма с ее жанровыми подразделениями и играют самую значительную роль в эволюции стилистики классицизма. Индивидуально-художественное начало в стихотворной речи начинает остро пробиваться на сцену литературно-творческой борьбы в произведениях Державина, Радищева, Карамзина, Дмитриева и Капниста». [1: 69].

Однако, как указывал Винокур Г.О., «личный стиль писателя не следует смешивать с объективными свойствами того или иного стиля самого языка» [2: 235]. Язык классицистов, в его жанровом определении, характеризуется общей тенденцией к украшательству и патетичности изложения, а это стремление достигается в ряде случаев именно путем насыщения художественного текста сложными эпитетами. Особенно часто данное средство выразительности встречается в торжественном жанре оды. Вот только употребление сложных эпитетов может демонстрировать особенности индивидуального «наполнения». Так, М.В. Ломоносов, прибегая к бикорневым композитам определительного характера, в единстве с другими средствами выразительности достигает в описании предметов, особой тональности и величественного пафоса:

Там мрак божественного гневу
Подвергнул грады и полки
На жертву алчной смерти зеву,
Терзанью хладныя руки;
Там слышен вой в окружном треске;
Из туч при ***смертоносном блеске***
Кровавы трупы множат страх.

(«Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне... декабря 18 дня 1757 года»)

Среди всех единиц особой частотностью употреблений в языке произведений М.В. Ломоносова характеризуются бикорневые композиты с элементом *благо-: благословенно время, благословенный брак, час благословенный, благословенное начало, страна благословенна; благовонный фимиам*; *Мамай благополучной* и ряд других.

Индивидуально-авторской манере А.П. Сумарокова присуще употребление сложных эпитетов не только с целью придания слогу особой торжественности, что обусловлено самим жанром оды, но и для усиления абстрактности, некоей отвлеченности определяемого предмета или явления:

Чистейший бурный огнь, лампада
перед вечным,
Пылающе пред ним из темноты густой,
Волнующаяся ***стремленьем***
быстротечным,
Висяща в широте пустой!

(«Гимн о премудрости Божией в солнце», 1760)

Классицизм заявил о себе не только строго регламентированным жанром оды. Определенные требования к языковым средствам предъявляли и другие жанры. Среди таковых можно назвать, например, сатиру. Литературная деятельность Кантемира обогатила русскую литературу образцами сатиры, однако в языке его произведений данного жанра сложный эпитет встречается крайне мало. Не продуктивен

он и в сатирах А.П. Сумарокова.

В.К. Тредиаковский стоит у истоков русской одической традиции. Однако говорить о специфике употребления сложных эпитетов в языке произведений данного автора несколько затруднительно, ввиду эволюции его взглядов на славянизмы, так продуктивно включающиеся в качестве компонентов сложных эпитетов в жанре оды. Высокий жанр диктовал строгий подход к отбору языкового материала, и сам поэт отмечал этот факт: «Ода не терпит обыкновенных народных речей: она совсем от тех удаляется и приемлет в себя токмо высокие и великолепные» [3: 456]. Следуя, жанровым требованиям, поэт создает такие образы: *дар вседражайший, трубы громогласны, богини доброзрачны, брег чужестранный, благостройна лепота*.

Функционирование в языке классицистов сложных эпитетов вариантного порядка, то есть таких единиц, компоненты которых являют собой старославянизм или его русский эквивалент, демонстрирует определенную закономерность. Как подчеркивал Винокур Г.О., «высокий стиль языка в этой литературе имеет своим источником не эмоциональное, а рассудочное отношение к слову» [2: 236]. Эпитет с русскими по происхождению компонентами определяет конкретный предмет, имеющий отношение к частной жизни, к определенному субъекту или явлению. Образ же, включающий в себя старославянский элемент, передает более общее значение, он определяет понятие объективного порядка. Так, например, Г.Р. Державин в оде «Фелица» (1782) употребляет эпитет *благотворящая душа*:

Коня парнасска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.

Контекст позволяет подтвердить более значимое, общее понятие, отраженное в эпитете. *Благотворящая* – от сочетания *творить благо*. Речь идет не об индивидуальной значимости действия для конкретного субъекта, его производящего. Ту же картину мы наблюдаем в контексте произведения «Бог» (1784), где употребляется сложный эпитет подобной структуры:

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи *льют.*

Сопоставление же композит со старославянским элементом с его русским по происхождению вариантом, включающим компонент *–творный*, позволяет увидеть различие в семантическом наполнении слова:

Он спал – и ***чудотворный сон***
Мечты ему являл геройски…
(«Водопад», 1791-1794)

Единица *чудотворный* развивает более частное значение.

Эпитеты украшающие в трактовке, данной еще античными риторами, – это эпитеты классицизма, они не вносят нового признака в определяемое понятие, а в ряде случаев лишь выполняют эстетическую функцию. Именно она и обусловила односторонность и некую схематичность в изображении героев, предстающих в языке произведений классицистов.

«Реальность изображаемого мыслилась не как эмпирическая реальность конкретных предметов, а как концептуальная реальность вечных и объективно данных идей», – определил специфику языка классицистов Гуковский Г. в своей работе «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в.» [4: 238].

В поэзии XVIII в. композитные эпитеты используются в форме усеченных прилагательных. «Старое именное склонение прилагательных в русском языке было утрачено как цельная грамматическая категория еще в средневековый период и уже в XVII веке во всяком случае существовало лишь в виде отдельных пережитков… новая книжная поэзия (отчасти и проза) XVIII века охотно пользовалась как архаизмами, заимствуемыми из церковнославянской традиции, или как «вольностями», формами, которые представляли собой старые именные формы, а в некоторых случаях были вновь созданы по подобию старых именных форм, путем отсечения местоименного окончания у так называемых полных форм», – отмечает Г.О. Винокур. [2: 252]. Такие усеченные формы позволяли поэтам выбирать вариант одного и того

же слова из неравносложных форм, который соответствовал конкретному стиху.

Лишенные стилистической окрашенности в произведениях разных жанров, эти единицы во второй половине XVIII в. постепенно становятся приметой высокого стиля. Так, например, в языке произведения Г.Р. Державина такие единицы функционируют довольно активно: *стремленья водоточны, лучи животворящи, благодарны слезы, белолика зима, осень златовласа, черно-багрова буря, Колхида златорунна, грудь краснобела, бело-румяны персты* и многие другие. Определять данные единицы как сложные прилагательные в краткой форме неоправданно, так как в их составе мы можем наблюдать как качественные прилагательные, так и относительные. Логичнее было бы называть их усеченными. Для языка классицизма употребление сложные эпитетов, выраженных усеченными прилагательными, – явление достаточно типичное. Все эти и подобные им единицы в художественном тексте выполняют функцию определения, придавая объекту эпитетации стилистическую маркированность.

Таким образом, сложный эпитет в языке литературы XVIII в. играет существенную роль. Он становится жанровой приметой языка поэзии. Сложный эпитет еще не является стилевой приметой языковой личности, однако именно в XVIII в. уже наметились определенные индивидуально-авторские тенденции в его использовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 252 с.
2. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М., 1991. – 448 с.
4. Гуковский Г. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в., Л, 1939. -
3. Тредиаковский В.К. Письмо... от приятеля к приятелю (о сочинениях Сумарокова) // Сб. материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII веке. – СПб., 1865. – Ч. 2. – С. 456.

T. Fadeeva

COMPOUND EPITHETS IN LANGUAGE OF WORKS OF CLASSICISTS

Abstract: The article is devoted to the consideration of structural peculiarities and functional sphere of compound epithets, which are the key words in the high style's genres of Russian Literature of the XVIII century. Author's approach is interesting to the interpretation of compound epithet's problem – the significant figure of classicism as a literature's tendency of the XVIII century, and also place establishment and role of the compound epithet in odic works of Russian Literature.

Key words: compound epithet, language of classicists, the ode genre, the truncated adjectives.

УДК 81’ 373

Шихова Т.М.

ЭВРИСЕМИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ: ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ*

Аннотация: Предпринята попытка осмысления эврисемичности фразеологического значения как фразеосемантической категории. Рассмотрены особенности отражения эврисемичности в языке и речи на примере фразеологизма *запретный плод*. Особенности окказионального переосмысления исходного образа фразеологизма проанализированы на материале стихотворения М. Цветаевой «Сахара».

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическое значение, эврисемичность, употребление, актуализация, исходный образ, внутренняя форма, переосмысление, окказиональное преобразование.

* © Шихова Т.М.

Вопрос о специфике значения фразеологизмов, начиная с 1964 года, когда был впервые предложен сам термин *фразеологическое значение*, является одним из центральных в лингвистике [4; 17; 27; 30; 16; 6; 19; 1; 25; 18; 22 и др.]. Высказывания об *эврисемичности* как одном из его отличительных признаков появляются в работах 90-х годов [2; 21; 24; 15 и др.]. Однако сам факт, что фразеологические единицы характеризуются широким, неконкретным значением, был отмечен еще В.В. Виноградовым. Немаловажно, что, по мнению ученого, эта особенность семантики фразеологизмов, является необходимым условием их функционирования, ибо «конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [12, 18]. Поэтому мы сочли целесообразным рассмотреть эврисемичность фразеологического значения в аспекте ее проявления в языке и речи.

Рассмотрение фактического материала предварим пояснениями основных теоретических положений, касающихся определения понятия *эврисемичность*.

Согласно нашей концепции, *эврисемичность* – это фразеосемантическая категория, представленная в системе языка оппозицией эврисемичных – неэврисемичных фразеологизмов, отличающихся характером соотнесенности с действительностью и наличием/отсутствием разноплановых дифференциальных признаков.

Эврисемичность, таким образом, характеризует системное языковое значение фразеологизмов. Причем в системе языка представлены идиомы, демонстрирующие различные проявления этой фразеосемантической категории в зависимости от соотношения объема и содержания понятийного компонента фразеологического значения. Фразеологизмы, обозначающие понятия относительно узкого объема и содержания, составляют группу неэврисемичных единиц указанной выше категории (типа *заплечных дел мастер*, *морской волк*, *голубая кровь*, *барашек в бумажке*, *серебряная свадьба*, *дом терпимости* и др.). Фразеологизмы, обозначающие понятия относительно широкого объема и узкого содержания, входят в число идиом, эврисемичных по объему понятия (например: *себе дороже*, *бог знает кто*, *хоть бы кто*, *ваш брат*, *не бог весть что*, *злоба дня*, *стар и мал*, *чем бог послал*, *всякая всячина* и др.). И, наконец, фразеологизмы, обозначающие понятия относительно узкого объема и широкого содержания, относятся к единицам, эврисемичным по содержанию понятия (*драная кошка*, *мышиный жеребчик*, *рай земной*, *куриные мозги*, *кровные деньги* и др.).

По нашим наблюдениям, в контекстах актуализируются основные и потенциальные семы как эврисемичных, так и неэврисемичных единиц. Известно, что актуализироваться может только системное значение и то, что свойственно единице в потенциале. Этот потенциал содержится в системе языка, то есть в структурно-семантических связях, и во внутренней форме фразеологизма. Заметим, что развитие эврисемичности связывают именно с особенностями фразеологического образа. Так, оценивая фразеологический образ как структурообразующую основу фразеологического значения, Ю.П. Солодуб подчеркивает, что «большая эксплицированность фразеологического образа (по сравнению с лексическим образом. – *Т. Ш.*), сложность внутренних отношений между его лексическими компонентами чаще расширяет не только коннотативные, но и номинативные возможности фразеологизма, делает значение фразеологизма эврисемичным» [24: 51].

Эврисемичные фразеологизмы обладают способностью актуализировать при употреблении разнообразные смысловые оттенки. Эта способность предопределяется соотношением с коммуникативной ситуацией, их коммуникативной значимостью. Приведем здесь высказывание Е.А. Добрыдневой: «Фразеологическая эврисемия порождается разными условиями контекстуальной реализации фразеологического значения и, шире, ситуативными обстоятельствами экспликации фразеологических смыслов, поскольку значение фразеологической единицы, закрепленное в системе языка, и ее смысл, актуализируемый и наращиваемый в конкретных ситуативно-контекстуальных условиях, являются видовыми конкретизаторами семантики в их диалектическом единстве [14: 264]. Особенностью эврисемичных фразеологизмов является также необходимость конкретизации их значения в различных коммуникативных актах.

Отмеченная специфика фразеологи-

ческого образа, а также немоделируемость, непрогнозируемость значения фразеологизмов в аспекте порождения [см.: 20] проявляется не только в особенностях узуального, но и окказионального их употребления. Далее рассмотрим особенности проявления эврисемичности фразеологического значения в языке и речи на примере фразеологизма *запретный плод*.

В ряде словарей толкование значения данного фразеологизма: ‘Что-либо заманчивое, желанное, но недозволенное, запрещенное’ [28: 320; см. также: 5: 127; 9: 540; 3: 290] отражает употребление фразеологизма в ситуациях межличностных отношений в социуме. Причем анализ контекстов XIX и XX–XXI вв. позволяет отметить расширение аспектов употребления указанного фразеологизма от ситуаций семейных и связанных с ними любовных отношений до различных социально значимых ситуаций, отражающих взаимоотношения «Лицо, группа лиц, коллектив и государство в виде его многообразных институтов». Причем в контекстах, отражающих современную речь, наблюдается расширение объема значения рассматриваемого фразеологизма. Его понятийное содержание охватывает уже не только смысловое пространство исхода *что*, но и исхода *кто* [см.: 31], то есть лицо или группу лиц, предмет, деятельность, ситуацию, которые являются недосягаемыми или трудно доступными, могут быть связаны с риском или опасностью, что вызывает особое внимание и интерес, делает привлекательным, заманчивым и желанным для другого лица или для группы лиц. Надо думать, по этой причине в словаре под редакцией В.Н. Телия [10: 229] значение фразеологизма толкуется как ‘недозволенный или недоступный’ и приводится информация о типовых ситуациях употребления его в речи. Судя по контекстам, приведенным в данном словаре, *запретный плод* в современной речи – это, например, ***книги*** в ситуации, способствовавшей возникновению Самиздата; ***вокально-инструментальные ансамбли***, которым не предоставлялись площадки для выступления, ***управление автомобилем на большой скорости***, вопреки советам инструкторов; ***ранний сексуальный опыт*** в ситуации негативного к нему отношения в обществе; ***дочь богатого и влиятельного человека*** в ситуации материального и социального расслоения общества; ***запрещенный в открытом показе фильм***, полная версия которого имеется в российском Интернете и т.д. Очевидно, что приведенный перечень можно продолжать до бесконечности. Ср., в частности, примеры в другом словаре [3: 290–291], где *запретный плод* – это ***наркотики***; ***девочки, поставляемые Папе Римскому***; ***вино, поставляемое персидскому шаху*** и т.д.

Известно, что фразеологизм восходит к библейскому мифу о древе познания добра и зла, срывать плоды которого Бог запретил Адаму и Еве [8, Быт. 2: 9; 2: 16–17; 3: 6; 3: 23; 9: 540; 13: 184 и др.]. Развитие эврисемичности рассматриваемого фразеологизма сопровождается его отрывом от первоисточника. Переосмыслению прототипа могут способствовать и экстралингвистические факторы, в частности, изменение мировосприятия, кризисное мироощущение человека эпохи рубежа веков. Начало XX века – это эпоха, когда переосмысливаются основные этические и эстетические доминанты [см.: 7]. Причем заметно возрастает интерес к Библии как к источнику человеческой мудрости.

Анализ поэтического материала «серебряного века» (текстов Д. Мережковского, Н. Гумилева, Вяч. Иванова, М. Цветаевой, А. Присмановой и др.) показал, что разного рода преобразования могут быть усложнены изменениями в структуре самого образа фразеологической единицы, а значит, изменением ее семантики. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу: в поэзии «серебряного века» внутренний образ библейского фразеологизма полностью или частично переосмысливается, что связано с особенностями мировоззрения, мировосприятия поэта. Фразеологизм становится как бы основным элементом в построении поэтического текста, реализующего религиозно-философскую и / или этическую концепцию автора. Высказанные предположения рассматриваются далее на примере переосмысления образа фразеологизма *запретный плод* в стихотворении М. Цветаевой «Сахара» [29: 207–208].

По нашему мнению, содержание данного произведения в основном перекликается с концепцией С.Н. Булгакова [11] и основывается на архетипах К. Юнга [32]. Приведем текст стихотворения: *Красавцы, не ездите! Песками глуша, / Пропавшего*

без вести / Не скажет душа. / Напрасные поиски, / Красавцы, не лгу! / Пропавший покоится / В надежном гробу. / Стихами как странами / Чудес и огня, / Стихами – как странами / Он въехал в меня: / Сухую, песчаную, / Без дна и без дня. / Стихами – как странами / Он канул в меня. / Внимайте без зависти / Сей повести душ. / В глазные оазисы – / Песчаная сушь... / Адамова яблока / Взывающий вздрог... / Взяла его наглухо, / Как страсть и как Бог. / Без имени – канувший! / Не сыщете! Взят. / Пустыни беспамятны, – / В них тысячи спят! / Стиханье до кипени / Вскипающих волн. – / Песками засыпанный, / Сахара – твой холм.

В содержании стихотворения четко выявляется два начала мира – мужское и женское (*анима / анимус*). Внешнюю установку, внешний характер К. Юнг называет *персоной*, внутреннюю установку, внутреннее лицо обозначает словом *анима* или душа. Согласно концепции К. Юнга, «характер души влияет <...> на половой характер <...>. Женщина, в высшей степени женственная, обладает мужественной душой; очень мужественный мужчина имеет женственную душу. <...> мужские черты, будучи исключенными из внешней установки у женщины, стали свойствами ее души. Поэтому, если мы говорим у мужчины об аниме, то у женщины мы, по справедливости, должны были бы говорить об анимусе, чтобы дать женской душе верное имя» [33: 511–513]. Говоря о понятии *душевный образ* как разновидности психических образов, создаваемых бессознательным, Юнг отмечает, что «обычно у мужчин бессознательное изображает душу в виде женского лица – анимы, у женщин в виде мужского – анимуса. <...>. Для мужчины в качестве реального носителя душевного образа больше всего подходит женщина, вследствие женственной природы его души, для женщины же – больше всего подходит мужчина» [33: 514–515]. С точки зрения творчества мужское начало – зачинательное, это дух, женское начало – воспринимающее, вынашивающее и рождающее – душа [см.: 11: 264]. У Цветаевой женское – изначально пустота. Заметим, что для поэтессы весьма характерным было стремление углубиться в пустоты тела, желание проникнуть во внутреннее его пространство. «Она выворачивает тело наизнанку, предъявляя взору не физический объект для рассмотрения, а нечто, невидимое для общего взгляда» [23: 249].

Именно внутренняя пустота побуждает к поискам зачинательного начала, способного наделить тело внутренней жизнью (энергией). «Цветаева воспринимала мир как место, где мужчина наделен властью устанавливать смысл вещей, однако в своей поэзии и эссеистике она стремилась наделить жизнь женщины силой и правом на творчество» [23: 235]. В цветаевском понимании лишь мужское начало способно возбудить в женщине творческую душу (потенцию к творчеству). Необходимо соединение двух начал: *Стихами как странами / Чудес и огня, / Стихами как странами / Он въехал в меня: / Сухую, песчаную, / Без дна и без дня. / Стихами – как странами / Он канул в меня.* Происходит как бы творческое совокупление между Адамом и лирической героиней, в результате которого женское начало наполняется жизнью, душой. Изначально мертвая, пустая, теперь она духоносна. Женщина становится способной сама дарить жизнь и быть оракулом.

Образ *плода* здесь выступает как решающий, как некое условие для значительного изменения, переворота в судьбе человека, в частности – женщины-творца. У Цветаевой данный образ конкретизирован, сведен до образа «*адамова яблока*». Интересно, что, хотя плод, «которым искусили Еву в райском саду, в Библии не назван, яблоко было первым фруктом, на который пал выбор позднейших толкователей Священного Писания» [26: 427–428]. Трансформация образа *плода* в рассматриваемом стихотворении ведётся в плане следующего переосмысления: а) *плод* – жизнь, зарождающее начало; б) *плод* – семя, способное породить (взрастить) творческий дух (творческое начало). Следовательно, *плод* желанен, необходим как удовлетворение жаждущей натуры, способной жить, создавать, творить. В данном произведении *плод* имеет двух носителей: изначально Адама, затем – лирическую героиню: *Адамова яблока / Взывающий вздрог .../ Взяла его наглухо, / Как страсть и как Бог.*

Взяв и замкнув в своей плоти духоносное начало, теперь она (лирическая героиня) вынашивает его, чтобы затем рождать творческое и стать творческой, сильной,

гениальной натурой. Таким образом, дух перерастает в творчество. Адам же исчезает; он не нужен, так как это уже не его, а её плод.

Характеризуя гетевского Прометея, К. Юнг определяет его как «созидателя» и «творца». «Гетевский Прометей творит, и творчество его направлено во внешний мир, он наполняет пространство образами, которые оформлены им и оживлены его душою, он населяет землю созданиями, порожденными его творчеством; и в то же время он является учителем и воспитателем людей» [33, 223]. Все эти качества Прометея в какой-то степени характерны для цветаевской лирической героини, ибо она творец и направляет свое творение во вне своей только что приобретенной «мужественной души». Однако у Цветаевой не мужчина выбирает себе «госпожу» для выражения образа своей души (как это есть у Юнга – «Душа мифологического Прометея имеет отношение к Пандоре или Афине, так же как и у Гете» [33: 224]), а сама «госпожа» отправляется на поиски, находит и берёт её у мужчины. Душа мужчины (дух) утрачивает индивидуальное выражение со своим переходом во всеобщий символ – символ творчества: *Без имени – канувший! / Не сыщете! Взят. / Пустыни беспамятны, – / В них тысячи спят!* Цветаева попыталась реализовать свою идею о возможности творческого начала не только в мужском, но и в женском объекте. «Ее работы подтверждают, что женское существо, как и мужское, способно вдохновлять и воплощать поэтическое слово» [23: 235].

Таким образом, переосмысление образа и фразеологизма у М. Цветаевой происходит не только на фоне переработки самой христианской системы, но и на базе собственных творческих принципов. Ее концепция основывается на юнгианском мифологическом архетипе *анимы* и *анимуса*, в результате чего цветаевский *плод* – это мужская душа, наделённая силой творчества. Ее *плод* желанен и доступен женщине, ибо женщина, в ее понимании, так же, как и мужчина, может обладать творческим началом.

Проведенный анализ позволяет заключить, что специфика фразеологического значения как значения эврисемичного объясняется особенностями фразеологического образа, сложного по своей внутренней структуре, наглядного, эксплицированного и детализированного, и это предопределяет особенности узуального и возможности окказионального употребления фразеологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. – Кишинев, 1982. – С. 176–180.
2. Алефиренко Н.Ф., Валюх З.О. Теоретические основы фразеографической репрезентации формально-содержательной вариантности фразеологизмов // Проблемы русской и общей фразеографии. – Новгород, 1990. – С. 23–32.
3. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М., 2008.
4. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону, 1964.
5. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М., 1988.
6. Бабкин А.М. Идиоматика и грамматика в словаре // Современная русская лексикография. 1980. – Л., 1981. – С. 5–43.
7. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. – М., 1997.
8. Библия: книги священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические / в русском переводе с параллельными местами и словарем. – М., 1998.
9. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. – М., 2005.
10. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М., 2006.
11. Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцание и умозрения. – М., 1994.
12. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972.
13. Грановская Л.М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии. – М., 2003.
14. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000.
15. Добрыднева Е.А. Современная русская фразеология: категориальные признаки и коммуникативные свойства: учебное пособие. – Волгоград, 1998.

16. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов: учебное пособие. – М., 1978.
17. Кунин А.В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964.
18. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов: научная монография. – Курган, 1999.
19. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учебное пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». – М., 1989.
20. Назарян А.Г. Семантическая моделируемость фразеологизмов: реальность или фикция? // Филологические науки. – 1983. – № 6. – С. 34–40.
21. Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: учебное пособие. – Пермь, 1990.
22. Ратушная Е.Р. К проблеме структурности фразеологического значения (на материале фразеологизмов, обозначающих лицо) // Семантика русских фразеологизмов: сб. науч. тр. проф.-преп. состава филол. фак-та Курганского гос. ун-та / отв. ред. Е.Р. Ратушная. – Курган, 2003. – С. 60–71.
23. Сандлер С. Тело и слово: гендер в цветаевском прочтении Пушкина // Русская литература XX века: исследования американских ученых. – СПб., 1993. – С. 234–257.
24. Солодуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филологические науки. – 1997. – № 5. – С. 43–54.
25. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
26. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. – М., 1999.
27. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск, 1973.
28. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – СПб., 1994.
29. Цветаева М. Сахара // М. Цветаева. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2: Стихотворения. Переводы / сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М., 1997. – С. 207–208.
30. Черданцева Т.З. Язык и его образы: очерки по итальянской фразеологии. – М., 1977.
31. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М., 1998.
32. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев, 1996.
33. Юнг К.Г. Психологические типы. – М., 1998.

T. Shikhova

EUROSEMIC PHRASEOLOGICAL MEANING: REFLECTION IN LANGUAGE AND SPEECH

Abstract: Eurosemic phraseological meaning as a phraseosemantic category is shown. Peculiarities of reflection of eurosemics in language and speech with the help of the phraseological unit *Forbidden fruit* are revealed. Specific features of occasional transformation of the primary image of the phraseological unit are analysed on the base of the poem “Sahara” by M. Tsvetaeva.

Key words: Phraseological unit, phraseological meaning, eurosemics, usage, actualization, initial image, inner form, transformation, occasional transformation.

УДК 482-56

Южакова Ю.А.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВИДЫ КОНСТРУКЦИЙ ТОЖДЕСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: Категория тождества в русском языке предполагает два семантических варианта: тождество предмета самому себе и идентичность различных предметов. Каждый из подвидов тождества реализуется в определенных структурно-семантических разновидностях, которые названы в работе и проиллюстрированы примерами.

Ключевые слова: русский язык, категория тождества, идентичность, неизменность.

* © Южакова Ю.А.

Тождество как общелингвистическая категория реализуется различными средствами путем различных речевых построений. Значение тождества неоднозначно по своей природе. О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» определяет его как «Функциональную общность, принадлежность к одному и тому же инварианту, объединенность этой принадлежностью разных конкретных воспроизведений инварианта» [2, 476]. Таким образом, тождественными, то есть идентичными могут быть разные воспроизведения инварианта либо один инвариант может быть тождественен, то есть равен сам себе. Исходя из данного утверждения, можно говорить о двух основных видах тождества: равенство предмета самому себе и идентичность различных предметов. В рамках каждого из подвидов тождества мы считаем возможным выделить определенные структурно-семантические разновидности. Значение **тождества предмета самому себе** реализуется в конструкциях, имеющих следующие значения:

1. Значение неизменности, которое сопровождается специфическими показателями *тот же, тот же самый, точно такой же, все тот же*.

Неизменность может рассматриваться как застылость, рутинность внешнего мира, например: *Старый священник выходил в ризе, сделанной из покрова гроба моего отца, и служил тем самым голосом, которым с тех пор как помню себя, служилась церковная служба в нашем доме... И тот же дребезжащий голос дьячка раздавался на клиросе, и та же старушка, которую я помню всегда в церкви при каждой службе, согнувшись стояла у стены* (Л. Толстой).

В некоторых случаях автор выражает недовольство отсутствием изменений. Это недовольство выражается через констатацию идентичности окружающих предметов, которая, «однако, не предполагает с необходимостью, чтобы в отождествляемых картинах действительности фигурировали одни и те же реальные предметы» [1: 287]. Элемент образности состоит в том, что в качестве неизменно повторяющихся названы цветы в вазах, соловьиные песни, проезжающие машины и т.д., в реальности сменившиеся другими, но полностью идентичными: *А все то же, тот же сад виден в окно, та же площадка, та же дорожка, та же скамейка вот там над оврагом, те же соловьиные песни несутся от пруда, те же сирени во всем цвету, и тот же месяц стоит над домом...* (Л. Толстой)*; На привокзальной площади все те же цветы в железных ведрах, те же зеленые такси* (А. Алексин).

Тождество предмета самому себе может реализовываться через констатацию неизменности, узнаваемости внешнего облика, неподвластности времени: *Но она не переменилась. Все те же светло-голубые глаза и улыбающийся взгляд, тот же составляющий почти одну линию со лбом прямой носик с крепкими ноздрями и ротик со светлой улыбкой, те же крошечные ямочки на розовых прозрачных щечках, те же беленькие ручки...и к ней по-прежнему почему-то чрезвычайно идет название чистенькой девочки* (Л. Толстой)*;* неизменность, узнаваемость деталей, указывающих на одно и то же лицо: *Смех его был все тем же; Два года назад, в Италии, в Сорento, слышал я ту же самую песню, тот же самый голос... Это они, я узнал их, это те звуки* (И. Тургенев). Сходство деталей предполагает сходство человека. Сходство воспринимается и утверждается как тождественность [1: 307]; или ссылку на неизменность лица либо определяющих его индивидуальность характеристик: *Священник был тот же самый, который исповедовал Левина* (Л. Толстой)*; Он все тот же*.

Наряду с неизменностью лица может констатироваться неизменность чувств, состояний: *Левин продолжал находиться все в том же состоянии сумасшествия, в котором ему казалось, что он и его счастье составляют главную и единственную цель всего существующего* (Л. Толстой)*; Все то же в вас очарованье;* или сохранение в прежнем неизменном виде рода занятий, мнений, отношений: *Так ты все занимаешься тем же? – продолжал он, вспоминая, что Голенищев писал что-то...* (Л. Толстой).

2. Утверждение о принадлежности к определенному классу, подчеркиваемое специальными показателями *есть, это, значит, тот... кто, такой... как,* а также оформленное при помощи пояснительных конструкций.

Это могут быть предложения идентификации, классические обратимые предложения тождества: *Забывает, да не подозревает такой человек в своей полной невин-*

ности, что жизнь – целое искусство, что жить – значит сделать художественное произведение из самого себя (Ф. Достоевский).

Иногда по этическим соображениям прямая идентификация невозможна. Тогда говорящий прибегает к псевдосравнительным предложениям типа: *Бывают же такие идиоты, как этот господин,* или особым метафорам: *Если этот человек заведет себе друга, то друг у него тотчас же обращается в домашнюю мебель, во что-то вроде плевательницы* (Ф. Достоевский). При всей образности данных конструкций это предложения тождества, так как в них содержится идентифицирующая характеристика одного лица без сопоставления с другими.

Утверждение о принадлежности к определенному классу может иметь целью характеристику объекта по его принадлежности к классу: *Дай, кажется, тебе три жизни, тебе и тех будет мало... ну а такие большей частью добряки* (Ф. Достоевский); или оценку всего класса, к которому относится предмет речи: *Такие насекомые, как это, не опасны; С такими мальчишками, как Ваня, не надо играть: побьют* (Разг.).

В большинстве случаев такая характеристика субъективна и часто содержит эмоциональную реакцию удивления, восхищения или возмущения: *Бывают же такие живописные уголки, как этот! Есть же еще такая девственная природа, как в этом краю (Разг.)*

Иногда авторами используется прием художественного обобщения, создающего тип через образ индивида: *Про того, кто не страдает, люди говорят – какой бессердечный. – Про того, кто страдает, те же люди говорят – какой болван* (Прим. Н.Д. Арутюновой).

Значение типичности, распространенности явления также может быть выражено через принадлежность к определенному классу: *Он, как и все мужчины, представлял себе невольно семейную жизнь только как наслаждение любви* (Л. Толстой).

При необходимости авторской классификации говорящий прибегает к распределению предметов речи по определенным разделам: *Я теперь четко разделяю людей на три типа: те, чья совесть «кричит» всю жизнь и доставляет им массу всяких неудобств, те, у которых ее нет, и третьи, в принципе обычные люди, но совесть свою основательно заглушившие* (Н. Думбадзе).

3. Значение единственности, избранности, отсутствия вариантов. Специальными показателями являются *если кто... то, именно тот, как раз тот, тот самый.* Значение реализуется в конструкциях, где из ряда предполагаемых объектов или обстоятельств выбирается одно, которое считается автором высказывания единственно возможным.

В качестве разновидностей данной семантики можно назвать следующие:

- значение предпочтительности, «индивидности свойств», соответствия ожиданиям: *Бурмин был в самом деле очень милый человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, без всяких притязаний и беспечно насмешливый* (А. Пушкин);

- значение особенности, уникальности качеств предмета или лица: *У него была способность понимать искусство и верно, со вкусом подражать искусству, и он подумал, что у него есть то самое, что нужно для художника* (Л. Толстой);

- единичности действия или признака, невозможности и неуместности всех остальных: *Она не могла слушать и понимать слов службы: так сильно было одно то чувство, которое наполняло ее душу. Чувство это была радость* (Л. Толстой).

- единственности, избранности личности: *Вы тот единственный человек, который может нас выручить; Вы то, о чем я мечтал; Моя сестра как раз то, что вам нужно.*

Наряду с полным тождеством предмета самому себе можно отметить и неполное тождество:

4. Значение указания на постоянство лица или предмета при учете произошедших в нем изменений («почти тождество» по выражению Н.Д. Арутюновой). Лицо остается неизменным, то есть тождественным самому себе: тот же, хотя и не тот: *Все та же и я, но нет во мне ни любви, ни желания любви. И он все тот же, только глубже морщина между бровей, больше седых волос в его висках, но глубокий внимательный взгляд постоянно заволочен от меня тучей* (Л. Толстой).

Часто автор выражает сомнение в возможности отождествления по причине прошествия большого промежутка времени:

Ужель та самая Татьяна? (А. Пушкин); *Неужели это был тот самый полоумный составитель жизнеописаний угодников, что жил в «Версале» двадцать три года назад?* (И. Бунин); или задает вопрос об основаниях полученного результата: *Почему Л.Толстой думал, что старец Федор Кузьмич в действительности был не кто другой, как царь Александр I?* (Прим. Н.Д. Арутюновой).

В других случаях «автор фиксирует контрастирующие между собой признаки или по крайней мере черты, мешающие узнаванию» [1: 283]: *Не верилось, что эта черная, худая, востроносая женщина, то равнодушная, то бешеная, то тревожно-болтливая и откровенная с ней, как с равной, то вырывающая ей волосы, – барышня Тонечка* (И. Бунин).

Значение **идентичности различных предметов** также может быть полным, при котором А=Б, или частичным, когда отождествление А и Б осуществляется по одному равному параметру. Значение полного тождества реализуется в следующих подвидах:

1. Полная идентичность действий, основными показателями которой являются *то же, так же*. Констатация идентичности действий может иметь следующие семантические варианты:

- одинаковость действий двух и более лиц, *Степан Аркадьич благословил его с доброю и насмешливою улыбкой и поцеловал его троекратно; то же сделала и Дарья Александровна и тотчас же заспешила ехать* (Л. Толстой);

- одинаковость действий двух лиц, демонстрирующая их внутреннее единство: *Вронский еще раз оглянулся на отошедшего (Голенищева), и в одно и то же время у обоих просветлели глаза* (Л. Толстой);

- единство действия и производимого результата: – *Как хорошо! – сказал Голенищев, очевидно, тоже искренно попавший под прелесть картины* (Л. Толстой);

- тождество действия, оказанного одним предметом на 2 лица, в результате которого наблюдается тождество оказываемого воздействия – *Ну, так доволен своим днем. И я тоже.* (Л. Толстой);

- объединенность действием названного лица и окружающих людей, позволяющая отнести лицо к определенному классу: *В те несколько секунд, во время которых посетители молча смотрели на картину, Михайлов тоже смотрел на нее* (Л. Толстой);

- тождество объектов, на которые направлено одно или одинаковые действия: *Придворный и богатый человек, еще граф, без особенного труда делает то же, если не лучше, чем он, посвятивший на это всю жизнь* (Л. Толстой);

- тождество образа и способа действия: *Священник посмотрел усталым и грустным взглядом на жениха и невесту, вздохнул и, выпростав из-под ризы правую руку, благословил ею жениха и так же, но с оттенком осторожной нежности, наложил сложенные персты на склоненную голову Кити* (Л. Толстой).

2. Тождество признаков (*тот же, такой же*). Одинаковость качеств, деталей, состояний дает возможность автору высказывания отождествить носителей данных признаков иди действия, обстоятельства, в которых эти признаки проявляются. Полное тождество деталей – основание для вывода о частичном тождестве их носителей. Тождество признаков имеет следующие оттенки значений:

- одинаковость проявления реакций: *Она... сказала, взглянув на меня тем же несколько холодным открытым взглядом, который был у ее сына, что она меня давно знает по рассказам Дмитрия* (Л. Толстой);

- тождество состояний: *Левин и Кити находились этот час в одном и том же счастливом и робком возбуждении* (Л. Толстой);

- тождество эмоций, чувств: *Левин был поражен радостным счастием, которое было на лице Кити, и чувство это невольно сообщилось ему. Ему стало, так же как и ей, светло и весело* (Л. Толстой);

- деталей, определяющих общий отклик предметов, действий; семейное сходство определяется наследуемой деталью: *У нее совершенно та же улыбка, что у ее матери; У него глаза отца;*

Отождествляемые признаки обязательно имеют отношение к лицам, совпадение черт которых подчеркивается говорящим.

3. Значение повторяемости, чаще относящееся к выражению речемыслительных процессов (*тот же*). Слова, мысли и чувства, тождественные у различных лиц, служат основанием для сближения этих

лиц. В качестве разновидностей следует назвать: - повторение без изменений слов героев: *«Обручается раб божий Константин рабе божией Екатерине». И, надев большое кольцо на палец Кити, священник проговорил то же* (Л. Толстой);

- точное соответствие слов одного чувствам другого: *Он сам думал о фигуре Пилата то же, что сказал Голенищев* (Л. Толстой);

- совпадение мыслей: *По выражению ее взгляда он заключил, что она понимала то же, что и он* (Л. Толстой); – тождественность предмета размышления: *Он не мог не знать, что когда он думал о смерти, он думал всеми силами души. Он знал тоже, что многие мужские большие умы, мысли которых об этом он читал, думали об этом и не знали одной сотой того, что знала об этом его жена и Агафья Михайловна* (Л. Толстой);

- совпадение чувств: *«Расстоящиеся собравый в соединение и союз любве положивый», – так глубокомысленны эти слова и как соответственны тому, что чувствуешь в эту минуту! – думал Левин. – Чувствует ли она то же, что я?* (Л. Толстой);

4. Значение постоянства, неизменности обстоятельств. В качестве неизменных чаще всего авторы называют место или время действия. Неизменность обстоятельств является для автора основанием для констатации тождественности действий по одному параметру. Это значение полного тождества. Оно создается местоимениями *то, тот* и наречиями со значением места (*там*) и времени (*тогда*) в сочетании с частицей *же*. Например: *Он оскорбился в первую минуту, но в ту же минуту почувствовал, что не может быть оскорблен ею* (Л. Толстой) – значение одновременности; *...Статья о русском художнике, жившем в том же городе... (вместе с другими героями)* (Л. Толстой) – значение неизменности места.

В качестве показателей тождества могут использоваться фразеологические сочетания *в ту же секунду, в то же время, в одно и то же время:*

- Нет, это ужасно! – воскликнул Левин, не в силах более удерживать своей досады. Но в ту же секунду почувствовал, что он бьет сам себя (Л. Толстой)*; Анна слушала горячо говорившего ей что-то Голенищева и в то же время, очевидно, желала оглядеть подходящего художника* (Л. Толстой)*; Она будет в одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома, будет носить, кормить и воспитывать детей* (Л. Толстой). В этих конструкциях значение одновременности действий несомненно для автора и потому усиливает впечатление тождественности этих действий.

Семантическими вариантами тождества различных предметов являются:

5. Отнесение к одному классу на основании тождества деталей: *Он видел повторение тех бесконечных Христов Тициана, Рафаэля, Рубенса и тех же воинов и Пилата* (Л. Толстой). Автор называет идентичные предметы, при этом сама операция отождествления скрыта от читателя.

6. Идентификация конкретного объекта с мифическим прототипом: *А я, коли видели: висит человек снаружи дома в ящике на веревке и стену краской мажет, или по крыше, словно муха, ходит – это он самый я и есть* (М. Салтыков-Щедрин). Показатели тождества *это, есть* переводят подобные конструкции из сравнительных в отождествительные. Автор указывает на идентичность условий, обстоятельств и полученного результата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.

Y. Yuzhakova

STRUCTURAL-SEMANTIC KINDS OF DESIGNS OF IDENTITY IN RUSSIAN

Abstract: An identity category in Russian assumes two semantic variants: identity of a subject to itself and identity of various subjects. Each of identity subspecies is realised in certain structural-semantic versions which are named in work and are illustrated by examples.

Key words: Russian, identity category, identity, invariance.

Публикации аспирантов

УДК 81’373.237

Исаева Н.В.

СЛОЖНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ*

Аннотация: Статья посвящена анализу новых слов – наименований лиц по профессии в текстах современной печатной рекламы. Автор рассматривает наиболее частотные случаи образования слов посредством разнообразных типов сложения, отмечает многоаспектность данного явления и необходимость последующего изучения.

Ключевые слова: неологизмы, наименование лица, профессия, сложное слово.

Одно из самых ярких языковых примет XXI века – появление большого количества новых слов. Сегодня неологизмы закрепляются в языке все увереннее, зачастую вытесняя при этом привычные, хорошо знакомые слова. Большую роль в этом процессе играют СМИ, в частности реклама.

Значительную часть новой лексики, используемой в текстах печатных рекламных объявлений, составляют существительные с семантикой лица. Данная категория слов давно привлекала внимание исследователей и изучалась как в диахронии (Л.Е. Кругликова, С.В. Вахитов, В.В. Демичева, Т.В. Бредихина, В.М. Грязнова, Р.В. Железнова), так и в синхронии (И.А. Долгов, А.И. Моисеев, И.Ф. Протченко, С.А. Колгин, А.Г. Львов, Л.А. Шкатова), а также в различных аспектах: словообразовательном (А.Г. Лыков, А.И. Моисеев, Г.Н. Скляревская, Е.А. Земская, Л.Г. Павлова, Л.И. Васильева, Н.К. Мазурина), структурно-семантическом (Т.В. Бредихина, Г.Н. Абреимова, Т.В. Цалко, Л.В. Житникова), стилистическом (Е.И. Демина).

Среди nomina agentis одним из самых многочисленных и наиболее пополняемых в настоящее время является группа слов, обозначающих наименования лиц по профессии, специальности, роду занятий (далее НЛП), что находит подтверждение в разнообразных печатных изданиях, предлагающих работу населению. Особенно продуктивным является образование НЛП посредством разнообразных типов сложения. По мнению В.Г. Костомарова, в последние годы «особенно высокопродуктивными оказываются не суффиксальные дериваты, а исторически менее свойственные русскому языку различные словосложения и словосокращения» [1].

Однако понятие «сложное слово» до сих пор не имеет однозначного толкования в лингвистической науке, остаются дискуссионными многие вопросы, касающиеся определения его статуса. В своей работе мы взяли за основу определение авторов учебника «Современный русский язык» под редакцией профессора П.А. Леканта о том, что: «Сложение – это обобщенное наименование для нескольких безаффиксных способов словообразования, при которых производящее представлено двумя или более основами, а дериватором считается строго фиксированный порядок расположения производящих основ в структуре деривата и единое основное ударение» [2]. Также разделяем мнение Н.Х. Низаметдиновой о том, что сложное слово – это «лексема, формально и семантически мотивированная двумя (или более) самостоятельными словами и обладающая единством грамматического оформления» [3].

Наименования лиц по роду профессиональной деятельности образуются от подчинительных словосочетаний, соединенных с помощью интерфиксов *о-е*, часто осложненные дополнительной суффиксацией на первом этапе образования нового слова: *фаршесоставитель* ← составитель фарша, *рекламораспространители* ← распространитель рекламы, *стеклопротирщица*←

* © Исаева Н.В.

протирщица стекол и т.п. Например: *Требуются рекламораспространители по почтовым ящикам. РФ, от 25 лет (листовка в почтовом ящике)*. Первая часть такого сложного слова представляет собой чистую основу, а вторая может употребляться как самостоятельное слово. Как правило, в первой части композита указывается на объект приложения действия, а во второй – на действие, производимое субъектом. Наименование *стеклопротирщица* осложнено суффиксом –щиц с модификационной словообразовательной категорией ‘женскость’ [4] и отчасти носит стилистически сниженную, разговорную окраску.

НЛП образуются сложением с сокращением первого слова, входящего в состав подчинительного словосочетания. Особенно частотны подобные образования в сфере туризма, организации досуга: *туроператор, турменеджер, турагент* и т.п. Например: «Турбазар» *Шутуры + отдых на море! Туроператор, турагентство* (Туризм и отдых, № 25, 2007). Первый компонент сложных слов *тур* сравнительно недавно стал употребляться в русском языке как самостоятельное слово в значении ‘зарубежная поездка’, а в настоящее время по частоте своего употребления в разнообразных сложных словах приближается к аффиксоидам. И хотя этот термин известен уже с середины XX века, мнения ученых о нем неоднозначно. Сошлемся на определение аффиксоидов, данное в энциклопедии «Русский язык», «Аффиксоид (от *аффикс* и греч. éidos - *вид*) – компонент сложного и ли сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу – суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов); соответственно А. подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды» [5].

В словах исследуемой тематической группы наиболее часто регистрируются следующие префиксоиды: *авто – автодизайнер, автоменеджер, фито – фитодизайнер, фото – фотомодель, евро – евродизайнер* и др. Вторая часть таких сложных слов может употребляться самостоятельно: *дизайнер, менеджер, модель* и т.п., но новое значение они приобретают только в сочетании с первой частью. По имеющейся выборке наиболее частотными словами на страницах рекламных объявлений являются сложные слова с первой частью авто-: *автомойщик, автомаляр, автоколорист, автотонировщик, автоэксперт, автоюрист, автодизайнер, автоменеджер* и др. Слова *автодизайнер, фитодизайнер, евродизайнер*, находятся в парадигматических отношениях и являются согипонимами по отношению друг к другу и гипонимами к слову *дизайнер*. Указание на область профессиональной деятельности находится в первой части композита, в префиксоидах, которые, «будучи ‘обломками’ породивших их слов, наследуют их значение, то есть несут самостоятельную корневую нагрузку» [6].

Среди НЛП выделяются композиты со связанным последним опорным компонентом, суффиксоидом, в частности, достаточно распространены наименования с компонентом *лог* – от греческого log – ученый. Подобные образования обозначают, как правило, лиц, занимающихся изучением какой-либо области науки: *уфолог, политолог, вертебролог, парапсихолог, сайентолог* и т.д. Связанным может быть как один, так и несколько компонентов: *биоритмолог – био-, -лог*. В текстах рекламных объявлений подобные названия достаточно редки, употребляясь в основном в научном стиле. Однако по аналогичной модели активно создаются названия, связанные с наименованием специалистов по тому предмету, объекту, который обозначен в первой части слова: *маркетолог* – специалист, исследующий, изучающий рынок, определяет перспективы сбыта, отслеживает конкурентную среду и т.п.; *тестолог* – специалист, который проверяет (тестирует) программное обеспечение, компьютерные программы.

Наиболее распространенным в языке печатной рекламы является сложение слов путем объединения равноправных производящих основ существительных без помощи соединительных гласных, так называемые сложносоставные слова. Их отнесенность к сложению достаточно условна, они находятся на границе между словообразованием и синтаксисом, поскольку процесс их образования схож с образованием синтаксических единиц, т.к. происходит совмещение и взаимодействие нескольких лексических

значений, при этом сохраняются и синтаксические связи. Эти новообразования могут указывать на узкую специализацию субъекта деятельности или, наоборот, на сложность и многофункциональность выполняемых профессиональных задач.

В печатных объявлениях представлены сложносоставные новообразования с опорным компонентом интернационального происхождения, равным самостоятельному слову: *медиа* – англ. media – средства массовой информации – *медиа-менеджер, медиа-планер, медиа-байер; топ* – англ. top – вершина – высший класс, разряд – *топ-менеджер, топ-модель; WEB/веб* – англ. web – World Wide Web, WWW – Всемирная паутина. С созданием Интернета на рынке труда стали завоевывать место и пользоваться большим спросом специалисты в области компьютерных технологий: *WEB – издатель* – создает или руководит активными страницами в Интернете, *WEB-мастер / веб-мастер* – обслуживает разнообразные интернет-ресурсы, *WEB-дизайнер /веб-дизайнер* – создатель интернет-страниц, часто поддерживает их после окончания работы – и другие производные от *WEB*. Причем первая часть подобных новообразований в объявлениях регистрируется как в транслитерированном, так и нетранслитерированном виде, что свидетельствует о недостаточной освоенности данного заимствования.

Самым частотным словом, входящим в состав таких композит в качестве первого или второго компонента, является слово *менеджер*. По данным нашей картотеки, с ним образовано около 50 слов подобной образовательной модели, обнаруженных в текстах печатных рекламных объявлений: *менеджер-делопроизводитель, менеджер-аналитик, менеджер-администратор, менеджер-координатор, менеджер-консультант, менеджер-оператор, менеджер-технолог, менеджер-метродотель, офис-менеджер, сервис-менеджер* и мн. др. Являясь заимствованным по происхождению и интернациональным по степени распространенности, слово *менеджер* входит в русский язык не только в составе заимствованных композит, но и активно участвует в образовании новых сложных слов, не зафиксированных в языке-источнике.

Относительно новое слово *имиджмейкер* – от англ. imagemaker – делающий имидж – также мотивировало ряд сложных наименований лиц: *имиджмейкер-консультант* – специалист по профессиональному сопровождению карьеры, созданию имиджа личности или фирмы; *имиджмейкер-психолог* – помимо основного предназначения, создания имиджа, участвует в разработке корпоративной культуры фирмы, компании.

Широко известные в русском языке названия профессий также могут приобретать новое значение, участвуя в словосложении. В качестве первого слова в состав сложносоставного входят следующие слова: врач – *врач-медстатистик, врач-консультант, врач-рефлексотерапевт;* повар – *повар-универсал, повар-мангальщик, повар-холодница, повар-заготовщик, повар-блинопек;* пекарь – *пекарь-повар, пекарь-кондитер, пекарь-тестомес;* продавец – *продавец-консультант, продавец-дизайнер, продавец-оценщик, продавец-аквариумист, продавец-кассир;* кассир – *кассир-оператор, кассир-координатор, кассир-бухгалтер;* водитель – *водитель-экспедитор, водитель-курьер, водитель-специалист, водитель-грузчик;* консультант – *брэнд-консультант, консультант-стилист, мерчендайзер-консультант, дизайнер-консультант, инженер-консультант* и др. Как правило, эти сложные НЛП состоят из двух, реже – из трех слов, например: *визажист-стилист-косметолог, парикмахер-визажист-универсал.*

Анализ подобных новообразований свидетельствует о продуктивности данных типов сложения, позволяет прогнозировать дальнейшее развитие словообразовательной системы. Широкое использование сложных НЛП на страницах печатной рекламы способствует детерминологизации подобных наименований, их закреплению в языке, а также позволяет получить представление о развитии общества в данный исторический период и отражает фрагмент языковой картины мира, в которой наименования лиц по профессии занимают определенное место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – М., 1999. – С. 213.
2. Современный русский язык: Учебник/ П.А. Лекант, Е.Д. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; Под ред. проф. П.А. Леканта. – М., 2007. – С. 216.

3. Низаметдинова Н.Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI – XVII вв. – М., 2003. – С. 27.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 2007. – С. 147-150.
5. Русский язык. Энциклопедия/ Главн. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1997. – С.- 43.
6. Левашов Е.А. Еще раз об аффиксоидах. – Русская речь. – № 3. – 2008. – С. 51.

N. Isaeva

THE COMPOSITE PROFESSION BASED OF INDIVIDUALS IN MODERN ADVERTISEMENTS

Abstract: The article is devoted to in depth analysis of new words formation, i.e. the names of individuals being based on their trade or occupation in contemporary printed advertisements. The author is investigating the most frequent cases of such words formation by employing different types of combinations. The author also denotes a multi aspect nature of this linguistic phenomena in need of further research.

Key words: neologism, names of individuals based on their trade, compaund word.

УДК 811.161.1'367

Лютова Е.С.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФИНИТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ В БЕЗЛИЧНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ*

Аннотация: В статье рассматриваются структурно разнообразные средства выражения фазисного значения прекращения действия в односоставном безличном предложении. Автор доказывает, что состав средств выражения финитивного значения в двусоставном предложении и в односоставном безличном предложении не совпадает.

Ключевые слова: синтаксис, безличное предложение, вспомогательный глагол, фазисность, финитивное (финитное) значение.

Значения фазисности рассматриваются многими лингвистами (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, М.Ю. Гловинская, П.А. Лекант, Ю.С. Маслов, В.К. Храковский) как фиксация действия или состояния предмета на одном из этапов, фаз своего развития: в начальной точке, в продолжении и в конечной точке [1]. Каждая фаза — отдельный более или менее установленный, определённый момент в процессе развития какого-либо явления [2]. Финитивное (финитное) значение понимается как значение «прекращения» действия во времени, то есть как факт перехода действия из «бытия» в «небытие» [3]. Значение конца действия неоднородно. Финитивностью в лингвистике называют закреплённое в определённой языковой форме отражение ситуации, когда некоторый процесс перестаёт иметь место с называемого момента времени безотносительно к тому, прекратился процесс «естественным» образом, в результате волевого акта субъекта, под воздействием каких-либо внешних обстоятельств, которые прервали процесс до его «естественного» прекращения, или же процесс перестал иметь место в силу достижения «запланированного» предела с каким-либо результатом [4]. Для нас важно подчеркнуть, что в безличном предложении обозначение прекращения действия по воле субъекта невозможно, так как безличные конструкции выражают прежде всего неконтролируемость, неуправляемость, стихийность, неподвластность действия человеку, безличный глагол призван описать такие состояния, которые характеризуются неосознанностью, немотивированностью, независимостью от воли человека. Именно поэтому состав средств выражения финитивного значения в двусоставном предложении и в односоставном безличном предложении не совпадает.

В качестве основных средств выражения фазы прекращения процесса на передний план вдвигаются конструкции с фазисными глаголами.

Центром семантического поля **пре-**

* © Лютова Е.С.

кращение действия является глагол *перестать*, который выражает значение прекращения действия в чистом виде, сочетается с любыми глаголами, обозначающими локализованное во времени длительное действие: *Потрудитесь накормить пса, когда его* ***перестанет тошнить*** (М. Булгаков)*; Теперь, когда Шухову дали работу, вроде и* ***ломать перестало*** (А. Солженицын)*; Огни на концах молов медленно поползли назад, и неожиданно меня* ***перестало швырять и бить*** (К. Паустовский)*; По крыше и стенам* ***перестало тарахтеть****. Солнце сияло как ни в чём не бывало* (В. Токарева). Прекращение процесса не зависит от воли субъекта.

В форме несовершенного вида глагол *перестать* обозначает повторяющееся действие: *На минутку* ***перестаёт качать****, и опять* (М. Пришвин)*; Мы говорили, говорили, потом я замечала, что у меня щиплет глаза. Значит, я хотела спать. А потом глаза* ***переставало щипать*** *— значит, я перескочила через точку своего засыпания* (В. Токарева).

Фазисный глагол *прекратить* и ряд глаголов, передающих финитивное значение в двусоставном предложении (*кончить, бросить, забросить*), не употребляются в безличном предложении, так как они выражают значение произвольного, сознательного прекращения процесса субъектом и возможны только в сочетании с глаголами, называющими целенаправленное действие одушевлённого субъекта действия (Ср. *На работу Бенедикт* ***ходить бросил****. А зачем? Всё равно пропадать* (Т. Толстая). Сочетаемостные возможности этих вспомогательных глаголов у́же, чем синтаксические потенции глагола *перестать* [3].

Значение прекращения действия в односоставном безличном предложении может быть обозначено сочетанием инифинитива с начинательным глаголом *стать* с отрицанием. *Катерина присела на приступок: вдруг* ***не стало хватать*** *воздуха, тошнота подступила к горлу* (В. Белов). (Ср.: В личном употреблении вспомогательный глагол *стать* лишается фазисного оттенка при отрицании:

Я с тобой ***не стану пить*** *вино,*
Оттого что ты мальчишка озорной...
(А. Ахматова)

– «в фокусе внимания находится не протекание действие, а вопрос о том, имеет оно место или нет» [5]).

Отметим особый способ выражения фазисного значения прекращения действия – при помощи сочетания ***больше не*** **+ безл. гл.** *Больше*. 1) Сравнит. степень наречия *много*; 2) в отриц. предложении означает: далее, впредь, уже [6]. *А моряк стоит в клешах и не колышется – бури кончились, волной его больше не* ***качает*** (В. Астафьев)*; С верховьев птицу больше не* ***приносит*** *– выше села ныне стоит плотина гидростанции* (В. Астафьев). Эта конструкция может быть заменена конструкцией с фазовым глаголом: **больше не качает = перестало качать.** Синонимична ей конструкция ***уже не*** **+ безл. гл.:** *Но у меня уже не* ***ныло*** *за ухом, и я пока ещё находился в моей комнате, поэтому к нему и не повернулся* (Г. Владимов).

Сочинение со временем было заброшено, ***писаться*** *уж ничего* ***не писалось****, но вся сила его, всё воодушевление осмысливало разбитую жизнь Боброва* (А. Ремизов). В такой осложнённой форме предиката к основному финитивному значению добавляется значение «несостоятельности» действия, выражаемое сочетанием безличной формы глагола с однокорневым инфинитивом [7].

Наблюдается совмещение модального значения желания и фазисного значения прекращения желания (по обозначенной в контексте причине) в предложении *Завтра уезжаю на юг, хотя* ***ехать*** *уже не* ***хочется****: опять наступили прекрасные дни* (И. Бунин). *Ср.: Завтра уезжаю на юг, хотя* ***ехать не хочется****.*

Вспомогательные модальные глаголы с приставками *рас- (раз-, разо-), пере-* совмещают модальное и фазисное значения: *расхотелось, перехотелось, разонравилось* и др. ***Есть перехотелось*** *от волнения и от терпкого вкуса во рту* (А. Куприн) – наблюдается совмещение модального значения желания и фазисного значения прекращения желания (по какой-то явной или не обозначенной в контексте причине). Дополнительный оттенок значения –‘отсутствие начала действия’. Действие, названное инфинитивом полнозначного глагола, остаётся потенциальным. См. также: *Однако кружки* ***бить*** *уже* ***расхотелось*** (Д. Симонова)*; Ремзику совсем* ***расхотелось есть*** *кукурузу, но жалко было её выбрасывать*

(Ф. Искандер);

Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И ***терять*** *свою жизнь без оглядки*
(С. Есенин).

Совмещение модального значения с финитивным фазисным мы наблюдаем и в осложнённых конструкциях (в составном глагольном сказуемом это называется грамматическим осложнением: в осложнённых формах выражается не одно, а два грамматических значения – фазисного и модального типа [8]), построенных по модели: **Безл. форма вспомогат. фазисного гл. + модальный гл. (модальное слово) + инфинитив гл. несов. вида.** *Я, погрузившись в кресло у письменного стола, пил кофе, не понимая, почему мне щемило душу и почему Париж вдруг представился каким-то скучным, так что даже и* ***побывать*** *в нём вдруг* ***перестало хотеться***... (М. Булгаков). *Когда же после этого прошло ещё три часа, ей уже* ***перестало хотеться есть****, и она почувствовала только слабость* (Л. Толстой).

Такая конструктивная схема реализуется значительно реже, чем модель: **безл. форма модального гл. (или модальное слово со связкой в безл.форме) + инфинитив фазисного гл. + инфинитив гл.несов.вида.**

Разнообразно её семантическое наполнение – квалификация действия с точки зрения его

• необходимости: *Если вы хотите слушать, вам* ***придётся перестать шуметь*** (М. Горький);

• желаемости: *Зачем у людей есть память, иногда* ***хочется перестать помнить*** (В. Гроссман);

• своевременности: ***Пора бы*** *нам* ***перестать*** *апатически* ***жаловаться*** *на среду, что она нас заела* (Ф. Достоевский).

• целесообразности: *Он хотел бы наверстать учёбу, но для этого нужно было сосредоточенно работать, и* ***проще было перестать хотеть****, перебиваясь с помощью репетитора с тройки на тройку* (П. Санаев).

Интересно, что в такой осложнённой предикативной основе в качестве вспомогательного компонента с фазисным значением прекращения действия может употребляться глагол *кончать* (специфика этого глагола заключается в том, что во вспомогательной функции в составном глагольном сказуемом он употребляется часто, в сочетаниях с инфинитивом в безличном предложении – никогда, так как обозначает произвольное прекращение действия субъектом). Ср.: *Кузьмичов только что* ***кончил считать*** *деньги и клал их обратно в мешок* (А. Чехов). *Хватит! Не поздно честную жизнь начать и в тридцать пять лет, когда-то ж* ***надо кончать*** *по ветру* ***носиться****, карманы как паруса...* (А. Солженицын). Если в глагольном типе безличного предложения «прекращение» действия понимается как факт «некое действие перестало иметь место с момента t» [9], то в именном типе финитивное значение — это наступление иного состояния/качества предмета. Таким образом, можно говорить об избыточности выражения конца проявления признака, так как конец подразумевает его изменение и передаётся связкой *стать, сделаться: стало темно – темно – стало светло (перестало быть темно)* [10]. Если же существует необходимость актуализировать финитивную семантику, то используется осложнённая форма *перестало быть: Мне вспомнилось, что через несколько минут мы будем в городе, что надо вылезать из саней, идти домой, возиться с грязной болезнью, а завтра в темноте вставать, и мне* ***перестало быть чу́дно*** (М. Агеев). *Дядя Митя бывал всё реже, у Одоевцевых* ***перестало быть уютно****, и атмосфера любви, в которой он привык купаться, пропала* (А. Битов). В прошлом эта возможность, вероятно, была более широкой, если судить по произведениям классиков русской литературы: *Мне* ***перестало быть видно*** *это раскрывание* (Л. Толстой); *Скоро* ***перестало быть слышно*** *барабаны* (Л. Толстой) [11; *примеры Ломова*].

«Начало и конец существования признака могут пониматься как крайние точки интервала ситуации проявления одного предикативного признака. Начало означает, что предикативный признак, не существовавший ранее, существует в данный момент. Конец означает, что признак, существовавший ранее, не существует в данный момент» [12]. Исходя из этого понимания, мы считаем, что безличная форма связки со значением становления, появления, возникновения состояния в сочетании с отрицательной частицей может обозначать

прекращение существования признака или состояния: *Но поклёвки не было, и даже всплесков* ***не стало слышно*** (Ю. Казаков). Следует оговориться, что такое сочетание для выражения фазисной семантики возможно только с предикативами узкой семантической группы, обозначающими физическое (зрительное, слуховое) восприятие внешней среды: *И всё темнело, всё мрачнело вокруг, вверху и внизу, почти* ***не стало видно*** *смутно темнеющей длинной шеи лошади, её настроженных ушей* (И. Бунин).

В именном типе безличных предложений конец интервала существования какого-либо состояния может выражаться при помощи сочетаний специальных показателей ***больше не, уже не*** со словами категории состояния (в том числе с модальным значением): *Уже* ***не слышно*** *тишины и* ***не видно*** *тьмы, уже позади всё, что случилось впервые* (Б. Васильев).

В модально-связочно-инфинитивном типе безличного предложения выражается значение прекращения необходимости действия:

Мне тебя ***не надо*** *больше* ***искать,***
Ты теперь прозрачный этот закат,
Ты вода от ледяного ключа,
Волос солнечного луча

(В. Кузьмин).

На тот большак, на перекрёсток
Не надо *больше мне уже* ***спешить***

(Н. Доризо).

Анализ материала выявил структурно разнообразные средства выражения финитивного значения в односоставном безличном предложении.

Важно указать на наличие ограничений грамматического и семантического характера. Так, например, семантика некоторых безличных глаголов, обозначающих смену погоды или времени суток, не предполагает сочетания с финитивными глаголами (невозможна конструкция **перестало светать*, так как *светать* ('о рассвете: начинаться'). В то время как продуктивны безличные предложения с фазисной семантикой для характеристики комплексных изменений в окружающей природе, смены физического и психического состояния живого существа, воздействия стихийной силы на объект.

В безличном предложении называется ситуация, когда прекращение процесса не зависит от воли субъекта, мы наблюдаем естественное прекращение стихийного явления или состояния. Это ограничивает возможности выражения финитивной семантики в односоставном безличном предложении по сравнению с двусоставным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 2005. – С. 211; См. также: Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967. – С. 24.; Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М., 1982. – С. 78.; Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М., 1976. – С. 63 – 67; Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии – Л., 1978. – С. 4 – 44; Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – М., 2003. – С. 157.
2. Логический словарь-справочник. – М., 1975. – С. 635.
3. См.: Коновалов Ю.Г. Способы выражения фазисности действия в современном русском языке: Дисс… канд. филол. наук. – М., 1982. – С. 45; Ризаев Б.Х. Грамматическое значение фазы прекращения процесса и аналитические средства его выражения в современном немецком языке: Дисс… канд. филол. наук. – Л., 1981. – С. 2.
4. См. Коновалов Ю.Г. Указ. соч. – С. 45.
5. Лекант П.А. Русский инфинитив как грамматическая категория // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», №3. – М., 2006.– С. 229.
6. МАС – Словарь русского языка: АН СССР. В 4 т. – М., 1981. – С. 17.
7. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 2004. – С. 67.
8. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М., 1976. – С. 81.
9. Кустова Г.И. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением начаться / кончиться) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М., 2002. – С. 70.
10. Попова Л.В. Система связок именного сказуемого в современном русском языке. – Архангельск, 2005.– С. 88.
11. Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж, 1994. – С. 226.
12. Попова Л.В. Указ. соч. – С. 98.

E. Lyutova

MEANS OF EXPRESSION PHASAL MEANING IN IMPERSONAL MONONUCLEAR SENTENCE

Abstract: The paper deals with impersonal mononuclear sentence with phasal semantics (cessation of action) in Russian language. Means of expression phasal meaning has been learnt by different linguists but without distinguishing between mononuclear and binominal sentences. It is necessary to make such distinction.

Key words: syntax, impersonal sentence, auxiliary verb, phasal, phinitive (phinit) value.

УДК 81’373.612.2

Мельниченко Н.П.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ ПРИ ОПИСАНИИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В ИДИОСТИЛЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Аннотации: В основе метафорических переносов, используемых в языке при описании отрицательных эмоций, лежат разнообразные и противоречивые образы. Самым распространенным в идиостиле Ф. М. Достоевского, как и в общенародном языке, является образ жара, огня. Но имеется и своеобразие в концептуализации отрицательных эмоций: наличие положительных коннотаций при описании эмоции гнева, ряд излюбленных образов и др.

Ключевые слова: метафорический перенос, идиостиль, концепт, концептуализация.

Эмоции как элемент человеческой психики субъективны, что затрудняет их вербализацию, поэтому они часто выражаются при помощи метафор. Это обнаруживается в сочетаемости лексики эмоций с метафорически переосмысленными лексемами.

Эмоциональные метафоры не раз были предметом изучения лингвистов. Широко известны исследования Дж. Лакова и М. Джонсона, Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, В. Ю. Апресян и др.

В данной статье рассматриваются метафорические переносы, при помощи которых происходит концептуализация в языке эмоций группы *гнев* (гнев, злоба, злость). Исследование опирается на материал основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (слово *гнев* – 2242 документа, 13716 вхождений, слово *злоба* – 1892 документа, 10964 вхождения, слово *злость* – 1277 документов, 5702 вхождения), а также выборку по электронным версиям произведений Ф. М. Достоевского (1857 контекстов, 39 источников).

Эмоции гнева, злобы и злости находят лингвистическое выражение в физиологических, когнитивных, культурных метафорах (классификация В.Ю. Апресян [1: 11]).

Метафорические переносы, при помощи которых описываются отрицательные эмоции, чрезвычайно разнообразны, в их основе лежат противоречащие друг другу образы, например, огонь – вода.

Отрицательные эмоции представляются как огонь: ***Не жги*** *меня* ***в пепел*** *своим* ***гневом!*** (А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур); *Живая, трепетная радуга тех чувств, которые именуются любовью, выцветала в душе моей, всё чаще вспыхивали угарные синие* ***огоньки злости*** *на всё, тлело в сердце чувство тяжкого недовольства, сознание одиночества в этой серой, безжизненной чепухе* (М. Горький. Детство); *Душу* ***жгло*** *какое-то новое* ***чувство****, которого я прежде не испытывал, – это была* ***злоба*** (Скиталец (С. Г. Петров). Сквозь строй). Метафора ГНЕВ – ОГОНЬ, ГНЕВ – ЖАР характерна для языка в целом и находит отражение в творчестве Ф.М. Достоевского, герои которого живут в рамках тотального трагического отношения к действительности [7: 24], горя в горниле своих страстей: *И будут гореть* ***в огне гнева*** *своего вечно, жаждать смерти и небытия* (Ф. Достоевс-

* © Мельниченко Н.П.

кий. Братья Карамазовы); *Наконец в сердце моем* ***загорелась злоба*** (Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1873 год).

Такого рода ассоциации отмечал Г. О. Винокур: «В особенности интересно следующее рассуждение Матвея Кожемякина у Горького:

"Вспомнилось, как однажды слово *гнев* встало почему-то рядом со словом *"огонь"* и наполнило усталую в одиночестве душу угнетающей печалью. *"Гнев,* – соображал он, – *прогневаться, огневаться,* – вот он откуда, *гнев,* – из огня! У кого огонь в душе горит, тот и *гневен* бывает. А я бывал ли гневен-то? Нет во мне *огня"*.

Излишне добавлять, что этимологически нет никакой связи между словами *ясень* и *ясно*, *гнев* и *огонь*» [6: 30-31].

Гораздо реже для слов, называющих эмоций группы *гнев*, источником метафорического переноса выступает холод: *Но Искариот смотрел спокойно, а Анну уже начала покалывать тихая* ***злость****, сухая и* ***холодная, как предутренний иней зимою*** (Л. Андреев. Иуда Искариот)); *Помимо этой грандиозной картины истребления жителей государства, не можем не припомнить проявления* ***холодной злобы****, ненависти, издевательства и злорадства в мелких приемах при казни тех или других лиц...* (П. Ковалевский. Иоанн Грозный); *Пусть же* ***холодом*** *неутоленного* ***гнева*** *наполнится песня* (М. Шагинян. Перемена).

Такого рода метафорические переносы можно отметить и в произведениях Ф. М. Достоевского, но сочетаемость имен эмоций с лексемами со значением 'холод' в идиостиле писателя характерна лишь для слов *злоба* и *злость*: *Такая ожесточенная адская* ***злоба*** *врагов его и особенно последнее доказательство этой злобы* ***оледенили*** *сердце господина Голядкина* (Ф. Достоевский. Двойник); *Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается* ***в холодную****, ядовитую и, главное, вековечную* ***злость*** (Ф. Достоевский. Записки из подполья).

Прилагательное *холодный* может выступать синонимом прилагательного *разумный*, а отрицательные эмоции, проявляемые сознательно, представляются писателю не имеющими оправдания: *Злобы в Николае Всеволодовиче было, может быть, больше, чем в тех обоих вместе, но* ***злоба*** *эта была* ***холодная****, спокойная и, если можно так выразиться, –* ***разумная****, стало быть,* ***самая отвратительная и самая страшная, какая может быть*** (Ф. Достоевский. Бесы).

Гнев как эмоция, наименее подвластная контролю разума, не концептуализируется в идиостиле писателя при помощи метафорического переноса, источником которого является образ холода.

Еще одним характерным для языка средством выражения отрицательных эмоций является метафорический перенос наименований природных стихий, явлений природы. Гнев, злоба, злость представляются как неконтролируемые, самодовлеющие величины, что обусловливает представления о чувствах как о буре [Арутюнова Н. Д. 1976, 105]: *В такие часы Самгин ощущал, что его* ***наполняет*** *и* ***раздувает ветер*** *унылой* ***злости*** *на всех людей и даже – немного – на себя самого* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2); *Затем начинался самый «****шторм****», доходивший иногда до степени «****урагана****», если вспыльчивый* ***гнев*** *адмирала поднимался до высшего предела, когда у Снежкова начинало болеть под ложечкой, а у некоторых дрожали поджилки и замирали сердца* (К. Станюкович. Беспокойный адмирал).

В идиостиле Ф. М. Достоевского данный метафорический перенос реализуется в сочетаемости имен эмоций с существительным *порыв*: *Эффект был быстрый и поразительный: в толпе раздался ропот, но он выражал скорее печаль, чем* ***порывы гнева*** (Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1873 год).

Эти метафорические переносы при выражении эмоций группы *гнев* универсальны для языка в целом, они не являются специфическими только для русской культуры. Ср.: «Различные достояния души получают название то от бури, как скандинавское odr – дух, ум, а также и ярость, гнев; то от огня, как в сербской поэзии живым огнем называется гнев: «оставила сердце у матери, а живой огонь у братьев» (33; 48), то от холода, как у нас зазноба, или, как в песнях древней Эдды, холод вместо злобы: «холодны мне твои советы» (Песнь о Волунде)» [5].

Отрицательные эмоции уподобляются жидкости, обычно горькой или даже вредоносной (яд), могут ассоциироваться

со спиртным напитком, так как подобно вину лишают человека способности трезво мыслить. Проявление сильных эмоций описывается при помощи образа кипящей влаги [4: 389]: *Вслед за этим выходят семь Ангелов, держащих семь* ***фиалов гнева*** *Божия, и* ***изливают*** *их на землю* (В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского); ***Обливаясь*** *потом и* ***злостью****, вспоминаю, что в XVI веке Москва была «немного поболее Лондона»* (А. Мариенгоф. Циники); *Целых полгода служил он* ***плотиной против*** *народного движения и* ***гнева*** (Н. Суханов. Записки о революции / Книга 6); *Они хотя с ними обходятся и ласково; но в сердце своем скрывают* ***яд злобы*** (архиепископ Платон (Левшин). Слово в неделю блуднаго сына).

У Ф. М. Достоевского: *Он чуть* ***не захлебнулся от злобы*** *на себя самого, только что переступил порог Разумихина* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную,* ***ядовитую*** *и, главное, вековечную* ***злость*** (Ф. Достоевский. Записки из подполья).

При описании эмоции гнева данный метафорический перенос не был отмечен в творчестве писателя, за исключением следующего примера: *Она находила потребность в беспрерывном* ***излиянии*** *своего* ***гнева*** *на Афанасья Матвеича, потому что тирания есть привычка, обращающаяся в потребность* (Ф. Достоевский. Дядюшкин сон).

Отрицательные эмоции группы *гнев* могут также уподобляться голоду, жажде: *И вот страсть,* ***гнев получают*** *новую* ***пищу****, получают оправдание* (С. Соловьев. Петровские чтения); *Они предполагают не радостное и доверчивое, а угнетенное настроение приносящих – угнетенное несомненным божьим* ***гневом, неутоленным*** *никакими молебствиями* (Ф. Зелинский. Древнегреческая религия); *Самые низкие и презренные личности, сущие подонки общества, которым и под присягой никто бы не поверил, имеют полную возможность тайными обвинениями и лживыми разоблачениями* ***насытить злобу****, порожденную завистью, или отплатить за воображаемые обиды* (С. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей).

Ср. у Ф.М. Достоевского: *И один лишь сей вопрос, повторяясь постепенно, породил наконец целую бездну самой* ***ненасытимой злобы*** (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

И наоборот, данные эмоции могут утолять голод и жажду, возникает ассоциативная параллель *сердце – желудок*: *Ночью в темноте рыдаю в подушку и все это передумаю,* ***сердце*** *мое раздираю нарочно,* ***злобой*** *его* ***утоляю****: "Уж я ж ему, уж я ж ему отплачу!"* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); *Один пирог так совсем на пол кинул и растоптал. Я и сказала: "сторожу оставлю; коли не съешь до вечера, значит, тебя* ***злость*** *эхидная* ***кормит****!" с тем и ушла* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); *Вспомни, что она, сумасшедшая, говорила Нелли уже на смертном одре: не ходи к ним, работай, погибни, но не ходи к ним, кто бы ни звал тебя (то есть она и тут мечтала еще, что ее позовут, а следственно, будет случай отмстить еще раз, подавить презрением зовущего, – одним словом,* ***кормила*** *себя* ***вместо хлеба злобной мечтой****)* (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

Данный метафорический перенос также не характерен для описания эмоции гнева.

Люди часто представляют отрицательные эмоции как враждебную силу, приписывая гневу, злобе и злости черты живого существа. Отрицательные эмоции, причиняющие душевную боль, охотно *грызут, терзают, гложут, сосут, кусают, жалят, впиваются в сердце, колют, ранят, точат, пронзают сердце, режут по сердцу, жгут* [2: 106]. Использование образов живых существ и растений как источника метафоры при описании отрицательных эмоций основано на принципах антропо- и зооморфизма (см. об этом подробнее у Н.Д. Арутюновой [2: 336]), широко используемых по отношению к лексике, сочетающейся с именами эмоций. В общенародном языке последовательно используются метафорические переносы наименований различных животных для выражения эмоций. Это, как правило, либо хищник, либо существо, способное отравить (укусить, ужалить), – змея, скорпион: *Щеки его ярко горели, а на лице ясно рисовалась какая-то как будто* ***с цепи сорвавшаяся злость, готовая истерзать первого встречного*** (А. Левитов.

Степная дорога днем); *Изображают вечность* ***змеей, грызущей свой хвост****, – точно так же изобразил бы я* ***гнев****... он тоже поглощает сам себя; крайности слиты и в нем* (А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»); ***Скорпиону****, как бывает и с людьми, составили совершенно незаслуженную репутацию* ***злости****: он* ***жалит****, повинуясь чувству самосохранения, только в таком случае, когда сам считает себя в опасности, будучи придавлен или остановлен на бегу* (Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера).

У Ф.М. Достоевского: *Во всяком человеке конечно таится зверь, –* ***зверь гневливости****, зверь сладострастной распаляемости от криков истязуемой жертвы, зверь без удержу спущенного с цепи, зверь нажитых в разврате болезней, подагр, больных печенок и проч.* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

Но наиболее яркое отражение в творчестве писателя находят метафорические переносы наименований ядовитых насекомых, а также сравнения с ними: *Раз, брат, меня* ***фаланга*** *укусила, я две недели от нее в жару пролежал; ну так вот и теперь вдруг за сердце, слышу, укусила* ***фаланга****,* ***злое-то насекомое****, понимаешь?* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); *Казалось бы и борьбы не могло уже быть никакой: именно бы поступить как* ***клопу****, как* ***злому тарантулу****, безо всякого сожаления...* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

Становление эмоции в каком-то временном промежутке, ее постепенное нарастание, а также способность оставлять след в душе человека лежат в основе другого метафорического переноса – переноса наименовании растений, а также слов *зерно, корень* и т. п.: *Он ближе узнавал Триродова, – и ненависть уже теряла прежнюю остроту,* ***не жгла крапивою злости****, как прежде* (Ф. Сологуб. Капли крови (Навьи чары)); *Кабы он был человек легкий: сорвал с своего сердца, да и забыл про то; а он теперь, коли против какого человека* ***гнев*** *имеет, так он у него,* ***как крапива садовая, с каждым часом и днем растет да пуще жжется*** (А. Писемский. Горькая судьбина); *Но в напоенной кровью земле* ***зрели зерна гнева*** *и мести* (А. Веселый. Россия, кровью умытая); *Вот где* ***корни*** *любви и* ***гнева****, проникающие поэзию Некрасова, вот первоначальный источник его любви и сострадания к «Орине – матери солдатской» и к «некрутиковой жене», – сочувствия тяжкому горю русской женщины, когда она, выполняя святой подвиг, едет «во глубину сибирских руд» к сосланному мужу или когда она не в силах забыть своих детей, погибших на кровавой ниве...* (А. Кони. Мотивы и приемы творчества Некрасова).

Такие метафорические переносы не встретились в произведениях Ф.М. Достоевского.

Гнев, злоба, злость как отрицательные, вредоносные чувства могут уподобляться болезни: *Блеск золота* ***не излечивал*** *его* ***от гнева****, и когда прочли его записки, оказалось, что лишь одна печаль омрачала его сердце* (В. Дорошевич. Сказки и легенды).

В русском языке распространена сочетаемость имен эмоций с существительным *припадок*, что находит отражение в произведениях Ф.М. Достоевского: *Я тотчас же раскаялся, что напугал ее, заставил считать часы, и проклял себя* ***за припадок злости*** (Ф. Достоевский. Белые ночи).

Менее последователен в своем выражении в языке метафорический перенос, основанный на ассоциации гнева с оружием: *Мы всеусердно бога молим и просим, да отвратит впредь* ***меч гнева*** *своего от врученной нам его же премудрым промыслом империи, да восстановит паки повсюду мирное и безмятежное житие, и да укрепит всех, в оной живущих, наших верноподданных и нас самих во всех ему творцу угодных христианских добродетелях* ([Екатерина II]. Манифесты и Указы, относящиеся к пугачевскому бунту); *...есть то одно место, на которое падают* ***стрелы гнева*** *Божия* (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Казанския Богородицы); *В этой земле, на которую обращено* ***лезвие меча*** *твоего* ***гнева****, – ныне есть угнетатели и угнетенные* (В. Короленко. Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды); *Братия перекорялась, кому идти первому, и все подталкивали друг друга, а* ***свою голову под*** *игуменский* ***гнев*** *никому не хотелось* ***подставлять*** (Д. Мамин-Сибиряк. Охонины брови).

При анализе материала были также отмечены переносы, основанные на уподоблении чувства гнева орудию труда (инструменту): *И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в ве-*

ликое ***точило гнева*** *Божия* (Откровение Иоанна Богослова: синодальный перевод); *Так беглый диакон, чудесное* ***орудие гнева*** *Небесного, под именем царя российского готовился предать Россию, с ее величием и православием, в добычу иезуитам и ляхам!* (Н. Карамзин. История государства Российского: Том II); *Пред* ***серпом гнева*** *божия мы все, как трава в поле...* (Д. Мамин-Сибиряк. Верный раб).

Ассоциации с оружием и орудием характерны только для эмоции гнева.

В творчестве Ф. М. Достоевского эмоция гнева репрезентируется при помощи метафорических переносов, источником которых является образ жара, стихии и живого существа. Перечень образов, используемых для описания эмоций злобы и злости, значительно шире. Следовательно, несмотря на близость семантики слов *злоба* и *злость* к существительному *гнев* (обозначают чувство раздражения, возмущения), они имеют отличия в концептуализации обозначаемых ими эмоций.

Выражение отрицательных эмоций в произведениях Ф.М. Достоевского происходит при помощи средств, характерных для общенародного языка. Однако концептуализация чувств гнева, злобы, злости в творчестве писателя имеет своеобразие: это проявляется в наличии положительных коннотаций при описании эмоции гнева, использовании Ф.М. Достоевским ряда излюбленных образов (жар, жидкость, насекомое, голод и жажда).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апресян В.Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи. Сборник статей. Составитель И.А. Шаронов. – М., 2006.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976. – 383 с.
3. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1978. № 4. – С. 333-343.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1999.
5. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства Том I Народная поэзия. http://i-u.ru/biblio/archive/buslaev_ist/00.aspx
6. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М., 1991.
7. Седов К. Ф. О некоторых особенностях повествовательной структуры романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Филолог. науки. – 1989. – № 6. – С. 20-24.

N. Melnichenko

METAPHORICAL DESCRIPTION OF NEGATIVE EMOTIONS IN THE PENCRAFT OF F. DOSTOYEVSKY

Abstract: There are different and contradictory images in the base of metaphors, used in the language for description of negative emotions. The image of ardour, flame is the most widespread in the pencraft of F. Dostoyevsky, as well as in the nation-wide language. But there are some peculiarities in the conceptualization of negative emotions, such as positive connotations in the description of anger, some favourite images, etc.

Key words: metaphor, pencraft, concept, conceptualization.

УДК 81’367.332.7

Мишланов В.В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРОЦЕССА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы актуализации понятия процесса, адвербиальной валентности и семантики временных форм. Адвербиалии времени используются для локализации глагола и его количественного определения. Они выражают характер определенности действия и являются облигаторным компонентом предложения.

Ключевые слова: актуализация, процесс, адвербиальная валентность, семантика временных форм.

* © Мишланов В.В.

Принято считать, что все знаки языка потенциальны. Их потенциальность заключается в возможности актуализации в речи. «Для того чтобы понятие могло стать членом предложения, его нужно актуализировать. Актуализировать понятие – значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта. Так как понятие само по себе является чистым порождением ума, оно виртуально...» [1: 87]. В действительности есть только индивидуальные сущности. Виртуальные понятия характеризуются ограниченным содержанием и неограниченным объемом. Актуализированные понятия, наоборот, отличаются вполне четким, ограниченным объемом и неограниченным содержанием. Для соотнесения виртуального понятия с реальной сущностью необходима актуализация. Таким образом, актуализация представляет собой ограничение объема понятия и расширение его содержания, причем оба эти момента составляют две стороны одного процесса.

Процесс актуализации понятия неизбежно связан с процессом речи. В языке существует целая система средств, которые Ш. Балли назвал актуализаторами. Система актуализаторов состоит из артиклей, указательных и притяжательных местоимений и других „уточнителей“ – грамматических и семантических (конситуация). Актуализаторы соотносят виртуальные единицы языка, виртуальные понятия, с реальными предметами. Данные языковые единицы реализуются в высказывании.

Предложение – единица языковая, а не речевая, является основной для реализации многих высказываний, поэтому оно лишь предназначено для коммуникации, следовательно, предложение обязательно должно содержать форму грамматической предикативности, которая образуется парой «подлежащее — сказуемое». Такая двусоставная структура номинативного предложения соотносится с двухкомпонентной логической структурой «субъект — предикат», двучленной структурой ситуации «денотат — сигнификат» и коммуникативной структурой «предмет речи — его характеристика». Двусоставность номинативного предложения многими лингвистами рассматривается как основной, конституирующий признак. Таким образом, формально предложение должно быть двусоставным, включать в себя два компонента, между которыми устанавливается предикативное отношение.

Подлежащее и сказуемое как главные члены предложения имеют свои способы актуализации. Если актуализация подлежащего хорошо рассмотрена в лингвистике, то проблеме актуализации сказуемого не уделялось достаточного внимания.

Для актуализации понятия процесса необходимы его локализация и количественное определение. Локализацию процесса осуществляют адвербиалии времени и категория времени. Количественное определение глагола возможно с помощью адвербиалий времени и категории вида. Для указания момента события или момента соотнесения в относительном времени использование адвербиалий необходимо. Такое явление получило название «адвербиальной валентности». Данная проблема до настоящего времени не разрабатывалась, хотя само понятие «валентность» существует в лингвистике долгое время.

Этот термин был введен французским лингвистом Л. Теньером. Под «валентностью» он понимал возможность глагола «притягивать к себе большее или меньшее число актантов в зависимости от большего или меньшего количества крючков, которыми он обладает, чтобы удерживать эти актанты при себе» [2: 250]. Существование адвербиальной валентности временных форм продиктовано тем, что для определения положения предмета в пространстве нужно выбрать какую-либо точку, начало отсчета, по отношению к которому и можно описать положение данного предмета. Чаще всего таким началом отсчёта является в «плане речи» момент высказывания. Следовательно, «исходным понятием для грамматической категории времени является момент речи. Грамматическое глагольное время, как известно, определяет отношение между процессом и моментом данной речи. Это отношение зафиксировано в системе форм категории времени» [3: 46].

Категория времени, или темпоральности, является одной из важнейших грамматических категорий. Грамматическая категория темпоральности является наиболее характерной, типичной для глагола.

Темпоральность в основном выражается временными формами глагола. Не-

смотря на то, что реальных времен всего три, но средств их выражения довольно много, причём в разных языках форма темпоральности неодинакова. Для описания адвербиальной валентности временных форм глагола необходима единая классификация временных форм.

Такая классификация представлена в труде «Философия грамматики» О. Есперсена. Он описывает систему времен, исходя из идеи о существовании временных центров в настоящем, прошедшем и будущем. Временной центр настоящего совпадает с моментом высказывания, и время в этом случае передаётся абсолютно. Временные центры в прошлом и будущем передают время относительно. О. Есперсен строит систему, состоящую из 7 временных форм. Однако он сам отмечает, что эта система «не отводит места перфекту» [4]. Кроме того с помощью его системы невозможно описать семантику настоящего-будущего времени в русском языке. Наиболее удобным является анализ семантики временных форм, который был разработан немецким логиком Г. Райхенбахом. Он показал, что в семантику временных форм входит указание на соотнесенность с тремя точками (или моментами): точкой высказывания (S. от англ. Speech Point), точкой события (E. от англ. Event Point) и точкой соотнесения (R. от англ. Reference Point) [5].

Например, в форме настоящего времени все эти три точки совпадают:

S.E.R.

В форме прошедшего времени три момента соотносятся друг с другом соответствующим образом:

R.E. S.

В форме будущего времени схема имеет следующий вид:

S. R.E.

Семантика формы настоящего-будущего времени имеет следующий вид:

S.R. E.

В русском языке выделяют четыре временные формы. Основной формой следует признать настоящее время, поскольку «настоящее (наличное, le present) является, по существу, источником категории времени. Оно представляет собой наличие в действительности (la presence), возможное только благодаря высказыванию, ибо, если над этим серьезно задуматься, у человека нет иного способа жить «сейчас» и делать это «сейчас» реальным, как только реализовать его, вводя речевое сообщение в действительность» [6: 315].

Форма настоящего времени характеризуется прежде всего своим вневременным характером. Сравним два диалога:

(1) – Что ты делаешь ***по вечерам****? – Я читаю.*

(2) – Что ты делаешь? – Я читаю интересную книгу. Я читаю её ***уже три часа****.*

В обоих случаях используется форма настоящего времени. Однако между предложениями имеется существенное отличие, заключающееся в характере указания на промежуток времени, в течение которого совершается действие. В первом примере форма настоящего времени выражает регулярно повторяющееся действие, а во втором – действие актуальное для момента речи. Данные значения получают выражения благодаря адвербиалиям времени, которые локализуют действие во времени. В первом примере адвербиалия **по вечерам** выражает постоянно повторяющееся действие. Во втором же примере адвербиалия **уже три часа** служит для выражения вполне определенного отрезка времени: действие продолжалось до момента речи три часа. В первом примере глагол может также актуализироваться следующими адвербиалиями: **каждый день, в выходные, обычно, регулярно**, а во втором – **в настоящий (данный) момент, в настоящее (данное) время**. Итак, разница между двумя высказывании заключается в характере указания на момент (промежуток) времени, в течение которого совершается действие. Промежуток выражаемого глаголом действия в подобных высказываниях может быть кратким, долгим или сверхдолгим. Несмотря на это, он обязательно включает в себя момент высказывания.

Основное значение прошедшего времени – выражение предшествования данного действия моменту речи. В семантике данной формы момент соотнесения и момент события предшествуют моменту речи. Для этой формы необходимо обозначение момента соотнесения, поскольку в данном случае момент речи „отсекает“ промежуток обозначаемого действия от момента высказывания.

(3) – Ты читал эту книгу? – Да. – А когда ты её читал? – Я читал её ***в про-***

шлом году.

(4) Я читал эту книгу ***вчера весь вечер.***

(5) Я читал эту книгу ***с 5 до 7 часов.***

(6) ***Когда ты пришел****, я читал книгу.*

(7) Я закончил работу ***в 6 часов.***

Указанные примеры описывают действие в прошлом. Однако между ними существуют отличия в характере определенности действия. Именно адвербиалии времени выражают характер определенности действия. Если в третьем примере процесс ограничен рамками *прошлого года* и локализованность действия имеет, таким образом, неопределенный характер, то в седьмом процесс ограничен вполне конкретным промежутком времени и соотносится с конкретным моментом времени. Можно сказать, что обозначаемое глаголом действие в последнем примере занимает на линии времени одну точку. В четвертом примере указывается некий промежуток времени в прошлом, без точного указания его границ. В пятом примере указывается промежуток времени с указанием вполне определенных границ действия: началом действия является 5 часов, а концом – 7 часов. В шестом примере действия в придаточном и главном предложениях характеризуются одновременностью. Характер определенности действия в главном предложении указывается временем действия в придаточном предложении.

Отдельно необходимо проанализировать следующий пример:

(8) – Ты читал эту книгу? – Да. – А когда ты её читал? – Я читал её ***в этом году.***

В предложениях (3) и (8) используется форма прошедшего времени. Формально они отличаются только адвербиалиями времени. В примере (3) используется адвербиалия **в прошлом году,** в примере (8) – **в этом году.** Разница между ними заключается в характере распределения трех моментов. В предложении (8) три момента распределены следующим образом:

E. R.S.

Момент события предшествует моменту высказывания, а момент соотнесения с ним совпадает. Вполне естественным для данного случая оказывается употребление адвербиалий времени: **сегодня, на этой неделе, в этом месяце.**

«Зеркальным» отражением является семантика формы настоящего-будущего времени, которая, как уже было указано, имеет следующий вид

(9) – Ты читал эту статью? – Нет. – А когда ты её прочитаешь? – Я её ***сейчас же прочитаю.***

S.R. E.

Момент высказывания и точка соотнесения совпадают друг с другом, а момент события следует за ними. Как и в предыдущем случае, событие оценивается с точки зрения настоящего, однако с одной существенной разницей, которая состоит в том, что описываемое событие происходит в будущем. О непосредственной связи момента речи и настоящего-будущего времени В.В. Виноградов писал так: «В отличие от описательной формы будущего времени несовершенного вида форма будущего времени совершенного вида не противопоставляет будущего действия плану настоящего. Выражаемое ею действие как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате, между тем как начало действия может относиться и к настоящему времени» [7: 466-467].

Однако временные формы могут передавать время относительно.

(10) Я закончил работу ***к 6 часам.***

(11) Я закончил работу, ***когда он пришел.***

В данных предложениях также используется форма прошедшего времени, но расположение моментов имеет совершенно другой характер:

E R S

Здесь представлена семантика допрошедшего времени, в которой момент события предшествует моменту соотнесения, а момент соотнесения предшествует моменту высказывания. Действие имеет законченный характер, оно завершилось до момента соотнесения. Так, в последнем предложении действие главного предложения завершилось при начале действия в придаточном предложении. Таким образом, действия в придаточном и главном предложениях произошли в разное время.

Основное значение будущего времени – описание действия в будущем. В семантике формы будущего времени момент соотнесения и момент события совпадают и следуют за моментом речи.

*(12) **Завтра в это время** я буду ехать в Москву.*

*(13) Я приеду в Москву **в субботу**.*

В следующих примерах используется форма добудущего времени:

*(14) Я приеду в Москву **к воскресенью**.*

*(15) Я приеду в Москву до того, **как ты туда приедешь**.*

Графически семантику формы добудущего времени можно представить следующим образом.

S E R

Момент события предшествует моменту соотнесения, а акт высказывания предшествует моменту события. Для формы добудущего времени необходимо соотнесение или с событием, которое произойдет в будущем, или с адвербиалией времени, которая выражает момент соотнесения. Таким образом, форма добудущего служит для выражения действия, предшествующего другому действию, и имеет относительно законченный характер.

Таким образом происходит актуализация глагола во времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
2. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.
3. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. – М., 1979.
4. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
5. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. – N.Y., 1947.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 2002.
7. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986.

V. Mishlanov

ACTUALIZATION OF THE VERBAL FORMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: The article deals with the problems of actualization, adverbial valence and meaning of the verbal forms. Adverbs of time actualize the verbal forms. In other words they use for localization of verb and quantitative characterization.

Key words: actualization, process, adverbial valence, semantics of time forms.

УДК 81.271

Огородникова Е.М.

РЕКЛАМА КАК ФОРМА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Аннотация: Работа посвящена наиболее типичным трудностям, возникающим в процессе создания рекламной коммуникации, которые обусловлены социально-психологическими характеристиками аудитории. В статье описаны основные инструменты создания рекламного текста. Публикация полезна тем, кто заинтересован в разработке наиболее действенного рекламного сообщения.

Ключевые слова: реклама, коммуникация, текст, массовый, информация.

Сегодня реклама как объект научного исследования обладает огромной притягательной силой. Ее изучением в той или иной степени занимается целый ряд наук: журналистика, социология, психология, экономика, история, правоведение. Каждая из них анализирует рекламную деятельность, используя для этого свою методологию, собственный понятийный аппарат. Такой интерес исследователей к рекламной коммуникации свидетельствует о многогранности рекламы.

Экономическая наука, например, рекламу рассматривает в качестве механизма продвижения товара на рынок, условия повышения уровня его продажи. Современная реклама – это мощная индустрия, предполагающая наличие и функционирование различных экономических субъектов, в числе которых рекламодатели, рекламные агентства, средства распространения рекламной информации, различные научно-

* © Огородникова Е.М.

исследовательские и технические службы.

Юридическая наука разрабатывает нормативные акты, регулирующие рекламную деятельность (права и обязанности, меру ответственности различных субъектов, включая рекламодателей, рекламные агентства, средства распространения рекламной информации).

Социологическая наука рассматривает рекламную деятельность с позиций функционирующего общественного института, оказывающего неоспоримое влияние на социально-политические и культурные процессы в обществе, способствующие его изменению. Социологические методы сбора и анализа информации широко используются при проведении рекламных кампаний и оценки их эффективности.

Психология традиционно рассматривается в качестве одной из наиболее важных для рекламной деятельности наук. Психология изучает механизмы влияния рекламы на психику человека, восприятия рекламных материалов, особенности потребительского поведения и его изменения под воздействием рекламы. Эффективность рекламного сообщения в значительной степени зависит от знания психологических характеристик его целевой аудитории. Психологическая наука исходит из того, что реклама – это процесс информирования населения о товаре, ознакомления с ним, убеждения в необходимости его покупки. Главная задача рекламы состоит в том, чтобы побудить людей приобрести этот товар, поэтому в ее основе лежит психологическое воздействие на потребителя, реализуемое в окончательном итоге в восприятии содержания рекламного сообщения и следовании его указаниям.

История и исследования в ее области служат важным элементом в понимании эволюционных изменений рекламных технологий, анализе современной рекламы, позволяют оптимально учитывать достигнутый ранее опыт.

Журналистика акцентирует внимание на вопросах создания эффективного рекламного сообщения, принципах и особенностях его построения как принадлежности к массовой информации. Это объясняет как выбор основного средства передачи информации, так и характер воздействия, оказываемые текстами рекламы, которые, если следовать определению В. В. Ученовой и Н. В. Старых, распространяются как “информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты” [1] .

Таким образом, интерпретация понятия “реклама” предполагает совмещение различных подходов. Отметим также, что в последнее десятилетие реклама рассматривается не изолированно, а как часть широкого комплекса каналов и средств продвижения товара от производителя к потребителю. В литературе для этих целей используется термин “комплекс маркетинговых коммуникаций” или “интегрированные маркетинговые коммуникации”. Смысл концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций состоит в стремлении увеличения эффективности воздействия на потребителей за счет дополнения традиционной рекламы другими формами коммуникаций, каждая из которых имеет специфические методы продвижения товара. Вопрос о классификации видов маркетинговой коммуникации относится к числу дискуссионных, но обычно различают четыре компонента: рекламу (advertising), стимулирование сбыта (sales promotion), связи с общественностью (public relation), прямой маркетинг (direct marketing) [2]. Некоторые авторы включают в маркетинговые коммуникации и другие компоненты, в частности, личные продажи [3].

В более узком смысле понятие “рекламы” означает особую форму коммуникации между рекламодателем и потребителем, что предполагает распространение информации о товарах и услугах при помощи различных каналов, включая традиционные СМИ и специализированные рекламные каналы.

Однако и поскольку исследованиями в области рекламы, как было указано выше, занимаются специалисты разных профилей, существует множество ракурсов, с которых можно определить понятие “реклама”. Более того, среди определений рекламы преобладают дефиниции, принадлежащие зарубежным исследователям, что объясняется как более давними традициями, так и представленностью литературы, прежде всего американской и западноевропейской. Безусловно, все имеющиеся дефиниции имеют право на существование, однако делают сложным определение предмета изучения, которое отразило бы характеристики рекламы как разновидности коммуникационного процесса и как

рекламного сообщения, служащего установлению контакта между производителем и потребителем, проявляющегося, прежде всего, "нематериально, в силу вербально-невербальной информации [4] "рекламодателя" [5].

Анализ дефиниций показывает, что практически все авторы сходятся в первую очередь в одном: реклама – определенная форма массовой коммуникации (Ж.-Ж. Ламбен, Р. Харрис, Д. Расситер и Л. Перси, Ч. Сэндидж, В. Фрайбургер, К. Ротцолл, К. Бове и У. Аренс, В.В. Ученова и Н.В. Старых, Е.В. Ромат). И второе, важное для видового описания особенностей рекламы, – характер рекламного обращения и его воздействие на массовое или индивидуальное сознание, оказываемого текстами рекламы (К. Бове и У. Аренс, Д. Росситер и Л. Перси, Р. Харрис, А. Дейян, И.Я. Рожков, О.А. Феофонов, В. В. Ученова и Н.В. Старых, Е.В. Ромат).

Обобщая подходы к определению рекламы и следуя цели раскрытия темы статьи, возьмем за основу следующее понимание данного феномена: *реклама – это форма массовой коммуникации, в которой создаются и распространяются оплаченные рекламодателем иформативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты однонаправленного и неличного характера о товарах, услугах, идеях и средство оказания психологического воздействия на массовое и индивидуальное сознание потребителей с целью побудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку.*

Таким образом, реклама – это особая форма коммуникации, что оправдывает использование термина "рекламные коммуникации". Как известно, в самом общем виде в структуре коммуникации выделяют отправителя сообщения (коммуникатора), собственно сообщение, получателя сообщения (реципиента), а также комплекс отношений между отправителем и получателем. При этом мы можем говорить о различных видах коммуникации в зависимости от количества ее участников. По данному критерию реклама может быть отнесена, прежде всего, к массовой коммуникации, поскольку она направлена на широкие целевые группы потребителей товаров и услуг и использует с этой целью средства массовой информации. Вместе с тем, для других средств маркетинговых коммуникаций, актуальными являются все виды коммуникаций, начиная от межличностной до массовой.

Если говорить о схеме рекламной коммуникации, то необходимо отметить, что в общих чертах она повторяет известные социальные модели коммуникаций. Анализ различных моделей коммуникаций показывает, что одним из методов исследования коммуникации как процесса является моделирование отдельного коммуникативного акта в виде схемы, изучение составляющих его элементов и на этой основе воссоздание функциональных характеристик самого явления. В этой связи выделяют: процессуальные подходы (Г. Лассуэл, Шеннон-Уивер, Р. Якобсон, Ж.-М. Декоден и Н. Делькур, П. Мачини и др.); социально – психологические подходы, семиотический подход, культурологический, вплоть до метатеории социологической коммуникации [6]. Фокус внимания исследователей сосредотачивается на основных ее элементах, в числе которых:

- коммуникатор, его статус, структура;
- содержание коммуникации (материалы печати, телевидения, радио и др.);
- средства коммуникации, каналы распространения информации;
- аудитория (получатель), ее профиль, основные характеристики;
- эффекты коммуникации.

Исследование рекламной коммуникации предполагает анализ таких же элементов с учетом их специфики и целей.

Отмеченные элементы, естественно, не могут вместить массу промежуточных факторов, опосредующих процесс рекламной коммуникации. Эти факторы, которые в теории коммуникации рассматриваются в качестве барьеров или фильтров, называются причиной возникновения различного рода помех, которые оказывают серьезное влияние на эффективность восприятия рекламных сообщений. В теории коммуникаций обычно выделяют три группы факторов: физические, психологические, семантические. Первый фактор связан с организацией рекламной кампании, техническими возможностями каналов передачи информации. Психологические помехи связываются с особенностями восприятия рекламы представителями различных целевых групп потребителей рекламной про-

дукции. Основная причина семантических помех – неоднозначность интерпретации аудиторией лингвистических особенностей текста, понятий, терминов, названий.

Сущностной характеристикой рекламной коммуникации является оплаченность отправителем, а также прагматичность ее сообщений, носящих неличный, или массовый, характер. Рекламная коммуникация подчинена определенной цели, сводящейся, как правило, к изменению отношения или поведения потребителей.

Рекламная информация может рассматриваться в нескольких плоскостях: как массовая информация, как экономический инструмент, как форма психологического воздействия, как массовая культура или даже искусство.

Определенную разработанность получила проблема коммуникации в контексте современной культуры вообще, ее философское осмысление как "мифологической" и "фольклорной" формы. Соответственно центральным понятием в изучении рекламы в зависимости от точек зрения исследователя может становиться информация, товар, мотив или образ. Данное исследование предполагает рассмотрение рекламной коммуникации преимущественно в ее коммуникационном, психолингвистическом и социальном аспектах.

Большинство исследователей пришло к выводу, что рекламный текст представляет собой один из случаев функционального использования знаковых систем языка в деятельности. Эта деятельность по составлению рекламных текстов должна учитывать как цели, так и условия, в которых эта деятельность осуществляется. Поэтому одним из важных текстообразующих факторов становится обусловленная его целеустановкой прагматическая ориентация целого текста. Именно целеустановка определяет наличие в рекламном тексте различных типов речевых актов (призыв, утверждение, обещание, просьба и т. д.), реализуемых в контекстах, составляющих предмет прагматики. Лингвопрагматический анализ рекламного текста дает возможность рассмотреть поведение знаков в реальном процессе коммуникации и в том числе наличие определенных свойств контекста, которые касаются, прежде всего, говорящего и слушающего – непосредственных участников коммуникации.

Прагматический анализ может быть выполнен также с использованием методов и приемов риторики, в рамках которой еще со времен Аристотеля шаг за шагом создавалась теория речевого воздействия. Предварительная характеристика "неречевого контекста" вызвана тем, что рекламный текст есть средство решения определенной задачи.

Отметим, что результативность использования процедур риторики напрямую зависит от использования методов и приемов психологического анализа. Это позволяет экстраполировать полученные результаты на речевую деятельность (продуцирование рекламных текстов) и прогнозировать процесс восприятия рекламных сообщений.

Процесс рекламного общения, с одной стороны, опирается на некоторые социально-психологические характеристики аудитории, с другой стороны, пытается в той или иной мере их изменить. С этой точки зрения акт рекламного общения – психологическое воздействие. И рекламная деятельность предстает как одновременно речевое (рекламный текст) и реализуемое в нем психологическое воздействие. Психологический подход дает возможность понять и оценить, в какой зависимости находятся конечная цель рекламного воздействия от структурных элементов речевого общения, представленных посредством рекламного текста. Основой такого анализа может выступать психолингвистическая модель речевого воздействия А. А. Леонтьева [7].

Развивая основные положения "отца психолингвистики" А. А. Леонтьева, Т. М. Дридзе [8], трактует процесс порождения и интерпретации рекламных текстов как практически не прерывающийся социально-психологический процесс: субъекты рекламной коммуникации обладают определенными объективными признаками, обусловленные их принадлежностью к той или иной социально-демографической, социально-профессиональной или др. группе, и действуют в конкретном социо-культурном и социо-экономическом пространстве.

Рассмотрим с позиций представленной коммуникативной схемы и предмета исследования процесс формирования рекламного сообщения – письменного текста. Источник (коммуникатор) генерирует определенную идею, становящуюся осно-

вой исходного сообщения. Сообщение есть передаваемая источником получателю информация, "закодированная идея, то, что хотел сообщить источник получателю" [9]. Как пишет А. Б. Зверинцев, "в голове коммуникатора есть некая мысль, идея, которую он намерен передать коммуниканту в расчете на определенную реакцию. Прежде всего, коммуникатор облекает эту мысль в слова, превращает в определенную схематическую модель, которая будет положена в основу передаваемого текста" [10]. Отметим здесь тот факт, что кодирование происходит не только на лексическом уровне (это подчеркивает в своей схеме А. Б. Зверинцев). Кодирование информации происходит на всех языковых уровнях: лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом.

Как было сказано выше, под рекламным сообщением понимается, прежде всего, смысл передаваемой информации. В этой связи можно привести суждение М.Р. Проскурякова, изучавшего концептуальную структуру текста и, в частности, рассматривавшего "процесс функционирования системы смысла" текста. Один из обозначенных нами выше элементов схемы рекламной коммуникации – коммуникатор (автор идеи, или автор текста), который, "будучи готовым к порождению сообщения и располагая, с одной стороны, тезаурусом, т.е. некоторой совокупностью знаний о внешнем мире и возникающих в нем типовых ситуациях, а с другой – лингвистической компетенцией, т.е. знанием системы языка и ограничивающей ее нормы, реализует функцию порождения концептуальной информации" [11]. Именно концептуальная информация организует систему смысла текста, где концепт есть "диалектическое единство объема и содержания понятия" [12], отражающее, "не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности" [13].

Коммуникатор рекламного сообщения всегда имеет представление о том, как бы он хотел, чтобы сообщение интерпретировалось получателем. Однако результат интерпретации, то есть толкование сообщения получателем, как было указано выше, определяется рядом факторов и, прежде всего, кодированием.

Кодирование является важным фактором эффективности рекламной коммуникации: это представление идеи сообщения, которую стремится донести до получателя коммуникатор в кодах, или символах. "Коды – это символы, или знаки, переводящие идею на язык понятный получателю" [14]. Кодирование предполагает выбор определенной речевой структуры текста и достигается разнообразием рекламных жанров или фактур речи [15]. Таким образом, мы говорим о жанрообразующем измерении кодирования в конкретном акте рекламной коммуникации. Возможности канала передачи рекламного сообщения (например, использование только устной речи на радио или сочетание печатной речи и изображения в газете или журнале) и средства массовой информации, выбранного в качестве канала передачи, выделили следующие жанры рекламы: наружную (щитовую), газетную, журнальную, радио- и телерекламу.

Неотъемлемым звеном коммуникативной рекламной модели является получатель, или адресат, сообщения. Кодирование в тексте рекламной коммуникации будет носить различный характер в зависимости от того, кому направлено сообщение: целевой аудитории или массовидному субъекту в сфере массовой информации, что связывается с самой сущностью сообщения.

Коммуникативный акт предполагает и процесс декодирования сообщения (перевод на язык получателя). Расшифровка послания получателем определяется индивидуальными и социальными характеристиками адресата. Как считает И. Р. Гальперин, "информация относительно легко декодируется, потому что выбранные модели текста существенно помогают вычленению главного, основного от сопутствующего, второстепенного" [16]. По отношению к объекту нашего исследования, который является синтетическим текстовым феноменом, можно говорить о возможности изучения структурных элементов в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Исследователи выделяют три основных структурных компонента рекламного сообщения: вербальный, визуальный ряд и звучание. Принципиальный синтетизм рекламного сообщения в наши дни подмечен многими исследователями. Так Е. С. Акопджанян замечает, что "при всем разнообразии форм и целей рекламы их объединяет общая син-

тетическая суть, представленная в двуединой направленности – материально-практической и образно-духовной" [17]. В. В. Ученова и С. А. Шомова, исследуя ведущие варианты современных синтетичных текстов, отмечают, что "рекламный текст – уже на устном этапе – синтезируется не только с вербальными, но и с изобразительными и музыкальными знаковыми возможностями" [18]. И здесь же, как бы подчеркивая эту мысль, пишет "то, что рождалось в творчески концентрированных условиях ярмарочной торговли, затем закреплялось, входило в быт, создавало рекламные традиции. Преобразуясь в изобразительные и письменные формы, рекламные тексты сохраняли это синтетическое сочетание фактологического ядра, риторических и художественных средств воздействия и стремления к всеобще понятной, бытовой непосредственности, выраженной в соответствующей лексике" [19].

Наличие трех структурно различаемых компонентов в рекламном сообщении означает, что "каждый из этих элементов должен что-либо вносить от себя – ни в одном из них не должно быть "пустых мест", "провалов" [20]. С другой стороны, "тесное переплетение вербальной, визуальной и звуковой составляющих обуславливает необходимое единообразие в целях и средствах достижения этих целей, поскольку нельзя говорить на разных языках, когда созидается целое" [21].

Таким образом, выделение названных компонентов представляется наиболее удобным для анализа тех образов и ассоциаций, которые возникают в рекламном сообщении и выполняют строго закрепленные за ними функции. В отдельных случаях каждый из компонентов может подкрепить воздействие другого или его заменить.

Одной из составляющих акта коммуникации является эффект коммуникации, под которым подразумевается в большинстве случаев изменение поведения получателя рекламного сообщения. Называют "три основных типа результатов коммуникации:

1. Изменение в знаниях;

2. Изменение установок, то есть изменение относительно устойчивых представлений аудитории;

3. Изменение поведения получателя информации" [22].

Имея в качестве объекта нашего исследования рекламный текст, функционирующий в пространстве рекламных коммуникаций, мы говорим о таком тексте как о структурной единице (при разнообразии жанровой палитры) акта общения, который определяет поведение коммуниканта.

В последнее время категория текста прочно утвердилась в гуманитарных исследованиях. Это может быть объяснено эволюцией взглядов на конечные продукты творческой деятельности. Тенденция в изучении языка не только как средства, но и как результата речедеятельности выявила смысловую и коммуникативную незавершенность предложения как основной речевой единицы и привела к тому, что не предложение, а текст стал рассматриваться в качестве минимальной единицы речевой коммуникации. Действительно, если единицы различных языковых уровней от простого (фонемного) до более сложных служат для построения языковых уровней более высокого порядка, то текстовой уровень замыкает круг известных нам языковых явлений.

Возникло новое направление в лингвистике, которое от предложения переходит к анализу текста и его структурных компонентов и дальше к выявлению текстообразующих единиц надтекстого уровня. Итак, текст стал рассматриваться как особым образом организованная семиотическая система, а его "внутренняя организация" – как обусловленная факторами внелингвистического порядка. Особенно это важно подчеркнуть, имея в качестве объекта исследования специфику рекламного текста как коммуникативной единицы в многоязычной среде, так как общеизвестно, что именно неязыковые факторы являются тем регулятором, который определяет отбор языковых средств для создания рекламного текста. Интегративный характер рекламной деятельности приводит к тому, что рекламный текст, обладая сложными и разветвленными внешними связями, оказывается наиболее подверженным "внешним воздействиям". Именно с обращением к таким дисциплинам, как психолингвистика, лингвопрагматика и риторика, акцентирующим свое внимание на языке как речевой деятельности, может быть произведен наиболее эффективный анализ рекламной деятельности как деятельности общения в многоязыковой среде и собственно

рекламного текста как главного звена в рекламной коммуникации.

Среди разных типов текста, относящихся к сфере массовой коммуникации, рекламные заслуживают пристального рассмотрения в качестве уникального по своей интенсивности функционального, а значит, и целевого использования языка. Поэтому анализ рекламных текстов предполагает обязательное отношение к тексту как основной единице общения, то есть основной единице коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы, или Метаморфозы рекламного образа. – М., 1999.
2. Росситер Дж. Р., Перси Л. Реклама и продвижение товаров / Пер. с англ. – СПб., 2001. – С. 14-16.
3. Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. Коммуникации стратегического маркетинга / Пер. с англ. – М., 2001.
4. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М., 2004. – С.5.
5. Ромат Е.В. Реклама. – СПб., 2001. – С. 84.
6. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. – СПб., 2002.
7. Леонтьев А. А. Психолингвистическая модель речевого воздействия // Психолигвистические проблемы массовой коммуникации. – М., 1974. – С. 34-43.
8. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М., 1980; Её же. Организация и методы лингвопсихсоциологического исследования массовой коммуникации. – М., 1979; Её же. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации // Проблемы семиосоциопсихологии. – М., 1984.
9. Алешина И. Паблик рилейшнз для менеджеров и маркетиров. – М., 1997. – С. 23.
10. Зверинцев А.Б. Коммуникационный менеджмент: Рабочая книга менеджера PR. – СПб., 1997. – С. 176.
11. Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста. – СПб., 2000. – С. 208.
12. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. – СПб., 2002. – С. 42.
13. Проскуряков М. Р. Указ. соч. – С. 4.
14. Алешина И. Указ. соч. – С. 22.
15. Фактура речи – “обработанный определенными орудиями определенный материал речи” (Рождественский Ю. В. Общая филология. – М., 1996).
16. Гальперин А. Г. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 34.
17. Акопджанян Е. С. Художественная аргументация. – Ереван, 1991. – С. 135.
18. Ученова В. В., Шомова С. А. Полифония текстов в культуре. – М., 2003. – С. 334.
19. Там же. – С. 333.
20. Ивановский В.Н. Методологическое введение в науку и философию. – Минск, 1922. – Т. 1.
21. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М., 2004. – С. 8.
22. Королько В.Г. Основы паблик рилейшнз. – М., 2000. – С. 19.

E. Ogorodnykova

ADVERTISING AS A FORM OF MASS COMMUNICATION

Abstract: This article dedicated to typical difficulties arising in the process of building advertising communication based on audience’s social and psychological characteristics. We describe basic instruments to create advertising text. The publication directed to everybody who is interested in creating the most effective advertising message.

Key words: advertising, communication, text, information.

УДК

Папян Л.Ю.

СМЫСЛ И ЯЗЫКОВЫЕ СТРУКТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ*

Аннотация: На материале отрывка из романа А.Г. Малышкина «Люди из захолустья» рассмотрены те взаимосвязи между словами, которые способствуют моносемизации слова в рамках относительного единого целого, а также зависимость смысла слова от предметно-логических и эмоционально-экспрессивных структур как единиц языковой композиции текста.

Ключевые слова: моносемизация, целое, эмоционально-экспрессивный, языковая композиция.

Для истинного понимания значения слова, случайно оторванного от содержания произведения, по мнению В.Н. Волошинова, необходим учёт трёх составляющих так называемого «внесловесного контекста»: «1) общего для говорящих пространственного кругозора <...>; 2) общего же <...> знания и понимания положения и, наконец, 3) общей для них оценки этого положения» [1: 66].

Даже «неполное» слово, каким, например, можно считать местоимение, употреблённое в устной диалогической речи, на первый взгляд абсолютно невыразительное, содержит в себе указание на внеязыковую действительность, т.е. является выразительным. Так, слово «этот» может быть воспринято по своему словарному значению как местоимение, имеющее, согласно С.И. Ожегову, три значения [2: 1192], но только в тексте оно может обрести конкретный смысл, или, по словам М.Л. Гаспарова, моносемизироваться [3: 191]. Отражением такой конкретизации смысла может служить характер употребления слова «Этот?» в романе А.Г. Малышкина «Люди из захолустья».

Интонация как бы венчает высказывание, направляя его к конкретизации смысла. Интонация, проявляя отношение субъекта речи к предмету высказывания и обладая элементом содержания контекста, своей смысловой незавершённостью ведёт к поиску структур, восполняющих отсутствующие компоненты смысла. Отношение к предмету речи заключается в оценке. «Жизненный смысл и значение высказывания <...> не совпадают с чисто словесным составом высказывания. Сказанные слова пропитаны подразумеваемым и несказанным. То, что называется «пониманием» и «оценкой» высказывания (согласие или несогласие), всегда захватывает вместе со словом и внесловесную жизненную ситуацию.<...> Интонация <...> как бы перекачивает энергию жизненной ситуации в слово, она придаёт всему лингвистически устойчивому живое историческое движение и однократность. Наконец, высказывание отражает в себе социальное взаимодействие говорящего, слушателя и героя, является продуктом и фиксацией на материале слова их живого общения» [1: 73-74].

Для художественного произведения важно найти контекст, в котором интонированное, поэтому предикативное, слово «Этот?» звучало бы осмысленно, а это означает, что в тексте с помощью языкового материала должны быть созданы все три момента «внесловесного контекста». Неполный смысл слова указывает на то, что в тексте должны быть словесные ряды, указывающие на условия употребления языка, – структуры, связывающие смыслы. В этом свойстве, вероятно, можно усмотреть своего рода валентность языковых единиц, которая в тексте проявляется как указующее свойство, требующее поиска связующих нитей – композиционно связанных элементов текста. Без понимания ситуации общения, которая в тексте проявляется во взаимосвязи композиционно связанных элементов, понять слова нельзя. Эта взаимосвязь обнаруживается и в отрывке из романа А.Г. Малышкина «Люди из захолустья». Отрывок, пусть и неполно, но проясняет значение слова «Этот?»:

Аграфена Ивановна <...> узнавала его – с ненавистью, с трясеньем.

– Смотрите... как-кой клоун разрядился! – ахнула она . – И этакий клоун ... этакий сопливец руку тянул, чтоб церкву

* © Папян Л.Ю.

божию ломать! Поотсохли бы у тебя руки, паскудный!

Тишка опешил, но тут же упоительное остервенение подхватило его. Как будто обиды этой только и жаждала душа.

– Мы, тётенька, не кирпичи ломаем, а ваш буржуйский притон. Эти слова он слышал от Подопригоры и теперь с наслаждением отплачивал ими старухе в самые глаза – за счастливчиков, за цилиндры, за всё... – И будем ломать, да, и будем ломать!

– Да как это ты...- отшатнулась старуха. Граждане! – Она крутилась, окончательно ополоумев, не находя слов. – Граждане... вот этот деньги у меня вынул.

<...>

Цепкая лапа ухватила Тишку за ворот:

– Этот? [4: 374] .

Только после знакомства с речевой ситуацией можно понять и ту оценивающую (в данном случае, угрожающую) интонацию, которая наполняет слово «Этот?». Приведённый отрывок конкретизирует его значение, превращает значение в смысл точно так же, как это происходит в звучащей диалогической речи. «В обычном языке слово уподобляется предложению и (для ясности) всегда может быть развёрнуто в предложение. <...> Слово моносемизируется контекстом», – писал М.Л. Гаспаров [2: 191]. Употребление языка в реалистическом романе в некотором смысле близко к «обычному языку». Моносемизации способствуют диалогическая противопоставленность речи персонажей и ремарки, обнаруживающие через формы третьего лица другую речевую структуру – объективированную «всеведением» [5: 194] образа автора, «который всё видел как бы своими глазами» (А.Г. Битов «Пушкинский дом»).

В высказываниях персонажей доминируют слова с оценочными значениями. Способствуя художественно-образной конкретизации [6: 204] , оценочные значения играют важную роль в создании облика персонажей и могут быть рассмотрены в едином ряду средств, создающих образность речи. По своей композиционной роли оценочные значения слов и выражений, употреблённых в произведении, могут быть сопоставлены со значением повествовательных и описательных деталей (подробностей). Подобно тому, как детали (подробности) способствуют выражению тенденций, свойственных литературе реализма, к точному соотнесению слова и предмета, так слова с оценочными значениями способствуют передаче эмоционального состояния персонажей и выражению их отношения к романным событиям. И детали, и оценки выражены словесно, и те, и другие выполняют функции художественно-образной конкретизации, и те, и другие способны «переводить» «слово-понятие в слово-образ (художественный) через целую систему конкретизирующих лингвистических средств, активизирующих воображение читателя» [6: 204].

В ремарках объективно, через внешнее проявление, даётся ситуативное описание состояния персонажей в процессе общения. [Аграфена Ивановна] *узнавала его – с ненавистью, с трясением; отшатнулась старуха; она крутилась, окончательно ополоумев, не находя слов*. [Тишка] *опешил, но тут же упоительное остервенение подхватило его; с наслаждением отплачивал ими старухе в самые глаза.*

В речи героев обнаруживается стремление автора подчеркнуть их противоборство, обострить эмоциональную напряженность. Экспрессия и оценочность в прямой речи выражены открыто, посредством сниженной и бранной лексики, прямого обращения, адекватной условиям общения интонации. [Аграфена Ивановна]: *поотсохли бы у тебя руки, паскудный!*

Языковая единица в тексте может наполняться смыслом, содержащим одновременно несколько значений, причём эти значения не противоречат конкретизации смысла. Так, в речи старухи для усиления экспрессии используется обращение к Тишке через третье лицо. Эта форма обращения в данном случае ориентирована одновременно и на окружающих, в поиске свидетелей и сторонников, и непосредственно на мальчика: *Смотрите..., как-кой клоун разрядился! И этакий клоун ..., этакий сопливец руку тянул, чтоб церкву божию ломать! Поотсохли бы у тебя руки, паскудный!*

Слово «Этот?» наполнено сложившимся противостоянием, в нём сошлись все точки зрения говорящих – участников ситуации. В нём заключён фокус «прошлых» и «будущих» событий романа.

В рамках рассматриваемого смысла

слова важно, чтобы художественный текст создал «общий пространный кругозор», «общее понимание положения» и общие его оценки.

Действительно, в художественном произведении весь внеязыковой контекст должен быть создан словесно, «многое, что оставалось в жизни за пределами высказывания, должно найти теперь словесного представителя» [1: 74]. Смысл в виде совокупности частных значений впитывается в каждое весомое слово отрывка в ходе развёртывания структур текста – словесных рядов. Смысл, который осуществляется организованными в словесные ряды языковыми средствами, можно назвать со-держанием – держанием вместе – всех структур текста. Каковы же наиболее общие структуры, которые обнаруживаются практически во всех относительно самостоятельных отрезках (отрывках, абзацах) и обеспечивают понимание и оценку текста?

Учёные выяснили, что практически во всех текстах есть общие, отвлечённые от конкретности стороны содержания (информации). Так, в работах И.Р. Гальперина [7: 27-28; 8: 153], напомним, различаются содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информации. Анализ предшествующего отрывка может отчасти быть и иллюстрацией теории И.Р. Гальперина. Так, полученную из отрывка информацию можно дифференцировать. Фактуальная информация по отношению к рассмотренному выше отрывку проявляется в том, что в нём сообщается о месте события (рынок), о способе проявления действия (речи), о времени (общем и конкретном, с которым связана речь, действие: *вдруг*), о возрасте героев и их миропонимании (старуха и мальчик; сторонница старого жизненного уклада и его враг и пр.), одежде (*сверкнул серебряным своим оперением*), происходящих событиях и т.д. Бóльшая часть языковых единиц, связанных с передачей этой информации, осталась за пределами приведённого отрывка, но информация уже вошла в контекст в образах героев, в речи, её ситуативной привязанности (на рынке собрался народ, который втягивается в спор, отсюда и обращение к ним, и форма речи от третьего лица в обращении к Тишке). К концептуальной информации будет относиться всё содержание прямой речи, образующее диалогическое единство. В нём отражена непримиримая борьба, за которой просматривается подтекстовая информация о социальном, идеологическом противостоянии, приобретающем не только образное, но и символическое значение: старуха отстаивает, разумеется (для литературы соцреализма), идеи «тёмного прошлого»; мальчик, что стало штампом (в советское время), представляет «светлое будущее».

Стремление к бóльшим обобщениям привело В.В. Одинцова к выделению двух сторон плана содержания и плана выражения текста – предметно-логической и эмоционально-экспрессивной [9: 52-79; 5: 117-120]. Подход В.В. Одинцова позволяет не только определить содержательные (информативные) и выразительные стороны текста, но и подойти к ним с точки зрения динамики средств и способов языкового выражения.

Действительно, если проследить за функциями словесных рядов, объединённых наиболее общими значениями, выясняется, что в любых текстах можно выделить две стороны – предметно-логическую и эмоционально-экспрессивную. Первая, строго содержательная, сторона создаётся предметно-логическими структурами; вторая, выражающая чувства и через них непосредственную оценку и отношение к сказанному, – эмоционально-экспрессивными.

Итак, структура текста связана с языковой композицией, с «распределением света и тени» (В.В. Виноградов), с точками ви́дения персонажей и, в конечном итоге, с «основными чертами творчества» (В.В. Виноградов) – с образом автора. Идея В.В. Одинцова важна не только для теории текста, стилистического анализа, стилистики в целом, но и для практики использования языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. – СПб., 1995.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 2004.
3. Гаспаров М.Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики) // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. – М., 1986.
4. Малышкин А.Г. Избранные произведения в двух томах. – Т. 2. – М., 1978.

5. Горшков А.И. Русская стилистика. – М., 2001.
6. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1977.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2006.
8. Гальперин И.Р.Лингвистика текста // Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) М., 1984.
9. Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 2006.

L. Papyan

MEANING AND LINGUSTIC STRUCTURES IN WORK OF FICTION

Abstract: Basing on the fragment from the novel "People from zaholustye" by Alexander Malyshkin the author analyses relations between the words that make the words monosemic within a relative organic whole. Also in the article it is analyzed the dependence of the word meaning from objective-logical and emotional-expressional structures as units of the text composition.

Key words: monosemic, organic whole, emotional-expressional, text composition.

УДК 81'367.623

Таратинская Л.А.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ПОЭТИКА ПОРТРЕТА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»*

Аннотация: В статье проанализированы функции качественных прилагательных в портретных характеристиках персонажей романа. Основное внимание сосредоточено на цветовых прилагательных; выявлены существительные, передающие черты портретов главных действующих лиц, с которыми регулярно сочетаются цветовые прилагательные.

Ключевые слова: качественные прилагательные, портретная характеристика персонажа.

В философской науке существует много подходов к пониманию проблемы человека и человечества в целом. Человек предстаёт как носитель разума, логических, этических и эстетических ценностей. Н.А. Бердяев писал: «Проблема человека есть основная проблема философии. Как существо, принадлежащее к двум мирам и способное преодолевать себя, человек есть существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности» [1].

Одно из характерных свойств русского человека – широту его души, сочетание в человеке божественного и дьявольского, ангельского и бесовского в романах Ф.М. Достоевского раскрывают портреты героев [2]. Портреты, написанные Достоевским, предстают как система авторских сигналов, призванных информировать читателя не столько о внешности персонажа, сколько о его месте в картине мироздания. Они раскрывают вре́менное и вечное, явное и тайное, скрытое от глаз в человеке. Одни и те же детали переходят из портрета в портрет и свидетельствуют не только об авторском отношении к персонажу, но и о чем-то невыразимом словами, невозможном для описания.

Включение имени собственного (Карамазовы) в заглавие связано с установлением общих черт, присущих этой группе людей. Почему именно такую фамилию избрал для своих героев Достоевский? Карамазый (ср.: kara – *тюрк.* 'черный'; карамазый – '*смуглый*' (с лица). Лексема *черный*, обладающая широким негативно-оценочным фоном, является одним из табуированных наименований чёрта, синонимом слова *нечистый*, символизирует дьявольское начало этой семьи [3]. Второе слово из заглавия братья обладает потенциально позитивной оценочностью; ср.: БРАТЬЯ. 1. Каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей. 2. *Высок.* Всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами, положением, условиями.// Еди-

* © Таратинская Л.А.

номышленник в чем-либо, собрат. 3. Фамильярное отношение к мужчине, юноше, мальчику. 4. Член религиозного братства, монах [4]. Давнее бытование слова в языке обусловило его вовлеченность в широкий круг идиоматических выражений, глубину его осмысления в русской культуре (ср., напр., значимость этой лексемы в русском фольклоре, представление образа т р е х б р а т ь е в), это одно из частотных библейских слов, особенно в тексте Нового Завета. Идея братства, отражающая христианский идеал отношений между людьми, занимает Достоевского как противостояние черту, «Вавилонской башне». В черновиках к роману Достоевский писал: «Будьте братьями, и будет братство, а то – Вавилонская башня» или «Нет братьев, не будет братства» [5]. Многочисленные библейские цитаты и аллюзии в романе актуализируют разнообразные «библейские» значения лексемы *брат*, главные из которых в Ветхом завете – 'кровный родственник', а в Новом – 'всякий человек, связанный с другим духовной близостью, имеющий одного Отца – Небесного' [6]. В значении слова *братья* совмещаются противоположные смыслы, с одной стороны, указывающие на близкие, родственные отношения между всеми людьми, с другой – высшую степень отчужденности и вражды между братьями.

В романе Достоевского нет ни одного героя, в котором не была бы искажена духовная или физическая природа, нет ни одного портрета, в котором не отразилась бы гармония внешнего и внутреннего – идеал автора, или, напротив, внутреннее уродство: тенью *краснощекого* Алеши является *чахлый и испитой человечек* Смердяков. Раздвоенность внутреннего мира героев, поражённого греховностью, находит отражение во внешности. В ряде портретных описаний используется прием развития двух портретных доминант, которые призваны показать сосуществование в персонаже двух противоположных начал. Лица героев отражают борьбу света и тьмы, в портретах выступает то лик, то физиономия, то маска; при этом чем *«неблагообразнее»* внутренний мир героя, тем более он заботится о благообразности своей внешности.

С помощью отрицательного сравнения строится первое портретное описание Алеши: *Может быть кто из читателей подумает, что мой молодой человек был* ***болезненная, экстазная*** *бедно развитая натура,* ***бледный*** *мечтатель,* ***чахлый*** *и* ***испитой*** *человечек. Напротив, Алеша был в то* ***время статный, краснощекий,*** *со* ***светлым*** *взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток...* [7]. Слово *испитой* (*чахлый и испитой человечек*) устанавливает ассоциативную связь с портретами Смердякова; ср.: *испитое скопческое лицо*.

Описание глаз занимает центральное положение в ряде портретных характеристик Достоевского, потому что глаза традиционно находятся в центре изображения иконописного Христа. Очи – единственная деталь, соединяющая плотского, внешнего человека с человеком «внутренним», «духовным». В Нагорной проповеди, определяющей основы нового, во Христе человека, подчеркивается мысль о внутреннем свете, который находит отражение во внешности: «Светильник тела есть око; а если оно будет худо, то и тело твое будет темно...» [8]. Глаза Алеши определяются как ***кроткие***; ср. также определения ***смиренный, тихий, покорный***, которые употребляет Достоевский для описания этого героя. Прилагательное ***тихий*** многократно употребляется применительно к портрету Алеши. Эта доминанта в описании Алеши указывает на кротость, смирение, отсутствие злобы. Именно этого героя Достоевский называет именем своего умершего сына. Это свидетельствует о том, что Алеша был любимым героем Достоевского.

Неоднозначен образ среднего брата Дмитрия Карамазова; в его характеристике заключены одновременно красота и глубокий трагизм, потому автор часто использует качественные прилагательные этической – положительной/ отрицательной – оценки. Глаза Мити – ***большие и темные***, их размер – *большие* – Достоевский связывает с «размером души» этого героя. И именно Дмитрий Карамазов рассуждает в романе о широте души человека; ср.: *Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть я целую край той ризы, в которую облекается бог мой; пусть я иду в то же время вслед за чертом, но я всё-таки и твой сын, господи!.. Нет, широк человек, слишком даже широк!* или *Мы натуры широкие, Карамазовские, способные вмещать в себе всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над*

нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения <...> Мы широки, широки, как вся наша матушка Россия, мы всё вместим и со всем уживемся! Дмитрий – «нравственно широкая натура», представляет собой «поле битвы» божеского и дьявольского. Он не убивает, потому что его спасает ангел-хранитель. И он не безвозвратно потерян, он способен покаяться и пострадать, способен принять «крестную муку». «Бог мучит» Митю, и герой ощущает свою вину в высшем смысле: «Бог против меня!»

Темные глаза старшего Карамазова символизируют *«темные»* поступки, совершаемые им. Что касается определения *тихий* в описании Мити, то оно связано с отражением его второго «я»: Дмитрию приходится смириться с той жестокой и несправедливой ситуацией, в которую он попадает.

По мнению сестры Федора Михайловича, Достоевский изобразил себя в образе Ивана Карамазова [9]. В описании Ивана находим лексему ***желторотый***, которая подчеркивает типичные (не индивидуальные) черты; ср.: *А то, что ты такой же точно молодой человек, как и все остальные двадцатитрехлетние молодые люди, такой же молодой. Молоденький, свежий и славный мальчик, ну* ***желторотый****, наконец, мальчик! < ... > только об этом и думал про себя, об этой двадцатитрехлетней моей* ***желторотости***... Слово *желторотый* закрепляется с помощью повтора, получая символическое значение, связанное с указанием на незрелость, неопытность, становится важнейшей характеристикой Ивана. Сема *желтый*, закрепленная в самом названии слова *желторотый*, а также в его значении, получает дальнейшее развитие в портретном описании Ивана, поддерживая тему болезни, смерти; ср.: – *А чего у вас глаза* ***пожелтели****, совсем белки* ***желтые***. Очевидна эволюция портретного описания Ивана от *молодой*, *молоденький*, *свежий*, *славный* до *больной*, *постаревший*, *умирающий*.

Иван далеко не безупречен в нравственном отношении. Он одновременно и искренен, и презрителен ко многим. О необыкновенном уме Ивана, образованности и учености его, читатель узнает с первых слов об этом герое. Он одержим «неверием и сомнением», не желает принять созданного Богом мира. Страшен образ двойника Ивана, перед которым «реальный» Иван одинок и беспомощен. И если Дмитрий способен покаяться и пострадать, то для Ивана порыв духовного очищения невозможен. Неразрешимая мысль, терзающая Ивана, не позволяет ему не только любить, но и жить, по убеждению Алеши. Духовное движение Ивана не завершается горячкой и беспамятством как итогом «пути» или «знаком» полного нравственно-философского краха личности. Для Ивана, «зерна, падшие в землю» его души, уже «умерли», поскольку Иван стал по-библейски «ненавидящим душу свою», поэтому пути жизни для него открыты [10]. Иван утратил “источник живой жизни” и непосредственность ощущений; ср.: *Впрочем, о старшем, Иване, сообщу лишь то, что он рос каким-то* ***угрюмым*** *и* ***закрывшимся в себе*** *отроком,* ***далеко не робким****, но как бы еще с десяти лет* ***проникнувшим в то, что растут они все-таки в чужой семье и на чужих милостях и что отец у них такой, о котором даже и говорить стыдно****, и проч., и проч.*.

Глаза Грушеньки ***прелестные серо-голубые*** потому, наверное, что Достоевский подчеркивает красоту души Грушеньки, а голубой оттенок глаз ассоциируется с цветом небес.

Удивительно тонко описывает Достоевский портрет отца, используя ряд прилагательных с негативным эмоциональным значением, интересно также использование сравнения кадыка отца с кошельком. Это сравнение подчеркивает *«отвратительно сладострастный вид»* Федора Павловича Карамазова и вызывает неприязненное отношение к нему. Сравнение с кошельком здесь дано отнюдь не случайно; ср.: *Кроме* ***длинных*** *и* ***мясистых*** *мешочков под* ***маленькими*** *его глазами, вечно* ***наглыми****,* ***подозрительными*** *и* ***насмешливыми****, кроме множества глубоких морщинок на его* ***маленьком****, но* ***жирненьком*** *личике, к острому подбородку его подвешивался еще* ***большой кадык, мясистый*** *и* ***продолговатый****,* ***как кошелек****, что придавало ему какой-то* ***отвратительно сладострастный вид***. Интересно заметить, что старик Карамазов списан во многом с отца Достоевского, который также проявлял жестокость, неблагодарность и даже цинизм – факты жестокого отношения Михаила Александровича к своим крепостным, приведшие его к тра-

гической насильственной смерти. Отчество старика Карамазова – *Павлович* – может быть навеяно образом императора Павла I, его насильственной смертью в Инженерном замке, где воспитывался сам Ф.М. Достоевский, очень интересовавшийся подробностями этого убийства [11]. Описывая глаза Фёдоровича Павловича Карамазова (***маленькие, наглые*** *и вечно* ***насмешливые***), Достоевский употребляет прилагательные с негативной оценкой. Это дополняет весь портрет, который передаёт неприязненное отношение и автора, и читателя к этому герою. Не случайно и то, что Достоевский «одевает» Федора Павловича в полосатый (почему?) шелковый халатик. Существует выражение ***черт полосатый*** (***шут полосатый***), относимое к мифологемам. Образное осмысление слова ***полосатый*** связано со змеиной пастью дьявола и символизирует принадлежность старика к бездне дьявольской.

Необходимо также подчеркнуть, что прилагательное ***сладострастный*** (и однокоренные лексемы) употребляется не только при описании портрета Федора Павловича (... *сладострастнейшего человека во всю свою жизнь*...), но и Мити (... *Он – сладострастник. Это отец передал ему свое подлое сладострастие....)* и даже Алеши (... *по отцу – сладострастник, по матери – юродивый*...). Все семейство Карамазовых погрязло в бездне сладострастия и разврата; ср.: ... *В вашем семействе сладострастие до воспаления доведено*... И только вера в Бога и покаяние могут спасти душу человека.

Портреты, написанные Достоевским, – это не только описание внешности, сколько ее оценка. Авторские описания внешности минимальны, портрет персонажа складывается из реплик диалога, отражающих субъективное видение образа героя. Тенденция усиления выразительного и смыслового значения слова обнаруживается тогда, когда рассказчик Достоевского заменяет слова нейтральные лексемами эмоционально окрашенными; ср.: *этаких субъектов*, *физиономия* (***этакий*** *(разг.)* ‘Употребляется для усиления степени качества. *Этакий плут!*’, ***физиономия*** *(разг.)* ‘То же, что лицо. *Неприятная физиономия. Отвратительная физиономия*’ [12] и др.

Наконец, четвёртый сын Федора Павловича Карамазова с говорящей фамилией Смердяков, соотносимой с группой слов; ср.: ***смердеть*** ‘испускать зловоние, смрад, вонь’ [13], ***смердящий***, ***смерд*** ‘в Древней Руси крестьянин-земледелец’, ‘человек из черни, подлый (родом), мужик, особый разряд или сословие рабов, холопов; *позже* крепостной’ [14]. Все эти слова указывают на запах и имеют стилистически сниженное значение. Почему столь неприятной фамилией наделяет своего героя Достоевский? Неприятный запах связан с нечистой силой, нечистым духом, тленом, смертью, разрушением и косвенно указывает на преступление. Портрет Смердякова даётся читателю сквозь призму косвенных описаний: на первый план выходит описание щегольской одежды, причем подчеркнуто отношение самого Смердякова к своей одежде: ... *прибыл к нам из Москвы в хорошем платье, в чистом сюртуке и белье, очень тщательно вычищал сам щеткой свое платье неизменно по два раза в день, а сапоги свои опойковые, щегольские, ужасно любил чистить особенною английской ваксой так, чтоб они сверкали как зеркало.* Банальное сравнение (*сверкали*) ***как зеркало***, признанное отразить тривиальность, пошлость желания Смердякова производить впечатление своим видом, походить на иностранца, вводит в портретное описание столь значимый атрибут, как зеркало. Показательно, что в роли «зеркала» выступают сапоги, «созерцатель» Смердяков замкнулся в созерцании мира на самом себе; налицо установление связи с фразеологизмом ***судить не выше сапога*** (см. подр. [15]).

В последнем портретном описании Смердякова появляется эстетически значимая деталь *в пестром ватном халате*. Слово *пестрый* относится к мифологемам: в славянской мифологии ***пестрый*** связывается с хитростью, ненадежностью, лживостью. Интересно сниженное сравнение Смердякова с курицей; ср.: *Он родился от* ***курицы***...; *Это* ***болезненная курица*** *в падучей болезни*...; *Смердяков труслив* ***как курица***.... Слово *курица* есть в составе устойчивого сочетания ***чертова курица*** ‘большая болотная курица, камышник’ (ср. также: чёрт, олицетворение зла, враг рода человеческого; нечистый, некошный, чёрная сила, сатана и др.) [16], что отражает принадлежность Смердякова к дьявольскому началу. К портрету Смердякова примыкают слова *лакей* ‘*перен.* О раболепном

приспешнике, подхалиме *(презрит.)*' и *хам* '*(презр. бран.)*. Грубый, наглый человек' [17]; ср. описания Смердякова: ... *ну и убирайся к черту, лакейская ты душа* (реплика Федора Павловича); ... *Это лакей и хам*... (Иван Карамазов о Смердякове); ... *А они про меня отнеслись, что я вонючий лакей*... (Смердяков о себе). Что касается коричневого цвета одежды, то коричневый цвет, *«цвет глинистой земли»*, *«смесь красного и черного»* является цветом дьявола, цветом болезни и смерти [18].

Здесь же кратко заметим, что прилагательное *черный* в портретных описаниях имеет смысловые приращения, относится к мифологемам: это цвет дьявола, символ небытия. *Черными* являются глаза ***умирающего*** Илюшечки; *черная* одежда Грушеньки и Катерины Ивановны символизирует траур, обе скорбят о том, что Митя Карамазов осужден на каторгу. Как противоположность *черному* выступает прилагательное *светлый*. Это цвет глаз Зосимы – символ его светлой души. *Светлова* – фамилия Грушеньки – передаёт внутреннее состояние героини; ср.: ... *было столько света в лице её, столько веры в будущее*...; *светлый взор* Алеши привлекает наше внимание.

Таковы наблюдения над особенностями функционирования качественных прилагательных в портретных зарисовках Ф.М. Достоевского. Немецкий философ Райнхард Лаут указал, что «... от Достоевского начинается новое развитие. Он пробудил религиозное сознание и порыв, он указал на Христа, радикально поставив трагичность души в сердцевину жизни. Как мощный пророк, он разбудил дремлющих и позволил им заглянуть в бездну, над которой они, не подозревая того, стояли; он показал заблудшим, что их пути не ведут к небытию, и обозначил отчаявшимся дорогу к освобождению. Ты и я, говорит он читателю, мы оба переживаем бездну мучений, но мы существуем, мы есть» [19]. Достоевский совершил не только переворот в литературе, философии, но и в восприятии Христианства. Его творчество лежало в русле традиции русской литературы, идущей от Гоголя. В связи с этим Бердяев подчеркивал: «Из великих русских писателей Достоевский непосредственно примыкает к Гоголю, особенно в первых повестях. Но отношение к человеку у Достоевского совершенно иное, чем у Гоголя. Гоголь воспринимает образ человека разложившимся, у него нет людей, вместо людей – странные хари и морды. Достоевский же целостно воспринимал образ человека, открывал его с самом последнем и павшем. Когда Достоевский стал во весь свой рост и говорил свое новое творческое слово, он уже был вне всех влияний и заимствований, он – единственное, небывалое в мире творческое влияние...» [20; разрядка наша. – Л.Т.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского/ О русских классиках. – М., 1993. – С. 123.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1983. – С. 78.
3. Сырица Г.С. Поэтика портрета в романах Достоевского. – М., 2007. – С. 34.
4. (МАС) Словарь современного русского языка: В 4-ёх т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981. – С. 67.
5. Гарин И. И. Многоликий Достоевский. – М., 1997. – С. 90.
6. Христианство: Энциклопедический словарь: В 2-х т. – М., 1993. – С. 236.
7. Здесь и далее цитируется по: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М., 2004.
8. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Канонические. / В русском переводе с параллельными местами и приложением. – М., 2004. – С. 34.
9. Соколов Б.В. Расшифрованный Достоевский. – М., 2007. – С. 96.
10. Бердяев Н.А. Указ. раб. – С. 101.
11. Соколов Б.В. Указ. раб. – С. 143.
12. (СО) Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984. – С. 791; 684; 740.
13. Там же. – С. 638.
14. СО. – С. 638; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. IV. – М., 1991. – С. 232.
15. Сырица Г.С. Указ. раб. – С. 145.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. IV. – М., 1991. – С. 598; 597.
17. СО. – С. 272; 747.
18. Сырица Г.С. Указ. раб. – С. 287.
19. Лаут Р. Ф. Философия Достоевского в систематическом изложении / Пер. с нем. – М., 1996. – С. 148.
20. Бердяев Н.А. Указ. раб. – С. 12.

L. Taratinskaya

QUALITIVE ADJECTIVES AND POETRY OF PORTRAIT IN THE NOVEL BY F. DOSTOEVSKY «KARAMAZOV'S BROTHERS»

Abstract: In this article there were

analyzed the functions of qualitative adjectives in the portrait characterizations of the novel's character. The attention is concentrated on the colored adjectives, discovered the nouns, passing the portraits of principal characters.

Key words: qualitative adjectives, portrait characterizations of character.

УДК 811.111

Шаповалов И.С.

ТЕРМИН И РЕАЛИЯ В РОМАНЕ Р. САБАТИНИ «ОДИССЕЯ КАПИТАНА БЛАДА»*

Аннотация: В статье раскрывается проблема соотношения термина и реалии в лексике парусного флота английского языка. Отмечено, что в художественном тексте функции терминологической лексики и реалий пересекаются.

Ключевые слова: слово, термин, реалия, лингвокультурология, картина мира.

Слово, являясь центральной единицей языковой системы, относится одновременно и к мысли, и к реальному миру вещей, понятий, отношений, и к другим единицам языка. Означаемое и означающее в слове слиты воедино, поскольку в нем репрезентированы одновременно мысль, реальная действительность и язык.

Язык, как средство идеализации мира, воспроизводит его картину в целом и именует разные его стороны. «Характерной чертой языков является то, что они налагают на реальный мир некую лексическую категоризацию» [13: 450].

Будучи единицей двух систем – лексической и грамматической, слово выступает непосредственным участником коммуникативной деятельности, выполняя разнообразные информативные, конструктивные и связующие функции. Основное предназначение слова – именовать понятие, созданное человеком.

Реалия не получила однозначной трактовки исследователей во многом из-за того, что под словом *реалия* понимались и «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова», и «абстрактные сущности, связанные с духовными ценностями и обычаями народа, обобщенно-политическим устройством и культурно-социальными традициями страны, т. е. все реальные факты, касающиеся быта, культуры, истории страны изучаемого языка» [17: 10].

С точки зрения В.М. Россельса, реалии – это «иноязычные слова, которые обозначают понятия, предметы, явления..., не бытующие в обиходе того народа, на язык которого произведение переводится» [14: 169].

По определению Л.С. Бархударова, к реалиям относятся «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [7: 95]. А.В. Федоров рассматривает реалии в узком смысле; по его мнению, они представляют собой не слова, а те предметы и явления, которые словами обозначаются. А.Д. Швейцер, в свою очередь, приводит следующее определение реалии: «изучаемые внешней лингвистикой понятия, относящиеся к государственному устройству данной страны, истории, материальной и духовной культуре данного народа» [19: 153].

Согласно С. Влахову и С. Флорину, реалии – это «слова (и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [10: 47].

Сопоставляя реалии парусного флота английского языка в романе Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада» и их перевод на

* © Шаповалов И.С.

русский язык, можно установить, как видение мира носителями разных лингвокультур преломляется в языковой семантике.

При формировании картотеки лексики парусного флота мы столкнулись с трудностями разграничения термина и реалии. В текстах художественных произведений реалия и термин могут выполнять одинаковую функцию – номинативную, называя культурно-специфические или просто специальные понятия. В связи с этим лингвисты отмечают сходство названных лексических единиц.

Разносторонность и отчасти неопределенность термина как единицы терминологической лексики затрудняет возможность четкого определения данного понятия, которое полностью отражало бы его сущность и охватывало бы все его типологические разновидности. Нельзя отрицать достижения современного терминоведения, однако отдельные вопросы еще остаются дискуссионными.

В современном терминоведении преобладает точка зрения, что термин является вторичным языковым знаком по отношению к общеязыковой номинации [18: 111]. По мнению С.В. Гринева, несмотря на принадлежность термина к общему классу лексических единиц, его отнесенность к специальной лексике носит вторичный характер, и эта особенность выявляется в соотношении с общеупотребительной лексикой [11: 26]. Важность соотношения термина и слова всегда отмечалась исследователями, потому что без четкого определения, что же такое термин и каким образом он соотносится с общеупотребительной лексикой, невозможно говорить о задачах терминологии.

Выделяя отличительные свойства термина, Г.О. Винокур пишет: «Термины – это не особые слова, а только слова в особой функции», «не следует ограничивать понятия термина одними специальными словами. Конечно, такие слова, которые являются исключительно достоянием данной отрасли знания и умения и неизвестны другим терминологиям и общему языку, очень многочисленны» [9: 5].

В середине 70-х годов XX века лингвисты пришли к следующему пониманию термина – это «слова или словосочетания, связанные с понятием, принадлежащим какой-либо области знаний или деятельности» [8: 9]. Впоследствии акцент был смещен с анализа специфических черт термина на исследование его реального функционирования. Границы между бытовой и специальной лексикой нестабильны и зависят от функции, выполняемой лексической единицей в языке.

По мнению С.В. Гринева, термин можно определить как «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, применяемую для точного наименования специальных понятий» [11: 33].

Термин обладает всеми свойствами нетерминологической лексики и в то же время характеризуется своими специфическими чертами. В процессе описания языковых признаков термина лингвисты выделяют такие, которые в совокупности могли бы отразить сущность понятия ‘термин’, обратить внимание на специфику термина как языкового знака в его функционировании в качестве лексической единицы. С.В. Гринев выделил следующие признаки и свойства термина.

1. Обозначение понятия. Свойство термина именовать понятия считается конституирующим, так как номинация, безусловно, его основная функция. Именно данный признак сближает термин и реалию. В этой связи очень важно следующее замечание С.В. Гринева: «Как понятие принадлежит к определенной области знания, так и термин является элементом фиксированного подъязыка и употребляется как таковой только в пределах данного подъязыка (при использовании в стилистических целях в художественных произведениях он перестает обозначать понятие, теряет свое основное свойство и детерминизируется)» [11: 29]. Таким образом, несмотря на то, что реалия в тексте обозначает понятие, акцент в ней смещается с обозначения особенностей подъязыка, к которому относится одноименный термин, на специфику принадлежности к той или иной культуре и отрезку времени. Вот пример.

<...> advanced to the carved rail of the *quarter-deck.* – <...> он подошел к резным перилам *квартердека*.

QUARTER-DECK – the back part of a ship's upper deck, where the officers often live [Macmillan English Dictionary. 2002, 1154]; *мор.* шканцы, ют [ABBYY Lingvo 12].

ШКАНЦЫ – [*гол.* schans] на военных судах – место в средней части палубы, где совершаются все официальные церемонии [ТСУ];

ЮТ – [*гол.* hut] кормовая часть верхней палубы судна [ТСУ];

КВАРТЕРДЕК – возвышение верхней палубы парусного судна в его кормовой части [Словарь по естественным наукам. Глоссарий.ру].

Безусловно, *квартердек* называет понятие, принадлежащее к морской терминологии, о чем свидетельствует соответствующая помета в словаре – *мор.* Однако в тексте слово детерминизируется. Для читателя имеет значение не точность понятия, не обозначение того, на какую именно высоту поднимается эта часть палубы, а то, что это часть судна парусного флота, характерная для кораблестроения XVII века.

2. Принадлежность к специальной области знаний. Несомненно, основным отличием термина от общеупотребительного слова является специфичность употребления первого.

<...> fragments of the *yards* hanging in the netting spread below. – <...> в натянутой над палубой сетке чернели обломки *рей*.

YARD – a cylindrical wooden or hollow metal spar, tapered at the ends, slung from a mast of a square-rigged or lateen-rigged vessel and used for suspending a sail [Collins English Dictionary]; брус, *мор.* рея [ABBYY Lingvo 12];

РЕЯ – [*гол.* raa] подвижной поперечный брус на мачтах, к которому прикрепляют паруса [ТСУ].

3. Содержательная точность. Значение термина в идеале должно быть ограниченным и четким. Среди отличительных параметров в рамках дефиниции, которые помогают обозначить границы специального понятия той или иной области, можно назвать следующие:

- функциональный параметр;
- состав;
- пространственное положение;
- свойства;
- получение.

Необходимость точности значения обусловлена тем, что термин принадлежит к области научного мышления, в то время как слово является понятием другого уровня деятельности – бытового оперирования представлениями, то есть чувственно-наглядными, обобщенными образами предметов и явлений действительности, сохраняемыми и воспроизводимыми в сознании и без непосредственного воздействия самих предметов и явлений на органы чувств [11: 32].

<...> the straining eyes of the buccaneers were able to make out the tall *rigging* of the Spanish vessels. – <...> корсары, напряженно всматривавшиеся вдаль, увидели в четверти мили от себя очертания *рангоутов и такелажей* испанских кораблей.

RIGGING – the ropes and chains used for supporting a ship's sails and masts [Macmillan English Dictionary. 2002, 1221]; *мор.* оснастка, снасти, такелаж [ABBYY Lingvo 12].

Подтверждение того, что *рангоут* и *такелаж* являются терминами, находим в дефинициях, данных в словаре Д.Н. Ушакова:

РАНГОУТ – [*гол.* rondhout] совокупность деревянных или стальных круглых брусьев для поддержания и растягивания парусов (мачты, реи, стеньги) [ТСУ];

ТАКЕЛАЖ – [*гол.* takel] совокупность всех снастей судна (пеньковых и металлических тросов) [ТСУ].

В словарных статьях названы части судна, включенные в эти понятия, функции, которые они выполняют, их свойства и положение на корабле.

4. Независимость от контекста и стилистическая нейтральность. Г.О. Винокур подчеркивал отрешенность термина от «образных и эмоциональных переживаний» [9: 3]. Данные признаки в первую очередь обусловлены дефинированностью и объективностью термина, обозначающего понятия и в идеале лишенного дополнительных ассоциаций.

В рамках проводимого нами исследования очевидно, что анализ употребления лексических единиц не может быть осуществлен в отрыве от их текстового окружения и функции создания атмосферы художественного текста. Нередко дополнительная стилистическая окраска, добавочные эмоционально-экспрессивные коннотации возникают в тексте перевода:

<...> informed him that he had found a serviceable *wherry.* – <...> сообщил, что нашел подходящее *суденышко.*

WHERRY – a light rowing boat used in inland waters and harbours [Collins English

Dictionary]; лодка, ялик [ABBYY Lingvo 12];

ЛОДКА – небольшое судно для плавания по воде [ТСУ];

ЯЛИК – [*гол.* jol] двухвесельная или четырехвесельная лодка, шлюпка, обычно служащая для переправы через реку [ТСУ];

СУДЕНЫШКО – *разг.* маленькое и плохое судно [ТСУ].

Вероятно, авторы перевода Л. Василевский и Ан. Горский в данном случае выбрали вариант с уменьшительно-уничижительным суффиксом, чтобы подчеркнуть незначительность судна, найденного плотником для побега каторжников. Но вряд ли в контексте есть явные предпосылки для подобной детерминологизации используемой в оригинале лексемы.

5. Целенаправленный характер появления. Причиной появления нового термина служит необходимость обозначать новые понятия путем создания нового слова: «термины не «появляются», а «придумываются», «творятся» по мере осознания их необходимости» [9: 24], или путем тщательного отбора существующих лексических средств. Для терминообразования в области парусного флота более характерен второй путь. Например, многие термины парусного флота происходят от слов староанглийского языка, существовавшего в V-XII века. Например, в английском языке часто использовались слова древнеанглийского языка:

STEM – O.E. stemn, stefn “stem of a plant”, also “either end-post of a ship” [Online Etymology Dictionary];

HELM – “tiller”, from O.E. helma “position of guidance, control” [Online Etymology Dictionary].

В русском языке произошло заимствование многих терминов из голландского, так как контакты с Голландией как морской державой сыграли ключевую роль в развития парусного флота в России:

ШТУРВАЛ – [*гол.* stuurwal] рулевое колесо, вращением которого водитель управляет ходом судна, самолета, автомобиля [ТСУ];

ШЛЮП – [*гол.* sloep] род парусного судна [ТСУ].

6. Номинативный характер термина влияет на то, что большинство слов-терминов принадлежат к лексико-грамматическому разряду имен существительных. Прилагательные и наречия в функции составных частей терминов, или терминоэлементов, часто образуют аффиксальные терминоэлементы, употребляющиеся в идентичной функции: *авто-, электро-, микро-, пневмо-* и т.д. Глаголы раскладываются на смысловые составляющие – “производить, делать + действие, обозначаемое соответствующим термином-существительным” [11: 33]. Большая часть терминов парусного флота как в русском, так и в английском языке, являются существительными:

MAST – мачта; лес, из которого делают мачты [ABBYY Lingvo 12];

HAWSE – клюз (отверстие в корпусе судна для пропуска якорной цепи или швартовых тросов) [ABBYY Lingvo 12].

В обоих языка прослеживается также тенденция образования прилагательных от существительных:

STARBOARD [star*board] – правого борта [ABBYY Lingvo 12];

O.E. steorbord, lit. “side on which a vessel was steered”, from steor- “rudder, steering paddle” + bord “ship’s side” [Online Etymology Dictionary].

В глаголах сохраняется производящая база существительного. Например, в английском языке:

To CAREEN - “to turn a ship on its side” (with the keel exposed), from M.Fr. carene “keel,” from It. (Genoese dialect) carena, from L. carina “keel of a ship”) [Online Etymology Dictionary].

И в русском: КИЛЕВАТЬ судно – валять его на бок, для вычинки подводной части [12: 108].

7. Устойчивость и воспроизводимость. Данные признаки обусловливают функционирование термина в речи – многие термины, относящиеся к парусному флоту, продолжают существовать и активно употребляться в речи и в наше время: ТРАП, КОРМА, ПАЛУБА; LADDER, STERN, DECK.

Ряд признаков роднит реалии и термины. Например, обе категории этих лексических единиц служат для номинации понятий, зачастую имеют иноязычное происхождение и ограничиваются в употреблении по времени и месту.

Однако при сравнении термина и реалии можно обнаружить достаточное количество различий.

Самое главное отличие – это то, что термины, как правило, не несут какой-либо национальной окраски, не имеют связи с культурой определенного народа.

Различаются данные лексемы и способами проникновения и распространения в языке. Произведения художественной литературы и сообщения в средствах массовой информации являются каналом, по которому реалии попадают в язык. Распространение термина неразрывно связано с распространением обозначаемого им предмета, термин изначально не принадлежит какому-либо народу, он лишен коннотативных значений, но, несмотря на это, нередко встречается в художественной литературе и может выполнять не только назывную, но и стилистическую функцию. Как правило, к переводу встречающегося в художественной литературе термина применяются менее жесткие требования, нежели если он встречается в научном тексте, так как переводчику важнее передать не точность обозначаемого термином понятия, а атмосферу, которую создает в тексте его употребление.

В этой связи переводчики могут отходить от постулата перевода термина термином и не искать заимствования или вводить неологизмы для перевода текста – во многих случаях считают приемлемым перевод заменой другим термином, «компенсацию видового понятия родовым, синонимом различной степени близости, приблизительным соответствием (обычным словом) и даже нулевой перевод» [10: 285].

Полученные в ходе сопоставительного анализа данные позволяют утверждать, что, несмотря на различия, термин и реалию бывает трудно разграничить в художественном тексте из-за выполнения ими близких функций, поэтому при их переводе возможно использование схожих методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. ABBYY Lingvo 12 Multilingual. Электронный словарь. ABBYY Software 2006.
2. Collins English Dictionary. 8th Edition first published in 2006 © HarperCollins Publishers. Электронная версия ABBYY Lingvo 12.
3. Macmillan English Dictionary for advanced learners, International Student Edition. Bloomsbury Publishing Plc., Radstock, UK. 2002.
4. Sabatini R. Captain Blood. Project Gutenberg 1999.
5. www.etymonline.com Online Etymology Dictionary
6. www.glossary.ru Проект Глоссарий.ру
7. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.
8. Бархударов С.Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970.
9. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. Филологический факультет. – М.; 1939. Т. V: сб. статей по языковедению / под ред. М.В. Сергиевского, Д.Н. Ушакова, Р.О. Шор.
10. Влахов С, Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1980.
11. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М., 2004.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 2. – М., 1994.
13. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М., 1978.
14. Россельс В.М. Перевод и национальное своеобразие подлинника // Вопросы художественного перевода. – М., 1955. – С. 165-212.
15. Сабатини Р. Собрание сочинений в восьми томах. Том I. – М., 1992.
16. Толковый словарь русского языка (1935-1940 гг.) / Под ред. Д.Н.Ушакова. Электронная версия. – ТСУ.
17. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. – М., 1988.
18. Федорченко Е.А. Становление и развитие термилогической лексики таможенного дела в русском языке: Монография. – М., 2004.
19. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М., 1988.

I. Shapovalov

TERM AND REALIA IN R. SABATINI'S NOVEL "CAPTAIN BLOOD"

Abstract: The article reveals the problem of correlation between term and realia in English lexis of sailing fleet. It is noted that in fiction the functions of terminological vocabulary and realia intersect.

Key words: term, reality, linguaculturalogy, a world picture.

Литература

УДК 82-31

Абдуллина А.Ш.

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ГЕНАТУЛИНА*

Аннотация: Главным объектом анализа в статье являются стиль, языковое своеобразие и особенности речевой организации произведений А. Генатулина. Манера письма, творческий почерк, ритм, интонация рассказов, повестей и романов отражают личность, судьбу автора и одновременно передают авторское восприятие мира. Адресовано исследователям литературы, учителям-филологам, аспирантам и студентам.

Ключевые слова: стиль, слово, речевая организация произведений.

В прозе А. Генатулина важнейшим предметом изображения становится слово – самые различные и многообразные формы речевой деятельности человека, слово как таковое: «завести себя, настроить на писанину и ловить слова, которые как бы диктовал мне тот, кто умнее и талантливее меня... Слова Чехова были для меня как бы камертоном, и я начинал фразу, порой даже казалось, что ее нашептывает мне сам Чехов, что есть сходство между ним и мной, и это меня не смущало – ведь походить даже чуть-чуть на него – это уже большая удача» [1].

Конкретные формы и способы проявления слова, речевой деятельности человека чрезвычайно многообразны: «от предчувствия слова», «со сладостным предчувствием приближения слова», «но уже не писалось, ослабло и распалось воображение, я не слышал больше слова» [2]. Слово, речь, язык являются важнейшим предметом рассуждений, оценок, пристального внимания автора и героев прозы А. Генатулина. Так, в повести “Переправа” герой-повествователь пишет о силе, выразительности, живописности слова: «А в прозе, в свалке слов, точек, запятых, двоеточий, кавычек чувствуешь себя ребенком, заблудившимся в подсолнухах» [3], а в романе «Загон» дано подробное описание самого процесса рождения художественного произведения.

Творчество становится для писателя тайной: «мне начинало казаться, что их мне диктует, нашептывает некто умнее и талантливее меня, тогда я шпарил прямо на машинку и не было мне трудно (не знаю, почему писание рассказов считают трудом), напротив, писание казалось неким развлечением, отдыхом от жизни, удовольствием, наслаждением, и иногда думалось, что если напечатаюсь и получу гонорар, наверное, будет казаться, что мне дали его ни за что» [4]. Внимание автора к процессу создания слова, к ее функционированию – все это важно и интересно для автора. Пристальное внимание к слову пронизывает все тексты А. Генатулина.

В прозе А. Генатулина большое внимание уделяется непосредственному воспроизведению речи разных героев, чужой речи. Прежде всего, это номенклатурная речь, она ярко представлена в рецензиях, литературных опусах: «Рассказы не отвечают идейно-художественным требованиям, которые издательство предъявляет к художественным произведениям...Концентрация подобных деталей в одной повести и дает «перенасыщенный раствор»: слишком много здесь людей, которые несут в себе несимпатичные повествователю черты, слишком выпирает в отдельных сценах намеренное демонстративное стремление снять «романтический покров» с тех или иных обстоятельств фронтовой жизни» [5].

Воссоздание речевых жанров необходимо автору как выражение авторской точки зрения. Не случайно так много места занимают в прозе А. Генатулина пародии на речевые штампы, стереотипы пропаган-

* © Абдуллина А.Ш.

дистских лозунгов: «Освободим столицу от ненужных элементов. Пьяниц, хулиганов, матерщинников вон из столицы!», «Вы все знаете, сейчас нашу столицу мы освобождаем от всякой нечисти, тунеядцев, пьяниц, хулиганов и матерщинников. С заводов, фабрик увольняем прогульщиков и бракоделов. Все это для того, чтобы Москва стала образцовым коммунистическим городом, чтобы в ней жили честные и культурные люди» [6]. Разнообразны примеры такого пародийного слова и в романе «Загон».

Таким образом, обращение к живому разноречию времени позволяет А. Генатулину создать яркий современный язык своих персонажей. Используя живое слово народных анекдотов, поговорок, клишированных выражений, рецензий, критических опусов, писатель отражает риторику современных социальных типов, дает собирательный речевой образ советского человека конца XX века.

Специфику стиля А. Генатулина формирует употребление разговорно-просторечной лексики. В романе «Загон» актуализируется тенденция к сближению литературного языка с живой, народной речью. Основной языковой пласт романа составляет общеупотребительная лексика, на фоне которой выделяется разговорно-просторечная лексика, сочетающаяся с другими лексическими пластами (книжной, официально-деловой, профессиональной) в зависимости от речевой ситуации.

Разговорно-просторечная лексика в произведении писателя представлена следующими подгруппами: постоянно-экспрессивные словоформы, имеющие стилистическую окраску основного номинативного значения (разговорные: *рассесться, выказывать, орать, соорудить, халтурить, ахнуть, шмыгать, осадить*; просторечные: *осклабиться, шибануть, заголосить, шпарить, обалдеть, ляпнуть, попереть, вымахать*; вариативно-экспрессивные: *жрать, буркнуть, приволакивать, прорваться, дергаться, припожаловать, ворчать*; ситуативно-экспрессивные – основное номинативное значение нейтрально, а номинативно-производные значения приобретают стилистическую окраску в контексте: *пыхтеть* (в значении «трудиться, старательно делать что-нибудь»), *заехать* (в значении «ударить кого-нибудь»), *торчать* (в значении «находиться где-нибудь»).

Одним из конструктивных признаков стиля писателя является функционирование в художественной ткани романа различных номинативных моделей, значение которых реализуется в речевом дискурсе: разговорно-просторечные имена существительные, дающие фамильярную или резко отрицательную характеристику действующего лица (*пьянчужка, цаца, алкаш, краля, хмырь, мильтоша, прохиндей, чувиха, падла, гнида, стиляга, ханурик, дерьмо*); обозначающие конкретные предметы (*хлебово, пойло, жижа, месиво, волосня, колымага*); абстрактные понятия или канцеляризмы (*опусы, невнятица, белиберда*); свойства и состояние человека, содержание речи, произведения (*разгильдяйство, жуть, дурость, туфта*). Таким образом, граница между разговорной и просторечной лексикой достаточно условна и определяется степенью экспрессивности.

Синтаксис просторечия проявляется в прозе писателя в использовании простых фраз, часто нераспространенных предложений, которые, повторяясь через определенные промежутки, способствуют стихотворному оформлению текста и созданию ритма. Признаком разговорного стиля является употребление большого количества неполных, безличных, назывных предложений.

Синтаксис в прозе А. Генатулина представлен глагольными предложениями, свойственными устной речи: «Вспомнил, что задвижку надо закрыть, взялся за маховик, стал крутить. Закрыл. Потом нашел внизу, на обратной трубе, другую задвижку и его закрыл» [7].

Разговорно-просторечные языковые элементы в произведении писателя играют важную роль в воссоздании особенностей народно-разговорного языка, являются средством речевой характеристики персонажей, выражения авторской позиции, передачи отношений между персонажами и экспрессивной оценки действительности, служат основой сближения авторского повествования с речью героев.

В прозе А. Генатулина поразительны ярчайшие сравнения, необычные по силе изобразительного начала: «официантка, полненькая, бело-розовая, в накрахмаленном кокошнике и с бездумным глазастым лицом – как золотая рыбка в таинственном сумраке аквариума»; «вибрирующий гул

города делался еще более плотным и, как угрозный звук апокалипсиса, тревожил, терзал мои нервы»; «исписанная страница казалась холодной и пресной, как зола потухшего костра»; «опав с вечного древа времени, как пожухлый октябрьский лист, сгниет в перегоне людской памяти»; «в батарейках двадцати домов замрет теплоноситель, как будто в жилах двадцати жизней остановится горячая кровь».

Эпитеты А. Генатулина раскрывают неожиданную сторону предмета, события или чувства, передавая прежде всего авторское восприятие: «тоскливым сознанием очередной неудачи», «на город находит дождевая хмарь», «сердце опахивало тревожным дуновением счастья», «сонно помаргивала светлыми ресницами одинокая звезда».

Метафора вскрывает то, что автору кажется самым важным для понимания скрытой сути: «неся на своем чисто выбритом вельможном лице счастливую улыбку приласканного редактором живого классика», «и ушел, спускаясь все ниже и ниже в сумрачную долину своей неудачливой жизни», «слегка приоткрыв для меня калитку на унавоженные задворки уфимской писательской жизни».

В произведениях А. Генатулина очень часто встречаются антропоморфные метафоры: «клубы черного дыма встали в поднебесье», «тополь посылал в мое раскрытое к весеннему дню окно свое смолистое дыхание», «ветер гнал по сухому асфальту мертво шуршащие листья кленов», «земля ходит ходуном под ногами», «небо прояснилось и вызвездило, на юге из-за потухших домов вставали стожары». К стилистическим особенностям романа «Загон» можно отнести употребление героем как общеизвестных, так и редко употребляемых поговорок и пословиц.

А. Генатулин постоянно нарушает общепринятые нормы сочетаемости слов, например в своеобразных оксюморонах: «порочно-прекрасного лица», «горькая удовлетворенность», «нормальными неудачами нормальной жизни», «мертвым светом», «веселая злость», «фраза получалась мертворожденной».

В романе «Загон» автор знакомит нас с героем в момент острого нравственного кризиса, в момент, когда столкновение с окружающим миром оказалось для Толи Гайнуллина невыносимым. Поэтому речь героя проникнута отвращением ко всему, что его окружает, она отрывиста, динамична, напряженна. Динамичность, напряжение передается автором с помощью использования повторов в речи главного персонажа, сквозных повторов, которые как бы пронизывают предложения, придавая особый ритм повествованию. Основная функция повторов – эмоционально-усилительная, придающая выразительность произведению. Поэтому выбор данного стилистического средства не случаен: главным героем является человек, выброшенный на задворки жизни, испытывающий эмоциональный кризис, что выражается в его монологах и размышлениях. Вторая причина обусловлена описанием страшной действительности, от которой хочется скрыться.

Слово «тоска» не раз повторяется в произведениях А. Генатулина, поскольку оно наиболее четко выражает эмоциональное состояние главного героя, ищущего себя, свое «я» в этом ужасном мире, познающего всю его подноготную, нередко не самую лучшую его сторону: «И, конечно, это была тоска, но тоска до сих пор мне не знакомая, раздирающая душу, безысходная, убивавшая желание жить и уничтожающая всякую надежду... Чтобы передать эти ощущения, нет слов на человеческом языке... К этой тоске, если бы она была постоянной, как к примеру тоска-грусть, я как-нибудь привык бы, притерпелся бы, но оно, это нестерпимое ощущение в груди, во всем теле, тоска эта, как будто нарастала до предела, делалась невыносимой...» [8].

Болезнь, «пограничное состояние» героя сообщает прозе А. Генатулина некое добавочное качество, ту степень резкости восприятия людей и событий, которая часто бывает накануне тяжелой болезни. Герой смотрит на мир трезво, верно, он видит многое, что скрыто от других привычкой, приспособлением, корыстной зависимостью.

Всеобъемлющее отрицание, осуществляющееся с помощью повторов, пронизывает каждую страницу романа «Загон», встречается в каждой фразе Толи Гайнуллина, герой находится на грани срыва, кризиса, эмоционального и психологического. В повторе чувствуется какая-то безысходность действия, выбора человека, безвыходность его положения в существующем

мире. Повтор слова придает динамичность повествованию, создавая особый ритм, присущий стилю данного автора.

В прозе А. Генатулина встречаются часто повторяющиеся цвета: серый, желтый, черный. Например, в двух предложениях, расположенных друг за другом, цвет черный повторяется несколько раз: «На юноше была черная шинель, а на голове черная фуражка с высокой тульей. Мы знали, что черную форму носят эсэсовцы, хотя ни разу еще не видели эсэсовца в черном мундире» [9].

История Толи Гайнуллина — исповедь человека, который не может изменить мир, а способен лишь с предельной искренностью так увидеть, так показать этот мир, что и читателям передается его отвращение. Лейтмотив романа передается повторами: «отчаянно одиноким», «в тоскливом одиночестве», «маялся в одиночестве».

В своих произведениях А. Генатулин не ограничивается лишь одним видом повторов. Излюбленным его стилистическим средством является сквозной повтор, т.е. повторяющееся слово пронизывает предложение, что способствует повышенной ритмике текста, динамичности звучания: «Тоска находила на меня и раньше, но та была как бы обычная тоска, тоска-печаль, тоска-грусть, она казалась беспричинной, без содержания, но ведь, если попытаться осознать ее, причина, конечно, была, и содержание было» [10].

Прозе А. Генатулина характерны сквозные повторы – использование образов, определений внутри одного или нескольких произведений, как «тоска тошнотной мутью закладывала грудь», «цепенела тоска», «копилась тоска», «в глазах плескалась серая тоска», «в серых глазах цепенела тоска холодной собаки».

Часто встречается в прозе А. Генатулина повтор слова или даже речевого оборота в начале целого ряда самостоятельных предложений – прозаические анафоры, лексические и синтаксические, организуют повествование в романе «Загон». Нередко прием этот выполняет и дополнительную композиционную роль, организуя начало самостоятельных, тематически завершенных абзацев, так, например, выстраивается повествование в романе «Загон»:

«Я вышел в коридор, разжал ладонь – там лежала большая коричневая пуговица...

Я, конечно, мог бы спросить, узнать и у секретарши о судьбе своей рукописи, она-то наверняка знает, но что она может сообщить, кроме как: отклонили...

Я стоял у двери» [11].

Таким образом, повтор как стилистическое средство очень распространено в прозе А. Генатулина и используется автором для передачи эмоционального состояния персонажа в критический период его жизни, а также для придания повествованию ритмичности и динамичности.

Повторы, сквозные эпитеты, необычные метафоры – художественный прием, который созвучен главным принципам поэтики А. Генатулина, его отношению к обработке языкового материала. Найденные определения становятся своеобразными словесными формулами и функционируют в качестве своеобразных автореминисценций.

Для А. Генатулина характерна тенденция использования слова в качестве мотивов. Лейтмотивом в романе «Загон» является слово «тоска». Комбинируя слово с другими, часто почти полностью изменяя их лексический состав, но оставляя тот же смысл, А. Генатулин создает особый ритм произведения: «в груди копилась тошнотная тоска», «тоскливым сознанием очередной неудачи», «в глазах плескалась серая тоска», «в минуты тоски и неуверенности».

Графическое выделение слов в романе «Загон» – один из продуктивных способов создания авторской модели художественного мира произведения. Визуальное изменение текста ведет за собой расширение семантического поля слов и способствует поиску дополнительного смысла текстовых единиц.

Писатель графически выделяет слово, желая тем самым подчеркнуть его важность: «Скучная, п р а в и л ь н а я жизнь, какие-то неживые, набитые словесной опилкой события и картонные манекены» [12]. Отдельными штрихами, деталями, сопоставлениями создается образ эпохи закрепощения человека государством, его обезличивания. Несколько раз графически выделенное слово вырастает до значения символа. Одними из ключевых образов в романе «Загон» являются понятия писатель, слово: «Писать я перестал совсем – тот, кто нашептывал мне с л о в о, бросил, оставил

меня» [13]. Углубление и расширение таким образом семантического поля языковой единицы выступает новым оригинальным способом повышения значимости отдельного элемента текста. Подобный прием раздвигает лексические возможности каждого конкретного слова, способствует созданию интонационного рисунка высказывания; служит средством увеличения эмоциональной нагрузки диалогической и монологической речи. Слова, выделенные графически, способствуют акцентированию особенностей мыслительного процесса персонажа, указывают основные вехи этого процесса.

Простота и ясность, краткость и точность, с одной стороны, и стремление к сохранению неподражаемой интонации и выразительности человека из народа, с другой стороны – важнейшие факторы языкового своеобразия и речевой организации произведений А. Генатулина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Генатулин А.Ю. Загон. – Уфа, 2004. – С. 123.
2. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 110,118.
3. Генатулин А.Ю. Гегемон // Бельские просторы. – 2003. – № 9. – С. 68.
4. Генатулин А.Ю. Загон. – Уфа, 2004. – С. 111.
5. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 228.
6. Генатулин А.Ю. Гегемон // Бельские просторы. – 2003. – № 9. – С. 63.
7. Генатулин А.Ю. Загон. – Уфа, 2004. – С. 247.
8. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 258.
9. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 173.
10. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 257.
11. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 160-161.
12. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 150.
13. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 230.

A. Abdullina

LANGUAGE PECULIARITY AND SPECIAL FEATURES OF SPEECH ORGANIZATION OF A. GENATULIN'S LITERARY WORKS

Abstract: The main object of the analysis in the article is style, language peculiarity and special features of speech organization of A. Genatulin's literary works. The manner of writing, creative handwriting, rhythm, intonation of short stories, tales and novels reflect the personality, the writer's destiny and at the same time convey the author's perception of the world.

Key words: style, word, speech organization of literary words.

УДК

Баранова К.М.

ИДЕЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ И АМЕРИКАНСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ XVII ВЕКА*

Аннотация: В статье рассматривается идея предопределения в качестве ведущего лейтмотива американской словесности XVII века. В ней ставится акцент на самобытность литературы колониального периода преимущественно Новой Англии, носящей религиозный характер. В статье подчеркивается особая роль, которую играла вера пуритан в Божественный промысел, а также стремление колониальных авторов интерпретировать провиденциальность всего происходящего.

Ключевые слова: предопределение, колонист, пуританизм, случайность, лейтмотив.

В силу известных причин американская литература как таковая была сформирована значительно позднее иных национальных литератур. При этом многие исследователи неоднократно подчеркивали, что своими корнями она, безусловно, уходит в европейскую литературу. С одной стороны, это неоспоримый факт, наличие которого признается, прежде всего, самими американскими литературоведами. Так, создатели «Литературной истории Соединенных Штатов» (*"Literary History of the United States"*), монографии, которая в литературных кругах рассматривается как один из наиболее полных и объективных критических анализов творчества писате-

* © Баранова К.М.

лей североамериканского континента, в своем обращении к читателю подчеркивают вышеприведенное положение дел: «Вполне допустимо, и даже необходимо писать об американской литературе как литературе, которая восходит к европейским и особенно к британским источникам» [2: 24].

С другой стороны, анализируя историческую связь национальных литератур Европы и развивающейся американской словесности особенно XVII века, такие значимые для литературоведения США авторы как Ван Вик Брукс, Вернон Луис Паррингтон, Фрэнсис Отто Маттисен в своих работах подчеркивают уникальность, появившихся, прежде всего, в Новой Англии богословских трудов, которые считаются первым этапом, базой становления литературы США. При этом главенствующая роль этого ареала определялась не только тем фактом, что он был политическим и культурным центром колониальной Америки, но и тем, что идеология пуританизма доминировала в североамериканских колониях.

На самобытность ранней американской словесности также указывает и Л.А. Мишина в статье «Американская словесность XVII века и последующая литературная традиция». Автор отмечает, что высказываемое многими литературоведами положение о создании и формировании американской литературы *на европейской основе* не столь однозначно. Как пишет исследователь, «в действительности европейские корни ощущались далеко не всеми переселенцами: одни были увезены в Новый Свет родителями еще в детском возрасте, другие, хотя и были к моменту отъезда зрелыми людьми, были далеки от литературы» [3]. Таким образом, произведения, родившиеся в XVII веке на территории современных Соединенных Штатов Америки, являются, по мнению вышеназванного ученого, вполне оригинальными.

Уникальность американской литературы в момент ее зарождения подчеркивается и в многотомной «Истории литературы США», где российские авторы отмечая ее отличие от многовековых традиций европейских литератур или таких азиатских, как китайская и индийская объясняют этот феномен тем, что «американская литература была создана как бы одномоментно». По их мнению, «от английской литературы оторвалась определенная часть, связанная с пуританством, и была экспортирована в Северную Америку... Создалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, это была часть английской литературы, а с другой, – эта литература разительно отличалась от той, которой была известна и знаменита Англия» [1:12].

Основные черты становления литературы США, определяющие ее самобытность и оригинальность, связаны с особенностями развития новой нации и ее культуры. Одной из ведущих характеристик в этом отношении является религиозная направленность всех созданных в то время сочинений как церковных, так и светских.

При этом во всех произведениях колониальной литературы четко выражена идея провиденциальности, в том смысле, что все в мире предопределено Божьим промыслом и человек не может никак на него повлиять. Кроме того, в этих работах отмечается также прагматическая направленность создаваемых переселенцами описаний.

Как всякая культура, ранняя американская культура стремилась осознать себя в слове. Формирующиеся жанры литературы отражали как практическую, так и духовную сторону жизни зарождающейся нации. Авторы первых произведений, созданных в Новом Свете были не просто очевидцами всего происходящего на новой родине. Они принимали самое непосредственное участие не только в строительстве колониальных поселений, но и в создании культурной политики. По сути дела они сами и их произведения вкладывали весьма существенные «кирпичики» в основание нового общества, в возникновение особенной пуританской атмосферы бытия и культуры пуританских общин.

Иными словами, можно говорить о документальном характере произведений североамериканской литературы на начальном этапе ее развития, а также о доминировании в ней теологического начала. Последний фактор, безусловно, является концептуальным, ибо большая часть создаваемых колонистами работ в тот период времени, была порождением религиозного сознания. Как пишет в предисловии к известной антологии *"American Literary Survey"* Милтон А. Стерн, *"at certain points our nation adopted particular Protestant attitudes..."* [4: VIII].

Будучи протестантами в своем боль-

шинстве, европейские переселенцы, заселившие территорию Новой Англии, по своим религиозным убеждениям были преимущественно пуританами, наиболее ревностными последователями протестантизма и выступали за полное очищение англиканской церкви от остатков католицизма. В основе их мировоззрения лежала вера в Божественное предопределение, убежденность в том, что человек несвободен в выборе своего жизненного пути, ибо последний уже определен для него Всевышним.

Согласно пуританской теории в центре вселенной находилось Божественное начало, и Господь считался абсолютным владыкой всего существующего. Человеческая же деятельность должна была быть поставлена Ему на служение. По мнению сторонников пуританизма, каждый человек изначально грешен. Очиститься от заложенного в нем греха и зла возможно лишь благодаря воле Творца. Люди способны претворять в жизнь волю Бога, которая изложена в Библии. Ее заветы могут развиваться, но ни в коем случае не подвергаться сомнению. Путь к спасению можно найти только подобным образом. Жители Новой Англии верили, что наделены Божьей милостью и готовы постичь смысл Библии и Божественного промысла, а потому должны всячески стремиться к тому, чтобы познать суть воли Господа и средства ее распространения на земле.

Таким образом, колонисты неизбежно должны были считать знание особой ценностью. Они его так и воспринимали, а также верили в то, что человек должен учиться, чтобы стать действительно достойным, поскольку помимо правильной веры, необходимой людям прежде всего, человеку нужны знания, которые он может и должен получить. С этой точки зрения важно отметить довольно высокий уровень образованности пишущих переселенцев на новообретенной родине, что подчеркивается в «Литературной истории США» (*"Literary History of the United States"*) под редакцией Спиллера, Торпа и др. *"These articulate founders of New England <...> not only were educated gentlemen, but were well educated. Within certain narrowing limits of their religious beliefs, they were able to discern and to think clearly. It was inevitable that they should want to write about what they were doing. They were individuals and individualists that is why they came to America in the first place. They displayed in common the pietism of their sect, and they thought in terms of their own consequent concept of the Deity"* [6: 34].

Подчеркнем, что тексты светского характера также не должны были противоречить положениям Библии. Новоанглийскими авторами был выработан определенный художественный стиль, основанный на религиозных верованиях. Сказанное выше объясняет, почему раннеамериканские произведения изобилуют цитатами из Библии, а незыблемая вера в Божественное предопределение Создателя, являясь одной из составляющих пуританского мировоззрения и, соответственно, американского самосознания, находит четкое выражение на страницах литературных произведений практически всех авторов XVII века.

Довольно часто они выносят библейские образы, религиозные догматы, даже в название своих трудов. Так, например, Джон Уинтроп, будущий губернатор Массачусетской колонии, называет свою знаменитую проповедь, произнесенную на борту *Арбеллы* «Образец христианского милосердия» (*"A Model of Christian Charity"*). Известная работа еще одного колониального автора Эдварда Джонсона содержит даже термин «предопределение» (*providence*) в своем заглавии «Чудотворное знамение сионских мудрецов в Новой Англии» (*"The Wonder-working Providence of Sion's Saviour in New England"*). Таким образом, можно заключить, что лейтмотив предопределения уже в силу мировоззренческих позиций литераторов Новой Англии становится одним из ведущих в течение всего периода зарождения американской национальной литературы.

Поэтому неудивительно, что провидение являлось той темой, которая, так или иначе, находила отражение практически во всех работах, созданных в течение колониального периода. Ярким примером этого может служить одна из наиболее значительных работ того периода «История поселения в Плимуте» (*"Of Plymouth Plantation"*) Уильяма Брэдфорда. Страницы его хроники изобилуют указаниями на то, что все происходившее с переселенцами завершалось благополучно лишь благодаря Божественному промыслу. Автор неоднократно подчеркивает, что только с Божь-

ей помощью члены общины могут достичь необходимого результата. Для Брэдфорда характерно провиденциальное толкование истории. Завершая шестую главу первой книги своего произведения, автор объясняет, почему он столь детально ведет свое повествование: *"...that the children may see with what difficulties their fathers wrestled in going through these things in their first beginnings, and how God brought them along notwithstanding all their weaknesses and infirmities"* [5: 58].

Все записи Брэдфорда являют собой доказательство истины доктрины предопределения. Так, описывая злоключения первых колонистов он пишет, *"so they committed themselves to the will of God and resolved to proceed..."* и подчеркивает далее *"... as by God's providence they did"* [4]. Каждый в отдельности и вся община совокупно рассматривались автором как орудие Божественного промысла. Задача поселенцев заключалась в постижении его смысла и неуклонной верности избранному пути, несмотря на тяжкие невзгоды, которые следует принимать как испытания их готовности к возложенной на них провидением высокой миссии.

Как убежденный пуританин, Брэдфорд в каждом явлении видит указание Всевышнего и рассматривает это как знаки, с помощью которых провидение направляет поступки людей. Описывая сложное путешествие по морю, Брэдфорд упоминает ужасную бурю, настигшую путешественников у берегов Норвегии, когда даже моряки не раз считали себя погибшими. Однако, подчеркивает автор, там, где бессильны люди, появляется могущество и милосердие Бога. Корабль выпрямляется, и моряки, ободрившись, снова управляют им: *"But when mans hope and helpe wholly failed the Lords power and mercie appeared in their recoverie, for the ship rose againe, and gave the mariners courage againe to manage her"* [5: 14].

Заметим, что губернатор, оценивая происходящее в свете пуританских воззрений, стремится к объективному описанию событий. Безусловно, «История поселения в Плимуте», согласно существовавшим тогда канонам обнаруживает назидательный характер повествования. Тем не менее, автору присущи и всесторонняя оценка событий, и трезвость суждений, и здравый смысл, что позволяет говорить о многоплановости интерпретационных зарисовок Брэдфорда.

Упомянутый выше Эдвард Джонсон также постоянно обращается к промыслу Божьему. Так, описывая торговые отношения с индейцами, автор замечает, *"this was the first working providence of Christ to stir up our English nation, to plant these parts in hope of a rich trade for beaverskins..."* [4].

Появление этого же лейтмотива прослеживается и в работах Джона Уинтропа. В упомянутой выше проповеди он постоянно апеллирует к святому и мудрому провидению, доказывая незыблемость существующего порядка вещей: *"God Almighty, in his most holy and wise providence, hath so disposed of the condition of mankind, as in all times some must be rich, some poor, some high and eminent in power and dignity, other mean in subjection"* [8: 282]. Все в жизни предрешено, подчеркивает автор проповеди. Существующее расслоение людей в обществе оправдано Божьим промыслом: *"All men being thus (by divine providence) ranked into two sorts, rich and poor..."* [там же].

Лейтмотив предопределения постоянно присутствует и в стихотворных произведениях Анны Брэдстрит, одной из немногих женщин-литераторов колониального периода. Она прибыла на североамериканский континент вместе с Джоном Уинтропом. И хотя по меткому выражению Милтона А. Стерна она писала *"in an age of male supremacy, which would not necessarily regard the curiosity of a female poet with unalloyed delight"* [4: 209], ее стихи, поэмы и эпитафии были восприняты пуританским сообществом как в Америке, так и в Англии с явным одобрением. Строго говоря, именно поэтические тексты, к которым относятся и работы А. Брэдстрит, по праву можно рассматривать как реальное начало художественной литературы в Новом Свете.

Человек должен был, согласно пуританскому мировоззрению, стойко принимать ниспосланные ему провидением испытания, тяготы и лишения и являть собой модель пуританской добродетели. Показательна в этом отношении эпитафия, написанная Анной Брэдстрит по случаю кончины ее матери *"An Epitaph on My Dear and Ever Honored Mother":*

"A worthy matron of unspotted life,
A loving mother, and obedient wife,
A friendly neighbor, pitiful to poor…
Religious in all her words and ways,
Preparing still for death till end of days…"
[4: 218].

Созданный образ любимой матери полностью соответствует требованиям пуританской морали – готовность к любым ниспосланным свыше испытаниям, к тому, что предопределено человеку Всевышним.

Анна готова смиренно принять и оправдать любые испытания, которые приготовил ей Всевышний. Безоговорочная вера в мудрость провидения, Божьего промысла преобладает в ее лирике. Так, в стихотворении, посвященном смерти своей внучки Элизабет, она пишет:

"By nature trees do rot when they are grown,
And plums and apples thoroughly ripe do fall,
And corn and grass are in their season mown,
And time brings down what is both strong and tall.
But plants new set to be eradicate,
And buds new blown to have so short a date,
Is by His hand alone that guides nature and fate" [4: 223].

Как видно из приведенного выше текста, поэтесса оперирует образами, полными внутренней умиротворенности, склоняет голову перед Божественным предопределением, что можно рассматривать как явное проявление пуританского мироощущения.

Лейтмотив предопределения в пуританских сочинениях часто принимал форму неких знаков судьбы, Божественных предначертаний и символов. С точки зрения пуританина, все, что происходило в мире было заранее расписано и предрешено, целиком зависело только от воли Творца. Все факты и события, с которыми сталкивались верующие в своей земной и грешной жизни, не могли трактоваться как случайные, появившиеся непредвиденно. Напротив, то, что происходило с людьми, должно было произойти именно так, а не иначе. Любое происшествие было закономерно, являло собой решение и волю Всевышнего и не могло рассматриваться как некое проявление внешних неустойчивых связей реального мира. Таким образом, согласно пуританской логике каждый факт бытия мог и должен был быть истолкован, ибо, по сути, являлся провиденциальным проявлением.

Отношения переселенцев с коренным населением североамериканского континента складывались не всегда легко. Очень часто индейцы брали колонистов в плен. Поэтому вполне естественно, что в зарождающейся американской литературе начинают появляться произведения, в которых описываются подобные события. Одним из наиболее известных образцов данного жанра является книга Мэри Роуландсон «Повествование о пленении и избавлении миссис Мэри Роуландсон» *("Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson"*).

Рассказывая о нападении индейцев на форт, где она жила, Мэри излагает все происходящее как исполнение Божьего промысла. Вера в предопределение дает основания автору рассматривать собственный плен в виде ниспосланного свыше испытания, которое может быть уготовано лишь истинно верующим: *"I may see the wonderful power of God, that my Spirit did not utterly sink under my affliction: still the Lord upheld me with His gracious and merciful spirit…"* [7: 5]. Индейская деревня, в которой вынуждена жить миссис, ассоциируется ею с адом, населенным варварами, часто предстающими в образе Дьяволов (*ravenous beasts, barbarious enemy, murderous wretches, black creatures, as black as the Devil*).

Все, что происходит с героиней, интерпретируется в терминах провиденциальности. При этом вера Мэри, как истинной пуританки, в справедливость Господа безгранична. Подвергнув героиню тяжким физическим и нравственным испытаниям, Всевышний одновременно поддерживает силу ее духа и помогает: *"Yet the Lord still showered mercy to me… and as He wounded me with one hand, so he healed me with the other"* [7: 5].

Тот факт, что Мэри вылечила рану, положив на нее листья дуба, воспринимается автором «Повествования» как проявление Божьего промысла: *"and with the blessing of God it cured me also"*. Подобным же образом она рассматривает и появление Библии, которая служит пленнице утешением в тяжелые часы раздумий: *"I cannot but take notice of the wonderful mercy of God to me in those afflictions, in sending me a Bible"*. Аналогично воспринимается ею и тот факт,

что в отличие от многих она смогла перейти реку не замочив ног: *"... I did not wet my foot ... which cannot but be acknowledged as a favour of God to my weakened body"* [7: 10]. Все это, с точки зрения Мэри, многочисленные акты Божественного провидения и Божьей благодати.

В процессе освоения нового континента колонисты создавали свой особый мир, не только осваивая реальный ареал, но духовно преобразуя свое окружение, *символически* истолковывая его. Как справедливо указывает М. М. Коренева «в осуществляющейся пуританами безграничной символизации реального мира и заключались, прежде всего, предпосылки для активного литературного творчества, для становления литературы как таковой, несмотря на то, что сами они были ярыми противниками искусства» [1: 105].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что вера в Бога и Божественное провидение являются наиболее значимыми составляющими, которые легли в основу формирования американского характера и развития общества в целом, а лейтмотив предопределения, появившись впервые в американской словесности XVII века, продолжает оставаться одним из определяющих и для творчества писателей США XVIII-XX веков (Джонатан Эдвардс, а также его последователи – Натаниэль Готорн, Герман Мелвилл, Уильям Фолкнер и другие).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История литературы США. – Т. 1. – М., 1997. – 829 с.
2. Литературная история Соединенных Штатов Америки под редакцией Р. Спиллера, У. Торпа, Т.Н. Джонсона, Г.С. Кэнби. – Т. 1. – М., 1977. – 604 с.
3. Мишина Л.А. Американская словесность XVII века и последующая литературная традиция в XVII веке // Диалог эпох и культур. Материалы научной конференции. Серия «Symposium». Выпуск 8. – СПб., 2000. – С. 27.
4. American Literature Survey. Vol.1 Colonial and Federal to 1800 ed. by Milton R. Stern. N.Y. 1962. – 614 p.
5. Bradford W. History of Plymouth Plantation: 1606-1646. s.l., 2001. – 470 p.
6. Literary History of the United States ed. by R.E. Spiller, W. Thorp, T.H.Johnson, H.S. Canby. N.Y., 1963. – 1511 p.
7. Rowlandson M. Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson. N.Y. s/a. – 39 p.
8. Wintrop J. A Model of Christian Charity// The Wintrop Papers ed. by Stewart Mitchell, Vol. 2, Boston, 1931. – P. 283-295.

K. Baranova

THE IDEA OF PROVIDENCE AND AMERICAN LITERATURE OF THE 17TH CENTURY

Abstract: The article deals with the idea of providence as one of the leading motifs in American literature of the XVII century. It stresses originality of the pre-national literature predominantly in New England, its theological character based on the philosophy of Puritanism. It shows the colonial authors' belief that everything in real life is prearranged by God Almighty and could be interpreted from this point of view.

Key words: providence, colonist, Puritanism, leitmotif, chance.

УДК 82-1

Горланов Г.Е.

КОНЦЕПЦИЯ МЫСЛИ НАРОДНОЙ В СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «БОРОДИНО»*

Аннотация: В статье рассматривается проблема героизма как составляющая характера русского национального архетипа. Мысль о героизме в «Бородино» выступает в единоборстве с соборностью и с русской идеей. Автор отмечает типологические связи между героями Лермонтова в «Бородино» и в «Войне и мире» Л. Толстого.

Ключевые слова: героизм, русский характер, соборность, русская идея.

* © Горланов Г.Е.

Преодоление романтического индивидуализма раннего поэтического творчества, мысль о бесплодности одного отрицания без предложения читателю положительных идеалов, поиски героя, воплощающего в себе русское национальное самосознание нашло своё воплощение в героико-патриотической поэзии. Вполне осознано Лев Толстой признался, что центральная идея «Войны и мира» – «мысль народная» – как из «зерна» выросла из стихотворения Лермонтова «Бородино» [1].

«Мысль народная» выступает в единстве с соборностью и с русской идеей. Народ, являющийся главным героем «Бородино», – великая сила. От его мнения очень многое зависит. Об этом А.С. Пушкин говорил в трагедии «Борис Годунов». У него – народ безмолвствованием выражает отношение к власти, а у Лермонтова – в активном противоборстве с врагом решает участь государства и собственную судьбу; здесь героизм солдат объединяет порыв нации – дать отпор чужеземцам, вторгшимся на территорию Отчизны.

Героико-патриотические произведения возникли не на пустом месте. Вполне уместно назвать здесь стихи русских патриотически настроенных поэтов М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, поэтическое творчество которых высоко ценил поэт. Сближает поэтов сама оценка героических поступков русских воинов, хотя события описывались разные. Мы имеем в виду, в первую очередь, стихотворения М. Ломоносова «На взятие Хотина», 1739, «Темира и Селим», 1750 (о последствиях гибели царя татарского Мамая, после поражения от Дмитрия Донского), Г. Державина «На взятие Измаила», 1790, и «На переход Альпийских гор», 1799, В. Жуковского «Певец во стане русских воинов»,1812, трагедию В. Озерова «Дмитрий Донской», 1807.

А называть развитие темы правильнее со «Слова о полку Игореве», с «Задонщины...»... произведения В.К. Тредиаковского «Стихи похвальные России» и с оды «Российскому воинству», «В феврале 1769-го» М.М. Хераскова, а там уже со своими гражданскими порывами И.И. Дмитриев («Освобождение Москвы», В.В. Капнист («Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года, 28 дня»), Н.М. Карамзина с воззванием «К отечеству», Ф.Н. Глинка («Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии»), Д.В. Давыдов («Бородинское поле», «Переход через Рейн», 1814), К.Ф. Рылеев («Иван Сусанин», «Гражданин»). Соединяющим звеном в этой цепи – с Н.В. Гоголем, К.Н. Толстым, Л.Н. Толстым, А.М. Горьким, с советской поэзией, – является М.Ю. Лермонтов.

Мы гордимся нашими великими русскими учёными-историками прошлого – Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьёвым, В.О. Ключевским – музыкантами, художниками, архитекторами, актерами... И всё-таки полная, подлинно научная концепция истории России будет неполной без художественных откровений перечисленных писателей и М.Ю. Лермонтова.

Типологическая общность русских поэтов Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова заключалась в убеждении правоты воинской силы России, отстаивающей свои права на свои исконно исторические земли, на которых работали и рожали далёкие предки. На примерах книг своих старших коллег по литературному цеху Лермонтов учился быть гордым за подвиги своих соотечественников. Мировоззренческая связь названных писателей, на наш взгляд, убедительно доказывает профессор И.П. Щеблыкин, используя свободную контаминацию стихотворных отрывков четырёх авторов Ломоносова – Лермонтова – Державина, а потом Пушкина – Лермонтова, в статье «О героико-патриотических мотивах в лирике М.Ю. Лермонтова»: «Что касается идейного сродства, – отмечает он, – то и оно очевидно. Лермонтова восхищает ратный дух русских солдат, их смелость, смекалка, сознание своего долга, готовность умереть, но отстоять независимость Отчизны. Все эти ведущие темы русского классицизма нашли блистательное развитие в творчестве Пушкина и Лермонтова» [2].

Как известно, М.Ю. Лермонтов нередко обращался к самоповторениям. Их причина в дореволюционном литературоведении объяснялась чаще всего упрощённо: как стремление поэта улучшить свои незрелые в техническом отношении ранние стихи. Отчасти с таким суждением можно согласиться. Последующие варианты с художественной точки зрения и в самом деле становились лучше, но сводить толь-

ко к этому всю творческую работу писателя было бы неправильно, так как в этом случае можно не заметить главного, ради которого, собственно, и работают художники слова. Определяющим для Лермонтова оставалась идейная сторона. Поэт-мыслитель, он всегда находился в поисках таких стихотворных форм, которые наилучшим образом выражали его положительные идеалы в последекабристское десятилетие. Идейно-художественное своеобразие стихотворения «Бородино» подтверждает сказанное.

К теме Отечественной войны 1812 года Лермонтов обращался неоднократно, так как она навсегда осталась в памяти русского народа как один из великих национальных подвигов. Победа под Бородино над самой лучшей армией Европы наглядно выявила гигантские нравственные и умственные силы, генетически заложенные в русском человеке. Обращение к тем славным страницам истории Отечества давало возможность глубже осмыслить современное ему общество.

Первая попытка описать Бородинское сражение относится к 1830 году, когда из-под пера шестнадцатилетнего юноши появилось «Поле Бородина». Уже тогда он стремился детально изучить расположение противоборствующих сил при Бородине. На это указывают материалы биографа Лермонтова В.Х. Хохрякова, находящиеся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, где вслед за копией текста прилагалась записка на французском языке, содержащая рассказ о тех баталиях, за подписью «М. Лермонтов». Главную задачу автор «Поля Бородина» видел в прославлении подвига русских солдат, значение которого «в преданиях славы»

Всё громче Рымника, Полтавы:
Гремит Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно (2).

Написанное в условно-романтической манере стихотворение не удовлетворяло поэта и, вероятно, в 1836 году он вновь возвратился к теме Бородинской славы (в печати оно появилось в 1837 году, в шестой книжке журнала «Современник»). «Поле Бородина», в свою очередь, имеет свою предысторию, обозначенную в юношеской «Балладе» («В избушке позднею порою...» (1831). В ней также рассказывается о нашествии врагов на родную землю. Тогда врагами-насильниками были «злы татаровья». Как и в «Поле Бородина», основной пафос мужественно-патриотический. Разница состояла только в трагедийном оттенке этого пафоса. По-другому не могло быть, поскольку русские в те годины из-за своей разобщенности потерпели поражение. Лермонтов устами храброго русского воина называет Русь милым краем:

Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали
Орда взяла, и наши пали (1, 427)

Хронологически и сюжетно «Поле Бородина» как бы продолжает сюжетную героическую линию «Баллады», заканчивающуюся обращением к дитяти – будущему защитнику Отечества «Над бледной головой отца:

«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись...» (1, 427).

Что же послужило толчком к самоповторению? Автор заметки в «Комсомольской правде» от 29 января 1986 года А. Самохин задаётся вопросом о социальной принадлежности рассказчика. «Скажи-ка, дядя...». Да, этими словами начинается «Бородино» М.Ю. Лермонтова. Не задумывались ли вы, почему дядя?» – вопрошает он. Речь в заметке идёт о том, что московский художник-график Л. Шаталова, сравнивая лермонтовский рисунок «Портрет офицера с трубкой» (1832-1834) с сохранившемся портретом А.А. Столыпина, обнаружила их сходство. Больше того, в дыме офицерской трубки она разобрала фамильный вензель «С.А.». Лермонтов, в самом деле, его особенно любил и называл «дядюшкой». Афанасий Алексеевич, младший брат Е.А. Арсеньевой, рано был зачислен в полк и в 19 лет отличился в сражении под Фридландом, а за участие в Бородинском сражении награждён шпагой «За храбрость». Исходя из этого, делается вывод, что обращение «Скажи-ка, дядя...» адресовано родному дядюшке.

Влияние А.А. Столыпина на племян-

ника, конечно же, нельзя не учитывать, впрочем, так же, как и других очевидцев: гувернёра Капэ, служившего сержантом в наполеоновской армии, солдат-ополченцев из Тархан (из Чембарского уезда их было более 300 человек), участвовавших в войне с захватчиками, которых маленький Миша тоже мог слышать.

И всё-таки обращение: «скажи-ка, дядя...» нельзя отнести только к родственнику поэта. Скорее всего, его рассказы повлияли на первый вариант. Ведь он был офицер-артиллерист, а в стихотворении «Поле Бородина» есть немало таких выражений, как «Всю ночь у пушек пролежали»; «Я, голову подняв с лафета...»; «И от врагов удар нежданный На батарею прилетел...»; «И батареи замолчали...». Хотя образ рассказчика здесь во многом и условен, но в нём всё-таки отчётливо проступают черты военного человека, принадлежащего к командному составу. Простому солдату, а они были в основном из крестьян, не свойственно обращение к товарищу с такими словами: «Брат, слушай песню непогоды: она дика, как песнь свободы», – или так хорошо знать историю России:

«Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь» (1, 316).

В ином ключе написано «Бородино». В полных гражданственности картинах Бородинского сражения увлекательно и ярко рассказывается о великом подвиге всего народа. Наличие литературоведческих работ, посвящённых рассмотрению художественного своеобразия произведения (Бродский Н.Л.,; Максимов Д.Е. Пятницкая П.Б.; Турбин В.Н; Коровин В.И.; Щеблыкин И.П.) [4], освобождает меня от анализа его чисто поэтических достоинств.

Второй вариант писался человеком, уже имеющим некоторый жизненный опыт, прошедший азы военной науки, произведённый в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. Кстати, это обстоятельство не всегда учитывают исследователи, пишущие о стихотворении «Бородино». Не будь автор военным человеком, вряд ли появились бы у него такие точные детали, как «Уланы с пёстрыми значками», «Звучал булат, картечь визжала», образное сравнение залпов тысячи орудий с протяжным воем; профессиональные термины («бивак открытый», «кивер», «штык», «редут», «картечь», «барабан», «драгуны с конскими хвостами»). Впечатляющи картины отдыха, данные в контрасте: если французы ликовали до рассвета, то русские ратники спокойно готовились к следующему дневному сражению:

Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус... (1, 25).

Содержание стихотворения полностью согласуется с удачно найденным ритмом. Анализируя строфическую конструкцию «Бородина», можно согласиться с исследователем «Строфики М.Ю. Лермонтова» Вишневским К.Д.: «И ритм великолепен. Это действительно строевой шаг под барабан, но имитация сделана тонко, с большим вкусом и чувством меры... Всё стихотворение становится, таким образом, как бы мелодией боевого военного марша» [5]. Не случайно, что именно это стихотворение стало любимой походной песней русских солдат.

Стремление к правдивому показу патриотического духа защитников Родины способствовало изменению идейного смысла перерабатываемого стихотворения. Этого требовала не только юбилейная дата – 25-летие со дня победы над наполеоновскими захватчиками, но и возросшая ответственность поэта за судьбы Родины. Романтически условное видение мира, свойственное рассказчику в «Поле Бородина», уступило реалистическим. К 1837 году у поэта сложились собственные идеалы. Своя идейная концепция, свойственная лучшим людям эпохи, сводящаяся, в конечном счёте, к отрицанию несправедливых порядков в родимой его отчизне. Но кто должен выступить в качестве борца? Ведь лучшие патриотические силы, те немногие, вернувшиеся с полей войны с Наполеоном, были подавлены царизмом на Сенатской площади. На новое, «нынешнее племя», пришедшее вслед за декабристами, он не мог рассчитывать. О чём с болью в сердце поведал читателям в «Думе».

Искренне любящий Россию с её славным прошлым, Лермонтов не находил идеала в своих современниках и обращался к прошедшим векам – «Последний сын воль-

ности», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», к романтическому свободолюбивому миру Мцыри, к отрицающему устои человеческого и вселенского общества Демону, к героям-соотечественникам, отстаивавшим свободу державы «Бородино». Волновавшие Лермонтова думы не мог выразить романтически приподнятый герой «Поля Бородина», хотя и патриотически настроенный, но далёкий от понимания народных чаяний. В стихотворении напрашивался повествователь нового типа.

Особое значение в истории изменения замысла имеет посещение Лермонтовым родных мест зимой 1836 года. Возможно даже, события этой зимы и явились конкретным толчком к написанию стихотворения «Бородино». Живя более двух месяцев в Тарханах, он не мог не навещать дом своей «мамушки» – кормилицы Лукерьи Алексеевны Шубениной. В это время в её доме жил Дмитрий Фёдоров, сданный Е.А. Арсеньевой в рекруты в 1810 году. Если в царской армии служили в то время 25 лет, то он должен был возвратиться в родное село где-то в 1835 или начале 1836 года. Детям Лукерьи Алексеевны вернувшийся солдат приходился дядей, и дети называли его дядей. Для Лермонтова, молодого корнета лейб-гвардии Гусарского полка, знакомство с участником кровопролитных боёв с французами было настоящей находкой. Невозможно себе представить, чтобы при их встрече (или даже встречах) не шёл разговор о легендарном Бородинском сражении, решившим судьбу России.

С.А. Андреев-Кривич, изучая обстоятельства жизни писателя в эту зиму в имении своей бабушки, имел все основания вообразить такую картину: «...Вот сидит у такого небольшого стола напротив русской печи, может быть, в своей «лейб-гвардии» в военной одежде – Лермонтов, налёг грудью на стол, подбородок уставил в раскрытые ладони, внимательно слушает. А бывший солдат Дмитрий Фёдоров всё рассказывает и рассказывает. По лицу Лермонтова бродит усмешка. «Значит, недаром, Москва французу отдана?» – спрашивает он рассказчика. Тот поглядывает на молодого воина, у которого огнём загорелись тёмные глаза, и смеётся...» [6].

Повторяю, это всего-навсего воображение исследователя, близкое к истине. «Тарханская пора» помогла поэту чётче определиться в идейном замысле. Появляется новая композиционная форма – форма диалога бывшего солдата с только что начинающим военную службу. Если в стихотворении «Поле Бородина» социальная принадлежность лирического повествования осталась расплывчатой, то в последующем варианте она обретает черты народного характера. «Что же до «Бородина», – отмечает В.Г. Белинский, – это стихотворение отличается простотою, безыскусственностию: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубопростодушным, в то же время благороден, силён и полон поэзии» [7]. Простодушие, на которое указывает В.Г. Белинский, идёт от солдата, а благородство – от самого Лермонтова.

Героические подвиги совершают не исключительные личности, а простые люди Дмитрии Фёдоровы – на такую мысль наталкивает образ солдата-повествователя, воплотившего в себе самые характерные черты русского человека. По сути дела, его мировидение и является лермонтовским идеалом.

Он смел, решителен, выступает как патриот («Уж мы пойдём ломить стеною, Уж постоим мы головою За родину свою»); не лишён иронической сметливости («Постой-ка, брат мусью! Что тут хитрить, Пожалуй, к бою...»); он рассудителен («Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя...») и выражает народный взгляд на войну:

Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы! (1, 24).

Весь набор существенных черт характера, присущих русскому менталитету, о которых писали философы, начиная со славянофилов и Ильина и кончая братьями Гагаевыми, налицо в этом собирательном образе. Лермонтов своим «Бородино» сделал открытие, поставив главным героем произведения народ, в то время как раньше пофамильно назывались только офицеры-дворяне. «Ничего нагляднее, – писал исследователь творчества Лермонтова П.А. Фролов, – нельзя придумать, как посмотреть Военную галерею в бывшем Зимнем Дворце, чтобы убедиться, до какой степени умаляли заслуги солдатской массы в войне

1812 года и как незаслуженно превозносили деяния офицерско-дворянской верхушки. В ней 332 портрета, но ни на одном из них не представлен рядовой солдат. Эта несправедливость, видимо, была понята Лермонтовым. И со всей силой звучного стиха он смело, вопреки официальной точке зрения, объявил истинным героем Бородина человека из народа» [8]. Все правильно. Трудно согласиться только с упреком в адрес высших чинов: «незаслуженно превозносили деяния офицерско-дворянской верхушки». Лермонтов, как свидетельствует текст стихотворения, не делил героев легендарного сражения на «высших и низших» – для него все были герои.

В «Бородино» заговорил сам русский народ. Об этом писали многие исследователи творчества Лермонтова. Взгляд такой справедливый. И все-таки нельзя сказанное понимать односторонне, не учитывая речь автора – офицера русской армии. Интересный вывод по дискуссионной проблеме сделал Ираклий Андроников: «Искусство Лермонтова так велико, – говорит он, – что мы даже не замечаем, что сквозь речь солдата то и дело слышится голос поэта. «Леса синие верхушки»... Солдат не сказал бы так: это Лермонтов. Но строчки: «французы тут как тут» – это солдат. «Звучал булат», «носились знамена, как тени» – это опять речь поэта. Но без этой возвышенной лексики Лермонтов не мог бы передать вполне величие этого дня. А «изведал враг» – опять «дядя». Обе языковые струи сплавлены так органически, что мы и не замечаем, что «дядя» оставаясь всё время самим собой, говорит, как поэт» [9].

Меняется не только рассказчик, но и эпизодические герои. Вместо возвышенного «вождя» («И вождь сказал перед полками») появляется земной человек, мужественный «полковник-хват», близкий и даже любимый солдатами. Отнюдь не каждого солдаты называли отцом. Может быть, по причине близости к народу, он, несмотря на свою непоказную храбрость, так и не дослужился до генеральских званий. Этому воину даётся довольно-таки обстоятельная характеристика: он храбр, энергичен, прост в обращениях с подчинёнными, предан Отечеству, умеет сказать нужное зажигательное слово солдатам и отчаянно повести их в рукопашную схватку. Передана здесь и боль солдат о погибшем командире. Всё это богатое содержание умещается всего в восьми стихотворных строчках:

Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!» (1, 25-26).

Безымянный воин нарисован так объёмно и эмоционально, что до иллюзии живо и конкретно представляется читателям, которые вместе с защитниками Отечества скорбят о его преждевременной гибели.

Перерабатывая стихотворение «Поле Бородина», Лермонтов не только конкретизировал, но и обобщал идейно-художественную структуру произведения. Смысл войны как справедливой и освободительной был понятен всем слоям тогдашнего общества, вставшим на защиту родины. Поэтому она и стала народной в самом широком и точном смысле этого слова. Главным героем в стихотворении «Бородино» выступает не отдельная личность («дядя», «полковник»), а весь видавший всякие виды народ; «старики», уставшие отступать и ждущие настоящего, бесхитростного боя, герои-офицеры, организующие оборону и атаки на редутах...

Такой характерный штрих: рассказчик нигде не выпячивает себя, он рассказывает о товарищах, о командирах, об атаках французов – и меньше всего – о себе. В 98 стихах он лишь один раз применил личностную форму: «Забил снаряд я в пушку туго И думал: угощу я друга», а местоимение «мы» употреблено в самых ключевых строфах, передающих отдельные временные эпизоды боя:

Мы долго молча отступали... (1, 24);
Уж ***мы*** пойдём ломить стеною,
Уж постоим ***мы*** головою... (1, 25);
Два дня ***мы*** были в перестрелке... (1, 25);
Мы ждали третий день... (1, 25);
И умереть ***мы*** обещали... (1, 25);
Тогда считать ***мы*** стали раны... (1, 26).

Нигде нет выражения с местоимением «мой», зато семь раз используются конструкции со словом «наш». Поэтому, таким образом, удаётся изобразить не просто конкретного живого человека, но и показать

его как социальный тип, воплотивший в себе лучшие черты национального характера. При этом авторские взгляды на войну, мирную жизнь, победу, мужество, поражения, отступления слиты здесь воедино с думами рядового солдата. Словом, «мысль «Бородина» и есть мысль народная, выражающая одну из черт русского космопсихо-логоса. Здесь автор с присущим ему эмоциональным порывом выражает общенациональный взгляд на исторический процесс, «глядит на него глазами своей национальной стихии» (Н.В. Гоголь). «Поэма «Бородино», по справедливому замечанию В.А. Архипова, – являла собой новый тип художественно-патриотического мышления» [10], по которому потом будет развиваться вся передовая русская литература XIX и XX века.

Война с захватчиками, показавшая всему миру мужество русских людей, углубила общественные противоречия в стране в послевоенный период, обострив тем самым и отношение поэта ко всему строю.

Лермонтовское отношение к событиям своей эпохи имеет место и в стихотворении «Бородино. Обратим внимание на то, что в первой строфе молодой воин задаёт лишь один вопрос:

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана? (1, 24).

Остальные же четыре стиха произносятся в утвердительной интонации (на письме они сопровождаются восклицательными знаками). Юноша хотел узнать нечто большее, чем только одно воспоминание о воинской доблести русских войск. И он не ошибся. Лермонтовский идейный замысел заключался в сопоставлении двух поколений. Раньше всех на эту тенденцию в творчестве поэта обратил внимание В.Г. Белинский, отметив, что основная идея стихотворения «Бородино» выражена в словах:

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы! (1, 24).

«Это мысль – жалоба на настоящее поколение, – пишет критик, – дремлющее в бездействии. Зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» [11]. В дальнейшем мы отметим, как эта тоска по жизни внушила нашему поэту не одно стихотворение, полное энергии и благородного негодования.

Нет, совсем не напрасно повторяется в конце стихотворения вторая ключевая строфа, правда, с незначительными изменениями. В первом случае она произносится как гипотеза, которую ещё надо доказать. И рассказчик, в ходе повествования доказывая доблесть племени, воевавшего в 1812 году, приходит к окончательному обобщающему выводу:

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Когда б на то не божья воля.
Не отдали б Москвы! (1, 27).

В финальной строфе полностью заменена только вторая строчка: «Не то, что нынешнее племя». Казалось бы, замена незначительная, но именно она заключает в себе основной смысл, выявляющий положительный идеал поэта. Нагляднее это представится, если поставим рядом эти ключевые строчки:

Не то, что нынешнее племя... (1, 24);
Могучее, лихое племя... (1, 27).

Противопоставление, как видим, налицо. Выходит, что племя тридцатых годов и не могучее, и не лихое – словом, «Богатыри» – не вы». Только... что значит «были»? Они живы! Каждое новое поколение Государства Российского доказывает жизненность, скрытый подзадоривающий утвердительный смысл лермонтовского «Богатыри не вы». Дети былинных и реальных «богатырей» своими делами во славу России красноречиво доказывают преемственность героических идеалов. В слова «Родина», «Россия», «Умрёмте под Москвой...» вкладывается особый смысл. «И когда мы произносим это простое и в то же время необъятное слово «Россия», – пишет И.А. Ильин, – и чувствуем, что мы назвали что-то главное в нашей жизни и в нашей личной судьбе, то ли твёрдо знаем, что мы разумеем непросто природу, или территорию, или быт , или хозяйство, или государство, но русский дух, выросший во всём этом, созданный этим, и создавший всё это в муках, в долготерпении, в кровавой борьбе и в

непрестанном молитвенном напряжении» [12].

Загадочно звучат и дважды (опять дважды) повторенные строчки: «Плохая им досталась доля: Немногие вернулись с поля...». Почему артиллерист, проявивший вместе со всеми героизм, отделяет себя от «могучего», «лихого» племени? Из-за скромности? Может быть. Всё же, смеем думать, настоящая причина кроется в другом и объясняется присутствием на страницах стихотворения самого автора, выступающего вместе с солдатом в качестве рассказчика. Эта строчка – не технический брак. В таком отделении рядового солдата от тех, которым досталась плохая доля, прорывается огорчительный голос самого поэта, «мысль-жалоба», говоря словами В.Г. Белинского. Вернувшиеся «немногие» прозрачно напоминают о последующих событиях, происшедших на Сенатской площади, в которых участвовали «богатыри» – бывшие герои Отечественной войны. Вспомним в связи с этим награждённых за боевые заслуги в бородинской битве П.И. Пестеля – золотым оружием с надписью «За храбрость»; М.А. Фонвизина – орденом Анны II степени; М.С. Лунина – золотым оружием с надписью «За храбрость»; героически сражался с неприятелем в сапёрной роте С.И. Муравьёв-Апостол; в партизанских отрядах истреблял захватчиков С.Г. Волконский и М.Ф. Орлов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Исследования и материалы. Сборник 1. – М. 1941. – С. 186.
2. Щеблыкин И.П. О героико-патриотических мотивах в лирике М.Ю. Лермонтова. Временник любителей старины. Научный и научно-популярный сборник. Вып. 10. – Пенза. 1994. – С. 4.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. – М., 1964. – Т. 1. – С. 317. В дальнейшем ссылки даются на этот текст с указанием тома и страницы в тексте.
4. Бродский Н.Л. М.Ю. Лермонтов. Биография. Т. 1. – М., 1945. – С. 224; Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. – М.-Л. 1964; Пятницкая П.Б. Изображение народа и войны в стихотворении «Бородино» (1837), «Валерик» (1840) М.Ю. Лермонтова // Учёные записки Горьковского педагогического университета. – 1958. Т. 26. – С. 205-219; Турбин В.Н. О литературно-полемическом аспекте стихотворения Лермонтова «Бородино» // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. – Л., 1979. – С. 392-403; Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М., 1973; Щеблыкин И.П. М.Ю. Лермонтов. Очерк жизни и литературного творчества. – М., 2000. – С. 106-110.
5. Вишневский К.Д. Строфика Лермонтова // Лермонтов. Сборник, посвящённый 150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Пенза, 1965. – С. 65.
6. Андреев-Кривич С.А. Тарханская пора. – М., 1968. – С. 92.
7. Белинский В.Г. Стихотворения Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в русской критике. – М., 1951. – С. 36.
8. Фролова П.А. Лермонтовские Тарханы. – Саратов. 1987. – С. 287.
9. Андроников И.Л. Дебют // Литературная газета. – 1962. – 18 октября.
10. Архипов В.А. Лермонтов. Поэзия познания и действия. – М., 1965. – С. 410.
11. Белинский В.Г. Стихотворения Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в русской критике. – М., 1951. – С. 135.
12. Ильин И.А. Сочинения. – Т. VI. – М., 2000. – Кн. 2. – С. 183.

G. Gorlanov

THE CONCEPT OF FOLK THOUGHT IN THE POEM “BORODINO” WRITTEN BY M. LERMONTOV

Abstract: In this article the problem of heroism as the character’s element of the Russian national archetype is discussed. The thought of heroism in “Borodino” stands out in the fight with conciliarism and Russian idea. The author points out the typological relations between Lermontov’s heroes in “Borodino” and those - in “War and Piece” written by L. Tolstoy.

Key words: heroism, Russian character, conciliarism, Russian idea.

УДК 82-1

Горланов Г.Е.

АНТИТЕЗА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «УТЕС»*

Аннотация: Антиномичность является составной частью русского менталитета. Эту особенность тонко ощущал Лермонтов, когда использовал художественный прием антитезы. На контрасте построены многие его произведения. В статье рассматривается искусное применение этого приема автором в стихотворении «Утес». Написанное в зрелый период творчества поэта, стихотворение отличается высоким мастерством исполнения, логической четкостью мысли и глубоким проникновением в мир человеческих переживаний.

Ключевые слова: антитеза, русский менталитет, лирический герой.

В.Г. Белинский о лермонтовской поэзии писал: «По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной, неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов» [1]. К лучшим образцам русской и мировой литературы, где антитеза как бы растворяется в гармонии всех строф, является стихотворение «Утёс».

Посмотрим подробнее, каким образом автору удаётся впрячь в одну коляску антитезу и гармонию, не потеряв при этом чувств русского архетипа. В контексте русского менталитета важно задержаться на этом стихотворении. Оно, не упоминающее живых героев-людей, завораживает читателя драматическим накалом духовных страстей, страстей, по-детски обнажённой беззащитностью переживаемых чувств и какой-то необыкновенно высокой одухотворённой печалью.

И черновые варианты, и окончательный текст этой лермонтовской миниатюры, сохранившиеся в знаменитой записной книжке В.Ф. Одоевского (Черновой и беловой автографы – в рукописном отделе ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Собр. рукописей Лермонтова № 12), относятся к 1841 году, к тем последним месяцам жизни, когда противоречие между демонически гордой, свободолюбивой личностью поэта и царедворцествующей толпой достигла рокового предела.

Написанное в зрелый период творчества поэта, когда уже были известны лучшие его творения, стихотворение отличается высоким мастерством исполнения, логической чёткостью мысли и глубоким проникновением в мир человеческих переживаний. Оно как нельзя лучше передаёт состояние умироворённой души русского человека в момент медитативных размышлений над смыслом бытия. Содержание его пропущено через субъективное восприятие мира лирического героя. И всё это несмотря на то, что внешне здесь нет ни одного одушевлённого существа, ни одной живой личности. Есть, казалось бы, только одна живописно нарисованная картина природы:

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне [2].

Конечно же, не могло это небольшое по объёму произведение волновать умы и души читателей, если бы не содержало в себе глубоких мыслей и большой силы эмоционального порыва, «бьющего, – по словам В.Г. Белинского, – огненным фонтаном».

Как же выражает антитеза эти мысли и чувства, затрагивая волнения души русского человека?

Стихотворение «Утёс» антиномично по своему строению и тяготеет к полярной расстановке образно-смысловых сил, к противопоставлению первой и второй строфы, связанных с разными тематическими объектами. Каждая из частей «Утёса», завершённая как логически, так и синтаксически, могла бы жить своей самостоятельной жизнью. Первая часть – до противительного

* © Горланов Г.Е.

«но», вторая – последние четыре строчки.

Содержание первой строфы связано с золотой тучкой; а второй – с судьбой старого утёса. Разные темы выражены по-разному. Если первая строфа при чтении создаёт впечатление игривой лёгкости, бездумной улыбчивости, то вторая, напротив, – могучей и умудрённой величавости.

Легкость первой строфы достигается отсутствием длительных пауз и резких переносов; наличием чётко выдержанной рифмовки и делением на две равносложные части (по двадцать слогов в каждой), причём каждая из этих частей совпадает с предложением-периодом (первая часть – «Ночевала тучка золотая На груди утёса великана» и вторая часть – «Утром в путь она умчалась рано По лазури весело играя»).

Интересно отметить, что в первоначальном варианте (Собрание рукописей Михаила Юрьевича Лермонтова, «Записная книжка, подаренная Лермонтову В.Ф. Одоевским») было больше внутристрочных пауз (после «приятно» и перед «куда») и большая пауза после «встало», переданная на письме точками.

Как однажды тучка золотая
На седом утёсе ночевала,
Было ей приятно, утро встало...
Мчится прочь, куда совсем не зная [3].

Однако автор изменил такое построение, так как оно не выражало той лёгкости и мелодичности, которые были присущи окончательному тексту.

Вторая строфа переводит повествование в иное русло – русло безысходной трагедийной тоски, которая, естественно, не может быть выражена такой же мелодически облегчённой тональностью, как в первом случае. Этому «иному», играющему роль экспрессивного заряда, даёт первоначальный толчок противительный союз «но» (фигурирует он во всех черновых вариантах), разрушительная сила периодических модуляций которого передаётся всем последующим интонационным отрезкам стихотворения и находит соответствующее выражение в сильном «переносе» в середине строфы. В результате этого строфа уже будет скрепляться не по законам симметрии, а по принципу асимметричности (если к тому же учесть разное количество слогов в строчках и предложениях):

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит... [3].

Построенные таким образом стихи, благодаря асимметрии и разной протяжённости пауз в количественном отношении, расшатывают ритм, изменяют плавный ритмический рисунок, а прерывистые и экспрессивно-сочные штрихи, передающие страдания старого утёса, покинутого легкокрылой тучкой, способствуют этому. После мелодичной гармонии первой строфы с обилием легко произносимых согласных бросается в глаза «неблагозвучность» второй – сочетание согласных РЩ, СТР, в то время как в первой строфе всего один случай такого сочетания, опять-таки связанного с темой утёса («На груди утёса-великана»).

Черновые варианты свидетельствуют о том, что такого результата Лермонтов добивался сознательно. Если первоначальный набросок ничем почти не отличался по мелодичности от первой строфы:

Но остался влажный след на камне,
И хранит он в трещине глубоко [4],

то в следующей уже имеется перенос:

Но остался влажный след на камне,
И хранит утёс его, и снова
Он стоит, задумался глубоко... [5].

Окончательная редакция позволяет автору резче выделить слова, несущие самую большую смысловую нагрузку, поскольку они стоят в сильной интонационной позиции («в морщине», «одиноко») и выделяется благодаря логическим ударениям («старого утёса», «он стоит»). Именно эти выделенные слова и словосочетания сосредотачивают всю трагическую силу лирического чувства.

При этом характерно, что во всём стихотворении нет лексики нейтральной, которая выражала бы своей семантической и звуковой насыщенностью основную идею произведения. Лексика «Утёса», не имея ничего общего с затасканными романтическими шаблонами, явственно делится на два лексических ряда, связанные с двумя тематическими мотивами – золотой тучки и угрюмого утёса.

Слова первого лексического ряда создают впечатление воздушной лёгкости

(этому способствует наличие смягчающих согласных «ч» и «л»), стремительности, передаваемой глаголами, выражающими движение («ночевала», «умчалась», «весело играя» и нагнетание звуков «у», стоящих в двух случаях под ударением, в третьей строчке «Утром в путь она умчалась рано...» и впечатляющей красоты (движение золотой тучки по утренней лазури).

Не создалось бы такого зрительного впечатления, если бы перечисленное не контрастировало со вторым лексическим рядом, который начинается уже во второй строчке первой строфы. Лексика второго ряда – возвышенно-торжественная. Интересно то, что для создания торжественности поэт нигде не прибегает к однажды испытанному художественному приёму: к архаической лексике, к восклицательным и вопросительным конструкциям, к инверсиям, приподнятым обращениям, к романтическим выражениям и так далее.

Опорные слова второй строфы самые что ни на есть земные – «морщина», «старый утёс», «одиноко», «стоит»... и вне лермонтовского контекста они прозаичны. Торжественность второй строфы достигается ритмико-интонационным строем всего произведения, его богатой синтаксической и звуковой инструментовкой. Интонационно и ритмически эти слова особо выделяются из текста. При чтении стихов, поскольку они окружены паузами различной протяжённости (особую роль в нагнетании пауз играют здесь переносы), появляется прерывистость, что, в свою очередь, выливается во взволнованную интонацию, речь становится эмфатичной, а на фоне мелодичной первой строфы – приподнятой.

Уже первый стих второй строфы звучит как глубокий вздох по утраченной красоте. Впечатление длительности и особой скорбности этого вздоха усиливается тем, что этот стих полностью не заканчивается на одной строчке, а доходит до середины второй, за ней следует длительная пауза, во время которой читатель как бы переводит дыхание, одновременно осмысляя только что происшедшее и задумываясь о дальнейшей судьбе утёса: это жизнь разуверившейся души, обречённой на одиночество в одинокой пустыне, а отсюда уже не просто вздох, душевный крик, пронизывающий остальные строчки произведения.

Наиболее впечатляюще этот мотив передаётся через логически и интонационно выделенную изобразительную метафору «одиноко он стоит, задумался глубоко» (ощущение боли обостряется аранжировкой звука «о», а одиночества – подчёркнуто непоэтичной угловатостью фразы), являющуюся центральным логическим и кульминационным центром символически одушевлённого утёса.

Развязкой же, а одновременно и эпилогом этой относительно небольшой сюжетной сценки является надолго запоминающийся образ плачущего в одиночестве седого великана. Лермонтовская миниатюра, таким образом, представляет собой произведение с развивающимся фабульным содержанием, экспозиция которого, начинаясь за пределами текста, продолжается в первых двух стихах первой части и выливается в конце концов в печальную симфонию нераздельных человеческих отношений.

Очень трогателен и многозначен в стихотворении эпитет «тихонько», означающий и стыдливость (ведь он такой могучий, сильный) и стремление не выдавать своих нежных и запоздалых чувств (ведь он уже морщинистый и старый, а в первоначальной редакции – «седой»), и нежелание нарушать окружающей тишины и покоя. На такое способны только разумные существа высокого интеллекта, с поэтическим воображением и высоким человеческим благородством.

Надо, конечно, вникнуть в сущность печали утёса, чтобы правильно понять её. Было бы гораздо легче его богатырской душе, находись рядом его друзья, которым можно было бы поведать и радость свою, и печаль. Но судьба обрекла на одиночество. Посетившая прелестная красавица-тучка беспечно умчалась от него.

Мастерство Лермонтова проявляется не только в исполнении лексики, но и в применении нужного стихотворного размера. Стихотворение «Утёс» написано трёхстопным хореем – размером, довольно редко употребляющимся поэтами. У Лермонтова, кроме «Утёса», он встречается ещё в «Станcах» («Не могу на родине томиться...»), «К...» («Мы случайно сведены судьбою»), «Выхожу один я на дорогу...». Трёхстопный хорей в «Утёсе» не во всех стихах одинаков, использует его поэт умело, малейшие отклонения от заданной классической схемы точно передают многообразие оттен-

ков мыслей.

Употребляемые в начале строчек (в пяти случаях из восьми) безударные гласные пиррихия придают первоначальное плавное движение, которое, как бы по инерции повторяясь второй раз во второй части, продолжает своё движение во всей фразе. Симметричное повторение ударных и безударных гласных в двух параллельных строчках и создаёт мелодическую плавность и умиротворённость, передающих состояние наслаждающихся счастьем: «Ночевала тучка золотая. На груди утёса великана».

Но стоило только тучке покинуть его, как ритм меняется, и расположение пиррихиев в следующих стихах становится иным. Третий стих начинается уже с ударного гласного и, потеряв два лёгких безударных гласных (вместо них образовалась хореическая стопа), звучит уже тяжелее и напряжённее, хотя иллюзия движения не пропадает: просто функцию движения выполняет уже не ритм, а звукопись – «Утром в пУть она Умчалась рано». Четвёртый стих, повторяя схему первых двух, возвращает строфе первоначальную живость.

Ритмико-интонационные изменения связаны со смысловой стороной произведения: острая тоска по умчавшейся тучке уступает место продолжительной тихой грусти смирившегося со своей горькой участью утёса. И всё-таки, как бы велики ни были ритмические перебои (особенно во второй части), стихотворение оставляет впечатление гармонической цельности, мелодичности и ритмической завершённости. Недаром оно было переложено на музыку Даргомыжским. Весь комплекс художественных приёмов лермонтовской миниатюры способствует мелодической эвфонизации произведения: расстановка интонационных пауз; обилие легко произносимых согласных звуков (особенно связанных с темой тучки); скромная неброскость рифм (рифмы употребляются точные и несложные «золотая-играя», «великана-рано», «морщине-пустыне», «одиноко-глубоко»), причём во всех стихах автор употребляет женские окончания, смягчающие звукопись стихов и способствующие переходу произведения в рамки элегии; симметричность синтаксических периодов, связанных с тематическими периодами, чёткой кольцевой рифмовкой; равным количеством слогов в строчках (по десять слогов в каждой) и так далее.

Всё это применяется поэтом без нажима и незаметно для читателя. Строфы сбиты так искусно, что за ними не чувствуется кропотливого труда писателя. Они создавались в те вдохновенные минуты, «Когда и ум и сердце полны, И рифмы дружные, как волны, Журча, одна во след другой Несутся вольной чередой» (1, 80).

Обращает на себя внимание в последней строчке Утёса» ключевое слово «пустыня», которое в рассматриваемом произведении острее передаёт состояние одиночества героя. Понятие «пустыня» включает смысл, связанный не только с названием географической местности, но и с другими смысловыми оттенками: духовное одиночество, безлюдье, что по-своему отражало настроения передовых людей 30-40-х годов XIX века в условиях николаевской реакции. Эта «многозначность» лермонтовских метафор проявляется и в других стихотворениях поэта, в особенности в философских миниатюрах, таких, как «Парус», «Сосна», («На севере диком стоит одиноко...»), «Горные вершины спят во тьме ночной...», «Прощай, немытая Россия» и другие. И проистекает она (многозначность) не только из стремления к интенсивному абстрагированию, сколько из самих аллегорических уподоблений, постоянной тяги Лермонтова к ассоциативным образам. В «Утёсе» это «золотая тучка», «грудь утёса», «лазурь», «влажный след», «морщина утёса», «пустыня». Но автор часто ставит к подлежащим качественные определения, что в свою очередь способствует конкретизации предметов. Именно поэтому и переживает читатель, что перед ним не бездушные символы, а герои, наделённые индивидуальными характерами.

Вот и здесь: немного воображения, и мы уже рассуждаем об утёсе не как о каменной неживой глыбе, а как об одушевлённом существе, имеющем право на счастье, но в стечении обстоятельств вынужденного страдать в пустынном бесчеловечном мире. Мы всецело на стороне этого гордого, беззащитного великана, мы сочувствуем его горю и одиночеству. В образах-аллегориях символизированы по сути две человеческие жизни, два разных характера.

Самая символика здесь идёт не от объекта – она слишком условна, слишком

внутренняя, осмысление объектов слишком отдалено от реального положения вещей: утёс «задумался глубоко», и «тихонько плачет он в пустыне». При внесении субъективного, эмоционально-человеческого здесь очень резко, явно и составляет основу лиризма. Мы непрерывно ощущаем, что это человек так чувствует, переживает, материализует в объектах своё переживание, а не самые объекты живут и действуют. «В нём первом русский дух осознал себя во всей своей глубине и широте; в нём этот дух уверовал в свою природу и в свой творческий акт – акт, направленный на совершенство формы, обусловленное сердечным созерцанием и достигаемое реально и с радостью только при наличии этого созерцания, только при желании его» [7].

И не просто всякий человек, уточним мы, а конкретный – М.Ю. Лермонтов, поэт тридцатых годов, преследуемый «немытой Россией», лишённый настоящего дружеского общения, но жаждущий человеческого счастья, материализует свои переживания.

А.И. Герцен в брошюре «О развитии революционных идей в России» (1851 год), характеризуя творческий облик поэта, верно заметил: «...Мужественная, печальная мысль всегда лежит на его челе, она сквозит во всех его стихах. Это не отвлечённая мысль, стремящаяся украсить себя цветами поэзии; нет, раздумья Лермонтова – это его поэзия, его мучение, его сила» [8]. И нельзя не увидеть в стихотворении «Утёс» мятущуюся душу поэта, его «мужественную, печальную мысль», трагедийную судьбу лермонтовского поколения, если усматривать в нём только картину природы, романтический пейзаж. Необходимо осмысление философского содержания миниатюры, его связи с общественными условиями последекабристской поры.

Более сложная картина противопоставлений наблюдается в «Парусе», где художественный приём инверсии в образной системе не просто перестановка, а перестановка, создающая противопоставление. Здесь даёт о себе знать столкновение реально-настоящее, по тексту обычная морская «идиллия», со свистящим на просторе ветром, с лучами золотого солнца и струями светлой лазури, с мятежными романтическими порывами лирического героя:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой (1, 489).

В стихотворение «Нищий» мечта (желания слепого человека) и реальность («Но кто-то камень положил в его протянутую руку») как бы меняются местами.

«Холодной буквой трудно объяснить боренье дум...» (1, 354) – сетовал Лермонтов. Сетовать-то сетовал, но умел по-хозяйски распорядиться этими буквами, нанизывая их, как бисер на жемчужную нить, превращая в живые картины жизни, да так, что им «без волненья внимать невозможно» (1, 65). Надо было найти такие художественные стилевые приёмы, которые бы наибольшим образом выражали сложный и противоречивый характер создателя. Нельзя подобный поиск представить таким образом – вот, дескать, засел поэт за письменный стол и стал выдумывать. Нет, конечно, происходит всё это интуитивно. И уж, коли «есть сила благодатная в созвучье сил живых» (1, 65), то эту силу можно отыскать, тогда-то «Из пламя и света Рождённое слово» засверкает нужными для создателя красками. Антитеза, о которой идёт речь, выявляется самым необычным образом. Недаром же он был «двух стихий жилец угрюмый». «Слёзы разлуки», «трепет свиданья», «в одном всё чисто», а «в другом всё зло», «священное и порочное», «доброе и злое», возвышенное и низменное. Земля и Небо... рождали своеобразное видение мира, вылившееся в художественных произведениях в своеобразный поэтический приём интонационного контраста.

Сам тип интонации (интонация – громко произносить, то есть иначе произносить, не так, как все произносят) в поэтических строчках рождается при помощи различных приёмов: повышение или понижение голоса, как мы убедились при анализе стихотворения «Утёс», логических и смысловых ударений, замедления и ускорения проговариваемых поэтических синтагм. Изменения голосового тембра, инверсии разного рода, использование контрастирующих элементов – всё это подсказано самой Природой, той «нежной звездой», которая очаровала поэта в юные годы.

Так стихотворение «Желание» («Отворите мне темницу...»), имеющее много об-

щего с «Парусом», строится на двух противоположных в смысловом отношении периодах. Первый период состоит из двух строф, выражает «разбойную» волю вышедшего из темницы героя, жаждущего хоть раз проскакать на черногривом коне по синему полю, горящего желанием состязаться в дощатом челноке под парусом «с дикой прихотью пучин». Во всём видится широкая русская натура. Из первых строчек вырисовывается волевой человек с молодецкими порывами к борьбе, презирающий страх стихии. И вдруг (именно вдруг) во втором интонационном и смысловом периоде тот же герой просит умиротворённой без битв и тревог тихой жизни «в мечтаньях рая».

Дайте мне дворец высокий
И кругом зелёный сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая,
В зале мраморном звучал... (1, 474).

Мотив «желания» сада и мира есть выражение благостного права и желания не только лирического героя, но и всех нравственных единомышленников Лермонтова. То, что в данном случае давалось в двух пространных, взаимоисключающих периодах, в «Желание», в «Парусе» выявляется в противоположных по смыслу и интонациях парах, варьирующих в различных смысловых оттенках мотивов «покоя» и «бури». От стихотворения к стихотворению мы видим рост художественного мастерства. А сам приём становился всё более и более осязаемым, оно, подобно взрывному устройству, разрушает идиллическую гармонию, создавая огромную силу напряжения в стихах.

В некоторых случаях противопоставление выражает суть произведения, как, например, было в «Утёсе» (и мы убедились в этом), в стихотворениях «Дары Терека», «Смерть поэта», «Сосна», «Бородино». К характерному приёму поэт находит соответствующие им лексическое оформление, синтаксическую организацию, использование разных тропов и т.п.

В связи со сказанным отнюдь не случайна тяга поэта к метафоричным формам, таким, скажем, как «К добру и злу постыдно равнодушны», «Среди сомнений ложно чёрных И ложно радужных надежд», «Прекрасна, как ангел небесный, Как демон, коварна и зла», «Сошлися на свадьбу ночную, На тризну больших похорон», «И вы не смоете всей ваше чёрной кровью Поэта праведную кровь!», «Но красоты их безобразной Он быстро таинство постиг», «Терек воет, дик и злобен, Слёзы брызгами летят», «И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла, Но светлая слеза – жемчужина страданья», «В них слёзы разлуки, В них трепет свиданья...». Здесь можно было бы процитировать всю клятву Демона из одноимённой поэмы. Построений по принципу противопоставления – «день первый и день последний», «позор преступленья и правды торжество», «горькое паденье и победа», «свиданье и разлука», «ад и земная святыня», «последний взгляд и первая слеза» и т.п. – много в произведениях поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белинский В.Г. Стихотворения Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в русской критике. – М., 1951. – С. 185.
2. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. – М., 1964. – Т. 1. – С. 113. В дальнейшем ссылки даются на это издание с указанием тома и страницы.
3. Собрание рукописей Лермонтова № 12. Записная книжка, подаренная Лермонтову В.Ф. Одоевским. Л. 24. Об.25.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Ильин И.А.. Собрание сочинений. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906-1954). – М., 2001. – С. 171.
8. Герцен А.И. Собрание сочинений в 8-ми томах. – Т. 3. – М., 1975. – С. 443.

G. Gorlanov

ANTITHESIS AS A FICTION DEVICE IN THE POEM “CLIFF” WRITTEN BY M. LERMONTOV

Abstract: Antithesis is the component part of the Russian mentality. This peculiarity was subtly sensed by M. Lermontov when he used the fiction device of antithesis. A lot of his works are created on contrast. In this article a skilful application of this fiction device in the article “Cliff” is considered. Written at Lermontov’s mature creative age, this poem is notable for its high mastery of performance, logical preciseness of thought and deep penetration to the world of human feelings.

Key words: antithesis, Russian mentality, poetic character.

УДК 82-312

Золотарев И.Л.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЯХ» Н.В. ГОГОЛЯ*

Аннотация: Развивая пушкинские традиции, Н.В. Гоголь как верующий, православный писатель в своих «петербургских повестях» противопоставляет романтическому началу духовные, религиозно-нравственные идеалы. Этим он помогает героям противостоять давлению грозных иррациональных сил инобытийного мира, существующих объективно как внутри человека, так и вовне его, во Вселенной.

Ключевые слова: фантастика, инобытие, романтизм, реализм, символизм.

В русской литературе, начиная с А.С. Пушкина, появляется фантастика, характеризуемая двуплановостью, где первый, бытовой план означает мотивированность поступков и переживаний героев, а второй, духовный план – влияние на героев иррациональных, сверхъестественных сил. Развивая пушкинские традиции, Н.В. Гоголь в то же время усиливает романтические, идущие от Гофмана тенденции в области фантастического. При этом он опирается на отечественные достижения в исследовании ирреальных сил, воздействующих на сознание (В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский). Такое направление в романтизации реализма было развито и продолжено далее, вплоть до современных исследователей (Ю.В. Манн, И.В. Карташова, Р.Н. Поддубная и др.) Сформировались определенные взгляды на гоголевскую фантастику. Признаками фантастических произведений Гоголя являются отсутствие четкой границы между реальным и ирреальным, между нашим миром и поту-сторонним, странные персонажи, двойники, призраки, вампиры. Сюда же входят предметы – обманщики: необычная картина, портрет; закрытые места: комната, старый дом, уездный город и т.д. Внутренний мир героя показан в состоянии тревоги, беспокойстве души; в связи с инобытийным миром героя преследуют страхи, теряется чувство реальности, своей собственной идентичности (своего «я») и т.д.

Все эти явные и неявные признаки фантастического наблюдаются в «петербургских повестях» Н.В. Гоголя («Нос» – 1836, «Шинель» – 1842, «Портрет» – 1835, переделано в 1842). Писатель сумел создать все формы фантастического на уровне мистического ощущения.

Гоголевская фантастика становится способом интуитивного познания инобытия, ухода от рационального осмысления «тайн» природы, когда общение героев с высшими, «таинственными» существами достигается через экстаз, озарение и откровение. Фантастическое подается с помощью слухов, мифов, преданий, представляющих фольклорное сознание народа.

Усиливая в соотношении реального и «идеального» романтическое, фантастическое начало, Гоголь всегда чувствовал недостаточность реалистического метода при познании и изображении. Говоря об идеализации творчества Гоголя, И.Ф. Анненский замечает: «Нас окружают и, вероятно, составляют два мира: мир вещей и мир идей. Эти миры бесконечно далеки один от другого, в творении один только человек являет их высоко – юмористически (в философском смысле) и логически – непримиримым соединением» [1]. Анненский развивает мысль о том, что любое произведение Гоголя поражает не только стремлением к наглядности, но и передачей жизни с необыкновенной зоркостью наблюдателя. Подобно Д.С. Мережковскому, В.В. Розанову и В.Я. Брюсову, Анненский наблюдает у Гоголя изображение инобытия, но, в отличие от них, считающих Гоголя предтечей символизма, Анненский оценивает творчество Гоголя как реалистическое, однако с большой долей романтизма.

Обратимся к иерархии духовных и физических ценностей в гоголевской картине мира, внутри структуры художественных произведений. Гоголь признает, что для воссоздания фантастического в его «петербургских повестях» «Нос», «Шинель», «Портрет» понадобились новые изобразительные средства. Для показа воздействия ирреальных сил на внутренний мир героев писатель использует такие романтические

* © Золотарев И.Л.

средства, как «бесконечная ирония», оппозиция реального и «идеального», фантастика в качестве самого эффективного романтического средства познания и изображения.

«Нос»

В фантастической повести «Нос» автор с самого начала ставит перед читателем загадку: «Марта 25 числа случилось в Петербурге странное происшествие». Персонаж Иван Яковлевич, разрезая хлеб, увидел в середине нос и тут же подумал о невероятности факта: «А совсем по приметам должно быть происшествие необычное: ибо хлеб – дело печеное, а нос совсем не то». По ходу фантастических событий персонажи невероятной истории ведут себя сообразно своим характерам, при этом повествователь не забывает о несбыточности происшествия. Гоголь не комментирует пропажу носа как недоразумение, а создает впечатление реальности с помощью восприятия факта другими. Действительно, цирюльник Иван Яковлевич обнаруживает в хлебе этот злосчастный нос. Чиновник газетной экспедиции тоже удивлен крайне. Даются свидетели сверхъестественного происшествия. И читатель ставится перед дилеммой: верить или не верить? Образы Гоголя реалистичны, фантастическое же применяется для показа воздействия ирреального мира на героя – коллежского асессора Ковалева. «Тайна» возвращения носа Ковалеву подводит действие к кульминационной точке. Финал, могущий пролить свет на разгадку «тайны», не объясняет невероятного события. И писатель соглашается с героями, что ирреальные силы существуют объективно, поскольку активно вмешиваются в конкретную жизнь и судьбу.

Рассказчик удостоверяет существование двух миров – реального и ирреального, которые несовместимы, как и две сюжетные линии в этой повести. Нос как часть тела находится в одной плоскости, в своем естественном виде. Мотивация отделения носа от лица переводит ситуацию в другую плоскость. Вечно грязный – цирюльник Иван Яковлевич заставляет-таки нос Ковалева покинуть своего хозяина. Однако такой аргумент не имеет реального обоснования, воздействие ирреального мира показано романтическим изобразительным средством – фантастикой. Писатель намекает на галлюцинации персонажей, не давая причинно-следственного комментария.

В другой плоскости нос существует сам по себе, рангом повыше. «Через две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником, на нем были замшевые панталоны; при боку шпага». Увидев «важного господина», то есть свой собственный нос, в мундире статского советника, Ковалев не знает, что и подумать. Нос, который еще вчера был на лице у него, мелкого чиновника – коллежского асессора, теперь разъезжает в коляске генерала – статского советника. Гоголь ищет изобразительные средства для универсального показа подобного рода явлений. Только фантастика способна изобразить усиление необычности происшествия героя. Остается загадкой: как нос, став человеком, мог остаться носом и почему Ковалев догадался, что это именно его нос?

Используя фантастику, основанную на интуиции, Гоголь создает игру двумя сюжетными плоскостями. В начале полицейский, стоявший на Исаакиевском мосту, говорит, что принял нос за господина, затем сквозь очки он разглядел-таки его. Этот переход из бытового плана в фантастический остается неразъясненным, однако все же реальным, зримым. Романтическое противопоставление бытию реализуется Гоголем через фантастическое, то есть без всяких пояснений.

Следуя мысли Ю.В. Манна, приходим к выводу, что гоголевская поэтика «тайны», фантастического заставляет обратиться к романтическим традициям, когда говорится о странной потере человеком своей части тела, а также о том, что при этом возникают мотивы двойничества, замещения персонажа двойником. Результат таких метаморфоз рассматривается как следствие вмешательства ирреального мира. Фантастическое, накапливаемое в повести, постепенно идентифицируется с инобытием, с его иррациональной, сверхъестественной силой.

«Шинель»

Такое же фантастическое прочтение возможно и для повести «Шинель». Ю.В. Манн полагает, что эпилог в повести фан-

тастичен, констатируя факт параллелизма миров – реального и ирреального. Во-первых, для передачи событий используются слухи, которые носятся по городу, трезвоня о несчастье, происшедшем с героем Акакием Акакиевичем. Во-вторых, повествователь сообщает об этом якобы реальном факте, однако при этом не дает никакой определенности. Автор использует условное изображение при реалистической мотивировке как факт вмешательства ирреальных сил в судьбу героя. «По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какую-то украденную шинель и из-за этого сдирающего со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели на кошках, на бобрах...».

Идентификация такого «таинственного» лица, как Акакий Акакиевич, повествователем далее нигде не проводится. В повести происходит узнавание героя другим персонажем, однако «значительное лицо» находится в состоянии аффекта.

С помощью фантастики возникает ситуация, выражающая романтическое восприятие героем инобытийного. «Значительное лицо» не слышит реплики «мертвеца», хоть и видит его. Реплика озвучена внутренним, потрясенным чувством этого лица. Повествователь говорит о впечатлении, какое произвела на генерала смерть его подчиненного. Благодаря этой детали фантастика придвинута к границе реального. Такая мотивированность характерна для реалистической фантастики, видение же персонажа свойственно романтическому способу изображения. Видение вышло из предчувствий персонажа благодаря воздействию на его реальный внутренний мир другого – ирреального, «идеального» мира. В связи с этим в отношении реального и «идеального», в результате ослабления мотивации, происходит усиление «идеального», фантастика приобретает романтический характер.

Анненский считает, что фантастическая форма смягчает рассказ о случае. Слух создает непринужденную атмосферу, но чувство мистического страха, развиваясь с самого начала, обида за человека, угнетенного несправедливостью, остается. По ходу события возникает двойная градация того, как глох в герое жизненный интерес и как его прозябание оживлялось под влиянием идеала – сшитой шинели. По мнению И.Ф. Анненского, Гоголь великолепно выбрал фантастическую форму этой повести, чем открыл нового читателя, выявил новые художественные пространства.

«Портрет»

После опубликования «Шинели» Гоголь переделывает свою более раннюю повесть «Портрет» с ее атмосферой инобытия, делая фантастику этой повести более завуалированной. В новом варианте уже нет загадочного появления портрета в комнате художника Чарткова. В сновидении старик не обращается к нему с речью – увещеванием, он только считает деньги. И таких изменений немало. Усилен реально-психологический план эволюции Чарткова, еще до обнаружения гибельного действия портрета художник получает предупреждение профессора: «Смотри, брат, <...> у тебя есть талант; грешно будет, если ты его погубишь... Смотри, чтобы из тебя не вышел модный художник». Дается объяснение быстрой славе художника через визит к журналисту, статью в газете. Затем применяется завуалированная фантастика: «воздействие портрета на живого героя» [2]. В образе ростовщика на картине возникает дьявол – носитель иррациональной силы. «Художник вдруг задрожал и побледнел: на него глядело, высунувшись из-за поставленного холста, чье-то судорожно искаженное лицо. Два страшные глаза прямо вперились в него, как бы готовясь сожрать его; на устах написано было грозное повеленье молчать». Портрет является одним из признаков фантастического. С помощью фантастики Гоголь, подчеркивая реалистический план, создает атмосферу ирреального мира.

Будучи реалистом, писатель мотивирует видение; во сне герой лицезреет портрет, нацеливающий его на деньги, необходимые для жизни. Деньги обнаруживаются в тайнике, что объясняет их существование реально. Но ирреальные силы, вмешиваясь, переводят ситуацию в романтическую, придавая реальному «идеальную», романтическую окраску. «Полный отчаянья, стиснул он всею силою в руке своей сверток, употребил все усилие сделать движенье, вскрикнул – и проснулся». «Неужели

это был сон?» – сказал он, взявши себя обеими руками за голову». «Ростовщик ушел в рамку, герой заметил также, что он не лежит в постели, а стоит на ногах прямо перед портретом». Изображенный старик ожил и придвинулся к нему, как будто хотел высосать из него кровь. Фантастика снов показывает внутренний мир героя в момент воздействия на него инобытийных сил. Онирическая фантастика является неявной, завуалированной, переходящей в романтические пространства. «Так, это был тоже сон! Но сжатая рука чувствует доныне, как будто бы в ней что-то было. Биение сердца было сильно, почти страшно; тягость в груди невыносима. Он вперил глаза в щель и пристально глядел на простыню. И вот видит ясно, что простыня начинает раскрываться, как будто бы под нею барахтались руки и силились ее сбросить» [3].

Появление ростовщика, его сверхъестественные поступки нагнетают атмосферу. Автор пишет, что ростовщик отличался тем, что мог снабдить кого угодно большой суммой денег. Молва гласила, что железные сундуки его полны без счету денег, драгоценностей, бриллиантов. Но, что страннее всего, что не могло не поражать, так это то, что все, кто получал от него деньги, оканчивали жизнь несчастным образом. Было ли это людское мнение, нелепые суеверные толки или с умыслом распущенные слухи – неизвестно.

Образ ростовщика, изображенного на портрете, ассоциируется с дьявольскими силами. В этом образе было столько необыкновенного, что заставляло невольно приписать ему сверхъестественность. Гоголь, если и называет дьявола своим именем, ущемляя его права, как полагает Ю.В. Манн [4], то и не устраняет его как персонифицированного носителя фантастического. Все эти примеры свидетельствуют о возможности существования у Гоголя параллелизма миров. Фантастика служит познанию реального бытия, изображая воздействие на героев потусторонних сил. При этом, демонстрируя «бесовщину», писатель как бы предупреждает человека об опасности, призывает на помощь божественные силы. Будучи писателем православным, верующим человеком, Гоголь одухотворяет героев, придает им религиозно-нравственную окраску.

Итак, какие же признаки фантастического наблюдаются в «петербургских повестях» Н.В. Гоголя? В повести «Нос» ирреальное возникает из странности самого факта пропажи носа у героя – мелкого чиновника и возникновение его в двойнике: в виде самого генерала – статского советника. В «Шинели» пропажа одежды – единственного утешения бедного Акакия Акакиевича – подводит к еще более сильному результату: герой Акакий Акакиевич сам как бы становится призраком. По мысли И.В. Карташовой, Гоголь «доводит до предела, до какой-то высочайшей щемящей ноты тему одиночества, изоляции и беззащитности человека» [3]. В «Портрете» гибельное воздействие демонических сил на художника Чарткова осуществляется через картину, изображающую ростовщика. Во всех трех случаях у Гоголя размыта граница между реальным миром и ирреальным, существует частичная мотивация то сном, то слухами, то странностью случая, вводя реальное в романтические, инобытийные сферы.

В результате мы приходим к определенным выводам. Фантастические образы у Гоголя мотивированы психологически, в частности, смехом, но только отчасти, и в этом заключен определенный смысл фантастических произведений писателя. Гоголь нигде не превышает чувства меры. Целесообразность его реальных картин придает гармоничность художественным произведениям, фантастическое изображение инобытия способствует постановке проблем, в том числе и утверждению высшей божественной силы в религиозно-нравственном мировосприятии писателя.

К середине своего творчества Гоголь осознает демоническое уже не как зло, а как дисгармонию природы, идущую от абсурда к бытию. Однако, в отличие от «чистых» романтиков, Гоголь считает демонической не саму земную жизнь или земное существование, его языческое, чувственное начало, а разрушение естественного хода жизни. Такое противостояние иррациональных сил и духовного, конкретно-чувственного опыта мог понять, оценить и отобразить православный писатель, исповедующий реалистический метод, усиленный и обновленный глубокой религиозно-нравственной, романтической тенденцией. Именно на таком фоне фантастика как изобразительное средство была использована и развита Гоголем в его фантастических произведениях, в

том числе и в «петербургских повестях».

Реалист Гоголь – мастер фантастического. Все у него происходит на фоне реального, и постепенно невероятное, невозможное обретает свое лицо. Гоголь ничего не забывает: время, место действия, настоящее и прошлое, черное и белое. Нацеленный на будущее и глубоко проникающий в то, что писал, в стремлении придать человеку духовность, освободить его от страха, неуверенности, Гоголь в своем романтизированном мире, создаваемом с помощью новаторских средств в реализме, и ныне востребован, современен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анненский И.Ф. Художественный идеализм Гоголя // Книги отражений. –М., 1979. – С. 217.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7-ми Т. – М., 1966. – Т. 3. – С. 74-134.
3. Карташова И.В. Об одной гоголевской традиции в творчестве Ф.М. Достоевского (Тема мечтателя) // Этюды о романтизме. – Тверь, 2002. – С. 127.
4. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. – М., 1988. – С. 22.

I. Zolotarev

THE FANTASTIC IN «NOVELS OF ST.PETERSBURG» N. GOGOL'S

Abstract: Developing Pushkin's traditions N. Gogol as a faithful orthodox writer opposes spiritual religious and moral ideals to the romantic beginning in his «Novels of of St. Petersburg». In such a way he helps his characters to oppose to the pressure of the different world's threatening irrational powers existing objectively both inside a human being and outside him, in the Universe.

Key words: fantasy, romantism, realism, symbolism.

УДК 882.09

Киселева И.А.

О СВОЕОБРАЗИИ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1830-Х ГОДОВ*

Аннотация: В статье на материале русской поэзии 1830-х годов идет речь об основаниях и особенностях русского патриотизма, связанного с сопряженностью в русском этническом сознании Отчизны земной и небесной. Как ценностные доминанты русского мира рассматриваются мотивы воли, свободы, единения, самоотречения, твердости духа, которые приобретают особенную интенсивность именно в свете вечности. Делается вывод о том, что русская поэзия 1830-х годов характеризуется особым подъемом в осмыслении патриотического чувства, постижением его онтологии и значимости для духовного роста человека.

Ключевые слова: вера, дух, единство, патриотизм, родина, свобода, славяне.

Для русского человека любовь к Родине имеет в высшей степени глубокое основание, связанное как с самим образованием древнерусского государства, так и с видением духовной миссии русского государства и русского этноса. Духовный патриотизм поэзии 1830-х годов проявляется во внимании к целому комплексу мотивов, среди которых особое место занимают мотивы воли, свободы, твёрдости духа, общности и единения, проявляющиеся на уровне семьи, государства, наконец, Отечества Небесного, которое и служит своеобразным ключом к пониманию особенностей русского патриотизма.

Память Неба зримо представлена уже в лермонтовском хрестоматийном шедевре «Ангел» (1831), начальные стихи которого воссоздают полную поэзии картину: «По небу полуночи ангел летел...». Буквальный смысл текста связывает произведение с определенным временем суток – полночью. Но словосочетание «по небу полуночи» в данном стихотворении, как, впрочем, и в историко-культурной традиции имеет еще один важный смысл. Это есть обозначение

* © Киселева И.А.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08.04.00072а

не только времени, но и пространства. И недаром словосочетание это рождает неоднозначность понимания, так Д.С. Мережковский в своей знаменитой статье «М.Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества» вспоминал, что в детстве воспринимал «небо полуночи» не как время суток, а как особое небо – «луночь», синее небо в лучах луны, по которому летит ангел. Образ неба полуночи в историко-культурной традиции связан с образом России как страны Севера. В стихотворении Ф.И. Тютчева «Урания» (1820) Россия расположена «среди снегов Полунощи глубокой» [1]. Н.М. Языков, соотнося себя с А.С. Пушкиным, союз двух поэтов связывает с образом Руси как страны полуночной: «Два сына Руси православной, Два первенца полночных муз...» [2]. «Сын <ами> полночи» названы русские воины в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Поле Бородина» (1830-1831). В поэме «Измаил-бей» (1832) также «полночь» – «север дальний» является знаком родины поэта, в поэме воспоминания оказываются «Пленительней, чем голубые очи / У нежных дев ледяной полуночи...» [3], и в «Пире Асмодея» (1830(31)) Москва – это страна «полночи дальной». В контексте творчества Лермонтова ясно видится, что небо «полуночи» – это небо русской земли, а песня ангела наряду с тем, что являет собой звуки небесной Отчизны, может быть названа и песней края «полуночи». И душа младая, что ангел «в объятиях нес» – это образ души самого поэта, который, как он сам отмечал, «с русскою душой», и образ славяно-русской души как национального архетипа. Н.М. Языков сынами полночи называет и варягов в стихотворении «Песня короля Регнера» (1822). В начале XIX века, наряду с так называемой норманнской теорией, были популярны и иные гипотезы, так А.С. Пушкин в замысле трагедии «Вадим» прямо называет Рюрика славянином, вероятно, полагая, что варяги – это племя северных славян. В любом случае, славянская Русь в некотором роде выступает преемницей варяжской доблести. Н.М. Языков с большим воодушевлением, патриотическим подъемом описывает, как «бились мечами, полночи сыны». Но если у Н.М. Языкова битва заканчивается победой: «И мы победили, полночи сыны» [2: 43], то в «Поле Бородина» Лермонтова итог иной, лирический герой восклицает: «Мои товарищи, вы пали!». Битвы, как правило, славны победами. Битва при Бородино рождает особое ощущение:

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь [3, I, 233].

– пишет Лермонтов. Результат битвы под Бородино сложен для понимания, и возможен именно в духовной традиции Православия. Он заключен в словах «Господня воля», «Божья воля», которые являются смыслообразующими для стихотворения Лермонтова «Бородино (« Не будь на то Господня воля / Не отдали б Москвы»). У Н.М. Языкова победа сынов полночи реальна, она достигается не только доблестью воинов, но и их обращением к Одину и принесением ему в жертву «врага-исполина». Перед нами языческая парадигма понимания победы в ее непосредственной данности. Для русского православного миропонимания победа над исполином могла бы быть образом преодоление своеволия. В лермонтовском «Бородино» мы и видим особое отречение от *своей воли* свободолюбивых по духу воинов-богатырей:

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики... [3, I, 9].

Для героев Бородина оказывается действенной установка Молитвы Господней: «Да будет воля Твоя». Образ Молитвы Господней возникает уже в раннем стихотворении Лермонтова «Поле Бородина»: «Штыки вострили да шептали / Молитву Родины своей». Молитва Родины, образ которой возникает в лермонтовском тексте и есть именно молитва Господня, в которой Господь оборачивается к нам стороной Отечества, разрешая обращаться к нему как к Отцу («Отче наш»). Вероятность того, что под молитвой Родины в стихотворении «Поле Бородина» Лермонтов подразумевал именно «Отче наш» подкрепляется и тем, что при последующем обращении к теме в стихотворении «Бородино», при сохранении некоторых элементов более раннего текста, словосочетание «молитва Родины» исчезает, но ее функцию выполняют слова «Господняволя», «Божьяволя», являющиеся аналогом одного из прошений молитвы

Господней: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». И в «Поле Бородина», и в «Бородино» русский полагается на волю Господню. Но и воля человека присутствует в обоих стихотворениях. Отречение в православной практике от своеволия дает возможность полноты ощущения свободы. В «Поле Бородина» вольнолюбивый характер слышится в обращении лирического героя к своему товарищу:

«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы» [3, I, 233].

В «Бородино» мотив свободолюбия выражен еще определеннее в стихах:

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле! [3, I, 9].

Здесь образ воли дается как характеристика русского ландшафта и русского характера, впрочем, и в случае с первым стихотворением это же указание применимо. Ощущение героем личной воли, свободы не противоречит воле Господней, но является её исполнением. Это согласие воль, их симфония оказывается осуществимо именно в воинской службе, в службе государству, родной стране. Особо значимо, что именно для русского человека, с его «русскою душой», которая безбрежна, по словам Лермонтова, как «огромный океан», молитва Родины – это молитва Господня, призывающая свершению Божьей воли.

Вся вольность души русского человека реализуется в защите своего Отечества. Но если, например, в «Последнем сыне вольности» Лермонтова идея государства связана с утратой свободы посредством Рурика и его войска, то уже Россия как христианская Империя воспринимается поэтом как та организация, где воля человеческая должна быть подчинена воле Божьей во имя высшей идеи. И.А. Ильин рассуждал о русском характере: «Такие натуры и народы *дышат свободой*, жить без свободы не могут <...> и нужны особые обоснования и движущие силы – *религиозная вера, любовь к Отечеству,* верный государственный инстинкт, национальная опасность, пробуждающая и стимулирующая национальный инстинкт самосохранения, – чтобы в течение длительного времени выносить несвободу и мириться с ней» [4]. Мысль эту еще ранее художественно выразил Лермонтов, который всем своим творчеством утверждал, что через любовь к Отечеству, через веру русскому народу открывается высший смысл свободы – в покорности воле Божьей, в свободном безропотном ее приятии. Произнесение молитвы Господней и есть воля к воле Божьей, высшее проявление человеческой воли, которое дается через добро***вольную*** жертву отречения от «скучн<ых> пес<ен> земли», молитва Господня – явленное воспоминание о Небесной Родине человека.

И в «Поле Бородина» и особенно в «Бородино» одним из основных мотивов является мотив братства, военного товарищества. В «Поле Бородина» постоянны слова «брат», «товарищ», в «Бородино» названный мотив еще более усиливается и размыкается в историческую вертикаль: «Умремте ж под Москвой, Как наши братья умирали!». Мотив братства в военно-патриотических стихотворениях Лермонтова определяется тем, что поэт укоренен в православной традиции, молитва «Отче наш» просвечивает сквозь его поэтические шедевры. Святитель Иоанн Златоуст в толковании молитвы Господней говорит: «Господь научает нас общую творить молитву о братьях. Ибо не говорит: «Отче мой», но Отче наш и тем самым повелевает возносить молитвы за весь род человеческий...» [5]. Старший современник Лермонтова святитель Тихон Задонский полагал, что «Сим воззванием – Отче наш! – научаемся, что всем христианам един есть Отец – Бог, следовательно, они суть братья между собой, как Единого Отца имущии...» [5: 29].

Право обращаться к Богу «Отче наш» славяноросс приобретает в древнем Киеве. С Киева пошла и русская государственность. Киев – отечество славянороссов, Отечество не столько (впрочем, и не только) родовое, сколько духовное. В славянорусском сознании Киев, являясь государствообразующим для Древней Руси городом, оказывается и знаковым образом Отечества Небесного. С большой долей определенности этот мотив проявился в поэзии А.С. Хомяков, который в стихотворении «Киев» (1839) славит этот древний город – отца городов русских:

Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель! [6]

Будучи местом крещения Руси, Киев в сонме своих ассоциаций имеет образ неба на земле. Именно этот образ – неба на земле – оказывается, по преданию, определяющим для выбора славянороссами своей веры. «Мы не знали – на небе или на земле мы, передаёт летописец впечатления славянских послов от службы в Софии Константинопольской, – ибо нет на земле такого зрелища, и красоты такой, и не заем, как рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той» [7]. Этот известный аргумент в пользу принятия православия подтверждает важность для славянорусского сознания ощущения присутствия Бога в этом мире. Этот образ «рая на земле» встречается еще ранее в литургическом толковании (около 730 г.) Константинопольского патриарха св. Германа I: «Церковь – рай на земле, где Господь Небесный пребывает и повелевает» [8]. Церковь – это собрание верующих во Христе. То есть Господь «пребывает и повелевает» там, где собраны во имя Его, там, где братья. Именно для русской истории характерно то, что братство духовное и братство как союз граждан одного государства укоренены во Христе. А.С. Хомяков пишет:

Мы вокруг твоей святыни
Все с любовью собраны [6, 184],

Поэт призывает сограждан к единению, источником и движущей силой которого может дать именно духовное пробуждение отца городов русских:

Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
Сладок глас отца родного,
Зов моленья и любви.
<...>
И вокруг знамен отчизны
Потекут они толпой
К жизни духа, к духу жизни
Возрожденные тобой! [6, 184-185].

Мотив единства в русской поэзии 1830-х годов проявляется не только на уровне единства русских как граждан одной страны, но и на уровне единства всеславянского, родового. Так, например, М.Ю. Лермонтов, обращаясь к героико-патриотической тематике, также акцентирует именно мотив преемственности, сыновства. Его национальные герои – «сыны полночи», «сыны снегов, сыны славян».

В стихотворении «России» (1839), А.С. Хомяков, предвосхищая тютчевские тексты по славянскому вопросу, пишет о призвании России «хранить племен святое братство». В этом же стихотворении А.С. Хомяков воссоздает поэтический образ России, уподобляющейся небу:

О, вспомни свой удел высокий!
Былое в сердце воскреси
И в нём сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему – и, все народы,
Обняв любовию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный –
Прозрачный Вышнего покров! [6, 182].

А.С. Хомякова в стихотворении «Орел» (1832 (?)) пишет об единение славян на основе братской любви, которая служит залогом их свободы. Активной силой здесь выступает именно русское государство, обладающее вольностью и, как следствие, возможностью любви действенной:

Питай их пищей сил духовных,
Питай надеждой лучших дней
И хлад сердец единокровных
Любовью жаркою согрей! [6, 165].

«Славян полунощный орёл» обладает ответственностью старшего и поэт дает ему наказ:

О младших братьях не забудь! <...>
О, вспомни их, Орёл полночи!
Пошли им звонкий свой привет,
Да их утешит в рабской ночи
Твоей свободы яркий свет! [6, 164].

Позднее эту мысль разовьет Тютчев в знаменитом послании «Славянам» (1867), заканчивающиеся поистине смелой фразой:

И слово «Царь-Освободитель»
За русский выступит предел [1, II, 178].

Анализируя поэзию Лермонтова, И.П. Щеблыкин говорил о том, что «истинная свобода» в понимании поэта «неотде-

лима от духовной плазмы родного бытия» [9], свобода видится поэтам только в любви и единении; подобный мотив характерен для всей поэзии 1830-х годов. Понимание свободы в её полноте возможно лишь в парадигме верности Православию, утверждающем личность в ее цельности, в единстве воления и исторической памяти. Патриотизм в русской поэзии 1830-х годов приобретает особое звучание, расширяется до пределов вселенской ответственности. Эта вселенская ответственность русских поэтов чужда космополитизму, она личностна и конкретна, как обязывает ее православная антропология, а потому и окрашена в цвет славянского братства, основанного в восприятии русских поэтов на вере в «единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли». Русская поэзия 1830–х годов характеризуется особым подъемом в осмыслении патриотического чувства, осознанием его глубокой укоренности в самой человеческой природе, постижением его онтологии и значимости для духовного роста человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6 тт. – М., 2002. – Т. I. – С. 24.
2. Языков Н.М. Свободомыслящая лира: Стихотворения; поэмы; жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям. – М., 1988. – С. 7.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 тт. – М., 1957. – Т. II. – С. 243.
4. Ильин И.А. История становления государства // И.А. Ильин. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. Часть 2. – М., 1996. – С. 554.
5. Истолкование Молитвы Господней словами святых отцов. Сост. Святитель Феофан Затворник. – Минск, 2007. – С. 18.
6. Хомяков А.С. Стихотворения. – М., 2005. – С. 114.
7. Повесть временных лет. Изд. Д.С. Лихачева. – М.-Л., 1950. – Т. 1. – С. 274.
8. Герман Константинопольский. Сказание о Церкви и рассмотрении Таинств. – М., 1995. (Цит. По: Р.Ф. Тафт. Византийский церковный обряд. – СПб., 2005. – С. 19.)
9. Щеблыкин И.П.. Станицы лермонтоведения: интерпретация, анализы, полемика. – Пенза, 2003. – С. 79.

I. Kiseleva

ABOUT THE PECULIARITY PATRIOTISM IN RUSSIAN POETRY OF 1830-TH

Abstract: Based on the materials of Russian poetry of 1830-th the peculiarities of Russian patriotism, expressed in close connection of heaven and earthy homeland in Russian ethnical consciousness, are showed. As the value dominants of Russian world the motives of freedom, will, unity, self-denial are considered. Its take on special intensity in the light of eternity. The author comes to conclusion that Russian poetry of 1830-th is characterized by special increase in understanding of ontology and significance of patriotic feelings for persons` spiritual development.

Key words: faith, spirit, unity, patriotism, native land, freedom, the Slavs.

УДК 82-31

Кузина А.Н.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ПРИРОДНЫХ ОБРАЗОВ И КАРТИН В ПОВЕСТИ В.Г. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»*

Аннотация: В статье рассматриваются функции природных образов и картин в повести В.Г. Распутина «Живи и помни». Автор выявляет композиционные, психологические, символические функции природных образов и картин в раскрытии лирико-философских раздумий автора, раскрывающих нравственные и социальные стороны общенационального уклада.

Ключевые слова: повесть, природные образы, символические функции.

В.Г. Распутина отличает способность глубоко понимать материальные и духовные основы бытия, чувствовать законы естественного мироустройства, проникать в самые потаенные движения природы, ощу-

* © Кузина А.Н.

щать ее внутренние законы.

Повесть Распутина «Живи и помни» была задумана писателем как книга о любви, о прекрасной русской женщине, «какой она была и какую хочется знать не только по воспоминаниям – женщине доброй, преданной, самоотверженной, готовой к самопожертвованию»[1]. Процесс конкретизации замысла привел писателя к военной теме, к трагической истории дезертира и его жены. Однако изначальный импульс, связанный с освещением образа сердечной женщины, одной из тех, на ком держится Россия, придает сюжету особенную глубину и многозначительную широту.

Природа в повести занимает не просто значительное место, – природные образы и картины дают возможность автору обнажить важнейшие источники человеческих чувств и переживаний, заострить социальные и нравственно-философские вопросы.

Одной из форм включения природы в повествование является пейзаж.

Картины природы в начале повести вносят эмоциональное состояние тревоги: «...Крещенские морозы свое взяли, ... лес совсем помертвел, ... в жестком и ломком воздухе по утрам было трудно продохнуть» [2].

В 4-ой главе, повествующей об отъезде Андрея на фронт, пейзаж Ангары, сменяющихся картин яркого летнего дня, играет несомненную композиционно значимую роль – служит предвестием будущего дезертирства героя. Созерцание реки, бегущих мимо деревень, берегов, субъективное восприятие их как равнодушных, является одним из импульсов к изменению психологического состояния Андрея. Насильственное изъятие из мира родной деревни воспринимается им как отторжение самим естеством прежней жизни, привычного быта и всей среды, с которой он недавно пребывал в органическом единении. Ему кажется, что природный мир отказывается от него. Онтологическая связь с миром природы сменяется экзистенциальным ощущением своего одиночества, оторванности от всего и чуждости всему. Разрыв этот происходит отчасти по вине самого Андрея, вызван его обидой, злобой, слабостью. Обида активизирует в нем смещенную волевую целенаправленность – он обижается на исторгающую его из своего лона деревню, на берега Ангары, на поля и луга. С недобрым упрямством он пообещал вернуться к этим местам, бывшим даже не частью его самого, а просто им самим, составом его жизни, – вернуться во что бы то ни стало.

В 5-ой главе зимний пейзаж отражает переломный момент: морозы отпустили, в воздухе впервые запахло весной. Дело не только в психологическом параллелизме. Здесь описывается, как Настена едет в районный центр за припасами для мужа. «Мороз после давно отпустил. ...От полей, покрытых снегами, поднималась парная синь, в воздухе перед окоёмом мерещились стоячие белёсые полосы. На голых берёзах сидели молчаливые вороны и чистили перья, по-куриному оттопыривая их на сторону. Всё вокруг, пригревшись, дышало свободно и жадно. До весны ещё жить да жить. А она уже сказывалась, обещала быть» [2: 144]. Здесь всё связано с трагической ситуацией и надеждами деревни, Настены, русской истории, как она складывалась перед весной 1945 года. Героиня переживает внутренний духовный подъём, нетерпение, «желание делать что-то наперекор всем, даже себе. Хватит, насиделась курицей в курятнике – вперед, Настена!» [2: 144]. Пора такая, что даже вороны ведут себя по-куриному, а Настена осмелилась идти поперек. Весёлый березовый лес сменяет мрачный ельник, а ель в обрядовой поэзии – спутник похорон. Пейзаж елового леса выступает контрастом не только раннему весеннему пейзажу, «протиснувшемуся не в свой черед» [2: 144], но и преждевременной радости Настёны. «...С обеих сторон встал вековой ельник. Здесь было тихо и мертво – ни ветерка, ни собственного звука. <...> Лишь изредка с веток, дымя, опадал снег, да чуть подрагивали в вышине верхушки деревьев – вот и вся жизнь» [2: 145]. Конечное «вся жизнь» выступает как напоминание о неизбежной и близкой смерти.

Переходы и переплывы Настёны через Ангару на другой берег, к Андрею, символичны. Переправа через реку в фольклорных произведениях означает отказ от прежнего, шаг к новой жизни. Настёна переживает эту переправу без прежней радости, с душевной пустотой и самоосуждением: «...Вот и научилась, ты, Настёна, врать, научилась воровать...» [2: 146]. Оба пейзажа в своей созвучности служат выражением душевного состояния героини и одновременно предзнаменованием. Природа,

по Распутину, сопровождает все душевные движения человека. Она отвечает его психологическому настрою, «поддерживает» или «осуждает» поступки.

Автор раскрывает души героев в ситуациях горьких встреч, в обнажении заложенной в них, но до этих дней не реализованной ими полноты любви. Их тайные свидания наполнены нежностью, душевной близостью, особым смыслом: раскрытием друг друга, осознанием своего единства. В их сближении природа участвует не как «фон» и даже не как «лоно». Природа предстает как духовная составляющая внутреннего мира каждого из них, служит убежищем для любви, но и напоминает о земном и плотском, раскрывает и истинное положение дел: несовместимость убежища Андрея и большого, яркого, открытого и вместе с тем жестокого мира. Он вышел из зимовья «и зажмурился – так неожиданно ярко и резко ударил в глаза свет. Казалось, всё солнце, стоящее как раз над горой, скатывалось с горы сюда. Снег пыхал, искрился...» [2: 153]. Даже в самые счастливые минуты Андрея не покидает растущее беспокойство: «Андрею казалось, будто сейчас, как раз в эти минуты он по своей глупости теряет что-то важное, невозвратное...» [2: 153]. Писатель подчеркивает, что встреча с мужем принесла Настене счастье, пусть и недолгое, отмечая это событие пейзажами с радостной весенней лирической доминантой.

В зимовье происходит объяснение героев, узнавание и первое осмысление того, что случилось с ними.

Монолог Андрея передает его исповедь, признание человеческой слабости: «Сколько держался, воевал и воевал, не прятался, не хитрил, а тут нашло. ... Невмоготу стало. Дышать нечем было – до того захотелось увидеть вас. ...Думаю, приду, покажусь Настёне на глаза, покаюсь, чтоб извергом в памяти не остался, погляжу со сторонки на отца, на мать, и головой в сугроб» [2: 154]. На фронте ему пришлось испытать многое. Он повоевал и в лыжном батальоне, и в разведроте, и в гаубичной батарее. Был дважды ранен, контужен. Оказавшись в конце войны с тяжелым ранением в госпитале и поверив, что его отпустят домой, он был «оглушен» приказом отправиться в часть. Война истощила его духовные силы, а ранение подточило и физические. Он жил встречей с родными.

Андрей не идейный функционер, он органический человек, инстинктивно чувствующий тайные токи жизни, хранимые родиной, родными, природой – соборным организмом, способным возродить его: «Без этой встречи, он знал – не живать ему на свете» [2: 135]. Ему необходимо побывать дома, повиниться, попросить прощения, чтобы жить и воевать дальше.

Безусловно, Гуськов виновен. Но не только Гуськов виноват в дезертирстве, многие и перед ним виноваты: начальник госпиталя, не увидевший в нем надорванности, черствая мать, которой сердце не подсказало, что сын рядом, даже Настена, не открывшаяся отцу, свекрови, не доверившаяся и близкому ей деревенскому миру.

Автор побуждает и читателя почувствовать вину перед героем. Не только человек виноват перед историей, но и история несет ответственность перед человеком. Андреем движет любовь к родным людям, однако за опоздание из госпиталя ему грозит расстрел. Исторические процессы ломают, прежде всего, сильную, одаренную многими способностями личность. Судьба Андрея соотносима с судьбой Григория Мелехова, попавшего, как и Андрей, в жернова истории.

Как сильную, богатую личность изображает Распутин Андрея Гуськова. Картины природы раскрывают всё многообразие переживаемых героем чувств. Так, первый этап оценки своего положения героем предваряется пейзажем готовящейся к весеннему пробуждению тайги.

В конкретном пейзаже, насыщенном тонкими наблюдениями художника над малейшими изменениями в зимнем лесу, появляется нравственное и философское наполнение за счет отвлеченных существительных (смутная дума), многозначных словосочетаний (обозначилась каждая корявинка): «Тайга стояла в снегу – нагрузлом, лежалом... Она ещё не очнулась, стояла отягощённая смутной думой, но уже расправляла вверх ветки сосна, уже помякла, отзываясь на взгляд, березовая нагота и доносило терпким, смоляным исподним запахом корья. Сильные по зиме, словно единственные, белую и чёрную краски, когда и ель и осина кажутся одинаково чёрными, за недельное краснопогодье раздви-

нуло, и резче, яснее, обозначилась каждая корявинка. ... По бокам открытых колодин уже сочилось мокрецо» [2: 160].

Наступает осознание своей вины героем: «...Он разлаживался, разбаливался, постанывало запретное...раскаяние» [2: 163]. Его страдания усугубляются тем, что к зимовью стал приходить волк, привлечённый запахом мяса. Стараясь отпугнуть его, Андрей научился выть по-волчьи. В долгие зимние ночи Андрей вступал в диалог со зверем, иронизируя и издеваясь над собой.

Кульминационный центр повести – 10-я и 11-я главы, когда происходит объяснение героев, обнажение их друг перед другом. Пейзаж выполняет психологическую и обобщающе-философскую функции.

Распутин с величайшим мастерством описал природные стихии, грозную силу, таящуюся в них. Динамика воспроизведения внезапно «сорвавшейся пурги», пластические формы передают мощь и силу растворенных в земной природе гневных верховных сил: «Ветер бил ровно и сильно, без порывов, одной бешеной струей. Гудело как в трубе – мощным и длинным гудом, но и сквозь него отчетливо слышалось вторым голосом шипение несущегося снега» [2: 181]. Введение в повествование столь мощной стихийной картины призвано подчеркнуть кульминационный момент, выразить сверхнапряжение всех струн души героини.

Собираясь к Андрею в пургу, Настёна охвачена суматошной радостью и отчаянностью – ей нужно сообщить радостную весть о своей беременности. Авторское повествование создает конкретную картину природы, затем повествование перемещается к героине. Пейзаж предстает далее в субъективном ключе – увиден глазами Настёны, он носит экспрессивную окраску. Настёна идёт «в сплошном потоке мокрого месива», «ветер бил ... бешеной струёй», было светло, но «каким-то непроглядным... мелькающим светом», «различать старый санный накат становилось всё труднее» [2: 181]. Однако, выйдя на реку, Настёна спохватилась, что дорогу можно потерять. От осознания опасности радость Настёны стихает. «Она ... поначалу рванула изо всех сил и быстро запалилась, ветер сбивал дыхание, ноги вязли в снегу...» [2: 181]. Затем подключается обобщённо-философский комментарий автора: «Она стала терять дорогу, но пока находила её, и всякий раз слева; как Настёна ни упиралась, как ни правила под ветер, её сносило, скашивало вниз» [2: 181].

Она, как сказочная героиня, доверчиво ждёт помощи от природы. Психологическое состояние Настёны меняется, меняется и повествование, перемещаясь к ней: «И что потащилась в пургу, нисколько не жалела... Почему-то не верилось только в сухое тепло... Это представлялось чересчур далёким» [2: 182]. Появляются и всё более усиливаются тревожные предчувствия.

Автор использует образы-символы ветра, тумана, дороги, пурги, берегов, острова, материка. Пейзаж пурги создаёт символическую картину жизненных испытаний героини. В нём совмещаются точки зрения автора и героини. Переходы от конкретно-образных описаний природы к передаче психологического состояния героини, создание образов-символов, авторских комментариев подводят постепенно к обобщениям лирико-философского характера. Настёна готова к испытаниям, смело идёт к ним навстречу, ориентируясь вначале на известную, проторенную дорогу. Потеряв её, она прокладывает свой путь, наперекор обстоятельствам. Настёна принимает грех мужа и его и свою новую судьбу: «Если уж что, так вместе» [2: 196]. Перед нами традиционный образ русской женщины, для нее естественен выбор: идти до конца ради спасения мужа. Предать мужа Настена не может, ее решение безальтернативно. Но для нее выше сил порвать свои связи с деревней, отказаться от соучастия в социальной жизни. Эта разорванность становится истоком трагичности ее судьбы.

В повести неумолимо нарастает ощущение трагичности. Оно обнаруживает себя в мировидении героев, особенно зримых на фоне ярких картин весенней природы.

Картина пробуждающейся весенней земли контрастирует с психологическим состоянием Гуськова. Тайная встреча с отцом не прошла бесследно для Андрея. Она умиротворяет душу героя: он мысленно попросил прощения и простился с отцом. Вместе с тем это одностороннее свидание обострило осознание безвыходности, погрузило в бездну одиночества. В какой-то период герой погрузился в себя настолько, что утратил ощущение времени, но эта встреча напомнила ему и о том, что жизнь больше, чем отдельная человеческая судьба: «Он не за-

метил, как взошло солнце; на подъеме, где лес просекой разошелся по сторонам, оно ударило прямо в глаза, заставив Гуськова зажмуриться, и всё вокруг сразу пришло в движение – пока слабое, осторожное, но разгонистое. День обещал быть богатым и звонким, небо стояло открытое, чистое ...» [2: 221].

Природа в творчестве писателя не только выявляет душевное состояние героя, но и выполняет аксиологическую функцию.

Андрей пришел в поля, которые обрабатывал, и помнил, где что до войны было засеяно и сколько собрано: «Он здесь не чужой – нет. Здесь сейчас в воздухе стоит, что он нашёлся и идет мимо, – поля натянулись и замерли, узнавая его,... людей должна помнить та земля, где они жили» [2: 223]. В 13-ой главе наиболее полно воплотилась онтологическая идея цельности человека и мира, его земли. «Подступали воспоминания, которые наносило отовсюду – с полей, с межей, от старой корявой лиственницы..., от ключика, бьющего из-под ели..., даже от неба, ...но Гуськов, боясь воспоминаний, отказывался, отряхивался от них, и они, начинаясь, обрывались, опадали куда-то вниз» [2: 224]. Отчуждение от соборного мира происходит помимо его воли, памяти, стремлений, но осуществляется его душой («ножницами отрезает» себя от всего мира Раскольников). Земля, на которой он трудился, помнит его: «Поля натянулись и замерли, узнавая его» [2: 224]. Писатель подчеркивает неразрывную связь человека с соборным миром, с землей.

По мнению Распутина, суть природы духовна. В неверующем человеке есть духовное начало: Гуськов ощущает духовную сущность природного мира. Он иронизирует: «Жди, через минуту прилетит птичка и человеческим языком признается...» [2: 224]. Однако впервые именно здесь он понимает весть трагизм своего положения: «Родные места приговорили...» [2: 224]. Противоречивые чувства обуревают Андрея: тут и раскаяние, и трезвое понимание своей отчуждённости от прежней жизни, и попытка себя оправдать, и, наоборот, лишить и малейшего облегчения, и лихорадочность чувств, и полное безразличие. Душевная пытка Андрея продолжается в снах, в подсознательных ситуациях он готов принять самые изощренные формы наказания. Так выявляется глубина страдающей души. Это напоминает горячечные представления, монологи, сны Раскольникова после совершения убийства. У Гуськова появляется мысль о покаянии и надежда. Но покаяться перед людьми, пострадать ради искупления грехов, Гуськов, – поскольку он человек неверующий, – не может.

И Андрей, и Настена испытывают постепенное отчуждение от природного мира. Они не слышат подсказок природы. Увидев первый зелёный росточек, блеснувший из прошлогодней травы, Настёна подступила было к какой-то важной мысли. Но не удержала её. Тихий пейзаж в 14-ой главе философски насыщен. Он полон полутонов, негромких звуков: «День стоял светлый, но неяркий и тихий – какой-то сонный. Солнце, казалось, истончилось, догорая, его слабый свет повисал в воздухе, не доставая до земли. Где-то насвистывал бурундук, далеко на горе лаяла собака, скрипело старое дерево, но звуки эти не мешали тишине. ...Походило на то, что день специально выдался таким незаметным и укромным, чтобы без боязни всходила из темноты трава, и набухали на деревьях почки» [2: 234]. В этот день хотела Настёна признаться Михеичу, но пожалела свёкра. Символическая картина одновременного расположения на небосклоне двух светил отражает внутреннюю борьбу Настёны: «В одном небе сошлись на разных сторонах солнце и месяц; узкий и острый серпик месяца мерцал при бледном солнце со злой напористостью» [2: 236].

Распутин умеет замечать в природе едва уловимые, ощутимые на уровне тончайшего эмоционального восприятия изменения. Он обнаруживает в смене природных циклов болезненные и мрачные состояния, когда один из них стремится сохранить за собой право «топить», ввергать в бездну стремительно ускользающее время. Пейзаж зимней, «прохудившейся», Ангары в 15-ой главе, конкретный и символичный одновременно, служит психологическим параллелизмом душевному состоянию героя: «Зимняя Ангара совсем прохудилась, лёд болезненно посинел, у берегов разлились полыньи. Корявые лиственницы ... виднелись мрачными, уродливыми, словно нарочно подпорченными чьей-то недоброй прихотью. Да и везде, в любом, даже светлом берёзовом лесу – самая унылая и непроглядная пора, как известно, – промежуток между снегом и зеленью, когда человечес-

кие чувства обострены до тоски, до голода...» [2: 243]. Для героя это тяжелая пора. Он находил остатки снега. Так готовил он себя к последнему кругу, остатки снега напоминали о тающем остатке судьбы: «Это последнее, что ему суждено проводить, всё остальное останется после него» [2: 243].

Распутин открывает читателю, как от близости смерти в человеке обостряются все чувства, которые в обыденной жизни не проявляются. Гуськов начинает фиксировать глубинные процессы природных тайн. Открывшееся умение «проникать туда, куда человеку доступ закрыт» [2: 244], выявляет его внутреннюю нравственную основу, ведь в сокрытой жизни природы он выявляет поэтические стороны: «ему чудилось, что он слышит, как поёт на льду лунный свет, повторяя медленными кругами длинную и лёгкую звенящую мелодию,... он видел могучую струю Ангары, пронизанную сверху глухим зелёным сиянием льда...» [2: 243].

Создавая весенние пейзажи, писатель придает им эмоциональный тон приближающегося конца, отчаяния: «синюшный, истончённый солнцем и водой лёд», «грязные и плоские, мокрящиеся ошмётки снега» [2: 243]. Воздух кажется Андрею «голодным и жадным», «отнимающим последние силы», «сосущим и острым»; «осиянная беспредельная пустота неба» [2: 245] отражает собственную неприкаянность, а яркие лунные ночи тревожат его настолько, что становятся образом холодного, унылого «призрачно-застывшего» «того света» [2: 244].

Война закончилась. Это событие отпраздновали торжественно, собравшись всей деревенской общиной. Настёне казалось, что этот день последний, когда она может быть с людьми вместе, завтра она останется одна. Война объединяла всех общей тревогой, родством в беде. Общая победа, казалось, отделяла её от деревни.

Настёна ждёт от мирного времени иного суда, иных оценок поступкам, по-новому верит и по-новому тревожится: «Теперь, раз кончилась война, вот-вот должно что-то решиться в его судьбе, а значит, и в её судьбе тоже...» [2: 263]. Поэтому ей нужно немедленно увидеть мужа. Настёна охвачена нетерпением, победа заострила тупиковый смысл дезертирства: «...сейчас, когда во всю свою красоту раскрывается лето, когда вышла из земли трава и оплывают зеленью леса, а Ангара, выпроставшись ото льда, завораживает, затягивает своим движением и синью, сейчас, когда человеческая душа, как в никакое другое время, отзывчива и ответна, Андрей может не выдержать и что-то с собой сотворить» [2: 263]. Писатель показывает, что состояние человеческой души зависимо от живой деятельности природы. В большей степени это свойственно крестьянам, чья жизнь определялась годовым циклом. Настёна угадывает настроение природы и отчаяние мужа своим чутким сердцем. Беспокойство её нарастает, она видит недобрые сны, её мучают раздумья об Андрее. В ней нераздельно объединились два чувства: «Она любила его, жалея, и жалела любя» [2: 263]. Настёна надеется, что Андрей изменит своё решение не показываться людям. Терзают героиню и мысли о ребёнке: скоро тайна её раскроется... Её надежды, тревоги и ожидания отражены в пейзаже 17-ой главы. Возникает символический образ заходящего солнца, которое опускается в то место, где прятался от мира муж: «... солнце уже спустилось за Ангару, точно в тот западающий на горизонте прогал, где лежало Андреевское» [2: 265].

Ангарский пейзаж соотносится с двойственным положением Настёны. Она взволнована двумя чувствами: тревогой и надеждой, и Ангара разделена напополам: «Полреки было покрыто тенью, светлой ещё и лёгкой, но течение там казалось много сильней и туже, чем на освещённой половине. А на солнце вода ярко, слепя глаза, играла блёстками, словно отвлекаясь, кружась и задерживаясь в движении» [2: 265]. Жизнь Настёны оказалась разделённой тенью, как воды реки. И та часть, которая скрыта, надвигается на светлую часть, всё более и более поглощая её. А вокруг кипит радостная, вечная жизнь природы: «Часто и весело, с каким-то своим восторгом плавилась рыба. ... По берегу носились суетливые, быстрые и вертлявые, с длинными острыми хвостами птички. ... Со свистом проносились над головой Настёны стрижи. ... Тень наступала, её движение видно стало глазом, и, едва зашло солнце, протянул, словно закрывая день, и опять затих ветерок. Теперь уж вся Ангара от берега и до берега побежала сильней...» [2: 265-266]. Настёна отделена от ликования природной жизни своими дума-

ми. Хотя она видит всё, но видит несколько отстранённо, сквозь свои детские воспоминания и страхи: «Настёна с детства верила, что в темноте течение сильней, торопливей, чем на свету» [2: 266].

На реке приходят к Настёне мысли о суде – людском или Господнем. Находясь в лодке одна, Настёна испытывает чувство ненадёжности: «На середине реки, как на воздусях, видно было далеко и охватно, и всё качалось, сплывало – избы, лес, небо, пашня на горе, берег, во всём чудилась ненадёжность, подо всем – размытость и хлябь» [2: 269]. Она слышит мелодичное звучание крошечных гибнущих колокольчиков. Взгляд Настёны устремляется в небо. Пейзаж обретает более широкие горизонты, выходит за пределы земного пространства, приобретает символическое наполнение. Но успокоение не наступает. Настёна понимает, что изменить судьбу не в силах.

Встреча героев происходит в природной рамке, на поляне. Кукушка всё кукует и кукует, на полянку «оборвалась» бабочка, и долго не могла вылететь, натыкаясь на плотный кустарник. Всё в картинах природы вызывает тревогу героини. Её надежды на то, что Андрей захочет изменить свое упорное решение, не оправдались.

В картинах природы меняется эмоциональная доминанта, они становятся более печальными. Унылый пейзаж в 19-ой главе создаёт ощущение безысходности, преобладание ненастья во всём земном и надземном пространстве: «Дождь глухо, с сытым ворчанием, шумел, входя в воду: река казалась серо-стальной и тусклой. Остров казался размытым и приподнятым, будто низкая туча, грязным пятном. Размыто было и небо, а лучше сказать, его не было вовсе, оно закатилось куда-то...» [2: 280]. Настёна вспоминает, что в марте она бежала в метель здесь же. Время идет, а у неё ничего не меняется. Она по-прежнему ждёт непогоды, чтобы увидеть мужа. Её жизнь идёт по кругу, выхода из которого нет. Она так же заблудилась, как и зимой. Настёна вновь просит Андрея повиниться. И опять не удалось ей убедить мужа.

А далее начинается крестный путь Настёны (20-я глава). Обнаружив её беременность, свекровь в гневе выгнала её из дома. Её состояние передаёт описание «морошной ночи»: «Ночь была жутковатая – морошная, жутковатая, тёмная до крайней темноты... Весь день простояла плотная, злая хмурь, которая теперь, похоже, накрепла ещё сильней .... Тяжёлое небо нависло так низко, что чувствовалась его инакая, чем на земле, холодная сырость» [2: 291]. Такая же злая хмурь окружила Настёну. Никто не поддержал её в эти трудные дни. В деревне стали подозревать её в связи с мужем-дезертиром. Она всё более чувствует своё одиночество: «Всё кругом стало немило, всё казалось чужим, направленным против неё» [2: 294]. В оцепенении она не в силах что-либо решить. Настёна боится за судьбу мужа, спешит предупредить его, чтобы уходил.

Тревога усиливается в лодке: «Темно; до чего темно, беспросветно кругом! И давит, давит тяжестью с неба, и нет берегов – только вода, которая в любой момент может, не останавливаясь, разомкнуться» [2: 295]. Пейзаж выражает не только психологическое состояние героини, но и предсказывает её судьбу. Здесь углы зрения автора-повествователя и героини сливаются. Взгляд Настёны отмечает темноту, ей принадлежат слова о давящей тяжести. Далее наблюдение автора-повествователя, а может быть, оно из опыта Настены: «Ночью на воде неживой дух – дух размытого старого кладбища, когда свербит и свербит в горле повреждённой кислой затхлостью, а душа боязливо замирает в уголке, прячась от неясных подзывов...» [2: 295]. Затем слышится испуганный голос Настёны: «... и чудится, что вот-вот мелькнёт в глубине голос, скажет что-то зловеще-верное, с чем не захочется дальше и плыть» [2: 295].

В особенно драматических сценах автор-повествователь соединяется с героиней. Его голос звучит словно за кадром, то объясняя ситуацию, то пытаясь заглянуть в будущее. Таким образом создается открытая читателю драма человеческой души, непереносимой боли и отчаяния. Заметив за собой слежку, Настёна вернулась в деревню.

Автор показывает, что не умерла с победой ее тяга к людям и надежда на справедливость. С нетерпением ждет Настена сенокоса, «будто от него решалась вся ее судьба,... мерещилось ей: в сенокосные дни все и выяснится – где ей быть, с кем жить, на кого злобиться, на кого молиться» [2: 298]. Сенокос она любит как праздник, когда чувствуешь себя «просветленно», со-

знаешь себя «своей», какой была когда-то: «любила встать у края деляны, опустив литовку к земле, и первым пробным взмахом пронести ее сквозь траву, а затем махать и махать... Любила,...когда веселой, зудливой страстью загорается душа. И вот уже идешь, не помня себя, ... и, кажется, будто вонзаешься, ввинчиваешься взмах за взмахом во что-то забытое, утаенно-родное» [2: 298]. Труд на земле вместе со всеми и для всех – это источник единения с общиной и душевного прозрения. Но не суждено героине дождаться сенокоса.

Настена опять делает попытку спасти Андрея, предупредить, что за ним начали охотиться. Ночная картина природы воспринимается как своеобразная объективация душевного состояния героини: «Ночь была тихая, потёмистая, но в ровном бедном свете виделось всё же достаточно хорошо...» [2: 300]. Она испытывает стыд и перед Андреем, и перед людьми, и перед собой. Её взгляд обращается в небо, тихое, спокойное. Настёна заметила звёздочки, которые пробивались сквозь тучи. И её охватило покорное чувство: «Так, видно, надо, это она и заслужила...» [2: 301]. Она поймала себя на мысли, что думает о чём-то постороннем, о праздном: о звездах, о судьбе человеческой. И на душе отчего-то было празднично и грустно. Ночь смиряет Настёну, снимает груз её забот. И когда она услышала за собой погоню, то уходить от неё не стала: «Устала она. Знал бы кто, как она устала и как хочется отдохнуть! Не бояться, не стыдиться. ...Вот оно, наконец, желанное, заработанное мучениями счастье...» [2: 301-302]. Она заглянула в воду, «далеко-далеко изнутри шло мерцание, как из жуткой красивой сказки, – в нём струилось и трепетало небо» (1, 302). В плеске воды она услышала «десятки, сотни, тысячи колокольчиков... И сзывали те колокольчики кого-то на праздник» [2: 302]. В этой картине преобладают сказочные мотивы. Символические образы колокольного звона, неба, мерцания создают образ потустороннего мира, который может дать освобождение, волю, счастье. Так человек, переживший разрыв с онтологическим миром, ищет пути возвращения к нему. По Распутину, есть тайная связь между природным миром и душой человека. В прекрасный и страшный мир водно-небесной стихии, манящий её счастьем, уходит Настёна, одновременно спасая Андрея.

В.Г. Распутин, воссоздавая многообразный, полный жизни мир природы, соотносит его с бытовой, частной и одновременно онтологически обусловленной жизнью героев. Писатель философски осмысляет многообразие форм сосуществования природы и человека. Природа – и лоно, и помощник, и наставник и убежище, и духовная составляющая внутреннего мира человека. Герои повести не только вовлечены своей трагической ситуацией в бытие природы, они ощущают свою связь с ней, их психологическое и физическое состояние находится в непременной соотнесенности с объективным бытием природного мира. Однако онтологическая целостность человека и мира недостижима: порвав с обществом, стремясь вернуться в лоно природы, Гуськов беспомощен и нежизнеспособен. Человек в XX веке разрушает онтологическую целостность либо в силу социальных условий, либо подчиняясь субъективным устремлениям.

Писатель изображает все сезонные состояния природного мира, создаёт все типы пейзажа: реалистические, символические, от радостного, умиротворяющего, бурного – до унылого, «морошного». Характер пейзажных картин изменяется в соответствии с развитием сюжета: в них усиливается драматическое, трагическое звучание. Финальное изображение водно-небесной стихии содержит пронзительный трагизм, в нем картина в духе апокалипсиса, и чувство безмерной катастрофы соседствует с надеждой на преображение, что передают световые и звуковые образы мерцания, колокольного звона. Тем самым философское обобщение писателя наполнено жизнеутверждающим пафосом.

В повести В.Г. Распутина «Живи и помни» картины природы, пейзажные зарисовки призваны не только обозначить фон, на котором развертывается человеческая судьба. Они выполняют роль многозначных и емких символов, художнически тонко раскрывают состояние души героев, выражают лирико-философские раздумья автора, а также являются способом обобщения концептуально значимых идей, касающихся нравственных и социальных сторон общенационального уклада, исторического течения и стабильной сущности бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Распутин В.Г. Не мог не проститься с Матерой // Литературная газета. – 1977. – 16 марта. – С. 11.
2. Распутин В.Г. Живи и помни.// Собр. соч.: В 3-х т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 117.

A. Kuzina

ART FUNCTIONS OF NATURAL IMAGES AND PICTURES IN THE STORY OF CENTURY RASPUTIN'S «LIVE AND REMEMBER»

Abstract: In article functions of natural images and pictures in V. Rasputin's story «Live and remember». The author reveals composite, psychological, symbolical functions of natural images and pictures in disclosing of poetic-philosophical meditations of the author opening the moral and social parties of national way.

Key words: novel, natural images, symbolical functions.

УДК 82 (091)

Палий Е.Н.

РУССКАЯ САЛОННАЯ КУЛЬТУРА XIX ВЕКА*

Аннотация: Русский дворянский салон представлял собой сложную форму культурно-художественной жизни дворянской России первой половины XIX в., в которой соединяются серьезные, глубокие интересы с развлечением, личное с общественным, причем имеются в виду разные виды деятельности (литература, философия, музыка), но при этом каждый из видов деятельности не подавлял собой другую.

Ключевые слова: культура, ценности, философский, литературный, музыкальный, салон.

В первой половине XIX в. сопричастно культуре было только «тонкий слой образованной, мыслящей» его части. Все эти представители дворянского авангарда были создателями культурных ценностей, с ними было связано все лучшее, что заложено в России XVIII - XIX вв.

Примером столичного философского салона можно считать салон князя Владимира Федоровича Одоевского.

Научную литературу, посвященную русской салонной культуре, можно подразделить на относящуюся к периоду XIX – начала XX века и современную.

Изучение салонной культуры, как и культуры дворянства в целом, началось в середине XIX века. В этот период появился ряд книг и статей, посвящённых отдельным представителям дворянской интеллигенции хозяевам салонов. Среди таких изданий работы П.И. Бартенева [1], Н.А. Белозёрской [2], М.А. Гаррис [3], Н. Фатова [4], которые носили описательный характер, анализ салонной культуры в них отсутствовал как таковой.

В XIX – начале XX в. вышел ряд работ, посвящённых истории дворянства в целом, в которых также затрагивались те или иные аспекты дворянской салонной культуры. Тогда же появилось несколько работ по истории технического образования в России. В них можно найти сведения о месте и роли гуманитарного образования и элементах салонной дворянской культуры в программах вузов.

Первые книги, посвящённые собственно салонной культуре, выходят в 20-е гг. XX в. Перу М.О. Гершензона принадлежит ряд работ, в которых поднимаются вопросы, близкие теме данного исследования [5]. Созданные на основе богатейшего материала, эти работы отмечены превосходным знанием старомосковского быта, тонкостью психологических характеристик, написаны с художественным блеском.

Анализируя современную литературу, посвященную теме исследования, следует отметить работы Ю.М. Лотмана. В них исследователь излагает результаты теоретического изучения русской культуры вообще и культуры XVIII-XIX вв., в частности. В его работах затрагиваются и вопросы салонной культуры, которую он рассматри-

* © Палий Е.Н.

вает как выражение быта и традиций русского дворянства.

В 1980-90-е гг. в целом возрос интерес к научному изучению истории русского дворянства, истории салонов. В этой связи появляются сборники трудов: «Материалы по истории русской культуры конца XVIII – первой половины XIX века»; работа «Культура и искусство России XIX века», включающая в себя новые материалы и исследования; сборник «Литература и искусство в системе культуры», работы А.Д. Сконечной, совместный труд М.Ф. Зезиной, Л.В. Кошман, В.С. Шульгина; работа В.Н. Касаткиной, монографии «Из истории русской культуры». Все эти исследования внесли большой вклад в изучение русской культуры. Однако тематика, связанная с салонной культурой, рассматривалась здесь достаточно поверхностно, как правило, в связи с историей дворянства.

В 1990-е гг. в области изучения московских литературных салонов первой половины XIX века весьма плодотворно работала И.В. Канторович. В них автор затрагивает обширную проблематику, связанную с русской салонной культурой, а именно: типологизацию салонов, выделение провинциальных салонов и анализ их особенностей, исследование литературно-музыкальных салонов, изучение деятельности отдельных салонов – А.П. Елагиной, Е.П. Ростопчиной, И.И. Шувалова и др. Вместе с тем здесь отсутствует целостная концепция салонной культуры.

Монография известного исследователя российской культуры Н.И. Яковкиной «История русской культуры: XIX век» [6], посвящена наиболее яркому и плодотворному периоду культурной жизни России XIX века. Историю дворянского быта первой половины XIX века освещает ее другая работа «Русское дворянство первой половины XIX века: Быт и традиции» [7]. В названных работах также в связи с раскрытием быта дворянства освещается проблематика салонной культуры.

В последние годы появилось множество работ, целиком или частично посвящённых отдельным представителям русской дворянской интеллигенции, в том числе тем, кто непосредственно организовывал салоны. Авторы этих работ стремятся раскрыть специфические черты того или иного салона через личностные особенности его хозяина (хозяйки), показав взаимосвязь индивидуальности организатора салона и деятельности последнего.

Имеется ряд работ, которые раскрывают те или иные важные стороны общественно-культурной, художественной жизни России XVIII-XIX вв., однако комплексное, многоаспектное изучение деятельности салонов, их анализ как феноменов отечественной культуры с позиции традиций и наследования в современности предпринято впервые в настоящем диссертационном исследовании «Салон как феномен культуры России XIX века: традиции и современность».

В отдельную группу можно выделить труды, посвященные деятельности литературно-музыкальных салонов. Среди них работы Н.Л. Бродского, А.И. Брудного, О.В. Глаголевой, В.В. Муравьева, Б.М. Эхенбаума и др. Исследованию камерного любительского музицирования уделялось большое внимание в работах Е.Ю. Артемовой, Б.В. Асафьева, М.А. Герасимовой-Персидской, Б.В. Доброховой, Е.И. Мокряк, Д.В. Сарабьянова, Л.П. Смирнова; Е.М. Сраго, В.И. Шередеги и В.С. Турчина и др.

В той или иной мере вопросы, связанные с деятельностью литературно-музыкальных салонов, рассматривались в трудах, посвященных работе культурно-просветительских учреждений (А.И. Арнольдов, Ю.А. Стрельцов, В.Е. Триодина и пр.).

Однако в них исследуется лишь одно из направлений деятельности салонов – литературно-музыкальные салоны, авторы не анализируют само понятие салонной культуры.

Изучение салонной культуры поднимает и более общую тему, связанную с процессами культурного наследования, которая исследовалась в работах И.Г. Гердера, Ж. Маритена, Г. Риккерта, А. Тойнби, Й. Хейзинга, М. Шелера, О. Шпенглера, Э. Фромма, К. Ясперса, В.Ф. Асмуса, Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, А.И. Ильина, А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и др. Из современных авторов следует назвать работы Л.М. Баткина, В.С. Библера, М.Н. Громова, П.С. Гуревича, Ю.Н. Давыдова, И.К. Кучмаевой, А.К. Коненковой, Ю.М. Лотмана, Э.С. Маркаряна, М.А. Маслина, В.М. Межуева, В.И. Мельника, В.Р. Расторгуева, Э.Ю. Соловьева, П.С. Сорокина, В.И. Шамшурина и др.

Итак, проведенный анализ научной разработанности темы исследования показал, что салонная культура практически не изучалась как целостное культурологическое явление, отсутствуют и ее четкие определения; большинство работ построено на обобщении эмпирического материала без глубоких теоретических выводов; для многих авторов тема салонной культуры имела сопутствующий характер (например, в связи с историей дворянства или русской культуры вообще); в ряде работ дается односторонняя оценка салонной культуры (в угоду идеологическим установкам или имеющимся стереотипам; отсутствует и типологизация салонов, практически не проанализирована динамика развития салонной культуры.

Целью исследования явилось изучение средствами культурологического анализа сущностных черт, функций, динамики русской салонной культуры в период ее наивысшего расцвета в XIX веке, а также значение ее места и значения в процессах культурного наследования.

Русский дворянский салон представлял собой сложную форму культурно-художественной жизни дворянской России первой половины XIX в., в которой соединяются серьезные, глубокие интересы с развлечением, личное с общественным, причем имеются в виду разные виды деятельности (литература, философия, музыка), но при этом каждый из видов деятельности не подавлял собой другую. Личность хозяина салона как частного собственника городского дома или усадьбы, где салон функционировал, накладывала своеобразную печать на его деятельность.

В первой половине XIX в. сопричастно культуре было только, по выражению Н.Я. Эйдельмана, «тонкий слой образованной, мыслящей» его части. Все эти представители дворянского авангарда были создателями культурных ценностей, с ними было связано все лучшее, что заложено в России XVIII – XIX вв.

Любое культурологическое явление, в том числе и салонная русская культура, должно критически восприниматься и оцениваться с позиций современного культурного наследования. Нельзя не видеть следующих особенностей. Во-первых, неоднородность дворянства позволяет сделать вывод, что салонная культура связывалась лишь с просвещенным дворянством, дворянство же в целом нельзя переоценивать, преувеличивая его образованность, просвещенность.

Само салонное общество не всегда давало и верные, эстетически выверенные оценки того или иного произведения, будь то литература или музыка, живопись и пр. Салонное общество – это не общество экспертов, профессионалов в области искусства, напротив, оно, как и на Западе, было непрофессиональным.

Жеманность, утонченная спесь в обращении тоже характерная черта салонов. Если салонная культура провинции более простонародна, то аналогичная культура Петербурга достаточно эталонна в манерах и этикете.

Наблюдаемая ролевая дифференциация гостей в самом салоне могла надолго заклеймить человека как «провинциала», «шута» и пр., т.е. вела к его унизительной оценке, от которой он не мог избавиться в течение всей своей жизни.

Поэтика светского поведения опиралась, прежде всего, на умение различать ряд базовых моделей, ряд масок и ролей, каждая из которых обладала своим особым ценностным статусом («провинциал», «маргинал», «денди», «законодатель салона», «шут» и пр.). Так, над «провинциалами» посмеивались, высмеивая, в первую очередь, их манеры, скованность в поведении, одновременно было сочувствие – и даже некоторый неподдельный интерес, провинциальная наивность притягивала. Иная позиция в светском обществе – позиция «маргинала». Его высказывания резки, на грани принятой нормы, он нарочито нарушает принятые правила этикета. Этот человек мог отличаться не только манерами, принятыми в свете, но и стремлением обсуждать те темы, которые не дают «легкого» разговора, не сочетаются с приятностью общения, а потому не приняты в салонах.

Примером столичного философского салона можно считать салон князя Владимира Федоровича Одоевского [8] (1804-1869) – государственного чиновника, известного беллетриста, публициста, механика-изобретателя, композитора и музыкально-общественного деятеля, который занимался изучением церковной и народной русской музыки, увлекался физикой,

математикой, философией.

В 1826 г. В.Ф. Одоевский переехал в Санкт-Петербург. М.П. Погодин вспоминал: «С тех пор, как Одоевский начал жить в Петербурге своим хозяйством открылись у него вечера, однажды в неделю, где собирались его друзья и знакомые – литераторы, ученые, музыканты, чиновники. Это было оригинальное сборище людей разнородных, часто даже неприязненных, но почему-либо замечательных. Все они на нейтральной почве чувствовали себя совершенно свободными и относились друг к другу без всяких стеснений. Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжелый немец, барон Шиллинг, воротившийся из Сибири, и живая, миловидная гр. Ростопчина, Глинка и проф. химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий, но много знающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь явился на сцену большого света и Гоголь, встреченный Одоевским на первых порах с дружеским участием. Беспристрастная личность хозяина действовала на гостей, которые становились и добрей, и снисходительней друг к другу» [9].

В гостиной на диване, по воспоминаниям В.А. Соллогуба, «Пушкин слушал... Жуковского; графиня Ростопчина читала Лермонтову свое последнее стихотворение, Гоголь подслушивал светские речи; Глинка расспрашивал гр. Виельгорского про разрешение контрапунктных задач; Даргомыжский замышлял новую оперу и мечтал о либреттисте. Тут прибывали все начинающие и подвизающиеся в области науки и искусства – посреди их хозяин дома то прислушивался к разговору, то поощрял дебютанта, то тихим своим добросердечным голосом делал свои замечания, всегда исполненный знанья и незлобия. Таких домов мы знали четыре: Олениных, Карамзиных, Виельгорских и Одоевских» [10].

Владимир Федорович оставил после себя большое литературно-музыкальное наследие, интерес к которому существовал всегда [11].

Среди поздних, сделанных на склоне лет многочисленных заметок Владимира Федоровича, есть одна короткая запись, весьма примечательная. Он занес на бумагу ответ некоей дамы на вопрос, что есть демократ. «Трудящийся аристократ есть уже демократ», – отвечала она. Записал Одоевский этот ответ, видно, не случайно – слова дамы были о нем, аристократе-труженике; так выстроил он свою жизнь смолоду, так подсказано было самой судьбой.

«По происхождению своему князь Одоевский стоял во главе всего русского дворянства, – писал Владимир Соллогуб. – Он это знал; но в душе его не было места для кичливости – в душе его было место только для любви». Спустя несколько десятилетий то же проницательно подметил и американец Юджин Скайлер, переводчик Тургенева и Толстого, почувствовавший в «первом аристократе» России и «величайшего демократа».

Поэтому, наверное, и стезю трудящегося чиновника, избранную им не только «идейно», но и необходимо - как средство к существованию, и поприще литератора воспринимал Одоевский с горделивым достоинством – он все оставался потомком исторического рода, и ему не было нужды, как, скажем, Пушкину, с болезненным постоянством доказывать древнее свое дворянство. Пожалуй, этот особый демократизм и выделил его сразу из среды петербургских «литературных аристократов», куда он был принят как равный. Сам только встававший на ноги, он мог позволить себе не только открыто протягивать руку поддержки собратьям по перу, без чинов и различий, но и делать это с широтой и постоянством. Вот отчего, по меткому замечанию Шевырева, на диване его пересидела вся русская литература.

Так складывались знаменитые «субботы». Они вовсе не являли собой бестолковое или даже претенциозное, как казалось иным, смешение «языков»: то была продуманная, принятая раз и навсегда жизненная позиция, одна из попыток ее «овеществления». Внимательные посетители его вечеров улавливали это, и характерно, что наиболее чутко – люди следующего поколения, «сороковых».

«Субботы» Одоевского на долгие годы сделались примечательностью отнюдь не одной светской столичной жизни. Сменялись посетители салона, менялся и сам хозяин, но еженедельные его собрания все несли на себе отпечаток почти упрямого постоянства, верности «первородной» идее. Прообраз петербургских вечеров зародился –

или был сотворен – уже в московском Газетном переулке: высокий интеллектуальный накал лившихся здесь бесед, их многотемье и широта господствовавших интересов, даже причудливая, «декоративная» теснота «святилища» новоявленного Фауста. Все это перекочевало затем в столицу, приспособилось к новой жизни, пришло в окончательное соответствие с жизненными принципами.

Феномен салонной культуры принадлежит к числу тех, которые были незаслуженно вычеркнуты из культуры советского периода (опять же по идеологическим соображениям, поскольку салонная культура ассоциировалась, прежде всего, с культурой дворянства). Однако настало время подойти с позиций объективности к раскрытию этого явления.

Салонная культура зарождается в Европе и ее традиции возникают именно на почве европейской культуры. Расцвет салонной культуры происходит во Франции, где, собственно и формируются ее существенные признаки. К числу таких признаков можно отнести: особое место проведения – частный дом лица высшего круга (или лица, пользующегося особым уважением), что создавало обстановку камерности, комфортности и одновременно выходило за рамки обыденности, настраивая на высокое интеллектуальное общение. Для создания такой атмосферы использовалось буквально все: особый декор помещения, уютная мебель, предметы искусства и пр.

Следует подчеркнуть как специфический признак этой культуры и особую роль хозяина (хозяйки) салона. Как правило, это были высоко интеллектуальные, эрудированные люди, с развитым художественным вкусом, безупречными манерами, гостеприимные хозяева. Именно они определяли темы бесед, приглашали гостей – словом, делали все, чтобы в салоне было интересно.

Важен и состав гостей: это было избранное общество, стремящееся к духовному общению, любящее искусство, философию (слово «избранность» здесь более подчеркивает не социальную принадлежность к высшему кругу, а особую эстетическую предрасположенность к высокому искусству).

Нельзя не отметить и такой существенный признак салонной культуры, как занятия, то есть то, чем занимались в салонах. Безусловно, это, в первую очередь, интеллектуальное общение (обсуждение тем искусства, философии, политики). Поскольку аудитория была достаточно подготовленной, постольку и суждения, высказываемые гостями и хозяином, были весьма компетентными, профессиональными. Писатели, художники, поэты, музыканты, композиторы стремились исполнить свои произведения именно в салонах, чтобы получить компетентную оценку. И если салонная публика горячо приветствовала исполненное произведение, то можно было в дальнейшем выходить и на широкую публику.

Кроме того, много времени уделялось занятиям искусствам (можно было как слушать приглашенных певцов, музыкантов, писателей, поэтов и пр., так и самим помузицировать, спеть, поучаствовать в спектакле и пр.). Человек мог реализовать себя в искусстве, получить поддержку.

Одновременно времяпрепровождение в салоне – это и развлечение, возможность отдохнуть. Нельзя не отметить и модели игрового поведения, имевшего место в салоне (будь то использование псевдонимов, взятых из греческой мифологии, требование говорить исключительно стихами и пр.).

Наконец, еще одна существенная черта салона – использовавшиеся правила этикета, общения (они могли быть более или менее строгими в разных типах салонов).

Важен и состав гостей: это было избранное общество, стремящееся к духовному общению, любящее искусство, философию (слово «избранность» здесь более подчеркивает не социальную принадлежность к высшему кругу, а к особую эстетическую предрасположенность к высокому искусству).

Следует подчеркнуть, что не все дворянство, а лишь его самая образованная часть, была вовлечена в салонную культуру. При этом сама салонная культура служила процессам социальной и культурной идентификации дворянского сословия. Эта особенность – характерная черта именно русской салонной культуры. Отсюда ее особая роль в транслировании определенных образцов поведения, да и образа мысли.

Русский аристократ XIX века – это совершенно особый тип личности. Весь стиль его жизни, манера поведения, даже

внешний облик несли на себе отпечаток определенной культурной традиции, как правило, заложенной в салонной культуре. Так называемый bon ton состоял в органическом единстве этических и этикетных норм, сформированных в салонах. Однако именно этот элемент салонной культуры, на наш взгляд, требует существенного пересмотра. Поскольку этикетная сторона салонной культуры во многом не отвечает реалиям сегодняшнего дня. Среди оригинальных черт русской салонной культуры и такой феномен, как салонная культура усадьбы, которая превратилась в культурный центр. Она отличалась от салонной культуры высшей знати Петербурга, да и московских салонов. Следует отметить и специфику целого ряда тем, которые обсуждались в российских салонах (например, дискуссии о романтизме, которые проходили в первой трети XIX вв. или дискуссии между западниками и славянофилами, связанные с путями развития России и ее исторической миссии и пр.). Обсуждаемую тематику можно определить как сплетение, взаимодействие философии, литературы, музыки как основы салонного общения, а чуть позже сюда добавится и политика.

Таким образом, русские салоны XVIII – начала XIX века в основном можно характеризовать как дворянские по своему социальному составу. Однако уже тогда их можно было подразделять на аристократические и более демократические. Как правило, демократический салон был сориентирован на профессионалов – профессионального художника, музыканта или литератора. Иногда такое разделение выглядело условным (например, в доме князя В.Ф. Одоевского было два салона – демократический и аристократический).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бартенев П.И. И.И. Шувалов. – М., 1855; Бартенев П.И. А.П. Елагина // РА. – 1877. – Т. 2.
2. Белозерская Н.А. Княгиня Зинаида Александровна Волконская //ИВ. – 1897. – № 3. – С. 939-972.
3. Гаррис М.А. Зинаида Волконская и её время. – М., 1906.
4. Фатов Н. Любовь и смерть Д.В. Веневитинова. – Варшава, 1914.
5. Гершензон М.О. Исторические записки: (О русском обществе). – М., 1910; Гершензон М.О. История молодой России. – М., Пг., 1923; Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. – М., 1989.
6. Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век. – СПб., 2000.
7. Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX века: Быт и традиции. – СПб., 2002.
8. Он родился в 1804 году в Москве, получил образование в Благородном пансионе при Московском университете, был одним из основателей Общества любомудров, объединившего молодых философов-шеллингианцев. В 1826 году, женившись, он переезжает в Петербург, где поступает на службу в Цензурный комитет Министерства иностранных дел. В 1830-е годы Одоевский приобретает известность как беллетрист и публицист. В 1849 году он становится заместителем директора Императорской Публичной библиотеки, а также директором Румянцевского музея. В 1861 году музей был переведен в Москву, и Одоевский в начале 1862-го возвратился в древнюю столицу, где и прожил до конца своих дней.
9. Погодин М.П. Воспоминания о князе В.Ф. Одоевском. «В память о кн. В.Ф. Одоевском». – М., 1869. – С. 56.
10. Соллогуб В.А. Воспоминания о князе В.Ф. Одоевском. «В память о кн. В.Ф. Одоевском». – М., 1869. – С. 90.
11. Важным этапом его освоения стал, в частности, 1935 год, когда в серии «Литературное наследство» была опубликована большая выборка из Дневника Одоевского, отражавшая, в основном, его взгляды на общественно-политическую жизнь России. Что же касается музыкальной стороны наследия князя, то к 1940-му году была написана монография Г.Б. Бернандта, но труд, получивший отрицательную оценку рецензентов, не был опубликован. В 1952 году диссертацию на тему «В.Ф. Одоевский – музыкальный критик» защитил Б.Б. Грановский, но и эта работа, сохранившаяся в рукописи, не увидела свет. Наконец, в 1956 году был издан «оставленный Г.Б. Бернандтом том «Музыкально-литературное наследие», в котором представлены музыкально-критические статьи Одоевского, его избранные письма, фрагменты некоторых незаконченных работ.

E. Paliy

THE RUSSIAN CULTURE SALON OF THE XIX CENTURY

Abstract: The Russian nobility salon was represented by a complex form of the cultural-artistic life of the Russian nobility at the first half of the XIX century which combined se-

rious and deep interests with entertainment, personal and social matter, assuming different kinds of activities (literature, philosophy, music). None of these activities suppressed the other. The personality of the salon master as the private proprietor of the city house or an estate where the salon was functioning set a peculiar seal on its activity.

Key words: culture, values, philosophical, literary, musical, salon.

УДК 82-32

Серафимова В.Д.

В ПОИСКАХ КОНСТАНТ БЫТИЯ. «ЛАЗ», «ПРЕДТЕЧА», «ОТСТАВШИЙ» В. МАКАНИНА, «НОВЫЕ РОБИНЗОНЫ (ХРОНИКА КОНЦА XX ВЕКА)» Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ*

Аннотация: В статье на примере анализа произведений современной литературы показаны преемственность и развитие традиций русской классики: героям свойственны поиски смысла жизни, констант бытия.

Ключевые слова: преемственность, традиции, поиски смысла жизни, константы бытия.

Литературу конца XX – начала XXI в. современные литературоведы рассматривают как диалог с хаосом, абсурдом, со всех сторон обступающим человека, как диалог, целью которого является постижение алогичных законов, поиски телеологической связанности, «связи сущего» (В. Иванов), и восстановление космоса. Подчеркнем, что слово «космос» употребляется нами не в научном смысле – «пространство, простирающееся за пределами земной атмосферы» [1], а в древнем его значении – красоты, осмысленности Вселенной, как мироздания, творения, «отделения света от тьмы в день второй» (Библия. Бытие. Кн. Моисея. 1/1–10).

В осмыслении ценностных ориентиров творчества писателя мы исходим из доводов критика и литературоведа А. Бочарова: «Художественный мир может поразному корреспондировать с процессами жизни, вбирая разные ее стороны, разные сплетения, важно лишь, чтобы он обогащал наше познание существенных сторон действительности, органично вписывался в более обширные сферы и закономерности жизни» [2]. Для постижения всего спектра связей между личностью и действительностью в поисках констант бытия современные писатели прибегают к новому методу, возросшему на почве классического реализма и модернизма и обозначенному термином «постреализм» или «новый реализм» [3]. Генезис постреализма лежит в прозе А. Платонова, поэзии О. Мандельштама, М. Волошина, А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой. В их произведениях ученые вычленяют проступающие контуры нового конструктивного принципа, адекватного новой парадигме художественности: «В «Чевенгуре» и «Воронежских тетрадях», в «Поэме без героя» и «Спекторском» новая система принципов художественного освоения мира только-только начинала складываться. Но уже в них, в первых произведениях постреализма, вновь восстанавливался космос, космос из хаоса, открывающий цельность мира в его дискретности, единство и прочность – в отталкивании противоположностей, устойчивость – в самом процессе бесконечного движения. Космос, который открывался в первых произведениях постреализма, не успокаивал, но направлял сознание к пониманию происходящего и тем самым укреплял сопротивляемость человека не только казарменному единомыслию, но и духовному релятивизму» [4]. В плане поэтики реляционный подход был сформулирован Ю.М. Лотманом: «Предметом изображения являются не отдельные вещи, а система изображаемых явлений между собой и автора к их совокупности» [5].

В плане актуальности и вневремен-

* © Серафимова В.Д.

ности идей, характеристики выстраивания в анализируемых произведениях модели мира мы исходим из тезиса: «Идея художника – всегда модель, ибо она воссоздает образ действительности» [6]. Итак, произведения искусства слова, будучи, как мы отметили, моделью мира человеческой души и общества, сознательно формируются идейно-эстетическим заданием, презумпцией позиции, включают в себя философские, религиозные проблемы, явления, представления, являются сложнейшим феноменом культуры.

В современной русской литературе тесно переплетены две тенденции – ощущение абсурдности, несовершенства жизни, «убывания» человеческого в человеке, «усреднения» (В. Маканин) личности и вера в нравственные ценности, отрицание, по В. Маканину, «недоверия к разуму» [7], поиск путей приобщения к общечеловеческим вневременным ценностям, таким, как семья, дом, любовь, дети, земля, вода, хлеб, душа. Именно поисками путей приобщения к вековечным ценностям объясняется сопряжение, взаимопроникновение конкретно-социального и онтологического планов в современной прозе, введение в историософию русской судьбы конца XX–начала XXI вв. христианской традиции, ориентация на архетип Апокалипсиса, на диалог с культурным пространством (А. Солженицын – «Настенька», «Абрикосовое варенье», «Адлиг Швенкиттен», «Желябугские Выселки»; Ю. Трифонов – «Другая жизнь», «Вера и Зойка»; В. Шукшин – «Охота жить», «Мастер»; В. Крупин – «Живая вода»; В. Белов – «Никола Милостивый»; В. Распутин – «В непогоду», «Нежданно-негаданно», «В ту же землю», цикл «Отчие пределы», «Мать Ивана, дочь Ивана»; Л. Бородин – «Третья правда», «Ловушка для Адама»; Б. Екимов – «Пресвятая Дева-Богородица», «Пастушья звезда», «Продажа»; В. Маканин – «Лаз», «Ключарев и Алимушкин», «Кавказский пленный», «Предтеча»; Л. Петрушевская – «Свой круг», «Время ночь», «Новые Робинзоны (Хроника конца XX века»; В. Токарева – «Ты есть. Я есть. Он есть» и др.).

Метафоры-символы этих писателей – «лаз», «гражданин убегающий», «человек свиты», как и шукшинский вопрос «что с нами происходит?», айтматовское понятие «манкурт», астафьевское – «последний поклон», распутинские «ниточки с узелками», метафоры-символы Л. Петрушевской «свой круг», «новые Робинзоны» – стали художественным кодом времени, сюжетным языком, зафиксировавшим инверсию духовных ценностей и одновременно ориентацию на общечеловеческие нравственные нормы. На страницах произведений современных писателей (воспользуемся оксюмороном поэта Н. Рубцова) «образ прекрасного мира» сталкивается с образом «зловещего праздника бытия». Прозу этих авторов характеризует бесстрашие перед нелепым, искаженным, оправданное высшими целями «постижения, осмысления, преодоления, исцеления» [8]. Мрачные картины, вызванные неспособностью личности вырваться из рокового кругооборота, потеря человеком чувства радости бытия, безопорность, отрыв человека от корней, человеческая боль указывают писателям вечный для искусства подход к постижению мира с позиций «житейской нужды» людей [9].

Четко просматривается характерное для постреализма взаимопроникновение конкретно-социального и онтологического планов, неразрывный контакт родового, природного и космического в прозе В.С. Маканина. Отношение человека к природе, к другому человеку, спрос с себя, нравственная состоятельность в выборе поступков, жизненного пути или, напротив, «убывание» человеческого в человеке, голый расчет, цинизм, приспособленчество – вот круг наиболее общих вопросов, объединяющих Маканина с другими яркими мастерами современной прозы. Основная проблематика творчества В. Маканина – «Можно ли считать, что человек – существо, пересоздающее жизнь? Меняет человек жизнь и себя? Или это существо, которое дергается туда-сюда в своих поисках потому только, что не вполне нашло свою биологическую нишу» («Лаз»). Презумпция позиции писателя – «Надо любить людей высокой любовью» (»Предтеча»). В стилевом отношении проза Маканина характеризуется усилением лирико-субъективного начала, рефлексии в тексте, использованием разнообразных форм художественной выразительности, где так легко сопрягаются, не сливаясь, реализм и условные формы изображения, тончайшие психологические нюансы и характеры, редуцированные под-

час до социального «знака», библейский сюжет и современность. Драматизм, порой трагизм сочетаются с добродушно-юмористическим тоном повествования, с гротескной заостренностью в лепке характера человека, обрисовке реалий его быта, речей, поступков.

В. Маканин – трезвый наблюдатель жизни. Его проза отразила последствия распада традиционного русского мира, глубинный конфликт времени, разлад мечты и действительности, конформизм, терзания человека, обреченного губить то, что он больше всего любит, чтобы выжить любой ценой. Многие персонажи писателя живут в уродливом мире «аварийного поселка», бараков, жизни «скопом», «валом». Они отличаются от героев «деревенской», «городской» прозы» тем, что живут, не принимая, в основном, в расчет укоренившиеся традиции. Произведения писателя отличаются постановкой экзистенциальных вопросов, присущим писателю масштабом обобщений, чувствительностью к кризису, обращением к совести человека. Единство осмысления общественных и личностных процессов – «социальное человековедение» (И. Роднянская), характерное для творчества писателя, позволяет создать образ человека в стремительно меняющейся действительности.

Приобщение читателя к изображаемой картине все новых углов и лабиринтов социальной вселенной, тревожная «интуиция транзита» характерны для повести **«Лаз»** (1991). Повесть «Лаз» можно рассматривать как повесть-предупреждение. Она явилась откликом писателя на катастрофические сдвиги в русской жизни на рубеже 80– 90-х годов, в ней дана одна из версий человеческой судьбы в условиях духовной апатии, превращения человека в «биологическую массу». В современном литературоведении эта повесть Маканина рассматривается как «художественный код времени», как «не отдельная вещица, а заключительная глава огромного пунктирного эпического романа-хроники, объявшего необъятное быстрое течение русского полувека от дней войны до дней свободы» [10]. Создавая концепцию человека на страницах повести, прослеживая его путь, типу «разрушителя», «человека свиты», «гражданина убегающего» писатель противопоставляет тип «созидателя», человека, отвергающего «недоверие к разуму», пытающегося задействовать «ресурсы личности, растворенные в толпе» [11]. Маканинский герой обаятелен неравнодушием к миру, к участи людей, он отзывается на все, что видит и слышит, обаятелен он своим обращением к культуре, к диалогу, к Слову: «Возобновляется их разговор о Достоевском, о нежелании счастья, основанного на несчастье других, хотя бы и в малом. Сферы духа привычно смыкаются над столиком. (...) Ключарев слышит присутствие Слова. Как рыба, вновь попавшая в воду, он оживает. Душа расправилась, затрепетала, вздохнула» [12]. Целительное воздействие Слова рассматривается в маканинской повести в свете библейской заповеди – «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (От Иоанна. Святое благовествование»).

В повести «Лаз» В. Маканин использует условные формы изображения, создает условную, экспериментальную обстановку, создавая две симметричные вселенные, соединенные лишь узким проходом, лазом, (несущим явную метафорическую функцию), секрет которого знает лишь герой – сорокасемилетний «книгочей», интеллигент в «лыжной шапочке» Ключарев. В верхнем мире правит толпа, она подчинена слепому инстинкту, символизирует апокалипсического зверя, внушает страх. Толпа творит произвол, загоняет отдельного человека в стадо («Толпа затоптала парнишку»; «в толпе погибло две сотни народу»). Улицы не освещены («пустые», «вымершие»). Слышен плач ребенка. Вот какой предстает толпа в восприятии главного героя: «Лица в толпе жестки, угрюмы. Монолита нет – внутри себя толпа разная, и все это толпа, с ее непредсказуемой готовностью, с ее повышенной внушаемостью. Лица вокруг белы от гнева, от злобы. Люди теснимы, и они же – теснят». Смертельная опасность угрожает каждому, кто не с толпой, кто выделяется из массы. Герой повести Ключарев (говорящая фамилия) с риском для жизни сможет вместе с женой Олей похоронить друга Павлова. Обобщающим символом насилия над человеком, его унижения, страдания человека становится «активный вор, сидящий верхом не жертве и роющийся в ее карманах». В описании жизни наверху господствуют мрачные тона –

холод, темень, кончается вода. Люди в страхе; символом зыбкости мира становится мотив «ковчега», строительство интеллектуалами «пещер» под землей. Пещеру, вырытую Ключаревым для себя и своей семьи, обнаружат и развалят «просто назло копавшему». (Ориентация на архетип Апокалипсиса, строительство Ноева Ковчега и Вавилонской башни – «Бытие». Гл. 6,7).

Вторая данность – нижний мир, где много света, пищи, но «маловато кислорода». Здесь тоже невозможно жить; герой с трудом через постоянно суживающийся лаз («ДЫРА СТАЛА УЖЕ»; «Как стиснулась горловина лаза»), проникает сюда, томимый духовной жаждой, «повторяя тактику переползающих препятствие червей», чтобы пообщаться с товарищами по духу, взывающими, подобно лирическому герою А. Блока («Дай нам руку в непогоду!»), к культуре. В текст повести вкрапливаются реминисценции из Достоевского, парафраз Библии, отсылки к произведениям русских писателей 19, 20 века: «Ключарев слышит присутствие Слова. (...) Они говорят искренно и с болью за человеческий (такой скромный) итог. Высокие их слова неточны и звучат не убеждая, но с надеждой, что даже приблизительность искренних слов раскроет душу **(лаз в нашей душе)**»(выделено мною. – В. С.). На новом витке русской литературы В. Маканин актуализирует максиму А. Платонова: **«Все возможно, и удается все, но главное – сеять души в людях».**

Маканин описывает в повести множество бытовых подробностей, создающих в конкретном единстве образ времени. Это время безжалостно, прагматично, но отдельные люди, несмотря ни на что, стараются вести себя в соответствии с нормами морали, традиций, нравственности: купают ребенка, хоронят умершего, ищут общения с другими людьми, ищут пути к другому человеку. Стиль писателя становится сухим, характеризуется отсутствием патетических оценок, интонационного нажима. Герой пытается «задействовать ресурсы личности, растворенные в человеческой толпе», ищет возможность пробиться к человеческому сознанию, ищет слова, которые разделят толпу на людей, но толпа произносит лишь нечленораздельные звуки: «Звуки ударные и звуки врастяг, сливающиеся в единый скрежет и шорох: толпа». Тема сознания в повести является доминирующей. Маканинский герой неустанно пытается «пробиться к истине человеческого сознания» (фраза А. Платонова). Символично и то, что сын Ключарева – четырнадцатилетний Дениска, горячо любимый отцом и матерью, сильный физически – отстает в умственном развитии («Они моют сына. Когда раздели, становится особенно заметно, какой сын большой. Он (...) боится воды»). Мальчик с умственным отставанием от сверстников – важный знак, перебрасывающий мысли к сквозной теме русской литературы XX века, к теме сознания, к андреевскому рассказу «Жизнь Василия Фивейского», в котором сын священника – «безумный идиот» – олицетворяет драму сознания, не оплодотворенного мыслью. Повесть **«Лаз»**, как и повести **«Стол, покрытый сукном и с графином посередине»**, **«Долог наш путь»** (1991), как и пьеса А. Платонова **«Ноев ковчег»** (последнее произведение писателя, опубликовано в 1993), как и **«Пирамида»** (1994) Л. Леонова, как и повесть Л. Бородина **«Третья правда»**(1979, опубликована в 1981), обладает жанровыми признаками антиутопии. Это – повесть-предупреждение об опасности, продиктованное мыслью о спасении человечества. Конфликт в повести «Лаз» возникает там, где герой восстает против власти «толпы», олицетворяющей тотальный контроль над личностью. В творческом порыве Ключарев тщетно ищет слова, которые разделят толпу на людей.

Финал повести – открытый, обнадеживающий. Герой отвергает страшный сон как «недоверие к разуму». Во сне Ключарев, уснувший прямо на улице, шлет информацию через «суживающийся лаз» о том, что наступает темнота, просит свечи. Библейский образ свечи актуализирует духовные истины (От Матф., Гл.5, п.14,15). Но вместо свеч – «ответа душе» – Ключареву через лаз пересылают «палочки для слепых» («Когда наступит полная тьма, идти и идти, обстукивая палкой тротуары» [13].). Мотив слепых, мотивы «окликания», «молчания», «беззвучия» и «голосов», появившиеся в повести «Утрата», – важные смыслообразующие в мелодике прозы Маканина. В маканиноведении будет верно отмечено: «В ритмизованном художественном поле произведений Маканина есть высота и глубина мирового пространства: лейтмотивы – небо, звезды, вода, земля, свет, мрак. Это

все пространство работает в едином ритме с миром космоса. Все, что разрушает гармонию, ломает ритм, создает диссонансы, становится объектом эстетического наблюдения писателя, так как он – творец диссонирующих голосов. Диссонансы занимают писателя как строительные элементы хаоса, распада, дисгармонии в мире антиутопий» [14]. Маканинский герой хочет быть услышанным, понятым, устами героя автор отвергает вторую версию, вынесенную в проблематике повести. Человек – не «существо, которое дергается туда-сюда в своих поисках» потому только, что не вполне нашло свою «биологическую нишу». Ключарев пытается изменить жизнь к лучшему, внести доброту и внимание к человеку в мир. Сон в оценке Ключарева, когда он проснется, «ужасный... и несправедливый в своем недоверии к разуму» [15].

Обобщенным символом утверждения человеческого в человеке является встреча Ключарева с **«Добрым человеком в сумерках»**. («Он и разбудил Ключарева, этот прохожий. Средних лет, с довольно длинными волосами, свободно падающими почти до плеч»). Многозначен диалог Доброго человека с Ключаревым: « – Вставайте, – повторяет он так же утвердительно, со спокойной и терпеливой улыбкой. (...) Рука теплая, прикосновение, которое остается с Ключаревым и после. Ключарев встает. – Да, – говорит он, потягиваясь. – Как стемнело. – **Но еще не ночь**, – говорит тот человек, опять же с мягкой улыбкой, которую Ключарев не столько видит, сколько угадывает в полутьме» [16] (выделено мною. – В. С.). Облик «Доброго человека» напоминает облик Иисуса Христа, «белое домино», каким он предстает на страницах романа А. Белого «Петербург». В процитированном фрагменте обнаруживается и самоцитирование: «заросший, с седыми космами, с огромным нательным крестом человек», попавшийся «в тот день на пути» артельщикам, упросит в повести «Отставший» «злого» Федяича, мечтавшего заработать деньги на «необыкновенной глыбе малахита», не прогонять Лешку-маленького, «чуявшего золото в одиночку», ищущего «свою тропу» [17].

Метафорический язык В. Маканина несет емкую смысловую нагрузку. Оценивая вклад Маканина в современную литературу, профессор С.И. Тимина отметит влияние его прозы на формирование прин-ципиально значимых особенностей литературной эволюции: «Разнообразие маканинских сюжетов и картин, вся его поэтическая система направлены на разработку символики предупреждения (...) Оперируя богатым спектром формальных приемов, в том числе усвоив стилевые уроки постмодернизма, В. Маканин не оказывается в плену формальной новизны как таковой. Его тексты являют собой емкую, развертываемую в жизненном пространстве метафору. Форма становится самим содержанием. Интертекстуальность, мотивность и другие главные «герои» постмодернизма в поэтике Маканина всего лишь опорные точки, осуществляющие ритм движения внутри глобального метафорического пространства» [18].

Взаимопроникновение конкретно-социального и онтологического планов, контакт родового, природного и космического, характерные для прозы В. Маканина, четко просматриваются и в рассказе Л.С. Петрушевской **«Новые Робинзоны (Хроника конца XX века)»** (1989). Новая парадигма художественности, которая выстраивается в этом рассказе, как и в рассказе **«Свой круг»**, в цикле **«В садах других возможностей»**, состоит в моделировании мира как полилога современных и архаических культур. В традициях русской классической и мировой литературы отношением к ребенку, отношением к Слову и Делу судит Л.С. Петрушевская о нравственном состоянии общества (Ф. Достоевский, Д. Дефо, Л. Толстой, А. Платонов, Дж. Оруэлл, В. Распутин). Преемствуя платоновскую ориентацию на архетип Апокалипсиса, его внимание в пространстве всего творчества к библейскому образу ковчега, Петрушевская, как и Маканин, создает свою версию Апокалипсиса конца XX века [19]. Городское семейство вживается в деревенский быт, сооружает в глухом лесу землянку, чтобы жить впредь. Отец семейства уподобляется библейскому Ною, который укрылся от разрушительной стихии вместе со своей семьей, сумев остаться праведным и непорочным «среди великого развращения человеков на земле», построив по совету Бога ковчег и «взяв всякой твари по паре, мужеского пола и женского» (Бытие, Глава 6). В рассказе Л. Петрушевской «Ноев ковчег...» создается аналогичная моделированию мира ситуация. Безработица, безденежье, конфликты вынуждают бывшего

геолога покинуть город и поселиться в глухой, заброшенной деревне, в которой царят нищета и бесчеловечность. Отчаянные усилия предпринимает семья – отец, мать и дочь, от лица которой и ведется повествование, чтобы выжить, спасти при этом детей, – девочку, оставшуюся с пьяницей бабушкой, после того, как мать-наркоманка повесилась, и мальчика, грудного ребенка, подброшенного на порог их дома. На их попечении оказывается и никому не нужная пожилая деревенская женщина, которая ищет помощи у добрых людей.

В текст Петрушевской вкрапливаются и литературные реминисценции. Подобно тому, как герой Даниэля Дефо Робинзон Крузо на необитаемом острове пытался выжить, отец семейства в рассказе Петрушевской пытается «изобрести какую-то штуку», сколачивает по рисунку соху, копает огород, растит пшеницу. Семья все дальше забирается в глубь леса, строит, как и герои Маканина в повести «Лаз», «запасные дома», сначала на поверхности земли, потом и под землей (по Библии – ковчег).

В рассказе постоянно присутствует мотив бега – сквозной мотив русской литературы, при этом этот мотив, разворачивающийся в сюжете произведений, высвечивает и образы «разрушителей» (Булгаков – «Бег», Маканин – «Гражданин убегающий», Распутин – «Пожар»), и образы «созидателей», как это происходит в рассказах Петрушевской. «Бежать и бежать», – часто повторяет отец девочки, так как «тунеядцы», не вложившие ни капли труда, чтобы «взрастить зерна», грабят и уничтожают все, что посеяли и взрастили «новые Робинзоны». Финал рассказа, несмотря на весь трагизм происходящего, не носит безысходный характер. Жизнеутверждающий посыл вносят в текст размышления юной героини: «Мы живем, ждем, и там, мы знаем, кто-то живет и ждет, пока мы взрастим наши зерна и вырастет хлеб, и картофель, и новые козлята, – вот тогда они и придут. И заберут все, в том числе и меня. (...) Но нам до этого еще жить и жить. **И потом, мы ведь тоже не дремлем. Мы с отцом осваиваем новое жилище**» [20] (выделено. – В. С.). Финал рассказа – прямой парафраз Библии – «Впредь во все дни земли сеяние и жатва не прекратятся» (Бытие, глава 8, пункт 22). Автор показывает путь из сложившегося тупика – надежда на «сеятелей», на «созидателей», на «осваивающих жилище».

В проанализированных произведениях выстраивается концепция человека-демиурга, созидателя, способного к «самоосуществлению» и «смыслоосуществлению» (В. Франкл). Главный тезис В. Франкла – «Человеком движет не страх перед небытием, а стремление к реализации ценностей и смыслов, самоосуществление; (...) Смыслоосуществление обусловливает способность человека изменяться и тем самым выводит его из роли жертвы обстоятельств, люди трансцедируют себя в направлении смыслов» [21]. «Человек только тогда фигурирует как элемент порядка, когда он сам находится в состоянии максимального напряжения всех сил» [22], – подчеркнут ученые-литературоведы.

В прозе Петрушевской, как и в повести «Лаз», как и в романе «Предтеча» В. Маканина, где герой задается вопросом «**Как жить?**» [23], осмысление социальных процессов вступает в неразрывный контакт с исследованием родового, космического, с проблемами «вселенского человека». Герой романа «Предтеча» – «человек предместья», «серединный человек», завоевывающий для себя жизненное пространство (строительство собственными руками ремонтника дома, заключение – «разворовывал стройматериалы»), – на склоне лет поймет истину: «**Я учу людей любить друг друга**. Любовь, если ее растишь, делает тебя счастливым. Люди лишь временно растерялись и растлились, но скоро они поймут, как **надо любить друг друга и все живое в мире, другого пути у людей нет**» [24] (выделено мною. – В. С.).

Устами своего героя говорит сам писатель, преемствуя и развивая в новых условиях философему А. Платонова – «Необходимо понять все, (...) либо ничего нового не случится и каждый житель отойдет жить отдельно, бережно согревая в себе страшный тайник души, чтобы опять со сладострастным отчаянием впиться друг в друга и превратить земную поверхность в одинокую пустыню с последним плачущим человеком» [25].

Якушкин, герой маканинского романа «Предтеча», ищет нравственную норму, которая могла бы стать точкой отсчета – «Я учу людей любить друг друга». Не случайно и то, что присутствующий в творчестве писателя емкий, иносказательный мотив

«черной горы» («Гражданин убегающий», «Где сходилось небо с холмами») в романе «Предтеча» перерастает в мотив «белой горы». Перед смертью герой, «впавший в экстаз», видит «белую гору» [26].

Итак, ценностные центры в произведениях современных авторов, обозначенные нами в статье, позволяют говорить о жизнеустроительной функции их прозы, о преемственности и развитии традиций русской литературы. Понятие «традиция», обозначает, как обосновывается нами, не только как факт преемственности, не только в континуальном аспекте, но и в новаторстве писателя, включающего в свою творческую программу креативную деятельность человека, систему ценностных ориентиров, аксиологию. Современных писателей – В. Маканина и Л. Петрушевскую – объединяет чувство причастности к устройству счастья человека, гуманная мысль о невозможности свободы без ответственной нравственной связи с миром, с людьми.

Современная литература, как нами было прослежено на материале анализируемых произведений, не порывает с конкретным измерением человеческой судьбы в поисках смысла жизни, констант бытия, ответственности личности за свой выбор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Словарь иностранных слов. – М., 1992. – С. 315.
2. Бочаров А. В пользу глубины // Новый мир. – 1984. – С. 241.
3. См. работы: Лейдерман Н.Л. Теоретические проблемы русской литературы XX века // Русская литература XX века. Вып. 1.– Екатеренбург, 1992.; Каменский К.А. Новый реализм? Возможно ли? // Литературная газета, 1991. 7 августа; Лейдерман Наум, Липовецкий Марк. Между хаосом и космосом // Новый мир, 1991, №7.; Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир, 1993, №7.
4. Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир, 1993, №7. – С. 239.
5. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1964. – С. 36.
6. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб., 1996. – С. 46, 47.
7. Маканин В. Лаз // Новый мир, 1991, №5. – С. 133.
8. Роднянская И. Незнакомые знакомцы // Новый мир, 1986, №8. – С. 232.
9. Платонов А. Афродита // Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи / Сост. М.А. Платоновой; Вступ. статья С.Г. Семеновой; Биохроника, комментарий Н.В. Корниенко. – М., 1995. – С. 495.
10. Марченко А. Гексагональная решетка для мистера Букера // Новый мир. 1993. №9. – С. 238.)
11. Маканин В. Лаз // Новый мир, 1991, №5. – С. 130.
12. Там же. – С. 130.
13. Маканин В. Лаз. – С. 135.
14. Дмитриченко Е.В. Ритм прозы Маканина // Русская литература XX века. Школы, направления, методы творческой работы / Под ред. С.И. Тиминой. – М., 2002. – С. 557.
15. Маканин В. Лаз. – С. 133.
16. Там же. – С. 133.
17. Маканин В. Отставший // Маканин В. Долог наш путь. Повести. – М., 1999. – С. 87,88.
18. Русская литература XX века. Школы. Направления, Методы творческой работы / Под редакцией С.И. Тиминой. – М., 2002. – С. 250.
19. О внимании А. Платонова к библейскому образу ковчега см.: Малыгина Н.М. Повороты американского сюжета Андрея Платонова. Неизвестный источник пьесы Андрея Платонова «Ноев ковчег» // Октябрь, 1999. – С. 168-175.
20. Петрушевская Л. Новые Робинзоны (Хроника конца XX века)» // Новый мир, 1989, №8. – С. 172.
21. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – С. 292.
22. Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир, 1993. № 7. – С. 242.
23. Маканин В. Предтеча // Маканин В. Избранное. – М., 1987. – С. 542.
24. Маканин В. Предтеча. – С. 514.
25. Платонов А. Счастливая Москва // Новый мир, 1993. №9. – С. 39.
26. Маканин В. Предтеча. – С. 524.

V. Seraphimova

In the search for constants of reality. «Trapdoor», «Forerunner», «Left behind» by V. Makanina, «The new Robinzons» by L. Petrushevskaya

Abstract: On example of analisys of modern literature the paper shows the continuity and development of Russian classical literature: the characters search for meaning in life, constants of reality.

Key words: continuity, tradition, search for meaning in life, constants of reality.

УДК 82-32

Из неопубликованного

ДВА ВАРИАНТА ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ КОНЦОВКИ РАССКАЗА «ПРОЛЁТНЫЙ ГУСЬ»*

Комментарий Галины Шлёнской

Аннотация: В статье представлен комментарий двух вариантов концовки рассказа В. Астафьева «Пролетный гусь».

Ключевые слова: саркастическая интонация, лирико-публицистическая манера, контекст авторских раздумий.

В архиве библиотеки села Овсянка сохранилось два варианта первоначальной концовки последнего рассказа В. Астафьева «Пролётный гусь» с правками, сделанными рукой писателя. Первый из них помечен июнем 2000 года. Второй, несколько увеличившийся в объеме, – июнем-июлем этого же года.

Рассказ «Пролётный гусь» был опубликован в журнале «Новый мир» (2001. №1). Затем в авторском сборнике с тем же названием, который вышел в Иркутске (издательство Г. Сапронова) незадолго до кончины писателя. Однако в обоих изданиях предполагавшаяся концовка отсутствует. Прежде чем высказать догадки, почему Астафьев снял первоначально задуманный финал, ознакомимся с текстами обоих его вариантов.

Пролётный гусь [1]
(первый вариант концовки)

Шёл одна тысяча сорок девятый год, четвёртый послевоенный год. Великий вождь и мудрый учитель успел уже сдать свою страну и народ на милость победивших стран, подписав документ о том, чтобы в них тридцать лет не было военного бюджета. Народы этих стран очухивались от военного кошмара, приходили в себя, множились, восстанавливали себя, восстанавливали разрушенное хозяйство своё во благо, а не во вред своего населения, наш же народ, сданный живым в кабалу холодной войны, очумелый от победного хвастовства и фанаберии, надрывался в нищете, голоде, восстанавливая так называемое народное хозяйство и хлопая в ладоши мудрым вождям, ведущим его к сияющим вершинам коммунизма.

И не одна маленькая семья солдат Солодовниковых будет втянута во всепожирающую воронку холодной войны, не одну её смахнет с земли, раздавит словно мух на всесоюзном, общественном столе, много русских семей, много баб и мужиков безвестно сгинут, канут в вечность и вместе с ними погибнет русская деревня; остатки всосались трубой военной промышленности русского народа, так и не восстановивший своё поголовье, продолжат мор в дымных загазованных городах и подземных хитрушках.

Этот народ не восстановился после войны, хотя количество населения страны и росло, но росло оно за счёт азиатских и кавказских республик, где дети плодились, что тараканы, и никогда уже не восстановится и прости-прощай дорогой Данила, Мариночка и маленький Аркаша, вас никто уже не помнит и не помянет на родной земле.

И плакать, и поминать, и молиться за вас некому. Вечный вам покой, родные мои, хотя бы там, за пределами этой взболомученной, бессердечной, Бога и веру потерявшей земли, в миру называемой – российская.

Июнь 2000 года, с. Овсянка.

Пролётный гусь
(второй вариант концовки)

Шёл одна тысяча девятьсот сорок девятый год. На подгибающихся от слабости ногах, измотанный и обескровленный войною русский народ поднимал из руин и голодухи свою надсаженную страну и её обширное, на военный лад настроенное хозяйство.

И прежде не знавший нужд народа,

* © Г. Шлёнская

под ногами не чувствующий свою страну, совсем обалдевший от оглушительной славы и усыпляющей лести отец народов, подначенный вчерашними хитромудрыми союзниками, подмахнёт бумагу и сдаст свой народ и страну на милость побеждённых государств, желая их якобы унизить и обуздать, государствам этим на тридцать лет запретят иметь военный бюджет. И тут же вчерашние союзники втянут Великую страну вместе с отцом и учителем её в холодную, всепожирающую войну.

А побеждённые страны, очухиваясь от военного кошмара, быстро придут в себя, даже покаются на бумаге в содеянных злодеяниях и совсем миру невидным манером восстановят и военную промышленность, и армию, современно оснащённую, да и тряхнут новыми доспехами в стане славян и начнут прижимать к стенке Россию, которую бездонная, конца не имеющая военно-промышленная труба жадно всосёт вместе с остатками русского народа, опустошит русскую деревню и, пропустив народ через военную трубу, отправит деревенский люд на городские кладбища как отработанный хлам. Страна, подточенная войной, дураками, прохвостами и безголовыми преобразователями, однажды рухнет сама, лишь фанфаронская дурь, недымящие трубы оставив после себя, да ещё гордыню победителей и хвастливую спесь, переродившуюся в усталость и равнодушие к себе, к Родине своей, ко всему, что не подаётся в нищенски протянутую руку, поскольку сделается народ-победитель побирушкой, кусочником на мировой паперти.

И что тут маленькая семья Солодовниковых? Это пылинка, сдутая с родной земли, на которой и так не было восстановлена численность русского населения и теперь уж не восстановится никогда.

Страна, народ, как и весь живой мир земной начинался с одной былинки, с одного человека.

И если народ не умеет, не научился понимать этого и дорожить каждой былинкой, каждым человеком, его не станет, и очень скоро не станет, как не стало Данилы, Марины и Аркаши Солодовниковых, моих милых и горьких собратьев, родных по единой земле, по человеческому на ней всходу.

Июнь-июль 2000 года, с. Овсянка – Красноярск.

Как видим, по содержанию оба варианта концовки в основном совпадают, но во втором более распространено описание бедственного положения «обескровленного войной русского народа». Оно усилено и сопоставлением условий жизни граждан «побеждённых стран» и «народа-победителя», оказавшегося «побирушкой, кусочником на мировой паперти», которого в первом наброске нет.

Автор выводит читателя за рамки повествовательного времени и, сохраняя присущую ему в рассуждениях на подобную тему саркастическую интонацию, обнажает прямую во времени связь между преступлением перед своим народом «отца и учителя» и деяниями пришедших ему на смену «безголовых преобразователей», которые в недалёком будущем приведут к краху страну.

Наконец, во втором наброске звучит мысль об ответственности самого народа за свою судьбу, тоже в первоначальном наброске отсутствующая, но настойчиво повторяющаяся в астафьевской публицистике последних лет, где гневно звучит требование «опамятоваться».

Намерения таким образом завершить рассказ и по содержанию, и по форме органичны для лирико-публицистической манеры Астафьева. Поясним сказанное. Тема послевоенной судьбы народа-победителя, освободившего мир от фашизма, – одна из важных содержательных граней военной прозы Астафьева, во многом определившая остроту и полемичность её, что, следует заметить, повлекло яростные нападки критики, обвиняющей автора в искажении истории Великой Отечественной войны и клевете на собственный народ, которому он якобы отказывает в праве называться народом-победителем.

Справедливо было бы утверждать обратное: сказанное В. Астафьевым о победе и итогах войны рядом критиков оказалось искажено. Разумеется, в праве быть победителем Астафьев своему народу никогда не отказывал. В его прозе и публицистике последнего десятилетия немало страниц о том, как был встречен солдатами День Победы. Вот, к примеру, описание реакции фронтовиков на известие о Победе в фрагменте «День победы» (повесть «Так хочется жить»): «...Обалдевшие от радости люди бегали, кричали, обнимались, целовались и

хотели, но не могли придумать, что бы ещё сделать такое, чтоб высказать, выразить, вырвать то, что разрывало сердце, переполняло грудь, плескалось волнами, пластало людей долгожданной радостью, долгожданным счастьем... <...> ...Ничего нам не приснилось. Победа на самом деле пришла» [2]. А вот строки о том, что испытывает, узнав о Победе, герой рассказа «Пролётный гусь» Данила Солодовников: «Просто было радостно на душе от Победы, просто хотелось орать, плясать, всех обнимать и всякие шутки, весёлые каламбурные слова говорить» [3].

День Победы для Астафьева и его героев – день «долгожданный», «действительно выстраданный великой кровью и слезами народа нашего». Но, осмысливая итоги войны, Астафьев многократно, настойчиво и с великой болью напоминал о ЦЕНЕ ПОБЕДЫ. А точнее, о НЕДОПУСТИМОСТИ ЦЕНЫ, которой народ заплатил за неё (завалили врага трупами, залили его своей кровью), и цене, которую он продолжал платить в условиях уже мирной жизни.

В интервью, прозвучавшем по «Радио России», Астафьев снова вернулся к «подведению итогов» войны и ещё раз сделал тот же важный для него акцент: «...Перед нами усталая и по существу побеждённая страна. Побеждённая именно войной. Не в войне (я подчёркиваю), а войной, войною. И надломленное, и деформированное сознание у людей...» [4]. В этом астафьевском «я подчёркиваю», выделенном в скобках, – почти отчаяние писателя в попытке быть услышанным и понятым.

Намерение В. Астафьева завершить рассказ о мученической судьбе семьи рядовых Великой Отечественной Марины и Данилы Солодовниковых одним из вариантов приведённой выше концовки было бы для писателя, как видим, вполне логично. Выстояв в смертельной схватке с врагом, доверчиво вступая в послевоенный мир, доброжелательные к нему и открытые людям, охваченные поначалу чувствам общности своей судьбы с судьбой народа, подвижнически готовые на самый тяжкий труд и в мирное время, во имя незатейливого счастья вить собственное гнездо, астафьевские герои обречены на бездомье, гражданское сиротство и гибель в «поувеченной», «только-только перемогшей войну» стране.

Не случайна для В. Астафьева и форма публицистического монолога, которую он избрал для предполагаемой концовки. В густонаселённой прозе В. Астафьева последнего десятилетия «слово автора» часто заключает поведанные им истории жизни героев. От рассказа об индивидуальной судьбе, которая часто становится, как это мы видим и в рассказе «Пролётный гусь», историей угасания и гибели, – к обобщению, звучащему как приговор системе. Такой композиционный ход обычен в прозе Астафьева.

Почему же В. Астафьев отказался завершить рассказ так, как задумал первоначально? Рискнём сделать несколько предположений. Возможно, он сделал это из соображений лаконизма, решив не повторять уже многократно сказанное им в публицистических статьях и интервью. Возможно и другое: он хотел преодолеть открытую публицистичность в художественном тексте. На такую мысль наталкивает то, что публицистическая концовка первой части романа «Прокляты и убиты», которая была сохранена и в первой книжной публикации романа [5], в окончательном тексте [6] была тоже снята. Но мы можем допустить и то, что В. Астафьев, принимающий судьбу каждого героя «взаболь» и обладающий даром обжечь болью чужой судьбы читателя, хотел оставить его, своего читателя, наедине с пережитым потрясением и переложить на него груз обобщения.

Возможно, ни одно из сделанных предположений не верно. Но знакомство с приведёнными здесь вариантами концовки, не включёнными автором в окончательный текст, проясняет контекст авторских раздумий, на фоне которых развивался сюжет рассказа, в котором пролилась так долго сдерживаемая в нашей литературе «слеза несбывшихся надежд», и определяет место его в астафьевской прозе.

Астафьев завершил рассказ одной только строкой – первой и общей для обоих вариантов строкой предполагавшейся концовки. Он отделил её от текста рассказа, завершающегося самоубийством героини, похоронившей сына и мужа, пробелом и фактически выделил в отдельную главку: «Шёл тысяча девятьсот сорок девятый год». Как будто только информативная, эта строка несёт в себе глубокий обличительный смысл: с окончания войны прошёл срок, по

времени равный войне, но именно его оказалось достаточно, чтобы, выстояв в чудовищной бойне с врагом, её рядовые Марина и Данила Солодовниковы погибли. Солдат, защитивший в кровопролитной схватке с фашизмом достоинство своего отечества, не отстоял однако в ней права на достойное человеческое существование ни для себя, ни для своей семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Библиотека-музей В.П. Астафьева. Ф. 2, оп. 1, д. 44, 45.
2. Астафьев, В.П. День победы: из повести «Так хочется жить» / В.П. Астафьев // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. – Красноярск, 1998. – Т. 13. – С. 460.
3. Астафьев, В.П. Пролётный гусь: рассказы, затеси, воспоминания / В.П. Астафьев. – Иркутск, 2001. – С. 9.
4. Астафьев, В.П. Война. Современный фашизм. Преступность. Литература: [интервью писателя для радиостанции «Радио России»] / В.П. Астафьев // День и ночь. 2002. №7-8. – С. 3.
5. Астафьев, В.П. Чёртова яма. Первая книга романа «Прокляты и убиты» / В.П. Астафьев // Астафьев В.П. Проза войны: в 2 т. – Иркутск, 1993. – Т. 1. – С. 568-569.
6. Астафьев, В.П. Собр. соч.: в 15 т. / В.П. Астафьев. – Красноярск, 1997. – Т. 10. – С. 298.

G. Shlenskaya

TWO VARIANTS OF ENDING OF «GOOSE OF PASSAGE»

Abstract: The author of the paper gives comments to two variants of ending of «Goose of passage».

Key words: sarcastic intonation, lyric-publicistic manner, context of author's thoughts.

УДК 82-1

Шмелёва А.В.

А.С. ПУШКИН И СЛАВЯНОФИЛЫ. О ВЛИЯНИИ ПОЭТА НА ТВОРЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РАННИХ СЛАВЯНОФИЛОВ*

Аннотация: Творческое общение А.С. Пушкина и литераторов его круга, в котором видное место занимали ранние славянофилы, послужило выработке принципов народности и самобытности русской литературы и в целом определило вектор развития русской общественной мысли. Историческая трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» дала мощный импульс для оценки прошлого и настоящего, пробудила интерес к философии истории у современников. Обращение к историческому прошлому Отечества, к национальным идеалам литераторов пушкинского поколения оказало влияние на оформление православно-славянского мировоззрения ранних славянофилов. Идеализация ими культурно-исторической базы (веры, обычаев, искусства...) русского народа трансформировалось у них в своеобразную программу всеобщего просвещения, резко противопоставленную европейскому индивидуализму и рационализму, и первые драматические опыты под непосредственным воздействием Пушкина определили приоритеты идейно-эстетических установок славянофилов, их философско-исторические убеждения и литературную позицию.

Ключевые слова: летопись, история, философия, Смута, драматургия, общество, национальное самосознание, национальное самоопределение, национальный характер, мировоззрение, славянофильство, святоотеческое наследие, средневековье и др.

«Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу...» – так начертал пушкинский летописец Пимен завещание-наставление последующим поколениям, так выводил сам автор в своей гениальной исторической трагедии ана-

* © Шмелева А.В.

При финансовой поддержке РГНФ, грант № 08–04–00072а.

томию русской Смуты с ее историческими уроками. «Борис Годунов» Пушкина замкнул на себе великую историософию классицизма с ее лучшими образцами, слегка потускневшими лишь с появлением пушкинского творения. Речь идет прежде всего о разработке темы Смуты в блестящем XVIII столетии и первом десятилетии века XIX-го (определяющее место здесь по праву принадлежит трагедиям А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» и М.М. Хераскова «Освобожденная Москва» (1798), исторической пьесе Г.Р. Державина «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806), пьесе М.В. Крюковского «Пожарский» (1807), «отечественной драме» С.Н. Глинки «Минин» (1809), пьесе А.А. Шаховского «Иван Сусанин» (1815) и др.). Шедевр Пушкина размыкает русскую романтическую трагедию и определяет вектор для развития будущей русской исторической драматургии в целом, что действительно даст мощный творческий потенциал для художественных поисков М.Е. Лобанова, Е.Ф. Розена, М.П. Погодина, Н.В. Кукольника, Н.А. Полевого, Н.А. Чаева, А.В. Сухово-Кобылина, Л.А. Мея, А.Ф. Федотова, Н. Бицына, А.Н. Островского, А.Н. Толстого и др. Но главное – пушкинское слово консолидирует всех мыслящих представителей российского общества на предмет обоснования национального самосознания. И решающее положение здесь приобретает разработка исторической темы ранних славянофилов А.С. Хомякова, И.С. и К.С. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских. Ф.И. Тютчев, близкий славянофильским кругам не только России, вслед за Пушкиным, развивает в своем творчестве идею славянского самосознания.

На середину 1820-х годов приходится расцвет русской исторической драматургии, он был обусловлен героическими страницами истории Отечества (наполеоновскими войнами, Отечественной войной 1812 года, и связанном с этим – ростом национального самосознания). Интерес к родному прошлому активизировал литераторов к общественно-политическим и историософским темам, к осмыслению национально-исторической идентификации, к национальному самоопределению. В это время укрепляется общественное значение театра, и заслуга в открытии нового арсенала театрального искусства принадлежала Пушкину.

По прибытии в родовое имение Михайловское в августе 1824 года начинается новый этап творчества Пушкина, связанный с его самоопределением как русского национального поэта. И самоопределение это будет очерчено тремя гениальными произведениями, обозначившими в ту пору для русской словесности духовное осмысление творчества и миссии творца, это «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), историческая трагедия «Борис Годунов» (1825) и «Пророк» (1826).

Текст трагедии, как известно, был написан с ноября 1824-го по ноябрь 1825 года (дата белового автографа – 7 ноября 1825 года), поводом послужило чтение «Истории Государства Российского» известного писателя-сентименталиста Н.М. Карамзина [1]. Материалы для своей «Истории...» Карамзин собирал с 1804 года. Последние X и XI тома «Истории...» содержали повествование о Смутном времени. Пушкин прочёл и загорелся новым освещением русской истории, окрашенной национальной самобытностью; он писал, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». К началу 1820 года первые тома исторического труда Карамзина уже были переведены во Франции, Германии, Италии. Успех этот объяснялся не столько традициями французской школы романтической историографии, приверженцем которой был Карамзин, сколько сочетанием художественного метода с летописной русской традицией, потому Пушкин вполне обоснованно называет Карамзина «первым историком» и «последним летописцем», а его труд – «подвигом честного человека». Пушкин довольно хорошо знал семью Карамзиных, он доверял Карамзину-историку, но при этом имел собственную позицию поэта-историософа.

Пребывая в Михайловском, зачитываясь тогда последними томами карамзинской «Истории...» и общаясь с братией Святогорского монастыря, Пушкин вдохновляется самым загадочным временем русского государства. Михайловское с его окрестностями хранило печать тех далёких лет. Воображение питали и подлинные летописи, профессиональный интерес к которым в обществе возникает еще в XVIII веке, Пушкин увлечен чтением их в библиотеке Святогорского монастыря [2]. В летописях

упоминается городище Воронич (на пути в Тригорское), через которое проходили когда-то войска Самозванца. Сама атмосфера этого русского селенья влекла поэтическую мысль в глубины истории, а старый монастырский собор, построенный в эпоху одного из «могущих Иоаннов», Иоанна IV Васильевича, был немолчным свидетелем тех далеких лет, словно летописью в камне. Но в памяти всплывали и картины детства, когда семья Пушкиных каждое лето с 1805 по 1810 годы, а также с мая по октябрь и зиму 1808-1809 годов гостила в купленном в 1804 году (после продажи поместья Кобрино) М.А. Ганнибал сельца Захарова Звенигородского уезда. По воскресным и праздничным дням семья Пушкиных посещала Преображенскую церковь (строение боялина Бориса Годунова), что в соседней усадьбе Больших Вязём, принадлежавших в ту пору генерал-лейтенанту князю Б.В. Голицыну, и была её почетными прихожанами. В ограде этой церкви был похоронен в июле 1807 года Николай Пушкин, брат Пушкина.

Уже тогда, в бабушкиной подмосковной, юный Пушкин окунулся в атмосферу народных преданий о давно минувших временах. Впервые в русских хрониках Вязёмы обозначились как перевалочный пункт (Гоголев стан) для послов, ездивших по Можайской дороге в Первопрестольную на переговоры, затем с 1590 года они сделались вотчиной боялина Бориса Годунова, будущего Самодержца, позже – это место развлечений первого Самозванца, ещё чуть позже – стоянка Марины Мнишек. После пережитого Смутного времени Вязёмы сделались дворцовой вотчиной первых Царей из Дома Романовых, а в конце XVII столетия были пожалованы князю Б.А. Голицыну, воспитателю Императора Петра I Алексеевича, и с тех пор стали принадлежать этому роду. Ко времени посещения Пушкиными Вязёмской церкви, стены её сохранили надписи на польском языке, сделанные клевретами Самозванца. Захаровские окрестности с их непростой судьбой явились прообразом местопребывания Самозванца в одной из сцен трагедии «Борис Годунов», а само расположение Вязём на пути, соединяющем Москву и польско-литовские земли, обращает к сцене «Корчма на Литовской границе». В Михайловском Пушкин «стряхивает святую пыль истории», проникая своим воображением в двухсотлетнюю давность, он проводит аналогии современной ему действительности со Смутным временем, когда решалась судьба Отечества, он высвечивает анатомию русской Смуты и политические авантюры заговорщиков. «Борис Годунов» был написан в преддверии декабря 1825 года, свою мировоззренческую позицию относительно тех событий Пушкин отразит более явственно в записке «О народном воспитании» 1826 года, поданной Императору Николаю I Павловичу. Но ещё в письме к В.А. Жуковскому от 20 января 1826 года он недвусмысленно признался, что к заговору не принадлежал и «с возмутителями 14 декабря связей политических не имел».

Написанную им историческую трагедию с полным правом можно считать провиденциальным словом поэта. Пушкин окрестил «Бориса Годунова» своим «любимым детищем». Это было и неким актом исторического покаяния за грехи предков, выступивших на стороне самозванцев, хотя позже и приложивших руки на грамоте об избрании на царство юного Михаила Романова. В Набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин назвал источники своего труда: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться – не знаю, – по крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны». В этом предполагавшемся Предисловии автор называет и причины, по которым не мог отдать в печать весь текст «Бориса Годунова». Произведение было новаторским в отечественной драматургии, это была первая русская реалистическая (с элементами романтизма) драма. Сохранилось черновое письмо к Н.Н. Раевскому (мл.) от июля 1825 года (оригинал на фр. яз.), в котором автор приоткрывает завесу своих дум и творческого делания: так, он отмечал, что «И классики и романтики основывали свои правила на правдоподобии,

а между тем именно оно-то и исключается самой природой драматического произведения», «Правдоподобие положений и правдивость диалога – вот истинное правило трагедии», «Вы спросите меня: а ваша трагедия – трагедия характеров или нравов? Я избрал наиболее лёгкий род, но попытался соединить и то, и другое. Я пишу и размышляю. Бóльшая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену – такой способ работы для меня совершенно нов. Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить». Пушкин опасался и недоброжелательных отзывов о его «любимом детище», он был равнодушен к «неуспеху» любого его сочинения, но... – не к «Борису Годунову»! В письме князю П.А. Вяземскому от 13 июля 1825 года Пушкин сообщал о первоначальном названии своего сочинения: «Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать её заглавия: *Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о Ц<аре> Борисе и о Гришке Отр<епьеве>, – писал раб Божий Алекс<андр> сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Ворониче*. Каково?» Название свидетельствовало о том, что произведение не умещалось в псевдоклассические кодексы, эта стилизация под русское летописание вновь, вслед за Карамзиным, обращало современников к национальной самобытности и русскому самосознанию.

Еще до выхода полного текста «Бориса Годунова» из печати, его знал довольно широкий круг приближенных автора. Первым слушателем трагедии стал лицейский товарищ Пушкина князь А.М. Горчаков. Он мог поставить себе в заслугу, как писала о том впоследствии его дочь, что посоветовал молодому драматургу «усовершенствовать сцену Пимена с Григорием» [3]. Пушкин в начале сентября 1826 года приехал в Москву и не раз читал свою трагедию в «кругу избранных» [4]. На первых чтениях в московской квартире С.А. Соболевского 10 и 12 сентября 1826 года присутствовал И.В. Киреевский. Это он в 1829 и 1831 годах напишет важные для литературной критики разборы «Бориса Годунова», в частности обратив внимание на исторические параллели в русской истории.

В доме четвероюродного брата Пушкина поэта Д.В. Веневитинова «Бориса Годунова» с немалым интересом слушали уже основатели будущего ядра славянофилов братья И.В. и П.В. Киреевские, Ф.С. Хомяков и его брат А.С. Хомяков, М.П. Погодин и другие. Хозяин дома Веневитинов, вокруг которого и объединились пылкие романтики-шеллингианцы, создав «Общество Любомудрия», 1823-1825 (куда из будущих славянофилов вошли также А.И. Кошелев, Н.М. Рожалин, В.П. Титов и др.). Это им Пушкин посоветовал издавать ежемесячный журнал, который в скором времени появился под названием «Московский Вестник», цель его организаторов сводилась к созданию в России научной эстетической критики. Именно с этих позиций Веневитинов будет разбирать «Бориса Годунова», эта статья станет венцом молодой жизни талантливого юноши-поэта. А в тот день, 12 октября 1826 года, Пушкин будет просить А.С. Хомякова прочитать написанную им трагедию «Ермак». 13 октября там же состоялось чтение «Ермака». Это не было соперничеством. Новаторство Пушкина неоспоримо. В своих набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин не раз отметит лиризм хомяковского текста. Это было, как писал М. Загорский, противостояние шекспировского и шиллеровского методов на материале русской истории [5]. Патриотический пафос трагедии Хомякова отвечал вкусам тогдашней публики. Однако Пушкин не случайно настаивал на чтении «Ермака» сразу по прочтении «Бориса Годунова». Слушатели не могли не уловить мотив, пронизывающий эти два текста, мотив, роднящий их, – мотив совести. Обнажена совесть Царя Бориса, страждет душа Ермака Тимофеевича. Внутренняя готовность к покаянию, продиктованная ответственностью перед историей, определяет духовную составляющую земной жизни; а пророческий сон послушника Григория и сон-откровение Ермака восходят к мистическому символу средневековой бинарной картины мира.

Для Хомякова, в отличие от Пушкина, характерно свободное использование исторических фактов, при этом христианские православные установки доминируют в сознании драматургов. Этот своеобразный диалог не мог не отразиться на формировании мировоззрения и исторического сознания Хомякова. В последующие годы были публикации отдельных сцен траге-

дии Пушкина в «Московском Вестнике» (в 1827 году), «Северных Цветах» (в 1828 году), «Деннице» (в 1830 году). Если время создания текста «Бориса Годунова» провиденциально предваряло позор русского воинства на Сенатской площади, то время публикации выбранных автором сцен и всего текста (1830/1831 годы) совпадало с еще одними политическими потрясениями. Это война 1828-1829 годов и так называемое Польское восстание.

Поэтизируя героическую эпоху 1812 года, Пушкин-лицеист уже тогда словно предварял вопрос, волнующий его в михайловский период, вопрос о создании подлинно народного произведения. С «Песни о Вещем Олеге», напечатанной в 1822 году в «Северных Цветах», он вводит национальный колорит в свои художественные полотна. Образ князя Олега Пушкин осмысливает как знаковый для русской земли. Уже с первых строк «Песни...» заявлена поэтом его историческая заслуга: Олег «отмстил неразумным хазарам» за их опустошительные набеги. Хазарский каганат, угрожавший целостности и самобытности образовывающихся в консолидированное государство славянских племен, пал под воинском мечом Олеговой дружины. Пушкин передает сказание, в котором говорится о бесславной гибели воина-князя от своего боевого коня. Поэт рисует встречу князя со старцем кудесником, который и пророчит князю его будущее. Эта встреча символична. «Вдохновенный кудесник» словно символ языческой Руси, но и Руси на пороге своего духовного обновления. Всю песнь пронизывает цареградский мотив, христианский. Со своей дружиной Олег едет по полю в «цареградской броне», он воевал в самой столице Византийской империи (907), прибил на ее царских вратах свой ратный щит. Русско-Византийская история знает о бесстрашии и воинской доблести князей-русичей, история сохранила не один Договор славян с греками, Договор Олега с греками (911) вошел в историю как первый официальный документ дипломатических отношений. Кудесник видит «незримого хранителя» Олега, этот «незримый хранитель» ведет князя, а вместе с ним и весь славянский народ к христианству. Но гибнет князь-язычник в преддверии духовного обновления Руси. Тризна, которую совершает дружина по «могучему Олегу» вместе с князем Игорем и княгиней Ольгой переходит в пир: «Дружина пирует у брега», «поминая минувшие дни и битвы». Образ пира символичен. Не плач, но пир в основании русской христианской государственности. Символика пира будет развита Пушкиным и в «Борисе Годунове», когда избранный всенародно Царь призывает всех, от нищего слепца до знатного вельможи, на пир. Это всесословное единение в духе и есть русская соборность.

В 1829 году Русско-турецкая война была завершена подписанием Андрианопольского мира, Пушкин не замедлил откликнуться на, как тогда считали, его преждевременное решение. В пламенных строках того времени вновь возникает знакомый образ князя Олега, сквозь прошлое Пушкин зрит настоящее. В стихотворении «Олегов щит», напечатанном в «Северных Цветах на 1830 год», поэт проводит ретроспективную историческую аналогию, он затрагивает мистический аспект исторических судеб мира:

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На Цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой,
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

И.С. Аксаков, пламенный и страстный славянофил, в своей знаменитой Речи при открытии памятника поэту в Москве 8 июня 1880 года, вспомнил эти строки поэта. Тогда, в 1829 году, русское общество и сам император были вдохновлены заветной мечтой предков – увидеть Крест на Святой Софии! Аксаков не мог не отразить того огромного влияния, какое имело слово Пушкина в сердцах русских людей: «Да, Пушкин был живой русский, исторически чувствовавший человек. Историческое чувство, историческое сознание!.. Да ведь это значит – уважение к своей земле, призна-

ние прав своего народа на самобытную историческую жизнь и органическое развитие; постоянная память о том, что пред нами не мертвый материал, из которого можно лепить какие угодно фигуры, а живой организм, великий, своеобразный, могучий народ русский, с его тысячелетней историей!». В начале октября 1829 года Ф.И. Тютчев откликнулся на результат, достигнутый в ходе подписания Андрианопольского договора между Россией и Турцией (2 сентября 1829 года), обеспечивший Греции автономию по отношению к Турции, стихотворением «Императору Николаю I» (перевод с немецкого), в котором русский дипломат видел богоизбранность победоносного русского войска и святости самого дела, основная роль в котором принадлежала русскому царю: «Стамбул исходит –/ Константинополь воскресает вновь...». Будущие славянофилы были воодушевлены героическими событиями и воинской доблестью русской армии, что отразилось в их патриотической лирике и публицистических статьях разного времени.

С началом войны А.С. Хомяков, надев офицерские эполеты, в звании штаб-ротмистра Белорусского гусарского Принца Оранского полка вторично поступает на военную службу, в должности адъютанта генерала В.Г. Мадатова. Он участвует в осаде крепости Шумла. Дважды ранен. Как инженер-изобретатель, создает дальнобойное оружие. К окончанию военной кампании Хомяков имеет два ордена (св. Анны в петлице, св. Анны с бантом и св. Владимира 4-й степени). С 1830-х годов его поэзия усиливает славянофильскую концепцию – это вера в Россию и ее миссию, в торжество русской правды, пробуждение «дремлющего Востока». Стихотворение «Орел» (1832?), по воспоминаниям П.И. Бартенева, вызвало мощный общественный резонанс не только в России, но и в славянских землях. О Хомякове заговорили как о поэте, призывающем к объединению «окованных братьев» славян («Высоко ты гнездо поставил, / Славян полунощных орел» – «О младших братьях не забудь!»). Затем последуют стихотворения «Ключ», «Россия», «Исповедь» и др. Именно в «Исповеди» («Не говорите – «То былое, / То старина, то грех отцов, / А наше племя молодое / Не знает старых тех грехов»...», 1844) возникнет мотив ответственности поколений перед судом истории за прошлое и настоящее, в частности, «За клевету на Годунова, / За смерть и стыд его детей...». Слово Пушкина живет в сознании, его историческая трагедия вовсе не осуждение Бориса Годунова, напротив, как бы поэт ни придерживался версии Карамзина, получилось иначе!

В начале 1839 года разворачивается литературно-публицистическая деятельность Хомякова, разработка его идеи соборности, которая лежит в глубинах исторической трагедии Пушкина. Однако Хомяков личным опытом пытается дознаться до глубин православной религиозности. Он изучает святоотеческое наследие и выводит на основе прочитанного метод изучения и познания действительности.

В историческом прошлом славянофилы черпают идеи духовного единства и государственной мудрости. Они стремятся восполнить этот вакуум, о котором еще в 1822 году писал Пушкин: «Россия слишком мало известна русским». Пушкинские «Исторические заметки по русской истории XVIII века» определили вектор историософских доктрин славянофилов. Пожалуй, мощным фактором, положившим рубеж в общественных умонастроениях, стал Польский вопрос, вызванный восстанием в Царстве Польском. Судьба русско-польских отношений всегда интересовала Пушкина. В его центральном произведении, в «Борисе Годунове» четко улавливалась военно-политическая история экспансии Польши против России. Позиция Пушкина статична. За действиями Польши он видит властную руку Ватикана и его прелатов, уже внедрившихся в славянские земли с известной пропагандой ценностей. Поэт пушкинской плеяды, разработчик партизанской войны, Д.В. Давыдов, не колеблясь, отбыл с частями русской армии для погашения мятежа и водворения порядка. Но если славянофилы после этих событий недвусмысленно противопоставят Запад России, где Польша станет яблоком раздора в славянской семье, то Тютчев сделает попытку осмыслить положение Польши. «Как дочь родную на закланье...» – так будет сперва, а после... – «наш Иуда». Славянофилы в этом вопросе оказались последовательны, они шли вслед за Пушкиным. Окатоличенная польская аристократия покушалась на исторические русские земли Белой Руси и Малороссии [6]. Были памятны недавние военные собы-

тия 1812 года, когда карательный отряд в армии Наполеона составили исключительно поляки. «Раскаявшийся» Ф.В. Булгарин словно искупал свою вину перед православной Россией, служа в жандармерии. Пушкин был убежден: «спор славян между собою» необходимо преодолеть без посредничества западных держав.

Весной 1832 года Хомяков завершает работу над исторической трагедией «Димитрий Самозванец». Этот замысел родился во время чтения Пушкиным еще в 1826 году «Бориса Годунова» и был подогрет польскими событиями. Однако в драматическом произведении Хомякова, дерзновенно отважившемуся на полемику с Пушкиным в области драматургии и раскрытия «духа жизни», уже содержится концепция его понимания русской истории, специфики русского национального характера. Пушкин своим русским чутьем смог пробудить в русском обществе интерес к судьбе земли родной. «Да ведают потомки православных...» – это прямое обращение в будущее. Путем личного духовного опыта, преодоления жизненных коллизий Пушкин шел к осмыслению философии истории. Со второй половины 1820-х годов Пушкин-государственник, Пушкин-геополитик последовательно выражал национальные интересы, и славянофилы пушкинское слово начертали на своих знаменах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Второе издание в одиннадцати томах сочинения Н.М. Карамзина выходило в 1818-1824 годах при содействии петербургского книгопродавца И.В. Слёнина. 12-й том, над которым историк работал в 1825 году, вышел в 1829 году под редакцией товарища министра народного просвещения графа Д.Н. Блудова, которому историограф завещал это предприятие.
2. Городецкий Б.П. Драматургия А.С. Пушкина. – М.-Л., 1953. – С. 179-186.
3. Пушкин глазами князя А.М. Горчакова (Неизвестные воспоминания). Публикация, вступительная заметка и комментарии Е.Л. Уколовой и В.С. Уколова // Московский пушкинист, 1995. – I. – С. 199-203.
4. Известны чтения 10 и 12 сентября 1826 года на квартире в Москве у известного библиофила и библиографа С.А. Соболевского, в середине сентября состоялось чтение в литературно-музыкальном салоне княгини З.А. Волконской, 29 сентября у князя П.А. Вяземского, 12 октября в доме Д.В. Веневитинова, 29 октября в доме Е.А. Баратынского; весной 1828 года чтения продолжились в Петербурге, 11 мая у А.А. Перовского (псевд. Антоний Погорельский), 16 мая на вечере у французского эмигранта И.С. Лавали.
5. Загорский М. Полемические заметки // Театр, 1940. – № 7. – С. 148.
6. См.: Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях. 1831-1862. – М., 1873.

A. Shmeleva

A. PUSHKIN AND THE SLAVOPHIL. THE ASPECT OF THE POET'S INFLUECE ON THE EARLY SLAVOPHIL'S CRETATIVE SELF-DEFINITION

Abstract: Among Pushkin's contemporaries were outstanding representatives of the early Slavophil's movement. Their relations with Pushkin were of great importance and assisted in the development of the historic and national principles. In general these relations defined the historic development of Russian public thought. Pushkin's historic tragedy "Boris Godunov" was like a powerful impulse for the contemporaries to think about Russia's past and present and to form an interest to the philosophy of history. Pushkin's generation realizing the history of Russia and national ideals greatly influenced on the Slavophil's and formed an orthodox philosophy. The Slavophil's based on the cultural and historic backgrounds of Russia and created a specific programme of national enlightenment which was strictly opposed to the European individualism and rationalism. The early Slavophil formed their aesthetic, philosophical and literary position under the Pushkin's influence.

Key words: annals, history, philosophy, Distemper, dramatic art, society, national consciousness, national self-determination, national character, outlook, Slavophil's movement, the Middle Ages, etc.

Публикации аспирантов

УДК 82.091

Кислякова О.А.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ПОЛЕВОГО*

Аннотация: Николай Полевой художественными средствами исторической прозы проводит параллели в истории двух великих империй – Византийской и Российской. Писатель находит подтверждение генеральной линии своей исторической теории – мысли о едином, универсальном потоке истории.

Ключевые слова: историческая проза, Россия, универсализм, империя.

Николай Полевой стал первым русским писателем, который попытался обстоятельно разработать византийскую тему. Произведение «Иоанн Цимисхий. Быль X века» было написано им в 1838-1841 гг., в сложный период жизни писателя. В это время Полевой жил в Петербурге. Под давлением жизненных обстоятельств он сближается с Булгариным и Гречем и начинает сотрудничать в их изданиях – «Сын отечества» и «Северная пчела». Но это положение очень тяготила Полевого, поскольку писатель-романтик, искренне веривший в возможность «высшего» существования, попадает в тяжелую жизненную ситуацию – не имея постоянного дохода и возможности погасить долги (которые к концу 1830-х годов выросли до 80-ти тысяч рублей), он был вынужден вступать в чуть ли не ежедневные компромиссы с жизнью, жертвуя при этом своими романтическими идеалами. Все это очень сильно отразились на душевном состоянии писателя. Тем не менее, Николай Полевой продолжает и в это непростое для него время разработку новых аспектов в изображении исторической действительности, ищет и находит оригинальные темы для литературного творчества. Так, подлинной художественной находкой для писателя стала византийская тема. Начало было положено еще в 1835 году произведением «Пир Святослава Игоревича, князя Киевского», в котором, по сути, необыкновенно живо представлена встреча двух цивилизаций – древней византийской в лице Калокира, посла императора Никифора, и молодой славянской в лице киевского князя Святослава (греческий вариант – Свендослава, или Сфендослава) Игоревича. Калокир, прибывший в Киев с особой миссией побудить славянского князя к выступлению против Болгарии, невольно становится свидетелем межэтнического спора «о том, кто... могучее другого?». Состоялось своеобразное соревнование между печенежским, норманнским и славянским богатырями, в ходе которого проявились типичные (с точки зрения Н. Полевого) черты представителей различных народов, сплетенных в едином этническом процессе, из которого позднее возник русский народ.

В этой первой византийской легенде Николая Полевого отчетливо прозвучала художественно выраженная мысль о воспреемстве византийской духовности русской нарождающейся идеей и о грядущем могуществе русского государства, основанного на синтезе греческого православного и русского языческого элементов, когда «...Господь просветит скифские народы... в будущих веках здешние варварские страны... образуют такое царство, которое коснется Востока и Запада. Оно будет непобедимо» [1].

Заслуживает отдельного внимания мысль о том, что в рассматриваемом произведении воплотилась идея романтиков о вдохновляющей силе искусства: песня Велеса о ратных подвигах князя Олега (Вещего Олега) столь мощно подействовала на князя Игоря, что зревшее в глубине его души желание пойти «воевать» болгар бурно выплеснулось в боевой призыв: «И попустим ли мы щедушному булгару надругаться над нашею честью? – восклицал Святослав. – Три дня вы видите меня пе-

* © Кислякова О.А.

чального и мрачного – не о матери я горюю, но о той вести, которую я получил из Переяславца. Знаем ли, что храбрые наши товарищи, оставшиеся на Дунае, одолены, побиты булгарами; что царь булгарский ищет союза с уграми и с греками; и не боится уже нас, думает, что навсегда унесли нас в леса наши и пустыни волны Эвксинские? За товарищей ли не отомстим? ... Но – кровь за кровь, по русскому обычаю!» [2].

Тем не менее, надо признать, что в первом художественном опыте, посвященном византийской теме, внимание автора было главным образом сосредоточено на раскрытии особенностей славянских, варяжских, печенежских характеров, на психологию воинского духа в его национальных особенностях, византийская же тема была обозначена лишь вскользь, несколькими штрихами. Наиболее же полно интерес Полевого-историка и Полевого-писателя к истории Византии проявился в масштабном произведении «Иоанн Цимисхий. Быль X века».

Эта византийская легенда Николая Полевого издавалась только дважды: первый раз при жизни писателя – в 1841 году отдельной книгой, и второй раз в 1990 году в сборнике «Н.А. Полевой. Избранная историческая проза».

В 1820 году был опубликован первый русский перевод (с греческого) «Истории» византийского историка X века Льва Диакона, выполненный Д. Поповым. Эта книга, безусловно, входила в круг научного изучения историка Николая Полевого, более того, из нее непосредственно он почерпнул византийские сюжеты, в частности, достаточно подробное, хотя и краткое, изложение дворцового переворота, в ходе которого был предательски убит император Никифор и на трон взошел Иоанн I по прозвищу Цимисхий. Весьма продуктивной представляется попытка сопоставления изначального материала, событийной канвы, изложенной в хронике Льва Диакона, с тем литературным полотном, которое вышло из-под пера Полевого в результате творческой переработки в художественном сознании автора.

Необходимо отметить, что «История» Льва Диакона уже сама по себе, как уникальное историческое произведение с несомненными художественными достоинствами, безусловно, привлекла внимание романтика Полевого: здесь есть масса волнующих эпизодов с участием титанических личностей, роковой ролью обстоятельств, коварством, местью, стремительностью взлетов и падений императоров и полководцев. «История» написана ярким, образным языком; некоторые образчики мы здесь приведем: «они оцепенели от ужаса...», «скиталец презренный...», «он, охваченный варварским бешенством и безумием.....», «бурные порывы гибельных ветров...», «стремительной, грозной лавиной понеслись на врагов....» и т.д. Подобная экспрессивность изложения исторических событий, яркая метафоричность стиля византийского хрониста были близки Полевому, соответствовали его собственным эстетическим воззрениям.

Интересен и близок был писателю и мировоззренческий постулат Льва Диакона о гегемонии рока, судьбы – в пятой книге «Истории» мы, например, читаем: «Небольшой толчок может поколебать судьбу человека; она, я бы сказал, висит на тонкой нити и часто обращается в противоположное». И далее: «Ведь провидение, презирающее грубый и заносчивый дух человека, укрощает его, подавляет, обращает в ничто и непостижимыми, ему одному известными судьбами направляет челн нашей жизни к полезному» [3].

Посмотрим, как лаконичные (хотя и достаточно эмоциональные) строки византийского историка оживают под одухотворяющим влиянием художественного таланта. Описывая ночь дворцового переворота десятого декабря 969 года, средневековый историк роняет лишь несколько слов: «Часы показывали уже пятый час ночи, леденящий северный ветер волновал воздушную среду; падал густой снег» [4]. В произведении Полевого эта ночь описана красочно и метафорично: «Торжественный пир природы шумел и гремел над Царьградом – буря, каких мало могли запомнить даже старики, жители царьградские, возмущала небо и землю, и море; волны Эвксина мчались в Эгейское море, встречались с волнами моря Эгейского, сшибались в страшном разбеге, разлетались подоблачными брызгами и опеняли берега; вихрь срывал крыши домов, ломал деревья, разбивал лодки и корабли; снег взвивался клубами и, как будто сквозь сито, просевался на землю сквозь облака» [5]. Мы видим, что Полевой не пожалел красок для описания

разбушевавшейся стихии, вкладывая в это описание символический смысл бурных человеческих страстей и предстоящих событий (злодейское убийство императора и торжество Иоанна, завладевшего троном). Доводя драматизм изображения до предела, художник тем самым наводит читателя на мысль о невыносимом внутреннем напряжении, о титанической силе духа героев, осмелившихся бросить вызов судьбе и берущих на себя ответственность не только за свой выбор, но и за предстоящую кару.

Византийская тема явственно звучит и в романе «Клятва при гробе Господнем», и связана она с образом митрополита Исидора, весьма незаурядного человека, грека по происхождению, приехавшего на Русь из Византии, получившего сан митрополита и назначенного на русскую кафедру. Исидор был, выражаясь современным языком, прозападно настроен, вел переписку с гуманистами.

Деятельность церковных иерархов Руси с самого начала ее христианизации носила отчетливо политический характер. Митрополиты, а позднее патриархи, активно участвовали в междукняжеской борьбе, в процессах консолидации российских земель перед внешней угрозой.

В русской исторической науке первой трети XIX века шла интенсивная дискуссия о месте России в мировом потоке времени: включена ли она целиком в этот поток и проходит те же этапы развития, что и другие европейские государства или, напротив, путь ее исключительно самобытен и отличен от других. Эта полемика нашла свое отражение и в исторической беллетристике.

Николай Полевой – историк, писатель, журналист, – выражая взгляды зарождающейся романтической историографии и особенно ее демократического крыла, настойчиво воплощал в своих произведениях идею тождества исторического развития России и Западной Европы как результата действия единых законов. В качестве одного из сильнейших аргументов в пользу данной точки зрения можно считать факт воспреемства Русью христианства в его православном обряде из Византии. И хотя некоторые русские мыслители склонны были результатом этого обстоятельстве считать обособление Руси от западного мира (в частности, П. Чаадаев [6]), – другие (среди которых Н. Полевой) видели в нем символ эстафеты античного элемента. Н. Полевой принципиально не согласен с И. Киреевским, который как раз полностью отрицал наличие в России какого-либо античного начала. Сводя «античный элемент» лишь к латинскому варианту и справедливо считая римское право цементирующим звеном европейской культуры, И. Киреевский игнорирует другое воплощение античности – древнегреческую культуру, которая нашла свое позднейшее развитие в литературе и искусстве Византии, и после, благодаря широким и живым связям на протяжении почти пяти веков (с X по XV) между двумя государствами, была основой просвещения на Руси.

В историческом романе «Клятва при гробе Господнем» Николая Полевого идея духовной связи Византии и Руси вложена в уста митрополита Исидора. Реальная биография этого религиозного деятеля, грека по происхождению, насыщена событиями и драматическими ситуациями. В 1437 году константинопольский патриарх Иосиф рукоположил Исидора в митрополиты русской церкви. В это время ослабевшая Византия активно искала союзников в борьбе с турками, даже соглашаясь на предложение римской курии о заключении церковной унии. Кроме того, византийские императоры стремились сохранить влияние на Московское великое княжество, которое они также предполагали втянуть в борьбу с Турцией. Выполнению этой задачи и должна была содействовать политическая деятельность митрополита Исидора. Участвуя во Флорентийском соборе (на который он отправился вопреки воле великого князя), Исидор настойчиво проводил линию заключения унии (союза) между римско-католической и византийско-православной церквами. По этому вопросу завязалась напряженная борьба, поскольку представители ряда православных церквей решительно заявили о неприятии идеи унии. Союз все же был подписан в 1439 году, и Исидор, вернувшись в Москву, объявил о происшедшем соединении православной и католической церквей. Однако русские князья отвергли унию, и великий князь Василий Васильевич, назвав Исидора «лытынским злым прелестником» и «волком», приказал заточить его в монастырь [7], откуда он бежал в Италию в 1441 г., где стал кардиналом ка-

толической церкви. Вся эта бурная биография не отражена в романе Н. Полевого, мы встречаем Исидора на страницах произведения лишь однажды во время длительной беседы митрополита с Шемякой. Писатель рассказал только об одном эпизоде, но в этом эпизоде, в речах Исидора, в его горячности, с какой он говорит о возможности будущего торжества православия, весьма выпукло проявилось особое понимание Н. Полевым исторической миссии Руси и ее включенности в единый мировой духовный процесс. «Нет! Я не обольщаю тебя, князь добрый! – сказал Исидор, и голос его изменился. – Бог видит душу мою – не обольщаю! Судьба Руси заключает в себе судьбу многих стран... – Слезы навернулись на глаза Исидора. – Я русский теперь; но в то же время могу ли забыть и родную мою, мудрую и славную Элладу! Она, трепетавшая некогда жителей Севера, теперь на Север простирает руки свои и отселе ждет спасения! Отовсюду обложенная врагами, гибнет Греция, и – погибнет, если Русь не спасет ее! Весь Запад ждет клика русского, все соединится с Русью, когда меч ее блеснет на берегах Босфора» [8].

В ходе беседы князя и митрополита Полевой разворачивает перед читателем свою концепцию власти, свое понимание предназначения государственного деятеля: «Волю Бога должен ты видеть во всех делах своих и, как орел, парить выше земли, где голодный коршун терзает цыпленка, исполняя завет, ему предначертанный» [9]. И далее: «Кто видит себя выше мелких междоусобий и твердо глядит в бесконечность будущего – тот силен и велик! [10]».

Образ Исидора носит в целом довольно схематичный характер, он, по замыслу автора, является выразителем универсалистской, объединительной идеи Полевого-историка. В уста Исидора Полевой вложил многие сокровенные положения своей историософской концепции: мысль об объединительной миссии России, более того, мысль о ее духовном предводительстве в отношении других стран; идея об особом, дерзновенном предназначении великой личности в истории; убеждение в неотвратимости судьбы и суетности земной жизни.

Последовательно обращаясь к византийской теме, Полевой стремился вовсе не к созданию исторического колорита или дешевой занимательности. Писатель старался создать особое духовное напряжение, используя пафосные речи, обращаясь к высоким образцам греческой античности. Проводя параллели в истории двух великих империй – Византийской и Российской – он искал и находил подтверждение генеральной линии своей исторической теории – мысли о едином, универсальном потоке истории.

Необходимо заявить о *приоритетном значении* Полевого-литератора в осмыслении феномена «византизма» в России. Явление это до конца не изученное, спорное и неоднозначное. Полемика в научных кругах среди историков, политологов, филологов то затихает, то вспыхивает с новой силой. Особую актуальность проблема византизма обрела в России в самые последние годы в связи с напряженными поисками национальной идеи, единого консолидирующего начала, в условиях возрождения имперского самосознания. Исторически оппозиция «восток – запад» для России имеет двойной смысл: с одной стороны, это оппозиция «Византия – Рим» (или греческая античность – латинская античность, или православие – католицизм); с другой стороны – это оппозиция «Азия – Европа». И оба дуальных типа представлены в творчестве Полевого. Как мы знаем, уже после Полевого в полемике западников и славянофилов было много сказано и о византизме русской истории и государственности, и о якобы присущей русскому духу азиатчине – но все это будет позже, а тогда, в 30-е – начале 40-х годов XIX века Полевой был, по сути, первым, кто ввел византийскую проблематику в литературный оборот, кто сделал византийский сюжет популярным и привлекательным.

Для Полевого-писателя разработка византийской темы, по-видимому, оказалась важной и интересной в двух аспектах: с одной стороны, заманчиво было средствами художественной выразительности показать отличие между «восточным» и «западным» мировидением; а с другой стороны, в православно-византийском прошлом он утверждал духовные основы русской идеи и ее имперского величия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Полевой Н.А. Избранная историческая проза. – М., 1990. – С. 196.
2. Там же. – С. 217.

3. Лев Диакон. История. – М., 1988. – С. 50.
4. Там же. – С. 57.
5. Полевой Н.А. Избранная историческая проза. – М., 1990. – С. 136.
6. Цена веков. П.Я. Чаадаев. – М., 1991. – С. 33.
7. Русское православие. Вехи истории. – М., 1989. – С. 80.
8. Полевой Н. Клятва при Гробе Господнем. – М., 1991. – С. 268.
9. Полевой Н.А. Избранная историческая проза. – М., 1990. – С. 559.
10. Н.А. Полевой Избранная историческая проза. – М., 1990. – С. 561.

O. Kislyakova

THE BYZANTIAN THEME IN CREATIVITY OF NIKOLAY POLEVOY

Abstract: Using artistic means of historical prose, Nikolay Polevoy draws the parallels in history of two Great Empires - Byzantine and Russian. The writer is finding the confirmation of general line of his historical theory - idea of common universal flow of history.

Key words: historical prose, Russia, universalism, Empire.

Трофимова П.В.

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ М.А. ШОЛОХОВА В РОМАНЕ «ТИХИЙ ДОН»*

Аннотация: В статье на материале романа «Тихий Дон» М.А. Шолохова исследованы образы ощущений, воплощающие способность человека мыслить образами социального и природного мира. В основе работы – полиаспектное описание лексики чувственного представления как средства репрезентации внутреннего движения сюжета романа. Текст романа Шолохова анализируется с привлечением опыта и достижений психологии и литературоведения.

Ключевые слова: Шолохов М.А., роман «Тихий Дон», внутреннее движение сюжета, психология и литературоведение.

Всеобъемлющим свойством художественного мира М.А. Шолохова является психологизм углубленного, экспрессивного типа – универсальное свойство художественного мира Шолохова. Оно пронизывает все уровни его художественной системы, включая искусство детали, которому посвящена данная статья.

Ярко и увлечено об уникальном шолоховском мастерстве художественной детализации образа пишет С.Г. Семенова в своей недавней книге «Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию»: «Писателю присуще особое *микрозрение* (выделено мной. – П. Т.), виртуозная фиксация таких мельчайших внешних черт и деталей, какая возможна только для долгого, прилежного, гениально-зоркого наблюдателя» [1: 94]. С.Г. Семеновой принадлежит и другое важное наблюдение – об особой художественной органике шолоховского мышления, ключевой роли сферы чувственных представлений в его поэтике: «Текст “Тихого Дона” поражает прежде всего особым восчувствием физической стороны мира, жизни природы и жизни человеческого тела, въедливо выписанных в массе поразительно точных черт и деталей» [1: 83].

Определяя этот ключевой прием шолоховской поэтики словами «*внутреннее через внешнее*», исследовательница подчеркивает: «Внутреннее, душевное при этом чаще всего восстает из внешнего и физического. Все – плотяно, материализовано: переживания, чувство, импульс, мысль читаются в чертах лица, в телесном облике, в непосредственной реакции – без прямого душевного обнажения». Исследовательница справедливо полагает, что в утверждении такого подхода писатель «верен *народному, нерефлектированному типу переживания* (выделено мной. – П. Т.), выражения себя и своего сознательного и полубессознательного отношения к людям и миру» [1: 85].

* © Трофимова П.В.

Следует отметить, что шолоховский человек воспринимает мир всеми органами чувств, что создает *эффект художественной «стереоскопии»* в поэтике романа. Важно, однако, не только констатировать этот факт, но и определить методологию его исследования.

Мы считаем, что использование терминологического аппарата не только литературоведения, но и психологической науки (в частности, такой ее области, как *психология восприятия и ощущения*), позволяет осуществить анализ психологизированных описаний в романе Шолохова на стыке двух научных дисциплин, двух подходов, и прийти к выводу о сугубо индивидуальной, присущей именно Шолохову *иерархии ощущений в эмоционально-ценностной системе писателя*.

Особое внимание обращают на себя *психологически насыщенные речевые характеристики* персонажей. Писатель характеризует душевные движения через речь, через общение с окружающими. Особенно экспрессивны диалоги и, в частности, такой их тип, как *диалог-поединок*.

Внутренний мир персонажей «Тихого Дона» раскрывается в общении с окружающими людьми. Особенно показательно это в диалогах двух главных героинь, двух соперниц – Аксиньи Астаховой и Натальи Коршуновой.

В первый раз Наталья пришла в Ягодное к Аксинье с просьбой-мольбой «отступиться» от мужа. «Ты отбила у меня мужа. Отдай мне Григория. Ты... мне жизнь сломала...» – говорит Наталья. Ее просьба кажется Аксинье чудовищной: «И ты пришла просить, чтоб я его бросила? Ты первая отняла у меня Григория! Ты, а не я ... Ты знала, что он жил со мной, зачем замуж шла? Я вернула свое, он мой!.. Ты у дитя отца хочешь отнять?» [2: 362-363].

Аксинья защищает свое право на Григория, на любовь, на счастье. Автор комментирует ее эмоциональное состояние через *позу* и *жест* («стояла среди комнаты, сунула руки в передник»), *движение* («подошла почти вплотную»), *мимику* («стиснула зубы»), *взгляд* («вглядывалась в лицо врага», «с бурной ненавистью глядела»), *интонацию, тон голоса* («вкрадчиво, почти шепотом спросила», «едко засмеялась», «глумилась», «сыпала перекипевший шлак слов»). Такой тип психологического изображения у Шолохова Л.И. Залесская называет «активным психологизмом», имея в виду «действие, портрет, жест, диалог героев в данную конкретную минуту» [3: 53]. Мы предлагаем другой, более точный, на наш взгляд, термин – ***экспрессивный психологизм***.

По-другому, робко ведет себя Наталья: «...остановилась, безжизненно уронив большие руки», «села, роняя голову на руки, ладонями закрыв лицо», «обвела комнату тяжелым, негнущимся взглядом», «заговорила, трудно поднимая голос». Нервы Натальи напряжены до предела: «слух ее.. скоблило шуршание» платья Аксиньи». Увидев же в лице ребенка Аксиньи знакомые до боли «мелеховские» черты («угрюмо-влажные черные глаза»), Наталья, «рыдая и качаясь», уходит. «Внутренний» жест, передающий психофизическое состояние («сухая спазма захлестнула ей горло») переходит во внешнее проявление («рыдая и качаясь») [2: 363].

Вторая встреча Натальи и Аксиньи свидетельствует о духовном росте обеих героинь, о появлении в их характерах новых качеств.

Аксинья волнуется. Почувствовав, что «кровь бросилась ей в лицо, стала спиной к гостье, долго поправляла и без того хорошо горевший огонь в лампе». Но в то же время героиня насмехается над обманутой женой. Правдивая Аксинья и здесь предельно откровенна: «Мне тебя все равно жалко не будет, – резко сказала она. – У нас с тобой так: я мучаюсь – тебе хорошо, ты мучаешься – мне хорошо». Но спокойствие Натальи («завязала узелком хворостину, бросила ее к печи»), ранее не свойственная ей твердость («подожду, придет Гришка, погутарю с ним, потом будет видно, как мне с вами быть обоими») заставляют Аксинью говорить с Натальей как с равной: «У тебя хоть дети есть, а у меня, – голос Аксиньи дрогнул и стал глуше и ниже, - один на всем белом свете! Первый и последний»» [2: 5, 150].

Речевые характеристики сопровождаются, как правило, не менее экспрессивными *внеречевыми средствами психологического раскрытия персонажей* (мимика, жесты, походка, движение стана). Писатель передает «внутренний» мир через его внешние проявления. Значимый психологический критерий поведения и поступков

персонажей – это выразительные движения. Эту особенность поведения шолоховских персонажей можно определить термином «*психологическая динамика*».

Иллюстрацией к сказанному может служить сцена объяснения Пантелея Прокофьевича с замужней Аксиньей по поводу ее связи с его неженатым сыном. Такая связь в казачьем быту, как и везде, весьма осуждаема, и понятно, что отец Григория, которого прилюдно оскорбил подобным известием купец Мохов, спешит лично убедиться в достоверности услышанного и соответственно реагирует, «по-бычьи угнув голову, сжимая связку жилистых пальцев в кулак, заметней припадая на хромую ногу» [2: 2, 53].

Далее Шолохов показывает, как усиливается динамизм выразительных движений собеседников, предшествующих их высказываниям: Пантелей Прокофьевич «чертом попер в калитку», «шваркнул кота об лавку». Так же ведет себя и Аксинья: «сузив глаза», «кривясь и скаля зубы», «жгла его полымем черных глаз», «сыпала слова». Налицо ярко присущая Шолохову *экспрессивная психологическая динамика.*

В романе есть эпизоды, когда волею обстоятельств персонаж оказывается одиноким в ситуации духовного или эмоционального кризиса и вынужден сам искать выход переполняющим его чувствам и эмоциям злобы, ярости, ненависти и тоски в невербальных средствах.

Так, узнав о бегстве жены с Григорием, Степан Астахов оказывается в ситуации крайнего отчаяния один. «*Швырком кинул лампу*, не отдавая ясного отчета, *рванул со стены шашку*, сжал эфес до черных отеков в пальцах – *подняв на носке шашки* голубенькую, в палевых цветочках, позабытую *женину кофточку*, *подкинул кверху* и на лету, коротким взмахом *разрубил ее пополам*. Посеревший, дикий, в волчьей своей тоске подкидывал к потолку голубенькие искромсанные шматочки: повизгивающая отточенная *сталь разрубала их на лету*. Потом, оборвав темляк, кинул шашку в угол, ушел в кухню и сел за стол. *Избочив голову*, долго гладил дрожащими железными пальцами невымытую крышку стола» [2: 2, 177].

Приемы психологизации отношений и поступков персонажей, портретных и пейзажных описаний, трудовых, семейных и батальных сцен выражаются Шолоховым прежде всего через предметный мир (портрет, пейзаж, интерьер) и сферу художественной детализации. Пронизывая эти сегменты художественной структуры произведения эмоциональными импульсами, переживаниями и ощущениями персонажей, Шолохов открывает новые возможности *художественной субъективации явлений объективной действительности*. Вследствие этого представляется возможным выделить в творческой палитре писателя *систему типологически цельных микроструктур*, представляющих собой:

– психологизированный пейзаж;
– психологизированный портрет;
– психологизированный интерьер.

Особое «психологическое» качество данных предметных описаний достигается благодаря активному включению в их структурную ткань *эмоционально насыщенных художественных деталей.*

Под *психологической деталью* мы понимаем особый тип художественного микрообраза, в котором через *внешние (поведенческие) проявления* реализуются *внутренние (психоэмоциональные) импульсы*.

Сфера психологической детализации в романе включает в себя пять сегментов:

– визуально-цветовой;
– обонятельный;
– слуховой;
– осязательный;
– вкусовой.

Писатель воспринимает жизнь как естественный органический бытийный процесс – на вкус, на запах, на цвет. Исследовать эту особенность художественного мироощущения Шолохова позволяет метод литературоведческого микроанализа, или, иначе говоря, анализа художественной «микродетали».

Рассмотрим вначале *одоративный сегмент* предметной сферы шолоховского произведения. Обоняние и эмоции в романе тесно взаимосвязаны. Впервые *мотив запаха* в романе появляется в рассказе о жене Прокофия Мелехова – турчанке. «Пахла шелковая шаль далекими неведомыми запахами, радужные узоры ее питали бабью зависть» [2: 2, 9]. Возможно, Шолохов подчеркивает здесь своеобразие, необычность чужой, далекой стороны для своих персонажей. Его герои не готовы принимать неизвестное. В результате непонимания

незнакомых обычаев люди погубили ни в чем не виноватую перед ними «маленькую, закутанную в шаль женщину» [там же, с. 9]. Как в случае с Аксиньиной «кофточкой», разрубленной в яростном порыве оскорбленным в лучших чувствах Степаном, «шаль» турчанки выступает здесь в роли ключевой «метонимической детали», образа-знака героини, провоцирующей всплеск негативных эмоций – ревности, зависти, ненависти.

В эпизоде свадьбы Григория и Натальи сложная одоративная гамма подается сквозь призму субъективного восприятия главного героя.

Все запахи, связанные со сватовством, венчанием, раздражают Григория: «Ели основательно и долго. Запах смолистого мужского пота мешался с едким и пряным бабьим. От слежавшихся в сундуках юбок, сюртуков и шалек пахло нафталином и еще чем-то сладко-тяжелым, - так пахнут старушечьи затасканные канунницы» [2: 2, 101]. «Когда выходили из-за стола, кто-то дыша взваром и сытой окисью пшеничного хлеба, нагнулся над ним. Всыпал за голенище сапога горсть пшена: для того, чтобы не сделалось чего с женихом с дурного глаза. Всю обратную дорогу пшено терло ногу, тугой ворот душил горло, и Григорий – удрученный свадебными обрядами – в холодной отчаянной злобе шептал про себя ругательства» [там же, с. 102].

По контрасту с угарным «чадом потушенных свечей», завершившим обряд венчания, Григорий с радостью воспринимает освежающий запах «полынного теплого ветерка» и степной прохлады [там же, с. 103]. Так с помощью запахов воссоздается в романе антитеза степной «свободы» и семейной «неволи», с которой ассоциируется в сознании Григория брак с Натальей.

Помимо обонятельных ощущений, влияние на внутреннюю жизнь персонажей «Тихого Дона» оказывают и *визуальные, т.е. зрительные факторы*. Особенно интересна роль психологического воздействия цвета на эмоции героев. Цвет в романе также выполняет знаковую функцию. По точному замечанию В.А. Чалмаева, писатель очень не любит в своих персонажах лишь «того состояния, которое он обозначает словом «гладкий» [4: 64].

Вспомним *черные* глаза Аксиньи. «Аксинья смеялась, играя из-под платка черными глазами» [2: 2, 132]; «в затуманенных черных глазах... столько... было страдания и немой мольбы» [2: 5, 233].

«Говорящая» деталь в облике Митьки Коршунова – *желтые* кошачьи глаза. «Митька играет концом наборного пояска. Из узеньких щелок желто маслятся круглые с наглинкой глаза. Зрачки – кошачьи, поставленные торчмя, оттого взгляд Митькин текуч, неуловим» [2: 2, 18]. И еще: «Митька оправился от минутного смущения и, чувствуя в словах ее неуловимую насмешку, замерцал желтизною глаз» [там же, с. 22]. «Знаком» Евгения Листницкого становятся слишком *светлые* (будто «голые») прозрачные глаза. «Ей было досадно и неприятно глядеть в *оголенные светлые* глаза Евгения Николаевича... Он подолгу расспрашивал Аксинью про ее прежнее житье, играл низкими нотками такого же, как и у отца, голоса, похабничал светлыми, как родниковая вода, глазами» [там же, с. 187].

Использование Шолоховым цветовых изображений позволяет сделать далеко идущие выводы о тех сторонах жизни персонажа, которые, казалось бы, никоим образом не связаны с характером цветовосприятия и эмоционального отношения к тем или иным предметам. Ведь в «Тихом Доне» огромное значение имеет *категория предпочтения.* Порой человек, сам того не подозревая, «свидетельствует» о тех или иных склонностях, тенденциях и скрытых мотивах собственного поведения, воспринимая особым образом некий цвет.

Однако необходимо отметить, что один цвет может по-разному влиять на персонажа в неодинаковых обстоятельствах. Определяющее значение для восприятия цвета имеет внутреннее состояние героя в данный момент, его чувства, переживания в настоящее время. Деталь, характеризующую такое, быстро меняющееся, одномоментное состояние, мы предлагаем называть *ситуативной деталью.*

В начале романа, когда чувство к Аксинье только зарождается, Григорий, смущаясь, любуется ее *«березово-белыми»* [2: 2, 24] ногами. Однако, после того, как Мелехов узнает о ее измене с Листницким, ему становятся неприятны *«белые, отвыкшие от работы руки»* [там же, с. 395] героини.

Григорию милы «завитки золотистого пуха» [там же, с. 80] на шее Аксиньи. В то же время, заметив у Натальи «на родинке

два *золотистых* волоска», он вдруг ощущает неприязненное чувство: ему «почему-то становится муторно» [там же, с. 101].

Более того, следует заметить, что герои, родные духовно, как правило, предпочитают одни и те же цвета, воспринимают оттенки мира одинаково. В жизни близких персонажей преобладают похожие цвета. Так, эпизоды, связанные с сюжетной линией отношений Григория и Аксиньи, часто «переливаются» *золотыми красками*. В ночь их первого свидания «из-под пепла *золотым* павлиньим глазком высматривал незалитый с вечера огонь» [там же, с. 52].

Пробираясь сквозь подсолнухи на встречу к любимому, Аксинья «измазала лицо *золотистой* цветочной пылью» [там же, с. 78]. Любовь героев Шолохов называет «вызревшим в *золотом* цветении чувством» [там же, с. 96]

В минуты душевной близости Григория к жене также появляются оттенки золотого. Так, после ночи любви Мелехова с женой «в щелях ставней пылилась золотая россыпь солнечных лучей» [2: 5, 278].

В моменты, когда в отношениях Аксиньи с Григорием не все гладко, героиня видит окружающее *в желтом цвете*. Узнав о предстоящем сватовстве, она обращает взгляд к окну. «По двору - *желтая* ночная стынь» [там же, с. 60]. Аксинье приходит спасительная мысль – бежать вместе с любимым из хутора. Григорий на это только усмехается. Вновь Аксинья смотрит за окно, где «меркнет *желтая,* разлитая по двору стынь» [там же, с. 61].

После слов Григория о том, что он надумал «прикончить» отношения с ней, Аксинья пошла, «натыкаясь грудью на *желтые* болтающиеся головки подсолнечников» [там же, с. 81].

Когда героине нелегко, желтый цвет как будто бросается ей в глаза. Во время начавшихся на покосе родов Аксинья обращает внимание на молодого рабочего «с подгнившим носом и частыми складками на *желтом,* как из дерева выструганном лице» [там же, с. 214].

Незадолго до своей смерти Аксинья любуется спящим Григорием, по лицу которого «скользили *желтые* блики света» [2: 5, 479].

Желтый присутствует и в описании внешности героини в минуты тревоги, печали. Опасаясь сообщить Григорию о будущем ребенке, Аксинья «*желтела* от подступающей временами тоски и боязни» [2: 2, 211].

В некоторые моменты в изображении отношений Аксиньи и Григория преобладает *черный* цвет. По нашим наблюдениям, обычно черные краски в описании этой любовной линии свидетельствуют о постыдности происходящего. Как бы хорошо ни относился Шолохов к своим героям, для него огромное значение имеют семья, нравственные устои, верность. По этой причине, на наш взгляд, писатель позволяет себе добавить черных красок в описание любовников.

Шолохов показывает самые напряженные моменты сюжета с помощью различной *«палитры» звуков и звуковых деталей*. Вспомним, например, одну из начальных сцен романа – рассказ об убийстве жены Прокофия Мелехова. «Полчанин Прокофия, намотав на руку волосы турчанки, другой рукой зажимая рот ее, распяленный в крике, бегом протащил ее через сени и кинул под ноги толпе. Тонкий *вскрик* просверлил ревущие голоса. Прокофий раскидал шестерых казаков и, вломившись в горницу, сорвал со стены шашку. Давя друг друга, казаки шарахнулись из сенцев. Кружа над головой мерцающую, *взвизгивающую* шашку, Прокофий сбежал с крыльца. Толпа дрогнула и рассыпалась по двору» [2: 2, 11]. «Тонкий вскрик» женщины «просверлил ревущие голоса» обезумевшей толпы. Не рев, не стон, не визг, не вопль издает измученная турчанка, а именно «тонкий вскрик». Убийцы в то же время «ревут», превращаясь на глазах читателя из людей в озверевшую массу. Сцену, наполненную глубоким психологизмом, дополняет «взвизгивание» шашки, словно бы «дублирующее» «тонкий вскрик» женщины [там же, с. 12]. Звуконаименования, используемые писателем в данном эпизоде, очень точно передают весь драматизм случившегося и отношение автора.

Важное значение для раскрытия внутреннего действия на страницах романа приобретает *мотив тишины* – особенно, когда он используется в целях раскрытия психологического состояния персонажей. Обратимся к сцене свидания Аксиньи с возлюбленным, на котором Григорий сообщает ей о предстоящей женитьбе на Наталье.

«Прислушалась: *тишина до звона в*

ушах. Где-то вверху одиноко гудит шмель. Полые, в щетинистом пушке будылья подсолнечников молча сосут землю. С полчаса сидела, мучаясь сомненьем - придет или нет, хотела уж идти, привстала, поправляя под платком волосы, - в это время тягуче заскрипели дверцы. Шаги.

– Аксютка!

– Сюда иди…

– Ага, пришла.

Шелестя листьями, подошел Григорий, сел рядом. *Помолчали…*» [2: 2, 78].

Знаками взаимоотношений героев романа являются и *осязательные детали*. Остановимся на *образах осязания*, характеризующих отношения главных персонажей.

Встречи Григория и Аксиньи практически всегда сопровождаются *дрожью* героев. Вспомним эпизод, в котором Григорий видит спящих Аксинью со Степаном. «Прохлада вкладывает в Григория тугую дрожащую пружину. Тело в колючих мурашках. Через три порожка взбегает к Астаховым на гулкое крыльцо. Дверь не заперта. В кухне на разостланной полсти спит Степан, под мышкой у него голова жены. В поредевшей темноте Григорий видит взбитую выше колен Аксиньину рубаху, березово-белые, бесстыдно раскинутые ноги. Он секунду смотрит, чувствуя, как сохнет во рту и в чугунном звоне пухнет голова» [2: 2, 24].

Во время совместной рыбной ловли чувства героев постепенно выходят наружу. Читателю очевидно их взаимное влечение. Теперь дрожит Аксинья. Герои начинают чувствовать друг друга на расстоянии, дрожь от одного передается другому. «Григорий переступает одеревеневшими ногами. Аксинья дрожит так, что дрожь ее ощущает Григорий через бредень» [там же, с. 34].

Дрожь Аксиньи часто передается Григорию. «Григорий молчит. Аксинья скорбно глядит на его красивый хрящеватый нос, на покрытые тенью глаза, на немые губы… И вдруг рвет плотину сдержанности поток чувства: Аксинья бешено целует лицо его, шею, руки, жесткую курчавую черную поросль на груди. В промежутки, задыхаясь, шепчет, и дрожь ее ощущает Григорий» [там же, с. 60-61]

В сцене, предшествующей их первой близости, снова дрожит героиня. Трепет Аксиньи вызван страхом, волнением, отчасти нетерпением.

Большое значение для описания внутреннего состояния персонажей имеют у Шолохова и *вкусовые ощущения*. Вкус подчас оказывает непосредственное влияние на расположение духа персонажа.

«Обедали на-скорях. Сало и казачья присяга, - откидное кислое молоко, привезенное из дому в сумке, - весь обед» [2: 2, 51]. «Из-под шляпы тек горький пот, попадая в глаза, щипал, как мыло» [там же, с. 83]. «Потом Григорий три раза поцеловал влажные, безвкусные губы жены, в церкви угарно завоняло чадом потушенных свечей, к выходу загоцали выпиравшие в притвор люди» [там же, с. 103].

Исследователь творчества Шолохова Е.А. Костин отмечает «способность автора «Тихого Дона» увидеть и передать тончайшие нюансы и переходы одного чувства в другое, совместить с каким-то только этому чувству, этой мысли присущим внешним физическим жестом, движением, мимикой и, наконец, дать свою оценку героям, включить этот новый поворот в их душевном развитии в общую структуру образа, в концепцию человека и мира» [5: 22].

По справедливому замечанию Г.С. Ермолаева, интерес Шолохова к сложности жизни проявляется… в его нежелании изображать своих персонажей только в черно-белых тонах… Человеческая душа – загадка, и ее контрастирующие качества могут проявляться неожиданно, удивляя читателя, привыкшего видеть того или иного героя в совершенно другом свете» [6: 154].

Итак, сфера художественной детализации в романе «Тихий Дон» носит всеобъемлющий, многоуровневый характер, отличаясь повышенной экспрессивностью, чем и объясняется во многом сила и мощь психологического, эмоционально-эстетического воздействия романа. По нашему глубокому убеждению, именно *экспрессивный психологизм* является одним из наиболее ярких художественных открытий М.А. Шолохова в романе «Тихий Дон».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Семенова С.Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. – М., 2005.
2. Шолохов М.А. Тихий Дон. Книга 1. // Собрание сочинений в 9 томах. Том 2. – М., 1965. Далее текст романа цитируется по изданию:

Шолохов М.А. Собрание сочинений в 9 томах. – М., 1965-1966 гг. с указанием номера тома и страницы в скобках.
3. Залесская Л.И. Художественная концепция человека и народа // Залесская Л.И. Шолохов и развитие советского многонационального романа. – М., 1991. – С. 34-141.
4. Чалмаев В.А. Шолохов в жизни и творчестве. – М., 2004.
5. Костин Е.А. Проблема художественного психологизма в творчестве М.А. Шолохова («Донские рассказы» и «Тихий Дон»): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Томск, 1980.
6. Ермолаев Г.С. М. Шолохов и его творчество. – СПб., 2000.

P. Trofimova

THE EXPRESSION PSYCHOLOGY AS ART INVENTION M.A. SHOLOHOV NOVEL "QUIET FLOWS THE DON"

Abstract: The main purpose of out work is to collaborate to understanding of image of sense of feelings. Basing of content of novel "Quiet flows the Don" written by M.A. Sholohov. These images represent the possibility of M.A. Sholohov to thinking by images of human and natural world. This work based on the many – sided description of the sensual perception as a way to show internal motion of plot. Text of novel is analyzed with attraction of experience and achievements of psychology and theory and history of literature.

Key words: M.A. Sholohov, novel "Quiet flows the Don", a way to show internal motion of plot, psychology and theory and history of literature.

Рецензии

Щедрина Н.М.

К 85-ЛЕТИЮ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА АСТАФЬЕВА

«НАСТОЙЧИВЫМ ПРАВДОЛЮБЦЕМ» назвал Александр Солженицын Виктора Астафьева в телеграмме соболезнования, посланной 29 ноября 2001 года. Сегодня нет с нами ни В. Астафьева, ни А. Солженицына, но они останутся в числе крупнейших писателей XX века, произведения и дела которых – в памяти России.

Малая Родина В. Астафьева – Овсянка для Сибири, да и для всего мира является теперь новой Ясной Поляной, куда стремятся почитатели его творчества. Возвращаясь из далекого Вермонта, встречался с писателем и А.И. Солженицын, приезжали и зарубежные исследователи: профессора М. Заградка (Чехия), Ж. Нива (Швейцария).

Память об Астафьеве запечатлена в нескольких замечательных книгах и фотоальбомах, изданных земляками: «Во глубине России», «Прощание. Последний поклон Виктору Астафьеву». Результатом проводимых «Астафьевских чтений» стал выход Международных сборников «Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века», «Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе». Библиотека-музей в Овсянке, созданная при участии писателя, а также «Центр изучения и распространения творчества В.П. Астафьева» начали выпуск альманаха «Стародуб».

Самые трогательные воспоминания и материалы к его биографии «И открой в себе память...» (2008) вышли под началом главного редактора-составителя проф. Г.М. Шленской и редактора-составителя Н.Я. Саковой. Это издание включает в себя наиболее интересные материалы двух предыдущих сборников, выходивших в 2005 и 2006 годах.

В первом разделе «Память моя, память» об Астафьеве вспоминают писатели (А. Астраханцев, Н. Волокитин, Э. Русаков, Р. Солнцев, М. Савиных, А. Щербаков и др.), духовные лица (Георгий Персианов), музыканты (О. Меремкулов, К. Скобцов и др), актеры (С. Сорокина), художники (О. Захарова, В. Кудринский), журналисты (Н. Козлова, В. Майстренко, З. Мильман, Н. Сангаджиева и др.), педагоги (В. Бетехина, М. Метелкина, Ф. Никифоров, А. Трофимова и др.), научные работники (В. Замышляев, З. Палиева, И. Федоров, Г. Шленская и др.), знавшие писателя по красноярскому периоду жизни (В. Обыденко, В. Швецоваи др.) и общавшиеся с ним после возвращения на малую родину в 1980 году.

Во втором разделе представлено «устное слово» о писателе жителей Овсянки и Дивногорска, та молва, которая имела подчас характер «быличек» (Л. Астафьева, Е. Вычужанина, Е. Забелина, А. Князев, К. Курденко и др.). В ней воссоздан коллективный портрет Астафьева и тех односельчан, которые были прототипами и героями его книг. В жизни этих людей встречи с писателем – значительное событие. В книге вырисовывается и облик родного села их земляка, движение к улучшению, связанное не только с помощью Астафьева отдельным жителям, но и с духовным и нравственным ростом деревни, постройкой библиотеки, ставшей культурным центром края, затем церкви. Не случайно эта часть воспоминаний названа «Родной дом, родной берег».

Интересны живые подробности астафьевской судьбы, воспроизведенные устами тетушки В.П. Астафьева Анны Константиновны Потылицыной и двоюродной сестры писателя Капитолины Тимофеевны Курденко со всеми сохраненными особенностями их устной речи. Односельчане-современники были и читателями книг своего земляка, зачастую их мнения не совпадали с суждениями об Астафьеве известных критиков. Произведения находили отклик в сердце простого русского человека. Необычен рассказ об А.Н. Калугиной, которая

не имела возможности приобрести книги автора и переписывала их от руки. Сейчас «самописные реликвии» хранятся в музее В.П. Астафьева. Писатель так и не узнал об этой удивительной женщине, об ее беспредельной читательской любви.

Отрывки своих воспоминаний Г.М. Шленская, знавшая Виктора Петровича на протяжении двух десятков лет, назвала астафьевским выражением «взаболь». На языке писателя это слово означало «способность к глубокому состраданию, душевному отклику, сердечной отзывчивости на чью-то беду». Такими качествами обладал и сам писатель, хотя в последние годы слышались упреки «в нелюбви и даже ненависти к своему народу». «Ненависть» была обратной стороной его «мучительной любви [к народу.– Н.Щ.], за которой стояла уверенность в том, что родной народ достоин иной участи»: Астафьев «выносил приговор сегодняшней жизни». А за свое пребывание на ней испытывал «светлое благодарение состоявшемуся чуду»: «Спасибо тебе, Господи, что пылинкой высеял меня на эту землю» (Г. Шленская. Взаболь).

Среди рассказов красноярцев и овсянцев [выражение Астафьева] усматриваются откровения, размышления самого В. П. Астафьева о творчестве, подведение итогов писательского пути. «Я не люблю последние свои книги, потому что они тяжёлые, в них всё меньше света, но это – закономерно...» (З. Палиева. Поэт в России больше, чем поэт...).

Немало раздумий Астафьева посвящено и тяжести писательского труда: «Профессия прекрасная и проклятая. Ничего тяжелее нет. По крайней мере, я не знаю. Переработал я рабочим всяких специальностей... И в горячем цехе <...>, в аду бывал, но знаю, что вот это – уже на износ. Это изнашивает навсегда» (М. Саввиных. Профессия прекрасная и проклятая). «... очень проникновенно, годами выстрадав, говорил Астафьев о боли, которая мучает творца. Если одна, творческая, связана с какими-то переживаниями, другая начинается с преодоления себя, цензора в себе...» (Н. Сангаджиева. Пророк в своём Отечестве).

«Будем молиться, чтобы Господь помиловал его душу, а с нею и стоящие за ним души простых солдат, что форсировали, проливая кровь, Днепр, что восстанавливали Россию, что работали всю жизнь не покладая рук, что не знали Бога, а когда Господь стучался в их сердца, всё равно жили, как и он, далеко от Церкви, держа его в сердце» (Г. Фаст. С ним уходит целая эпоха).

В сборнике собраны искренние воспоминания современников, свидетельствующие о безраздельной любви к писателю, одни – патетичные, другие – с добрым юмором. Но болит душа от бессилия удержать бег времени, чтобы побыть с дорогими нам людьми, и от невозможности заглянуть в наше будущее, в будущее России, которая причиняла нестерпимую боль неравнодушному сердцу В. П. Астафьева.

Мысль, вынесенная в заглавие книги, является ключом ко всем воспоминаниям, составляющим сборник. Звучит призыв «открыть в себе память» каждому, кто имел счастливую возможность видеть писателя, говорить с ним, принимать участие в его судьбе. Название – это ещё своего рода просьба обратить свою память в прошлое, которое связано с именем В. П. Астафьева. Польза подобных обращений очевидна: содержащиеся в книге факты и свидетельства помогают лучше узнать писателя,

В. Астафьева воспринимали как духовного пророка России, пережившего неимоверные испытания человеческой и писательской судьбы. Не потому ли участвующие в этой книге воспринимаются как досказывающие словно недосказанное самим писателем.

Научная жизнь

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

К 80-летию со дня рождения
К 55-летию научной и педагогической деятельности
К 30-летию работы в МОПИ – МПУ – МГОУ
ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ АНОШКИНОЙ (КАСАТКИНОЙ)

Вера Николаевна Аношкина (Касаткина) родилась 25 июня 1929 года в старинном русском городе Саратове в семье известных в ту пору учёных: мать – крупный специалист в области русской драматургии XVIII века, отец – преподаватель психологии, его диссертацию оппонировал проф. В.Ф. Асмус. Домашняя обстановка предопределила будущее Веры Николаевны. К чести родителей следует упомянуть и о том, что кроме двух своих родных дочерей они взяли на воспитание в послевоенное время и вырастили ещё одну девочку, в Томске её помнят как бескорыстного и чуткого врача.

В 1952 году Вера Николаевна с отличием закончила Томский государственный университет, и там же в 1955-м успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Вопросы мастерства и стиля в драматической повести А.Н. Толстого “Иван Грозный”». Вера Николаевна всю жизнь чтит всех своих педагогов, определивших ее научные интересы, среди которых она особенно часто с благодарностью вспоминает Н.А. Гуляева и Ф.И. Канунову. Деканом историко-филологического факультета, а позже и ректором Томского университета был в то время А.И. Данилов, крупный историк-медиевист (впоследствии – министр просвещения СССР). Именно он способствовал выработке у юной студентки и затем начинающего молодого преподавателя Веры Николаевны гражданской позиции, общественной активности и патриотических воззрений. Вера Николаевна несла это чувство доброго наставничества и помощи в творческом становлении и жизненном самоопределении своим ученикам. Высокая культура, нравственность и ответственность – вот что ценит Вера Николаевна в людях, сама являясь эталоном этой нравственной красоты.

В начале 1960-х годов Вера Николаевна возвращается в родной Саратов, заведует кафедрой литературы в Саратовском государственном педагогическом институте (ныне – филиал Саратовского университета), затем будет преподавание в Мичуринском институте, а в начале 1970-х – Вера Николаевна уже заведует редакцией литературы в издательстве «Просвещение». К этому времени Вера Николаевна завершает свою работу над докторской диссертацией («Ф.И. Тютчев в истории русской литературы», 1977).

С 1979 года жизнь Веры Николаевны связана с одним из старейших московских вузов – МОПИ им. Н.К. Крупской. Возглавив кафедру русской литературы (сегодня – кафедра русской классической литературы), Вера Николаевна создала исследовательскую школу, она преобразовала и усилила лучшие традиции, существовавшие на кафедре, придав им системный творческий характер, приобщив коллектив кафедры к активной научной жизни, при этом став инициатором многих важных и ярких научно-исследовательских, культурных и общественных мероприятий. На кафедре русской классической литературы сложилась научная школа, занимающаяся исследованием взаимоотношений творческих индивидуальностей, взаимодействия лирической поэзии и прозы, изучением культурных связей, связей литературы с другими видами искусства. Под непосредственным руководством Веры Николаевны проходят межвузовские, всероссийские и международные конференции. Ею были организованы научные общественные мероприятия, посвященные юбилеям А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева, культурная про-

грамма, связанная с изучением историко-литературных памятных мест Москвы и Подмосковья.

Важнейшим событием в научной жизни кафедры стали публикации книг Веры Николаевны, среди них: «Поэтическое мировоззрение Ф.И. Тютчева» (1969), «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1978), «Поэзия гражданского подвига. Литературная деятельность декабристов» (1987), «Предромантизм в русской лирике. К.Н. Батюшков. Н.И. Гнедич» (1987), «Здесь сердцу будет приятно...» (1995) о Жуковском, «Тайна человека. Своеобразие реализма Ф.М. Достоевского» (в соавторстве с Н.В. Касаткиным) (1994), «Поэзия В.А. Жуковского. В помощь старшеклассникам и абитуриентам» (1998), «Романтическая муза Пушкина» (2000), «Константин Николаевич Батюшков. К другу стихотворцу. Избранные произведения и письма» (2007) и др. В.Н. Аношкина открыла в научной жизни целое направление и утвердила новые пути изучения русской классической литературы.

Область научных интересов Веры Николаевны простирается от античности и русской древности до современных проблем литературы и литературоведения, включая европейскую, славянскую и восточную литературу. По сей день Вера Николаевна консультирует не только своих учеников, но и ученых самых разных научных центров не только нашей необъятной Родины, но и из-за рубежа. Вера Николаевна – признанный крупный специалист мирового уровня в области русской литературы. Сегодня она активно поддерживает религиозное литературоведение, в ее последних работах обращение к возвышенному, духовно-нравственному содержанию наследия русской классики.

Долгие годы Вера Николаевна занимается проблемами теории и истории русской литературы, вопросами русского романтизма, литературных взаимоотношений, давая качественно новую разработку генезиса и судьбы русского романтизма. В сфере интересов Веры Николаевны основательное изучение творческого наследия В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, поэтов-декабристов, славянофилов, Ф.И. Тютчева, И.С. Аксакова, А.Н. Майкова, Ф.М. Достоевского; она рассматривает трансформацию основных идей классиков в творчестве А. Блока, В. Брюсова, Н. Заболоцкого, А. Твардовского и др. Вера Николаевна руководит научно-исследовательскими проектами, получающие поддержку РГНФ (издание ее авторских и коллективных трудов, а также организация и проведение Международных конференций и научно-практических семинаров); в 2003–2004 годах Вера Николаевна руководила научно-исследовательским проектом для молодых ученых, получившим грант Президента РФ (исследование А.В. Шмелёвой); в настоящее время Вера Николаевна руководит проектом: «Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева», поддержанным РГНФ.

При непосредственном участии Веры Николаевны подготовлено и впервые издано Полное собрание сочинений и письма Ф.И. Тютчева в 6-ти томах в издательстве «Классика». Это важное событие в тютчеведении и в культуре нашего Отечества. В настоящее время Вера Николаевна курирует издательский проект, поддержанный Фондом первого Президента России Б.Н. Ельцыным: «Новая библиотека русской классики – обязательный экземпляр», войдя в Общественно-редакционный совет по изданию этой серии.

Вера Николаевна много занимается проблемами преподавания русской литературы в средней и высшей школах. Она постоянно осваивает опыт многих авторских коллективов, создающих учебники для вузов. Допуская существование разного типа вузовских учебников, она разработала новый тип учебника – фундаментальный системный комплекс: «История русской литературы XIX века. 1800–1830-е годы», «История русской литературы XIX века. 1840–1860-е годы», «История русской литературы XIX века. 1870–1890-е годы», Источниковедческие хрестоматии и Программы, выдержавшие несколько изданий и получившие целый ряд положительных рецензий.

Вера Николаевна на протяжении всей своей педагогической деятельности читает важнейшие лекционные курсы на высоком научно-методическом уровне. Ее лекции каждый год посещают аспиранты и молодые преподаватели во время своих приездов в Москву, студенты, коллеги и ученые других стран, она делилась своим опытом и знаниями в Белгородском университете, Карловском университете Праги, в Хель-

синки.

Вера Николаевна, человек высокой культуры и эрудиции, не только дает студентам профессиональные знания, но и мастерски использует богатейший нравственный потенциал классической литературы, пробуждая в слушателях духовные и патриотические идеалы. Большое значение Вера Николаевна придает профессиональной культуре студентов, приобретению ими глубоких знаний самой истории науки. Вера Николаевна воспитала не одно поколение современных учителей, работающих по всей России, преподавателей высшей школы и ученых.

В течение почти двух десятилетий Вера Николаевна являлась членом научно-методических комиссий МП СССР и МП РСФСР, одно время возглавляла такую комиссию при Российском Министерстве Просвещения. В настоящее время она работает в редакционных коллегиях издательства «Парад», журналов «Вестник МГОУ», «Российский литературоведческий журнал»; возглавляет диссертационный совет по защите докторских диссертаций, является экспертом РГНФ, входит в Русскую академическую группу США.

Вера Николаевна талантливо организует работу не только профессорско-преподавательского состава кафедры русской классической литературы, но при ее активной деятельности было организовано отделение литературы в Международной академии наук педагогического образования, академиком которой она и является. В течение почти двух десятилетий Вера Николаевна вела большую работу в качестве эксперта в Высшей аттестационной комиссии России по присуждению ученых степеней.

Вера Николаевна – крупный ученый нашей страны, авторитетный общественный научный деятель, образцовый лектор, опытный педагог и научный руководитель, подготовивший не одно поколение высококвалифицированных исследователей и учителей, уважаемая заведующая кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета; профессор, доктор филологических наук, академик МАНПО, «Ударник XI пятилетки», «Отличник народного просвещения», заслуженный деятель науки Российской Федерации, награждена медалью «Ветеран труда», многими почетными грамотами и дипломами, премиями, юбилейными медалями «В память 850-летия Москвы», «Маршал Советского Союза Жуков», золотой медалью «Ф.И. Тютчев». В 2008 году Вера Николаевна награждена Дипломом Оптинского форума «За большой вклад в сохранение духовно-культурного наследия России», подписанным Управляющим делами Русской Православной Церкви, председателем Комиссии по сохранению духовного и культурного наследия Общественной Палаты при Президенте РФ, митрополитом Калужским и Боровским Климентом и министром культуры РФ А.А. Авдеевым. В 2009 году Вера Николаевна представлена к высшей награде Министерства образования Московской области «За полезное».

Коллектив кафедры русской классической литературы, факультет русской филологии поздравляют почетного профессора МГОУ Веру Николаевну с юбилеем, желают ей творческого долголетия, неиссякаемой любви, неувядающей красоты, духовной радости и благих лет.

С сердечной благодарностью и низким поклоном,

Ваши коллеги, ученики, друзья!

НАШИ АВТОРЫ

Абдуллина Амина Шакирьяновна, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Бирской государственной социально-педагогической академии; e-mail: amina-60@mail.ru

Алефиренко Николай Федорович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Белгородский государственный университет; e-mail: info@bsu.edu.ru

Баранова Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета; e-mail: Ksenia_Bar@tochka.ru

Букаренко Светлана Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Таганрогского государственного педагогического института; e-mail: buckarenko@rambler.ru

Гладышев Алексей Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; докторант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: a_glady@mail.ru

Горланов Геннадий Елизарович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского; e-mail: kazakov@spu-penza.ru

Замятина Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Пензенского государственного педагогического университета им. Белинского, докторант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: zamya-irina@yandex.ru

Золотарев Игорь Леонидович, кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного университета; тел. 8 (4862) 77-73-18

Исаева Наталия Васильевна, старший преподаватель кафедры русского языка МГТУ «МАМИ»; соискатель кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; тел. 8 (926) 258-43-50

Киселева Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: classikaxix@rambler.ru

Кислякова Ольга Александровна, аспирант Тверского государственного университета; e-mail: izdatel2000@mail.ru

Кузина Анна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Московского государственного университета технологий и управления; тел.: 8-906-095-29-36.

Лаврентьев Виталий Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; докторант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: vitalij37@yandex.ru

Логинов Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мичуринского государственного педагогического института; e-mail: krasaverenei@mail.ru

Лютова Екатерина Степановна, аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; тел. 8-916-351-38-14

Мельниченко Наталья Петровна, аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина; e-mail: nataliamelnichenko@yandex.ru

Мишланов Виктор Викторович, Московский городской педагогический университет (МГПУ); e-mail: mishlanov@rambler.ru

Огородникова Екатерина Михайловна, аспирант кафедры печатных СМИ Институ-

та повышения квалификации работников телевидения и радиовещания (г. Москва); тел. 686-41-83

Палий Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории мировой культуры РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина; e-mail: k.lvbkf14@mail.ru

Папян Леон Юрьевич, аспирант кафедры русского языка Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета; e-mail: upapyan@mail.ru

Пригарина Наталья Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Волжского гуманитарного института – филиала Волгоградского университета (г. Волжский); e-mail: prigarina99@mail.ru

Серафимова Вера Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI вв. Московского педагогического государственного университета; тел. 8 (499) 618-80-22

Таратинская Любовь Андреевна, аспирант заочного отделения кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: taratinskaya@yandex.ru

Трофимова Полина Викторовна, преподаватель Рязанского филиала Московского государственного открытого университета; e-mail: Polina-t@inbox.ru

Усачева Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала Орловской региональной академии государственной службы (ЛФ ОРАГС); e-mail: logus@rambler.ru

Фадеева Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: kafedralekant@yandex.ru

Шихова Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: alexasava80@mail.ru

Южакова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и культуры речи Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; e-mail: yuliyayuzhakova@mail.ru

Шаповалов Илья Сергеевич, аспирант кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета; тел. 8 (926) 271-86-97

Шленская Галина Максимовна, кандидат филологических наук, профессор Красноярского государственного университета; e-mail: info@sfu-kras.ru

Шмелёва Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного университета; тел. 8 (916) 351-73-37

Щедрина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX в. Московского государственного областного университета; e-mail: kafedralekant@yandex.ru

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета – "Вестник МГОУ" – включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 6.07.2007г. (См. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», каждая из серий будет выходить 4 раза в год, все 10 – в рекомендательном списке ВАК (см.: **прикреплённый файл** на сайте www.mgou.ru).

Первый номер 2009 г. по всем сериям подписывается в печать 5 февраля, второй- 5 мая, третий - 5 августа, четвертый - 5 ноября; с этой даты статью можно указывать в авторефератах.

Подписка на Журнал осуществляется через Роспечать или непосредственно в издательстве МГОУ.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2009, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766 ; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов.**

Для публикации статей в сериях «Вестника МГОУ» необходимо по электронному адресу **vest@mgou.ru** прислать в едином файле (в формате Word) следующую информацию:

а) авторскую анкету:

– фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках;

– ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название, а не аббревиатура) на русском и английском языках;

– адрес (с индексом) для доставки Ваших номеров журналов согласно подписке;

– номер контактных телефонов (желательно и мобильного);

– номер факса с кодом города;

– адрес электронной почты (личный или учреждения);

– желаемый месяц публикации;

б) аннотацию на русском и английском языках (примерно по 400 знаков с пробелами);

в) текст статьи;

г) список использованной литературы.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно 1) раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов, 2) отмечается научная и практическая значимость статьи, 3) указывается на соответствие ее оформления требованиям «Вестника МГОУ». Замечания и предложения рецензента, если они носят частный характер, при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию "Вестника МГОУ": **vest@mgou.ru**. Конт.тел. (495) 723-56-31. Наш адрес: ул. Радио, д.10А, комн.98.

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, обед с 13 до 14 часов. Потапова Ирина Александровна. Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович. Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

Требования к оформлению статей

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

В начале публикуемой статьи приводится индекс УДК, который должен проставить автор, руководствуясь сведениями, полученными в библиографических отделах библиотек, которые располагают изданиями«Универсальной десятичной классификации» (УДК), или в интернете.

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Аннотация»
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Abstract»
на русском и английском языках	Перечень ключевых слов в количестве 5-7
на русском языке	Для докторантов минимальный объем статьи 16000 символов, включая пробелы Список литературы

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт не менее 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный.

Форматирование текста:

- запрещены переносы в словах

- **допускается** выделение слов полужирным шрифтом, подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;

- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок

- запрещено уплотнение интервалов;

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете и бумажного варианта!

В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «Русская филология»–доктор филологических наук профессор *Лекант Павел Александрович*, **зам. отв. редактора**–доктор филологических наук профессор *Шаповалова Татьяна Егоровна*.

Адрес редколлегии серии «Русская филология» «Вестника МГОУ»: 107005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21-а, МГОУ, комн. 105. Телефон (495) 265-08-07.

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«Русская филология»

№ 3

Подписано в печать: 10.07.2009.
Формат бумаги 60x86 /$_8$. Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC».
Уч.-изд. л. 18. Усл. п. л. 12,25. Тираж 275 экз. Заказ № 132.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а.